

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ПУШКИН

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ПУШКИН

ТРУДЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

П Р И Б О Й

—
1929

Ленинградский Областит № 24984.
27^б/8 л. Тираж 3000. (X. 51. 28766/Пр.).

J. M. H. H. H. H. H.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Борис Львович Модзалевский, один из крупнейших и авторитетнейших знатоков и исследователей Пушкина нашего времени, никогда не собирал в одно целое многочисленных работ, посвященных его любимому поэту. Работая над ним 30 лет, он дал свыше 90 трудов, относящихся прямо или косвенно к изучению Пушкина — исследований, статей, публикаций новых материалов, комментированных текстов, рецензий и проч. Многие из этих работ разбросаны по разного рода сборникам и периодическим изданиям, часто трудно-доступным или забытым; многие, имеющие не только узко специальный, но и общий интерес, стали уже или станут скоро библиографической редкостью. Но, несмотря на это, он никогда не думал о том, чтобы составить из них сборник статей, подобный сборникам Майкова, Якушкина, Гершензона и других авторов, не думал, быть может, потому, что считал свою задачу пушкиноведа далеко еще не исполненной, а свои статьи — лишь предварительными, отдельными очерками того грандиозного здания, которое он строил в последние годы и думал, в конце концов, сделать своеобразной био-библиографической Пушкинской энциклопедией: комментированного издания писем Пушкина. Смерть помешала ему, и работа оборвалась на самом начале III тома: энциклопедия жизни Пушкина оказалась доведенной лишь до 1831 года. И теперь, когда прекратилась навеки работа неустанного исследователя, настала пора собрать его наследие, сделать доступным всем тем, кто интересуется Пушкиным и его эпохой, — собрать

те труды, которые сохранились в рукописях, но не успели увидеть света, и те, что затерялись в давних, редких или неспециальных изданиях.

Мысль о таком сборнике возникла сейчас же после кончины Бориса Львовича (последовавшей 3 апреля 1928 г.) среди друзей и ближайших сотрудников покойного. Были приведены в известность неизданные работы, сохранившиеся в его архиве; были пересмотрены печатные труды, от первых лет его деятельности до последних дней жизни. В результате явилось издание, предлагаемое ныне вниманию читателей.

О составе сборника, а также и о том, что и почему в него не вошло, нужно дать несколько пояснений.

В сборник включены, прежде всего, три неизданных крупных работы Бориса Львовича, предназначавшиеся им к печати и оставшиеся в его бумагах; о них будет ниже сказано особо. Вошло несколько более или менее крупных статей, а также — несколько мелких заметок, напечатанных в разных изданиях, журналах и сборниках. При отборе их составители руководствовались двумя соображениями: с одной стороны, содержанием этих работ — их общим, а не только частным или служебным значением, — и их актуальностью для настоящего времени; поэтому не были включены некоторые статьи, написанные в первые годы деятельности Бориса Львовича и уже не сохранившие вполне своего значения или поглощенные и переработанные позднейшими работами (напр. «Пушкин и Е. П. Люценко» — «Русская Старина» 1898, апрель; «Анна Петровна Керн» — в Сочинениях Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. III, 1909); остались за пределами сборника и статьи, лишь частично или слабо связанные с Пушкиным, напр. «И. Е. Великопольский» (сборник «Памяти Л. Н. Майкова», 1902), «Я. Н. Толстой» («Русская Старина» 1899, сентябрь и октябрь), «Дядя

Пушкина, П. И. Ганнибал» («Дела и Дни» 1920 г., № 1), «Пушкин и Ф. Ф. Эгерштром» («Историко-литературный сборник в честь В. И. Срезневского», 1924), и те, что представляют собою либо описания рукописных и музейных коллекций («Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому» — «Известия Академии Наук», VI серия, 1911, с. 509 — 538; «Альбом Ю. Н. Бартенева» — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1910, т. XV, кн. 4), либо комментариев к текстам, не имеющих самостоятельного значения или вошедший с тех пор в другие издания (напр. ряд публикаций писем Пушкина, комментарии к «Письмам Пушкина к Е. М. Хитрово», комментарии к нескольким стихотворениям в изд. С. А. Венгерова). С другой же стороны, не включено в сборник всё то, что напечатано в специально-пушкинских изданиях или вышло отдельными книгами. Так, исключаются все статьи, появившиеся в изд. «Пушкин и его современники» (а их до 30 номеров); статьи, вошедшие в такие специальные сборники, как «Неизданный Пушкин» (Труды Пушкинского Дома, «Атеней», 1922), «Временники Пушкинского Дома», «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год, и т. п. (два исключения будут указаны ниже). Не вошли в сборник отдельные издания: «Анна Петровна Керн» («Друзья Пушкина», вып. I, 1924), «Пушкин под тайным надзором» (3 издания: 1918¹, 1922², 1925³); остались, наконец, за его пределами капитальнейшие работы Б. Л. — «Дневник» и «Письма Пушкина» — и одна статья, недавно напечатанная в сборнике Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев «Декабристы и их время» (М. 1928) — «К истории Зеленой Лампы».

¹ «Былое», 1918, № 1, стр. 5 — 59 и отд. отт.

² Изд. «Парфенон», Спб. 1922, 56 стр.

³ Изд. «Атеней», 1925, 106 стр.

Всё это, неизбежно, придает сборнику известного рода неполноту и отрывочность. В особенности может вызвать недоумение читателя, знающего труды Бориса Львовича, отсутствие таких значительных работ, как «Пушкин под тайным надзором» или «Зеленая Лампа». Но составители сборника были связаны соображениями о его размерах и должны были выбирать между тем, что сравнительно доступно читателю в отдельных или недавних изданиях, и тем, что уходит из поля его зрения за давностью лет или малодоступностью. Решающим же аргументом является то, что материал, оставленный сейчас за пределами сборника (особенно, если к нему присоединить некоторые мелкие статьи и речи, оставшиеся в рукописях Бориса Львовича), составит легко вторую такую же книгу не меньшей значительности и интереса; а на издание такого второго сборника составители его твердо надеются.

Из статей, входящих в предлагаемый сборник и уже известных в печати, статья «Род Пушкина» напечатана впервые в I томе Сочинений Пушкина, изд. Брокгауза и Ефрона, под ред. С. А. Венгерова (стр. 1 — 24). Нет надобности, нам кажется, объяснять целесообразность включения в сборник нескольких мелких заметок, затерянных в неспециальных изданиях: «Художественные сокровища России» и «Русские портреты XVIII — XIX вв.». Они представляют сейчас почти библиографическую редкость, а между тем, и та и другая заметка имеют вполне самостоятельный интерес: одна освещает историю Пушкинского послания к князю Н. Б. Юсупову, другая — историю знаменитого Тропининского портрета Пушкина. Столь же самостоятельный интерес представляет и заметка о Стерне — а специальные статьи в общих повременных изданиях затериваются, как известно, с чрезвычайной легкостью. Нарушением плана книги может показаться включение статьи, извлеченной из такого специального издания, как

сборник Одесской Пушкинской Комиссии «Пушкин»; но должно сказать, что, к сожалению, это прекрасное издание, тремя своими выпусками занявшее почтенное место в современном Пушкинизме, почти не известно и не распространено вне самого узкого круга специалистов; статья же Бориса Львовича содержит данные, имеющие общее значение.

Таким же нарушением плана покажется, быть может, и включение в сборник статьи «Род Пушкина», напечатанной более 20 лет тому назад в Венгеровском издании Пушкина. Но в этой статье, одной из основных в Пушкинском наследии Бориса Львовича, с особою силой сказались основные свойства его работы: громадная, широкая эрудиция, точность и отделанность в деталях, глубина познаний в генеалогии, являющейся при этом для ученого не самоцелью, но путем к познанию общественно-психологического корня, на котором выросла личность поэта. За истекшие с тех пор 20 лет Борис Львович не переставал собирать новые и новые материалы для родословия Пушкиных. Основанная на этих материалах полная родословная роспись, приведенная в систему М. В. Муравьевым, печатается теперь в сборнике «Пушкин и его современники» (выпуск памяти Бориса Львовича). Статья «Род Пушкина» является прекрасным синтетическим введением к родословной росписи. Ее заключение, говорящее об отношении самого Пушкина к вопросам дворянской родовитости, быть может, не вполне удовлетворяет современного исследователя: за 20 лет, а в особенности за последнее десятилетие, наши взгляды, наш подход к такого рода социологическим вопросам коренным образом изменились. Но мы не считали возможным в этой статье урезать или изменять что-либо; не выправляли ее и там, где новыми розысканиями и новыми материалами обнаружены неполнота, неточность сведений или прямые

ошибки; но в таких случаях ограничились примечаниями, составленными по просьбе редакции М. В. Муравьевым и особо отмеченными.

Статья «Пушкин и Лажечников» взята из мало-известного, прошедшего незамеченным сборника, выпущенного издательством «Атеней» в честь 80-летия А. Ф. Кони. Очень смешанное содержание и малая распространенность сборника делают вполне понятными извлечения из него этого биографического этюда.

Обратимся к неизданным статьям, появляющимся впервые. Центральное место по исследовательскому значению и интересу занимает работа об анненковском издании сочинений Пушкина и биографических трудах Анненкова. Борис Львович много и с увлечением работал над нею в последнее время, доведя свое исследование до почти полной отделки; однако, приложенные к нему материалы не были вполне обработаны, а лишь переписаны и систематизированы (что, само по себе, представляло немалые трудности), и снабжены кое-где краткими комментариями, которые пришлось расширить и дополнить, хотя и очень сжато. Нет сомнения, что сам Борис Львович еще много проработал бы над ними и дал бы к ним подробные примечания, подобные тем, какими снабдил М. А. Цявловский совершенно аналогичные по типу записи П. И. Бартенева. Подробные пересказы писем Пушкина к невесте и жене, сделанные Анненковым погодно, сохранены редакцией сборника, хотя не дают почти ничего нового; всё же, в них есть отдельные черточки и комментарии Анненкова, достойные воспроизведения; неточности изложения и цитат объясняются тем, что, повидимому, Анненков не мог делать выписок, а писал на память, лишь однажды прочитав письма.

Столь же законченно-проработана, как и исследование по истории работ Анненкова, небольшая статья, осве-

щающая некоторые моменты высылки Пушкина из Одессы в Михайловское. В основе статьи лежит речь, произнесенная в собрании Общества Друзей Пушкинского Заповедника 28 марта 1927 года, чем и объясняются некоторые особенности построения и стиля.¹ Данные статьи в соединении с данными статьи А. А. Сиверса на ту же тему («Пушкин и его современники», вып. XXXVII) вносят существенные дополнения и уточнения в наши представления о причинах «ссоры» Пушкина с гр. Воронцовым; интересно и раскрытие неясной доселе фигуры англичанина-атеиста, «глухого философа».

Третья статья — «Пушкин, Дельвиг и их друзья в письмах С. М. Салтыковой-Дельвиг» — наибольшая по объему, первоклассного значения по материалу — к сожалению, наименее обработана автором. Те, кто знает, как тщательно отделявал Борис Львович каждую свою работу, прежде чем отдать ее в печать, как он добивался максимальной точности выражений, полноты примечаний, отточности каждой детали, — увидят ясно, как много еще мог бы он сделать из своего материала. Работа была составлена еще в ноябре 1925 года, тогда же прочитана в одном из открытых собраний Пушкинского Дома и ватем отложена надолго: другие работы, особенно — письма Пушкина, отвлекали от нее исследователя; вместе с тем, другая часть того же материала, напечатанная ранее в «Былом» (1924), была переработана в отдельную книжку — «Роман декабриста Каховского» (ГИЗ, 1926). Сравнение этой книжки с предлагаемой ныне работой показывает, насколько еще далека от завершения в главах самого исследователя была его статья. Этим объясняется и некоторая шероховатость переводов писем, и отсутствие подробного комментария (который мог бы быть очень

---

¹ Отрывок из этой статьи под заглавием: «Эпизод из жизни Пушкина» напечатан в «Красной Газете» 11 февраля 1927 г. № 34.

широко развернут), и сжатость авторского, связующего текста. Составители сборника сочли необходимым, не касаясь самого текста статьи, дать к ней несколько кратких примечаний. Дополнением к ним служит представляющая особый экскурс заметка о В. Д. Корнильеве, написанная Борисом Львовичем как комментарий к одной записке Корнильева к Пушкину, находящейся в «Майковском собрании» пушкинских рукописей, подготовленном к печати, но до сих пор неизданном; так как заметка гораздо более подходит к плану нашего сборника, чем к плану «Майковского собрания», — мы и помещаем ее здесь. Со всем тем, значение публикуемых в статье материалов бесспорно чрезвычайно велико; не говоря о множестве отдельных, сообщаемых письмами фактов, не говоря о прекрасном психологическом и бытовом портрете женщины 20-х годов из дворянско-интеллигентского круга, нарисованном в них с большою простотою и безыскусственностью (не говорим: полнотою, потому что ряд очень характерных моментов в личной и бытовой характеристике героини писем — вся та сторона «любовного быта» эпохи, которая изображена так поразительно-откровенно в дневнике А. Н. Вульфа — остается от нас тщательно скрытым), — письма С. М. Салтыковой дают драгоценное изображение той атмосферы, в которой протекала умственная жизнь в эти годы, в окружении Дельвига, Плетнева и «Северных цветов». Образ Пушкина реет над ними и стоит всё время полускрытый, но ясно осязаемый перед сознанием читателя, обаяние его чувствуется в каждом отзыве, в каждой мысли писем. Далекий псковский изгнанник, неведомый, лишенный пока человеческих черт, но близкий и любимый автор, господствует безраздельно в мыслях своей Петербургской читательницы, окруженный восторженным поклонением. Позже, когда поэтический призрак становится живым человеком, домашним другом и завсегдаем Дельвигов — от

ношение к нему меняется, становится проще; воздействие его слабеет, наконец, его имя почти исчезает со страниц писем... Но свидетельства более ранних лет для нас знаменательны и драгоценны, и этим определяется, прежде всего, значение публикуемых материалов.

Повторим еще раз то, что было уже сказано: сборник наш далеко неполно отражает исследовательскую деятельность Б. Л. Модзалевского, как пушкиниста. Но полное ее выражение, полный синтез его трудов, его знаний, его любви к Пушкину невозможны вне изучения таких капитальных изданий, как «Дневник», «Письма» и «Библиотека» Пушкина. Вместе с нашим сборником, со статьями из «Пушкина и его современников», они дают широкую и глубокую основу фактического материала, необходимую для изучения Пушкина. К этому нужно прибавить еще несколько важных работ, оставшихся за пределами нашего сборника. Но мы твердо надеемся, что за ним последует и второй сборник, куда войдет всё, чего мы теперь не могли охватить.

Редактирование сборника по поручению Пушкинского Дома приняли на себя Н. В. Измайлов и П. Е. Щеголев, при ближайшем участии сына покойного, Л. Б. Модзалевского.

1 июля 1928.

Р О Д П У Ш К И Н А

Мой предок Радша службой бранной
Святому Невскому служил.

А. Пушкин. Моя родословная.

11

«При державе великого государя и великого князя Александра Ярославича Невского прииде из немец муж честен именов Радша» — так начинаются родословные росписи, поданные в 1686 году представителями нескольких ветвей рода Пушкиных в Разрядный Приказ. Ссылаясь на предка, выезжего «из немец», Пушкины следовали общей тенденции русских дворянских родов, показывавших легендарных предков своих выходцами из иностранных государств: легенды эти, не поддаваясь исторической проверке, принимались на веру, давая право представителям родов гордиться своим древним происхождением и пользоваться им при равного рода служебных отношениях.

Легендарный предок Пушкина — Радша — считается родоначальником многих дворянских фамилий, большею частью уже угасших, но частью существующих и по настоящее время. Согласовать показание родословной о времени выезда Радши с летописными данными о лицах

---

¹ Настоящая статья составлена на основании материалов, собираемых автором для приготовляемой к печати полной родословной Пушкиных — потомков Радши — и Ганнибалов, а потому при изложении ее не делаются ссылки на источники (преимущественно архивные), указания на которые интересующиеся найдут в работе по выходе ее в свет. *Б. М.* (В настоящее время «Родословия» Пушкиных и Ганнибалов печатаются в сборн. «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII — XL).

с тем же именем и с именами его ближайших потомков не представляется возможности, — вот почему наши генеалоги различно толкуют и комментируют события их жизни. М. Г. Спиридов, называя Радшу Лазарем, отождествляет его с тем боярином Новгородским, который упоминается в «Истории» Карамзина убитым в бою с ливонцами на р. Коголе 18 февраля 1268 г.¹ Известный генеалог князь П. В. Долгоруков говорит, что Радша прибыл из Германии в Новгород в конце XII века;² М. В. Муравьев, автор «Родословия А. С. Пушкина»,³ считает, что Радша, при крещении названный Ростиславом-Стефаном, был тиуном князя Всеволода Ольговича, и относит к нему известие летописей о том, что в 1146 г. киевляне разграбили его двор. П. И. Бартенев в статье своей «Род и детство Пушкина»⁴ стоит на почве показания росписей и говорит, что «Радша выселился к нам в княжение Александра Невского». Сам поэт, очевидно, также принимал на веру легенду, созданную его предками, и принимал с тем большею уверенностью, что подтверждение ей находил в близко ему знакомой «Истории» Карамзина: последний, говоря, что «слава Александрова, по свидетельству наших родословных книг, привлекла к нему из чужих земель — особенно из Германии и Пруссии — многих именитых людей, которых потомство доныне существует в России и служит Государству в первых должностях воинских или гражданских», — в примечании к этому месту перечисляет и потомков Радши. Знал поэт, без сомнения, и родословную роспись Пушкиных, вошедшую в состав так называемой «Бархатной

¹ «Записки старинным службам русских благородных родов» (рпк. Имп. Публ. Библ.), ч. VII, стр. 38.

² «Росс. родосл. книга», ч. II, Спб. 1855, стр. 151.

³ «Пушкинский Сборник», Спб. 1899, стр. 655.

⁴ «Отеч. Записки» 1853 г., т. XCI, отд. II, стр. 2.

Книги», изданной Н. И. Новиковым в 1787 г.; знал, что легенда о выезде Радши и происхождении от него Пушкиных закреплена официально внесением ее в «Гербовник»; слышал о ней и по преданиям, свято сохранявшимся еще в то время в дворянских семействах;¹ видел, конечно, и справку, выданную Василию Львовичу Пушкину из Московского Архива Коллегии Иностранных Дел в 1799 году. Таковы были источники, из которых поэт мог почерпнуть убеждение в древности своего рода, которым, как увидим ниже, имел основание гордиться, встречая имена предков своих на многих и видных страницах отечественной истории.

Пушкины были потомками Радши уже в седьмом колене. В вышеупомянутой справке Архива Коллегии Иностранных Дел ближайшее потомство Радши записано так: «Во дни благоверного великого князя Александра Невского приехал из немец муж честен именем Радша (кол. I). А у Радши сын Якуп (кол. II). А у Якупа сын Алекса (кол. III). А у Алексы сын Гаврило Алексичъ (кол. IV). А у Гаврила дети: Иван Морхиня (кол. V) да Акинфей Великой. У Ивана Морхини сын Александр (кол. VI). У Александра дети: Федор Неведомица, Александр Пято, Давыд Каварин, Володимер Холопиво, Григорий Пушка (кол. VII)». От Григория Пушки, жившего в конце XIV или в начале XV века, и пошли, собственно, Пушкины. Григорий имел семь сыновей, из которых лишь двое — Александр и Константин — передали своему потомству прозвание Пушкиных, тогда как от остальных трех, имевших детей (двое были бездетны),

---

¹ Есть свидетельство, что поэт работал над историей рода Пушкиных: А. М. Языков пишет, что при посещении им Болдина (осенью 1834 г.) Пушкин показывал ему — «историю Пугачева, несколько сказок в стихах, в роде Ершова, и историю рода Пушкиных» («Истор. Вестн.» 1883 г., XIV, стр. 593). Ред.

пошли Рожновы, Курчевы, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Шафериковы-Пушкины, Кологривовы, Поводовы, Товарковы и другие.

Александр Григорьевич Пушкин был родоначальником старшей ветви Пушкиных, в мужском колене угасшей в 1875 году со смертью *Ивана Алексеевича* — сына известного остряка, театрала и писателя *Алексея Михайловича* (ум. в 1825 г.), женатого на *Елене Григорьевне* Воейковой,¹ и приятеля В. Л. и С. Л. Пушкиных. Ветвь эта до середины XIX века удерживала, в лице своих довольно многочисленных, но захудалых представителей, земельные владения в Новгородской области, сохранив, таким образом, связь с местом въезда Радши.² Из членов этой же ветви происходили: дед упомянутого *Алексея Михайловича* — одноименный ему *Алексей же Михайлович*, женатый на *Марье Михайловне Салтыковой* (ум. в 1785 г.),

¹ По 1-му браку Немцова; известны ее дружеские отношения к К. Н. Батюшкову, братьям Тургеневым (особенно — Сергею), кн. П. А. Вяземскому, Жуковскому и др.

² Вопрос о связи Пушкиных с Новгородом довольно сложен. В перечислении шести «муж храбрых», способствовавших Невской победе, в I Новгородской летописи первым стоит витязь Гаврило Олексичин (правнук Радши), без указания, откуда он родом, а о втором витязе Сбыслове Якуновиче — сказано: «другий же новгородец», это позволяет заключить, что и первого витязя — Гаврилу Олексичина — летописец считал новгородцем. Затем, в новгородских летописях нигде не упоминаются потомки Радши, в летописях же других изводов в XIV в. упоминаются 6 потомков Радши — бояр московских (см. примеч. редакции на 42 — 43 стр.) и только один из них — Свибло — связан одним из своих владений (село Непейцино) с Новгородом.

По грамотам Симонова монастыря известно, что в соседстве с этим монастырем, в XV веке, владели поместьями: Василий Никитич Пушкин и Федор Михайлович Челядня (в 1478 г.) и что Константин Никитич Пушкин в 1484 г. продал князю Даниилу Дмитриевичу свои подмосковные села — Бартенево, Петровское и Федоровское, а сын его Василий Константинович Пушкин жил в сельце

дальней родственнице имп. Анны Иоанновны, бывший сенатором, тайным советником, посланником в Дании и Швеции, Архангельским и Воронежским губернатором. Из сыновей его *Михаил Алексеевич* (ум. в 1785 г.), бывший прокурором Коммерц-Коллегии, в 1772 г., был обвинен, вместе с братом своим, капитаном *Сергеем Алексеевичем*, в делании фальшивых ассигнаций и сослан в Сибирь; живя в Тобольске, он сотрудничал в журнале «Иртыш, превращающийся в Ишпокрену» (1789 — 1791 г.); его

Демешкине Опоцкого погоста Шелонской пятины и владел там 17 обжами и у Высокого городка Водской пятины 38 обжами (Гневушев, стр. 268, 257).

В новгородских писцовых книгах московского письма XV века, где указаны и «старые» владельцы, Пушкиных среди них нет, но там упомянуты 5 Пушкиных, испомещенных на землях «Новосведенных бояр Новгородских» (Писц. книга Дм. Китаева) — их потомство и образовало новгородскую ветвь рода.

Но уже в XVI в. московские Пушкины отмежевываются от своих новгородских родичей: в 1605 г. при местническом счете Гаврилы Григорьевича Пушкина с кн. Федором Звенигородским, который слался на новгородского помещика Дмитрия Шаферикова-Пушкина, Гавриил Григорьевич говорил, «что Дм. Шафериков-Пушкин служит с Великого Новагорода... нашел он и потерял себе да своим родителем которые служат по Новугороду, а не нам. А мы, государь, Новгородцами ни правы, ни виноваты быти не хотим, и ими не считаемся, а считаемся мы своею лествицею» (Моск. Гл. Арх. Ин. Д. № 118-165). — А в конце XVI века окольниковый Борис Иванович Пушкин с братом Никитой от своих новгородских поместий отказались «для розни и далека» (Самоковасов, «Новооткрытые документы» I, ч. 2, стр. 20).

На основании приведенных данных, отношения Пушкиных к Новгороду рисуются таким образом: до середины XIII в. Пушкины являются новгородцами, но при усилении Москвы переходят туда и там оседают. В конце же XV в. более захудалые представители рода, в числе многих московских помещиков, заменяют в новгородских пятинах непокорных новгородских бояр, входя в кадры московской рати на северо-западной окраине государства.

Ред.

жена *Наталья, Абрамовна*, рожденная княжна *Волконская* (ум. в 1819 г.) последовала за мужем в ссылку, а потом проживала в Москве, где в салоне ее постоянно бывали, между прочим, В. Л. и С. Л. Пушкины и князь П. А. Вяземский. Третий брат их, *Федор Алексеевич* (ум. в 1810 г.), женатый на княжне *Марии Ивановне Оболенской*, был Воронежским губернатором; в одну из дочерей его, Софью Федоровну (род. в 1806, ум. в 1862 г.), вышедшую за В. А. Панина, влюблен был поэт, сватавшийся за нее в Москве в конце 1826 г. К той же ветви новгородских Пушкиных принадлежал д. с. с. *Никифор Изотович* (ум. в 1831 г.), женатый на *Евпраксии Аристарховне Кашкиной*, родной тетке известной П. А. Осиповой, соседки поэта по Михайловскому, которая, таким образом, приходилась ему дальней свойственницей. Остальные потомки Александра Григорьевича Пушкина ничем не выделились и стояли в рядах скромного служилого дворянства; отметим из них только одного — подполковника *Андрея Павловича*, который в 1762 г. был генеральс-адъютантом у Абрама Петровича *Ганнибала* и женился на его старшей дочери — *Елизавете Абрамовне*.

Гораздо виднее были потомки другого — одного из младших — сына Григория Пушки — *Константина Григорьевича*, от которого, по прямой линии, происходил поэт. О сыне Константина — *Гаврииле* и внуке — *Иване* не сохранилось документальных указаний; правнук его — *Михаил Иванович* — в 1537 году упоминается как дмитровский помещик, — следовательно, он уже оставил, по своей воле или по распоряжению власти, новгородские места.¹ Сын Михаила Ивановича — *Семен Михайлович* в 1567 году был вторым у знамени в Новгородском, против поляков, походе Иоанна Грозного, а в 1573 г.,

¹ См. предыдущее примечание.

во время отправления в Новгороде, в присутствии царя, чина свадьбы его племянницы, княжны Марии Владимировны Старицкой, с королем Ливонским Магнусом, «вторые сорок соболей держал»; он имел двух сыновей: *Федора* (стольника, подписавшегося в 1613 году под грамотою об избрании на царство Михаила Федоровича Романова) и *Тимофея Семеновича*; последний — прямой предок поэта — был в 1597 году головою при Черниговском воеводе Ф. И. Шереметеве, в следующем — головою же «у ставления и довору сторожей в Серпуховском Государевом по Крымским вестям походе», в 1601 году — в Цареве-Борисове городе, а в 1618 г. находился воеводою в Цывилъске.¹ Из четырех сыновей его — *Петр Тимофеевич*, по прозвищу «Толстой» и «Черной» (пра-пра-пра-прадед поэта), в 1624 году, будучи назначен воеводою в сторожевом полку в Пронск, местничался с князем А. Ф. Литвиновым-Мосальским, а в 1627 — 1628 г. был воеводою в Тюмени; он был Рязанским и Московским помещиком, женат был (с 1618 — 1619 г.) на *Елене Григорьевне Сунбуловой* и умер в 1633 — 1634 году. Единственный сын его — *Петр Петрович* — был в 1648 г. стольником и принимал участие в церемониальном поезде при бракосочетании царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской. Он скончался в Москве в 1660 году; был женат дважды: первым браком — на *Пелагее Федоровне Фефилятевой*, а вторымъ — на княжне *Анастасии Афанасьевне Козловской*,² о которой сохранились любопытные

¹ В 1616 г. дозирал и переписывал Романовский уезд (ММЮ).
Ред.

² По последним изысканиям П. П. Пушкин был женат вторым браком не на кж. Анастасии Афанасьевне Козловской, а на Анастасии Афанасьевне Желябужской, сестре окольного Ивана Афанасьевича Желябужского (ММЮ. Лихвин и Перемышль старых лет, кн. 15, 485, д. 8, л. 468).
Ред.

данные в «Дворцовых разрядах»: в 1675 году царю Алексею Михайловичу докладывалось дело «по роспросным речам стольника князя Ивана княж Петрова сына Ковловского», «будто он, князь Иван, жил с племянницею своею с двоюродною, с Петровою женою Петрова сына Пушкина, с Настасьєю с Офонасьевою дочерью, лет с десять и больши; и он, князь Иван, великому государю вино свою во всем том принес». Царь указал князя Ковловского «отдать за пристава», а А. А. Пушкину — «послать под начал, до своего, великого государя, указу, в монастырь за Тверские ворота Пречистые Богородицы Страстные к игуменье Домне с подъячим тайных дел, и велено ее игуменье держать под крепким начальством». Сколько времени провела Пушкина в монастыре, неизвестно; впоследствии она переписывалась с царевной Прасковьей Иоанновной (род. в 1694, ум. в 1731 г.), из чего видно, что прожила она еще очень долго; одно письмо ее, писанное «из Алексинской деревни», напечатано в «Русской Старине» 1884 г. (т. XLIV, стр. 188).

Родной прапрадед поэта, *Петр Петрович* (сын предыдущего,¹ родился в 1644 г. В 1673 — 1681 гг. он с отличием участвовал в войне с турками и крымцами, за что пожалован был от царей Иоанна и Петра Алексеевичей вотчиною в Галичском уезде, в волости Великой Пустыни; в грамоте от 12 марта 1686 г., которою давалась Пушкину вотчина, сказано, что государи пожаловали его «за многую службу, что он во время войны с Салтаном Турским и с Ханом Крымским, как они в 181 (т. е. 1673) году приходили сами особами своими, а после того Салтан же Турской присылал визиря своего и многих пашей с войсками и Хана Крымскаго с ордами под Малороссийские города, служил отцу их... и им, царям, ... будучи

¹ От брака с Желябужской.

в полках с бояры и с воеводы с начала тое войны во вся лета по 189 (т. е. 1681) год». В 1677 году Петр Петрович, будучи стольником, управлял, с боярином князем М. А. Голицыным, Владимирским Судным Приказом, в 1683 г. межевал земли в станах Московского уезда, а в 1686 г., 22 мая, вместе с некоторыми родственниками, подал роспись рода своего в Разрядный Приказ. В правление царевны Софьи, в 1689 г., он участвовал во втором крымском походе князя В. В. Голицына, был им прислан оттуда в Москву и упоминается в похвальной грамоте царей князю Голицыну. П. П. Пушкин скончался в Москве 12 февраля 1692 года, всего 48 лет, и погребен был, вместе с отцом, в Ворсонофьевском девичьем монастыре. Женат он был, с 1679 — 1680 г., на *Федосье Юрьевне Есиповой*, от которой имел пятерых сыновей (*Ивана, Леонтия-Льва, Александра, Илью и Федора*) и дочь *Аграфену*, выданную за стольника *Ив. Ив. Безобразова*; из них *Александр Петрович* был родным прадедом поэта по отцу, а *Федор Петрович* — прапрадедом со стороны матери.

Александр Петрович Пушкин родился, вероятно, в 90-х годах XVII века; в 1708 году он получил в Сурожском стану Московского уезда д. Ракову с пустошами, в 1713 году делился наследством с братьями Ильею и Федором; в 1718 — 1719 г. был солдатом л.-гв. Преображенского полка, где в 1722 году был капитанармусом. Около этого времени он женился на *Евдокии Ивановне Головиной*, дочери одного из любимых «деньщиков» Петра Великого, впоследствии генерал-кригс-коммиссара и адмирала — *Ивана Михайловича Головина* (ум. в 1738 г.) от брака его с *Марьей Богдановной Глебовой*. Брак этот был несчастлив: *Евдокия Ивановна* в 1725 году была убита своим мужем; поэт пишет про своего прадеда, что он «в припадке ревности или сумасшествия зарезал свою жену, находившуюся в родах». *Александр Петрович* про-

жил после этого недолго и «умер в заточении»; как показывали его дети в прошении, поданном имп. Петру II 25 февраля 1728 г., он «в 1725 году... по смертноубийственному делу... своей жены, указом блаженные и вечно-достоинные памяти Ее Импер. Величества, вят (был) в С.-Петербург к гражданскому суду и умре». После его смерти остались двое малолетних детей — *Лев* и *Марья*; заботы о сиротах перешли, повидимому, к их деду, И. М. Головину, который, между прочим, и подписал за внуков вышеуказанное прошение. А. П. Пушкин были и сам по себе довольно состоятельным человеком, владея поместьями в Московском, Дмитровском, Коломенском, Рязанском, Зарайском и др. уездах;¹ кроме того, в 1718 году он, по завещанию своего двоюродного деда, стольника *Ивана Ивановича* Пушкина (ум. в 1717 г.), получил все его имения, в том числе и историческое с. Болдино (Арзамасского уезда). Пожалованное деду *Ивана Ивановича* — *Федору Федоровичу* Пушкину, в 1619 году «за Московское осадное сиденье», оно перешло сперва к сыну его — окольниковому *Ивану Федоровичу*, а затем и к внуку — *Ивану Ивановичу*, завещавшему его А. П. Пушкину. Таким образом, Болдино, с именем которого связано столько светлых воспоминаний о творчестве поэта в расцвете его таланта, находилось в роду Пушкиных уже 100 лет перед тем, как перешло к Александру Петровичу, — и последний уделял ему много внимания и заботливости, стараясь, путем покупок у соседей, еще более расширить имение. В малолетство его детей, Болдиным распорядился И. М. Головин, а в 1741 г. оно перешло, по разделу с сестрой — *М. А. Ушаковой*, к Льву Александровичу Пушкину, позднее — в 1780 г. — прикушавшему к Болдину еще деревню и пустошь.

¹ Всего за ним было 1330 четвертей.

Лев Александрович, дед поэта, родился 17 февраля 1723 г. Будучи в детстве записан в л.-гв. Семеновский полк, он в 1739 г. определен был капралом в артиллерию в которой и прослужил до выхода своего в отставку, в сентябре 1763 года, подполковником. При вступлении на престол императрицы Екатерины II, в 1762 году, он, как свидетельствует поэт, «во время мятежа остался верен Петру III и не хотел присягать Екатерине и был посажен в крепость вместе с Измайловым».

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью Третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой — в крепость, в карантин,

говорит он в «Моей родословной». В крепости Лев Александрович «содержался два года», был оттуда «выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением. Он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и в своих деревнях». «Дед мой», рассказывает поэт в другом месте, «был человек пылкий и жестокий». Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей и которого он весьма феодально повесил на черном дворе.¹ Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды он велел ей одеться

---

¹ В одном из писем к невесте из Болдина, от 30 сентября 1830 г., поэт писал: «Мой ангел, только одна ваша любовь препятствует мне повеситься на воротах моего печального замка (на этих воротах, скажу в скобках, мой дед некогда повесил француза, un outchitel, аббата Николь, которым он был недоволен)». Орывки из записок писаны также в Болдине, где поэт, вероятно, и слышал рассказы о свирепостях своего давно умершего деда.

и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на-сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Всё это», прибавляет поэт, «я знаю довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли». Рассказ поэта о его деде не поддается проверке за исключением факта с повешением учителя: в имеющемся у нас формуляре Л. А. Пушкина значится, что он «за непорядочные побои находящегося у него в службе Венецианина Харлампия Меркадии был под следствием, но по именному указу повелено его, Пушкина, из монаршей милости простить». Эти-то «непорядочные побои» и послужили, вероятно, материалом для создания легенды о жестокой расправе Пушкина с учителем. Быть может, также несколько преувеличены и рассказы о других его «странностях». По крайней мере С. Л. Пушкин, прочитав в «Сыне Отечества» 1840 г. впервые напечатанный тогда отрывок из записок сына,¹ счел обязанностью вступить за «священную память» своего отца, «добродетельнейшего из людей» — и писал² по этому поводу: «Он был любим, уважаем, почитаем даже теми, которые знали его по одному слуху. Взаимная любовь его и покойной матери моей была примерная. Никто не помнил и не слышал ни о малейшем отступлении от верности, от должного уважения друг к другу во всё продолжение их 30-летнего союза. История о французе и первой жене отца много увеличена. Отец мой никогда не вешал никого. В поступке с французом участвовал родной брат его жены,

¹ Ч. II, № 7, апрель, стр. 464 — 465.

² «Современник» 1840 г., т. XIX, стр. 102 — 106.

А. М. Воейков; сколько я знаю, это ограничилось телесным наказанием — и то я не выдаю за точную истину. Знаю, что отец мой и в счастливом супружестве с моею матерью с нежностью вспоминал о первой жене своей». Далее Сергей Львович возражает против рассказа «о смерти на соломе в домашней тюрьме» М. М. Пушкиной и приводит малоубедительные доводы: «Кто не знает, что в XVIII столетии таковые тюрьмы не могли существовать в России и Москве? Правительство потерпело бы такое ужасное злоупотребление силы и власти? Родные ее не прибегли бы под защиту законов? После такого жестокого поступка сохранили бы они родственную, дружескую связь с отцом моим?» и т. д.

Дополняя рассказ поэта, следует сказать, что дед его скончался в Москве 25 октября 1790 года; могила его сохранилась до сих пор: она находится в старом соборе Донского монастыря. Первым браком Лев Александрович был женат (около 1744 г.) на *Марье Матвеевне Воейковой* (дочери д. с. с. Матвея Федоровича), от которой имел трех сыновей: *Николая* (род. в 1745, ум. в 1821 г.), бывшего артиллерии полковником и женатого на *А. В. Измайловой*, родной сестре писателя В. В. Измайлова;¹ *Петра* (род. в 1751, ум. в 1825 г.), вышедшего в отставку артиллерии подполковником и женатого на *Казинской*, и *Александра*, умершего значительно раньше братьев (все были бездетны). По смерти первой жены, Лев Александрович женился вторично — на *Ольге Васильевне Чичериной* (род. в 1737, ум. в 1802 г.), дочери полковника Василия Ивановича (ум. в 1743 г.) от брака его с Лукией Васильевной Приклонской. От этого брака родились еще двое сыновей и две дочери: *Василий*, *Сергей*, *Анна* и *Елизавета*. *Василий*

---

¹ Он памятен, между прочим, тем, что при его редакторстве «Вестника Европы» Пушкин впервые выступил перед читающей публикой со стихотворением «К другу-стихотворцу».

Львович (род. в 1767, ум. в 1830 г.) достаточно известен как поэт и писатель. В брачной жизни он, как и отец и дед его, был несчастлив: его жена, известная в свое время красавица, — *Капитолина Михайловна*, рожд. *Вышеславцева* (дочь гв. подпоручика Михаила Степановича), в 1805 году бросила мужа, обвинив его в неверности и «желая выйти за другого»; этот другой был секунд-майор *Иван Акимович Мальцов*.¹

Сергей Львович, отец поэта, родился 23 мая 1770 г. Получив, как и старший брат, светское, французское воспитание и записанный сперва в армию, он в 1775 г. был перечислен в гвардию, а с 1777 по 1791 г. числился сержантом Измайловского полка, потом произведен был в прапорщики и до 1797 г. служил в л.-гв. Егерском полку, откуда вышел в отставку майором, — в 1798 г. После этого он состоял в Коммисариатском штате, сперва в Москве (в это время родился поэт), а затем в Варшаве (начальником Коммисариатской комиссии резервной армии); здесь, в Варшаве, Сергей Львович, в июле 1814 г., вступил в Орден свободных каменщиков, в ложу «Северного Щита», к которой, пройдя четыре предварительных степени, был «присоединен» 10 октября 1817 года; незадолго перед этим — 12 января — он был уволен вовсе от службы с чином 5 класса. С этих пор С. Л. Пушкин уже никогда не служил, а вел странническую и совершенно праздную жизнь, переезжая из Москвы в Петербург, в Михайловское и обратно, не занимаясь ни семьей, ни имениями, которые своей беспечностью довел почти до разорения. Будучи скупым от природы, он в то же время был совершенно нерасчетлив; человек веселый, в полном смысле слова светский, он обладал способностями к стихотворству, но не культивировал их, пользуясь ими исклю-

---

¹ От их брака родился известный заводчик Сергей Иванович Мальцов.

чительно для того, чтобы блеснуть в салонах. Свое полное равнодушие к детям, и особенно к сыну-поэту, он старался скрывать под маской нежных слов и лицемерных уверений в любви и привязанности, а безразличие к вопросам религиозным — под личиной отталкивающего ханжества. У жены своей он был «шод пантуфлей», хотя и любил разыгрывать роль главы семьи, когда это представляло для него интерес. ¹ Женится он сравнительно молодым, — еще будучи офицером л.-гв. Егерского полка, — в Петербурге, в ноябре 1796 года, на *Надежде Осиповне Ганнибал* (род. в 1775, ум. в 1836 г.), своей внучатной племяннице, жившей тогда с матерью в Петербурге. Надежда Осиповна была дочерью *Осипа Абрамовича Ганнибала* от брака его с *Марьей Алексеевной Пушкиной*. ²

Мы сказали уже выше, что из сыновей стольника *Петра Петровича* Пушкина, женатого на *Ф. Ю. Есиповой*, *Александр* был прадедом поэта по отцу, а *Федор* — прапрадедом со стороны матери.

Двойное родство это произошло следующим образом. *Федор Петрович* Пушкин, бывший сперва стольником, а потом служивший в Ростовском пехотном полку поручиком и в 1712 г. уволенный в отставку за раною, полученною им в Прутском походе, был Рязанским и Ярославским помещиком и умер в 1727 или 1728 г. От брака с *Ксенией Ивановной Кореневой* (дочерью рязанского дворянина *Ивана Михайловича*) имел он единственного сына

¹ Прекрасную характеристику С. Л. Пушкина см. у Анненкова: «Материалы», изд. 1873 г., стр. 6 — 8, и «Пушкин в Александровскую эпоху», изд. 1874 г., стр. 15 — 22.

² У С. Л. Пушкина, как мы сказали, было две родных сестры, которых он по-своему очень любил: *Анна Львовна* (род. в 1769, ум. в 1824 г.), умершая девицей, и *Елизавета Львовна* (род. в 1776, ум. в 1848 г.), бывшая замужем за д. с. с. *Матвеем Михайловичем Сонцевым* (род. в 1779, ум. в 1847 г.), с которым Сергей Львович был в приятельских отношениях.

Алексея Федоровича, родившегося в 1717 году. Последний начал службу свою пажом при дворе царевны Прасковьи Иоанновны (1730 г.), с которою, как мы видели, была в близких отношениях его родная прабабушка А. А. Пушкина, рожд. кн. Ковловская¹, может быть и устроившая своего правнука ко двору царевны. По смерти последней, он в 1732 г. определен был (3 июня) в Шляхетный Кадетский Корпус и в 1738 г., выпущенный оттуда прапорщиком, определен фельдмаршалом Минихом в Тверской драгунский полк, с которым участвовал, в турецкую войну, во взятии креп. Очакова (1737 г.) «и во всех Турских кампаниях и акциях, также и при взятии Хотинских шанцов» (1739 г.); в 1746 г. он вышел в отставку с чином капитана и жил в своих имениях,² между прочим, в с. Покровском (Кореневшева тож), в 22 верстах от нынешнего города Липецка, Тамбовской губернии;³ здесь он, вероятно, и скончался; о смерти его осталось показание его несчастной дочери М. А. Ганнибал: «будучи», пишет она, «нагло покинута с малолетнею дочерью и оставшись без всякого пропитания», принуждена она была ехать в деревню к родителю своему, который, увидев ее «в таком бедственном состоянии, получил паралич, от которой болезни и скончался» (1777 г.).⁴

А. Ф. Пушкин был женат (с 1742 г.) на *Сарре Юрьевне Ржевской*, дочери Юрия Алексеевича, пользовавшегося расположением Петра Великого и бывшего в 1727 году Нижегородским вице-губернатором.

¹ Желябужская.

Ред.

² Он был помещиком Рязанского, Ярославского и Воронежского уездов. Пушкин говорит, что А. Ф. был Тамбовским воеводою, но мы не могли убедиться в справедливости этого указания.

³ «Москвитянин» 1852 г., № 24, отд. IV, стр. 22, статья А. Ю. Пушкина.

⁴ Там же и «Исторический Вестник» 1886, т. XXIII, стр. 104.

От брака А. Ф. Пушкина с С. Ю. Ржевской произошли сыновья:

Юрий Алексеевич (род. в 1743, ум. в 1793 г.), полковник,¹ женатый на *Надежде Герасимовне Рахманиновой*, родной сестре известного поклонника и переводчика Вольтера И. Г. Рахманинова;

Михаил Алексеевич (род. в 1745, ум. в 1793 г.), сперва полковник, а потом ст. советник, женившийся (в 1791 году) на *Анне Андреевне Мишуковой* (родственнице канцлера графа А. Р. Воронцова) и оставивший после себя одного сына *Алексея Михайловича*, вскормленного Ариной Родионовной² и умершего в 1821 г., 28 лет, в звании профессора (с 1820 г.) Царскосельского Лицея;

и дочери: *Надежда*, выданная замуж за надв. сов. *Алексея Михайловича Овцына*; *Екатерина*, умершая девицей, и, наконец,

Марья Алексеевна (род. в 1745, ум. в 1818 г.),³ бабушка поэта, в 1773 г. вышедшая столь несчастливо за капитана морской артиллерии *Осипа Абрамовича Ганнибала* (род. в 1744, ум. в 1806 г.) и имевшая единственную дочь *Надежду Осиповну*.

Выданная замуж за своего внучатного дядю, *Сергея Львовича Пушкина*, она сделалась матерью бессмертного поэта.

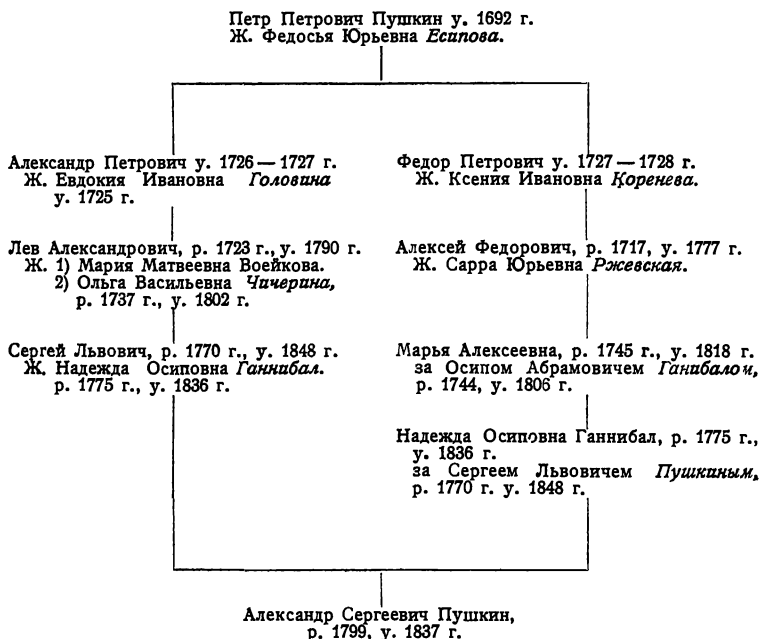
Таким образом, в лице родителей его слилось потомство одного лица — Петра Петровича Пушкина, в течение долгих лет, повидимому, не имевшее между собою общения и связей. Для большей наглядности приводим родословную таблицу, из которой читателю ясно будет это слияние двух отраслей Пушкинского рода.

---

¹ Он был произведен в полковники, с назначением комендантом Никитинской крепости 18 октября 1793 г. — 40 дней после смерти (Лефортов. арх.).

Ред.

² «Москвитянин», I. с.

Такова генеалогия *прямых* восходящих предков поэта. Как видим, среди них были люди средней руки, — рядовые служилые дворяне, по дарованиям и заслугам своим, поскольку мы знаем, ничем почти не выдававшиеся из общего уровня современного им общественного круга. Зато по нравственным качествам некоторые из них представляют отступления от нормы, но лишь в отрицательную сторону. В жизни дяди, деда, прадеда и пра-прабабки с отцовской стороны мы можем проследить одну общую черту — ненормальность в брачных их отношениях, — черту, известную поэту, который, конечно, не по одной случайности занес на бумагу свои фамильные записи именно накануне своей женитьбы. Та же особенность, как увидим ниже, была и в роду его матери, да и отец в этом отношении не был вполне безупречен. П. В. Аннен-

ков пишет про Сергея Львовича: «Уже в глубокой старости, овдовелый, потерявший знаменитого сына и наполовину разоренный, он влюбился в ребенка, девушку лет 16-ти, соседку свою по Михайловскому (Александру¹ Ивановну Осипову), и предлагал ей свою руку. Почтенному старцу пришлось пережить у дверей гроба все волнения юношеской и безнадежной страсти, начиная с пламенных посланий на французском языке и робких угождений предмету поклонения, до покорных жалоб на судьбу и горьких слез отчаяния. Он еще мечтал о браке, второй молодости, медовом месяце и проч.». К рассказу Анненкова мы можем прибавить еще два подобных же факта: кроме М. И. Осиповой, С. Л. Пушкин был не менее страстно влюблен в Анну Петровну Керн — предмет увлечений его сына, — которой писал любовные письма (1838 г.), а затем не менее горячо влюбился в ее дочь — Екатерину Ермолаевну (род. в 1819, ум. в 1904 г.) и, по свидетельству ее вотчима (А. В. Маркова-Виноградского), хотел жениться на ней за несколько дней до своей смерти; влюбленность его проявлялась, между прочим, в том, что «он ел кожицу от клюквы, которую она выплевывала». Уже эти немногие, известные нам факты достаточно свидетельствуют о какой-то ненормальности отца поэта в отношениях его к женщинам, под старость принявшей столь уродливые формы...

II

Тем с большею любовью и благородною гордостью поэт останавливался на именах своих боковых родичей, из которых многие, действительно, оставили по себе

---

¹ Анненков ошибается: это была не Александра Ивановна, с 1833 г. бывшая уже в замужестве за П. Н. Беклеповым, а Марья Ивановна (род. в 1820 г.), умершая девицей в 1896 году.

след в истории, как личности незаурядные. Из них он особенно отличал думного дворянина *Гавриила Григорьевича* Пушкина,¹ современника своего прямого предка *Тимофея Семеновича*. «Г. Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии» («Борис Годунов»), говорит поэт, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи, столь богатой историческими характерами. «Я изобразил его таким, каким нашел в истории и в моих семейных бумагах. Он обладал большими способностями, будучи в одно время и искусным воином, и придворным человеком, и в особенности заговорщиком»; «я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, со временем, но без всякой дворянской спеси». Историческая роль Гавриила Пушкина начинается с 1605 года, когда он открыто примкнул к первому Лжедмитрию и сделался его ревностным пособником. Подойдя к Туле, рассказывает Карамзин, Самозванец «избрал двух сановников смелых, расторопных — Плещеева и Пушкина; дал им грамоту и велел ехать в Красное Село, чтобы возмутить тамошних жителей, а через них и столицу. Сделалось, как думал. Купцы и ремесленники Красносельские, плененные доверенностью мнимого Дмитрия, присягнули ему с ревностью и торжественно ввели гонцов его (1 июня 1605 г.) в Москву, открытую, безоружную: ибо воины, высланные царем для усмирения сих мятежников, бежали назад, не обнажив меча, а Красносельцы, славя Дмитрия,

---

¹ Самое раннее показание о нем относится к 1581 г., когда он, будучи стрелецким сотником, был прислан в Ругодив с Государевой грамотой к воеводам; в 1598 г. он был «головою у Касимовских татар в большом полку в Серпуховском Государевом по Крымским вестям походе», а в 1601 г. попал вторым воеводою в Пелымь; при Годунове он был в опале (Н. П. Лихачев, «Разрядные дьяки», Спб. 1888, стр. 314), что и поставило его в ряды противников царя Бориса и его сына.

нашли множество единомышленников в столице, мецан и людей служивых, других силою увлекли за собою, некоторые пристали к ним из любопытства. Сей шумный сонм стремился к Лобному месту», с которого агенты Димитрия и прочли грамоту Самозванца.¹ Успех, таким образом, был полный, и Плещеев с Пушкиным послали с известием об этом гонца к Лжедмитрию. За эту верную услугу Гавриил Пушкин сделан был думным дворянином и великим сокольничьим, став одним из наиболее приближенных к новому царю лиц. После падения его, в 1606 году, Пушкин, однако, не только не пристал к Тушинскому вору, но даже противодействовал ему, — что видно из уведомления, посланного (в августе 1608 г.) им из Погорелого Городища в Тверь о поимке людей, везших грамоты этого самозванца. Тогда-то, вероятно, он и «выжег этот город в виде наказания . . . по образцу проконсулов Национального Собрания», как выразился о нем поэт; вообще в событиях смутного времени Пушкин играл видную роль. При венчании на царство Михаила Федоровича он не хотел «сказывать боярство» знаменитому князю Д. М. Пожарскому, считаясь с ним местами, а в 1619 году местничался с ним вторично, по случаю назначения своего, совместно с ним, в Вязьму навстречу возвращавшегося из плена отца царя — Филарета Никитича². В 1614/1615 г. Г. Г. Пушкин был воеводою в Вязьме, в 1618 г. принимал участие в обороне Москвы от королевича Владислава, а в следующем — заседал в Раз-

¹ Этот эпизод изображен поэтом в XXIII сцене «Бориса Годунова» совершенно согласно с приведенным местом «Истории» Карамзина; упоминаемого в сцене IX дяди Г. Г. Пушкина — Афанасия Михайловича — не существовало: у отца его братьев не было.

² Кроме того он местничался с Пожарским в 1609 и 1634 г.

бойном Прикаве; в 1629 г. он еще значился в числе думных дворян, в 1630 г. присутствовал за столом у Государя, а в 1638 г. скончался, постригшись в монашество. Кроме указанных выше мест, поэт упоминает о Гаврииле Григорьевиче еще в «Моей родословной»:

...Водились Пушкины с царями,
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин...¹

Родной брат Гавриила — *Григорий Григорьевич* Пушкин, по прозвищу *Сулемша*, «во время междоусобицы, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело*», записывает поэт. Стоя прежде на стороне Лжедмитрия, а потом — царя Василия Шуйского, Григорий Пушкин в 1607 г., говорит Карамзин, «спас Нижний Новгород, умирил бунт в Арзамасе, в Ардатове и еще приспел к Хилкову в Каширу, чтобы идти с ним к Серебряным Прудам, где они и истребили скопище злодеев и взяли их двух начальников». В 1608 г. он был вторым воеводою в большом полку и успешно действовал против Лисовского, а затем служил воеводою в Вологде (1612 — 1614 г.) и в Ярославле (1616 — 1618 г.). В смутное время прославился еще дворянин *Михаил Федорович* Пушкин, который «в 1607 году, в продолжение бывших тогда смятений, пострадал мученическою смертью от самозванца Петрушки». ² Несколько членов рода подписались под грамотой об избрании на

¹ В другой рукописи:

Водились древле мы с царями,
Был в Думе с Мининым один,
Из нас иные головами
Легли за Русь...

² Он был распят Шаховским; о его сыновьях и внуке см. в главе III.

царство Михаила Федоровича Романова,¹ и с этой поры особенно замечается возвышение Пушкиных.

Смирив крамолы и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамате своей народ, —
Мы к оной руку приложили... —

и поэт твердо это помнил. Он упоминает еще *Матвея Степановича* Пушкина; стольник, ватем окольниковый, воевода в Смоленске, Киеве и Астрахани, Матвей Степанович в 1618 г. подписался под соборным деянием об уничтожении местничества («что мало делает ему чести» — замечает поэт), в 1684 г. посылался в Смоленск, с титулом Оборского наместника, а вскоре был сделан боярином. М. С. Пушкин навлек на себя гнев Петра Великого, противясь посылке молодых дворян за границу,² а вскоре жестоко поплатился за вину своего сына *Федора Матвеевича* (стольника), который, будучи одним из главнейших участников стрелецкого заговора И. И. Цыклера и А. П. Соковнина,³ был казнен 4 марта 1697 года; старый

¹ В статье «Родословная Пушкиных и Ганнибалов» поэт пишет, что под грамотой подписались *четверо* Пушкиных, а в письме к барону Дельвигу (от 8 июня 1825 г.) говорит: «*Шесть* Пушкиных подписали избирательную грамоту, да двое руку приложили за неумением писать!» На самом деле подписавшихся было пять (причем один подписался и за своего родственника), а именно: стольник *Иван* за себя и за *Ивана Григорьевича* (брата Гавриила), стряпчий *Федор*, *Михайло* и *Никита*, а двое «руку приложили»: *Федор* и *Федор Семенович*; следовательно, в избрании участвовали семеро Пушкиных.

² Поэт говорит, что Пушкины «при Петре были в оппозиции».

³ *Федор* Пушкин был женат на дочери *Соковнина*, а *Цыклер* [Не думный дворянин, казненный с Соковниным и Пушкиным, а его сын (II сборн. статей по рус. истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пгр. 1922, стр. 340. М. М. Богословский. «Заговор Цыклера») *Ред.*] — на двоюродной сестре Пушкина — *Ирине Яковлевне*, дочери боярина *Якова Степановича* Пушкина,

боярин, «с лишением чести» за вину сына, был сослан вместе с малоумным внуком своим *Федором*,¹ в Сибирь, где и умер вскоре после ссылки. Другой брат, *Яков Степанович* (свояк князя-кесаря кн. Ф. Ю. Ромодановского), был тоже боярином и тоже заявил себя противником реформ Петра Великого, который, по одному известию, велел посадить его, в насмешку, на куриные яйца; он скончался в 1698/1699 г., оставив после себя лишь двух дочерей, одна из которых была, в третьем браке, за вышеупомянутым стольником *Иваном Ивановичем Цыклером*.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им, —

пишет поэт в «Моей родословной».

III

Из других членов Пушкинского рода, кроме прямых предков поэта или тех, о коих он упоминает в своих сочинениях, следует указать еще нескольких, наиболее известных в истории.² К таковым, в хронологическом

¹ Четыре сестры его были впоследствии выданы замуж: за *Грибоедова*, князя *Щербатова*, *Безобразова* и (*Прасковья Федоровна*) за *Александра Петровича Дорошенко*, старшего сына гетмана Малороссии; дочь их *Екатерина* была замужем за *Александром Артемьевичем Загряжским*, родная внучка которого — *Наталья Ивановна Загряжская* — была женою *Николая Афанасьевича Гончарова* и матерью жены поэта — *Натальи Николаевны*. Через Дорошенко перешел к Гончаровым известный «Ярополец».

² Здесь не упоминаются многочисленные представители рода, носившие невысокие придворные звания или занимавшие должности не выше воевод (*Б.М.*). — По новейшим изысканиям список этот надо пополнить следующими представителями рода Пушкиных: 1) *Акинфий Гаврилович Великий* — московский боярин, отъехав-

порядке, принадлежат: *Василий Алексеевич*, посылавшийся в 1553 г. царем Василием Иоанновичем послом к Каванскому царю Еналею; *Иван Иванович* (брат пращура поэта — Михаила Ивановича), боярин Новгородский, в 1514 г. заключивший в Новгороде договор с Ганзейским союзом; *Иван Петрович*, бывший боярином и конюшим у Иоанна Грозного, при котором, как можно думать, некоторые члены рода Пушкиных переселились добровольно или были переселены в Московские города,¹ *Ефстафий* (или *Остафей*) *Михайлович* — думный дворянин при Грозном, принимавший участие во многих походах 1573 — 1580 гг., был одним из полковых воевод в Смоленске (1580 г.), а затем, с титулом Муромского наместника, отправлен к Стефану Баторию (1581 г.) в Вильну; в 1582 г. Грозный назначил его для переговоров с папским послом Антонием Поссевином, что свидетельствует о его дипломатических способностях; в 1591 г. он посылался царем Федором в Астрахань для расследования дела о скоропостижной смерти царевича Мурат-Гирея, а в 1594 г. — ездил, имея титул наместника Елатомского, с князем Турениным для ведения переговоров с шведскими послами о «учинении вечного мира»; послы

ший в Тверь и убитый в битве под Переяславлем в 1337 г. 2) Иван Акинфиевич — боярин, воевода Московской рати при походе на Новгород в 1348 г. 3) Федор Акинфиевич — боярин, воевода Московской рати под Смоленском в 1340 г. 4) Михаил Иванович — боярин, убитый на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. 5) Федор Андреевич Свибло — боярин, ходивший в 1377 г. с Московскою ратью на Мордву и «сотворившею ее пусту», а в 1385 г. главный Московский боярин при сборе «Черного бора» с Новгорода, он впал в опалу и вел. князь Василий Дмитриевич «примыслил» все его обширные поместья. 6) Александр Андреевич Остей — Коломенский наместник в 1385 г. и 7) Иван Михайлович, женатый на кж. Патрикеевой, родной внучке Дмитрия Донского. *Ред.*

¹ См. примеч. редакции на стр. 22 — 23. *Ред.*

сѣхались у р. Тяввина, где и был ими подписан, 18 мая 1595 г., договор, по которому России возвращалась Карелия. В 1598 г. Остафий Михайлович подписался под соборным определением об избрании на царство Бориса Годунова; последний, однако, не благоволил к Пушкину и его родне и в 1601 г. сослал его в Сибирь «с братьею за опалу, — что на него доводили люди его, а *Левонтия* и *Иваику* Пушкиных за то, что они били челом на князя Елецкого в отечестве и тем царя раскручинили, — поместья и вотчины у них велел отписать, а животы распродать». Остафий Пушкин был отправлен воеводою в Тобольск; здесь он и умер в 1602 г., причем заместителем его был назначен родной брат *Никита Михайлович* (ум. в 1622 г.), бывший впоследствии воеводою в Вологде (где в 1608 г. присягнул «Тушинскому вору»), на Двине (1613 — 1614 г.), во Владимире на Клязьме (1614 — 1616 гг.), в Арзамасе (1617 г.) и, наконец, окольным чим. Брат Евстафия и Никиты *Иван большой Михайлович* — был ловчим и думным дворянином, в 1582 году послом (с титулом Рязского наместника) в Польше, а затем — воеводою в Астрахани, где будучи, «Ногайского Иштерека, Князя и Мурв под Государеву руку привел и учинил их в Государеве повеленье» и «учинил в Государевой казне многу прибыль»; он был убит в 1611 г. — «в Московское разоренье»; *Леонтий Михайлович* (сосланный в Сибирь Годуновым) был окольным чим и пал в битве под Кромами в 1605 г., а *Иван меньшей Михайлович*, по прозвищу *Иваица*, в 1609 г. пожалован был царем Василием Шуйским в думные дворяне, а затем был воеводою в Бежецком Верху и в Астрахани. *Борис Иванович* (сын упомянутого *Ивана большого Михайловича*) в 1632 г. находился в посольстве к шведскому королю для склонения его к союзу против Польши, затем воеводствовал в Мангазее и в Яблонове, в 1645 г., при вступлении на престол царя

Алексея Михайловича, пожалован был в окольнічье, а в 1649 г. — отправлен первым полномочным послом к шведской королеве Христине (с титулом наместника Брянского) и в Стокгольме заключил знаменитый договор о выкупе перебежчиков, послуживший поводом к возмущению во Пскове; с 1652 по 1656 г. он был воеводою на Двине и умер в 1659 г. *Григорий Гаврилович* Пушкин, по прозвищу *Косой* (сын выведенного в «Борисе Годунове» *Гавриила* Пушкина), будучи стольником, воеводствовал в разных городах, в 1644 г. пожалован в думные дворяне и отправлен, с титулом Алатырского наместника, в Польшу полномочным послом для учинения договору о титуле государевом, о размежевании и о самозванцах и за успешное окончание этого поручения был пожалован в окольнічье; в 1646 г. царь Алексей Михайлович посылал его первым¹ послом в Швецию с «подтвержденною» своею грамотою на заключенный в Столбове договор; в том же году он был сделан боярином, а в следующем — оружейничим. В 1649 г. Г. Г. Пушкин, с титулом наместника Нижегородского, был послан в Польшу для поздравления короля Яна-Казимира со вступлением на престол и для подтверждения Поляновского договора, а в 1654/1655 г. был назначен начальным боярином в Смоленск,² он умер в 1656 или 1657 г., оставив вдову, *Ульяну Осиповну*, рожд. *Грязново*. Брат его, *Степан Гаврилович* окольнічий (ум. в 1656 г.), был воеводою в Рыльске, Одоеве, Устюге, Рыльске, Путивле и Смоленске³ и также ездил в 1650 г. в Польшу, в составе посольства.

¹ «великим».

Ред.

² В 1644 г. заведывал работами по росписи Успенского собора, а в 1648 г. ведал Серебряным приказом (справочник Кол. Ин. Дел, Олеарий).

Ред.

³ В 1646 г. составил опись Рыльска и был переписчиком Суздаля (МАМЮ).

Ред.

Стольник *Никита Борисович* (сын упомянутого *Бориса Ивановича*) был владельцем весьма крупного состояния и умер в 1715 г., постригшись в монашество с именем Нифонта; сын его *Афанасий*, умерший бездетным, был женат на *С. Е. Украинцевой*, дочери знаменитого дьяка-дипломата Емельяна Игнатьевича; дочь же, *Софья Никитична*, была замужем за известным петровским адмиралом, графом *Николаем Федоровичем Головиным* (род. в 1695, ум. в 1745 г.) и имел дочь, вышедшую за принца Петра Гольштейн-Бекского. *Петр Калинович* Пушкин, умерший в 1744 г., в чине д. с. советника, учился в Московской Навигационной Школе, а затем в Голландии (с 1710 г.), долго и с успехом служил во флоте, был «командующим» над Морскою Академиею в Петербурге (1728 — 1730 г.), а затем советником Адмиралтейств-Коллегии и состоял (1743 г.) членом генерального суда по делу Лопухиных, обвиненных в заговоре против имп. Елизаветы; женат он был на *Татьяне Даниловне Меншиковой*,¹ родной сестре всеильного князя А. Д. Меншикова; ему с братом *Иваном Калиновичем*, стольником, достались все имения сосланного в Сибирь боярина *Матвея Степановича* Пушкина. *Андрей Никифорович* (сын упомянутого в начале статьи *Никифора Изотовича*), артиллерии полковник, был членом Вольного Общества Любителей Российской словесности, сотрудничал в нескольких журналах середины 1820-х годов и напечатал несколько трудов по военному искусству; он был убит на штурме Варшавы в 1831 году.

В настоящее время из всего весьма обширного рода Пушкиных (до 400 мужских имен) представителями его являются лишь сын и внуки поэта² и потомство брата

¹ Не он, а его брат Иван Калинович.

Ред.

² Сын поэта А. А. Пушкин ум. в 1914 г.; его сыновья, дочери и внуки (внуки и правнуки поэта) здравствуют в настоящее время. *Ред.*

его *Льва Сергеевича* (женатого, с 1843 г., на *Елизавете Александровне Загряжской*), а также семья *Льва Александровича* (женатого на *Елизавете Григорьевне Текутьевой*), сына *Александра Юрьевича*, родного племянника Марьи Алексеевны Ганнибал и двоюродного брата Н. О. Пушкиной. К рассказу о Ганнибалах мы теперь и переходим.

IV

Поэт историю своих предков Ганнибалов интересовался едва ли не более, чем родом Пушкиных: он тщательно собирал материалы для жизнеописания своего прадеда Абрама Петровича, а равно семейные предания, намереваясь издать полную биографию его самого, а также и его не менее известного сына Ивана Абрамовича; вывел его, как главное действующее лицо, в своем неоконченном романе «Арап Петра Великого», посвятил ему вдохновенные, истинно-поэтические строки в «Моей родословной» и неоднократно вспоминал о своих африканских предках в своих стихотворениях;¹ наконец, сообщил об «арапе» сведения Д. Н. Бантышу-Каменскому для «Словаря достопамятных людей Русской земли». В фактической части биографии прадеда своего Пушкин, однако, допустил неточности и ошибки, которые явилось возможным проверить лишь по позднейшим изысканиям. В настоящее время биографию «Арапа Петра Великого» можно нарисовать с достаточною полнотою. Мы ограничимся здесь лишь кратким ее изложением.

Абрам (Петр) Петрович Ганнибал родился² в г. Логоне, в северной Абиссинии, на берегах Мареба, на гра-

¹ Напр., в посланиях Ф. Ф. Юрьеву и Н. М. Языкову, в «Евгении Онегине», гл. I, строфа L, в «Воспоминании в Царском Селе».

² См. исследование проф. Д. Н. Анучина — А. С. Пушкин (Антропологический этюд). Из №№ 99, 106, 114, 120, 127, 134, 143, 163, 172, 180, 193 и 209 «Русских Ведомостей» 1899 г., М. 1899.

нице между Хамасеном и Сарае, — в 1697/1698 г.; отец его в указанной местности был владетельным князьком и находился в вассальной зависимости от турок, к которым и был, вместе с другими знатными юношами, отдан, в виде аманата, или заложника, восьмилетний Ибрагим; привезенный ватем в Константинополь, он помещен был в султанский сераль и здесь прожил с небольшим год. В это время Петр Великий приказал русскому посланнику в Константинополе достать для него нескольких способных мальчиков-арапов. Посланник с большим трудом исполнил поручение царя,¹ и Ибрагим в 1706 г. привезен был графом Саввою Владиславичем-Рагузинским в Москву и доставлен прямо «в дом» Петра Великого. В 1707 г., в бытность последнего в Вильне, Ибрагим в местной Пятницкой церкви был крещен в православие,² причем сам царь был его восприемником (от него он и получил свое отчество), а крестною матерью была жена польского короля Августа II — Христина-Эбергардина. Ибрагиму дано было имя Петра, но он не хотел расстаться с прежним, и государь разрешил ему именоваться, по созвучию, Абрамом. Когда и почему принял он фамилию Ганнибала, — положительных указаний не имеется: в течение многих лет он и сам подписывался, и в официальных бумагах, и в частных письмах

---

¹ По одним источникам, Ганнибал был выкраден из сераля при помощи султанского визиря; по показанию же его самого, он в Россию «выехал волею своею».

² «Сев.-Зап. Слово» 1899 г. (перепеч. в «Нов. Врем.» 1899 г., № 8237); в Пятницкой церкви на стене имеется мраморная доска с соответствующею надписью, в которой неверно указан 1705 г.; между тем в «Истории» Соловьева (т. IV, стр. 224) приведены некоторые расходы Петра за 1707 г.: из них видно, что в этом году Петр в Вильне выдал «Авраму арапу и Якиму карле на платье 87 р.».

именовался просто «Абрам Петров», прозвище же Ганнибала закрепилось за ним лишь впоследствии (не раньше 1733 и не позже 1737 г.). До 1717 г. Ганнибал пробыл «неотлучно» при Петре Великом, неся при нем обязанности камердинера, денщика и секретаря, а в 1717 г. «послан был для наук в чужие края и был в службе королевского величества французского в лейб-гвардии капитаном»,¹ участвовал, в 1719 г., в войне французов с испанцами, причем был ранен в голову и взят в плен, а затем учился в *Ecole d'artillerie* в Меце.² Пробыв во Франции до конца 1722 г.,³ Ганнибал в начале следующего возвратился в Петербург и сразу же назначен был на инженерные работы в Кронштадте,⁴ войдя в то же время в кружок лиц, группировавшихся около известной княгини А. П. Волконской (ум. в 1731 г.)⁵ и бывших противниками временщика Меньшикова; кружок этот составляли: С. А. Маврин (учитель вел. кн. Петра Алексеевича), И. А. Черкасов, И. П. Веселовский, Е. И. Пашков, граф Рабутин и др. В феврале 1724 г. Ганнибал был определен Петром Великим в бомбардирскую роту л.-гв. Преображенского полка⁶, причем ему поручено было, между прочим, учить молодых солдат (из дворян) мате-

¹ Собственное показание — «Русск. Арх.» 1891 г., кн. II, стр. 102.

² И. А. Шляпкин, из неизд. бумаг А. С. Пушкина, Спб. 1903, стр. 321, и Анучин, *op. cit.*

³ Письма Ганнибала из Парижа см. у Пекарского, «Наука и литература в России», т. I, Спб. 1862, стр. 164 — 167 и 242.

⁴ См. ст. С. Н. Шубинского о кн. Волконской в «Ист. Вестн.», 1904 г., т. 98, стр. 931.

⁵ Сестры будущего канцлера А. П. Бестужева-Рюмина; о ней см. «Историю России» Соловьева, т. IV, и статью С. Н. Шубинского в «Ист. Вестнике» 1904 г., т. 98, стр. 927 — 965.

⁶ История л.-гв. Преобр. п., т. IV, прил., Спб. 1883, стр. 169 и М. Д. Хмыров, *Истор. статьи*, Спб. 1873, стр. 17.

матическим наукам;¹ эти же науки он преподавал, уже по смерти императора, наследнику престола вел. кн. Петру Алексеевичу. Екатерина I и великий князь благоволили к Ганнибалу,² но всеильный Меншиков, на другой же день по вступлении на престол Петра II, опасаясь влияния Ганнибала на юного царя, поспешил удалить и Абрама Петрова, и его единомышленников и друзей из Петербурга: 8 мая 1727 г. он получил предписание «ехать немедленно в Казань и . . . тамошнюю крепость осмотреть и каким образом ее починить или вновь вапотребно рассудить, сделать цитадель, тому учинить план и проект».³ Приехав в Казань и пробыв там 25 дней, Ганнибал получил другое предписание Меншикова — от 28 мая, которым поручалось ему ехать без замедления в Тобольск для построения крепости. 27 июня он выехал из Кавани,⁴ прибыл в Тобольск 30 июля,⁵ но уже 3-го августа был отправлен, по распоряжению Меншикова, еще дальше⁶ — на Китайскую границу, к чрезвычайному посланнику графу Владиславиичу-Рагузинскому,⁷ для постройки Селенгинской крепости. В январе 1728 г. он был в Иркутске⁸, а затем —

¹ Хмыров, стр. 17.

² Шляпкин, о. с., стр. 322. В 1726 г., 23 ноября, Ганнибал поднес императрице сочиненную им книгу об инженерном искусстве (С. Н. Шубинский, о. с., стр. 933).

³ Н. А. Гастфрейнд, Письма Абрама Ганнибала (Архивные документы), Спб. 1904, стр. 7.

⁴ Его письмо от этого числа см. у Шубинского, о. с., 938 — 939.

⁵ «Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.», т. 84, стр. 129 — 130.

⁶ Письмо его из Томска, от 15 ноября 1727 г., к кн. Волконской см. у Шубинского, о. с., стр. 943 — 947; ср. «Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.», т. 84, стр. 129 — 130.

⁷ Тому самому, который вывел его из Константинополя.

⁸ «Москвитянин» 1853 г., № 24, матер., стр. 34 — 35.

в Тобольске, отпущенный с границы Владиславичем, не зная еще о происшедшем падении и ссылке Меншикова. Друзья, между тем, неуспешно, хотя и без успеха, хлопотали о Ганнибале;¹ так, 17 июля состоялось новое определение Верховного Тайного Совета — об удержании Ганнибала на Китайской границе «до указа»,² а 22 декабря 1729 г. — об аресте его там, отобрании всей переписки его и об отправке «с пристойным конвоем» в Томск;³ распоряжения эти стояли в тесной связи с делом княгини Волконской и ее друзей, преследовавшихся уже новыми временщиками — Долгорукими. В 1730 г., по указу новой императрицы Анны Иоанновны от 25 февраля, бомбардир-поручик Ганнибал был назначен майором в Тобольский гарнизон,⁴ а вскоре получил возможность совсем покинуть Сибирь, будучи определен (25 сентября), по ходатайству своего благожелателя Минаха, инженер-капитаном,⁵ с назначением в Пернов «к инженерным и фортификационным делам по его рангу». ⁶ Так окончились влечения Ганнибала, которые он справедливо приписывал «партикулярному интересу» князя Меншикова и «влобе и наущению его креатур». ⁷

---

¹ См. у Соловьева и у Шубинского, о. с.

² «Сборн. Ими. Русск. Историч. Общ.», т. 84, стр. 128 — 129.

³ Гастфрейнд, о. с., стр. 11 — 12 и «Сборн. Ими. Русск. Историч. Общ.», т. 101, стр. 542 — 544: прошение Ганнибала от 31 августа 1729 г.

⁴ «Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.», т. 101, стр. 542.

⁵ И. И. Василев. Следы пребывания А. С. Пушкина в Псковской губернии, Спб. 1899, стр. 16 (патент).

⁶ «История» Соловьева, т. IV, ст. 1209.

⁷ Подлинные слова Ганнибала из его прошения — см. «Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.», т. 101, стр. 542.

Вернувшись в Петербург прямо из Селенгинска¹ (в Тобольск он, вероятно, попасть не успел), Ганнибал в январе или феврале 1731 г. женился на гречанке *Евдокии Андреевне Диопер*, дочери капитана галерного флота, а через месяц был командирован Минихом в Пернов — учить кондукторов математике и черчению. Евдокия Андреевна, не желавшая выходить за Ганнибала, «понеже», как она выражалась, «арап и не нашей породы», и имевшая еще до сватовства Абрама Петровича сердечные симпатии к некоему флотскому поручику Кайсарову, вскоре же стала изменять нелюбимому мужу, увлекшись одним из кондукторов, Яковом Шишковым; с этого времени между супругами началась тяжелая семейная драма, окончательно завершившаяся формальным разводом лишь через одиннадцать лет. Сначала пылкий арап старался воздействовать на жену домашними средствами и, приставив к ней строгий караул, жестоко истязал ее, надеясь ее образумить: вкладывая руки несчастной во вбитые в стену кольца, так, что тело ее повисало в воздухе, Ганнибал сек ее розгами, бил плетью и батогами. Но и это, видно, не помогало, и он упрятал жену на Госпитальный двор, на котором она провела *пять лет*. Сам он, между тем, сошелся с дочерью капитана местного полка *Матвея фон-Шеберха* (от брака его с лифляндскою дворянкою Альбедиль) — *Христиною-Региную* — и жил с нею сперва в Ревельском уезде, на купленной им мызе Каррикулля, а затем, в 1736 г., и обвенчался с нею в Ревельской соборной церкви, не дождавшись решения своего дела с первою женою.² В это время Ганнибал был уже

---

¹ С. И. Оpatович, статья об Е. А. Ганнибал в «Русской Старине» 1877 г., т. XVIII, стр. 70.

² С. И. Оpatович, ст. в «Русск. Стар.» 1877 г., т. XVIII, стр. 69 — 78 и Шляпкин, о. с., стр. 322.

в отставке, которую получил еще 21 мая 1733 г.¹ по представлению Миниха.

В 1741 г. (26 января) Ганнибал снова определился на службу, будучи назначен, с чином артиллерии подполковника, в Ревельский гарнизон, причем получил мызу Рагола, в Ревельском уезде;² вскоре (12 января 1742 г.) императрица Елизавета Петровна произвела его из подполковников прямо в генерал-майоры, с определением обер-комендантом в Ревель,³ где и прослужил он десять лет. За это время сохранилось много официальных и полуофициальных писем Ганнибала, характеризующих его служебную деятельность и отношения к разным лицам.⁴ Граматою имп. Елизаветы, от 12 января 1746 г., ему были пожалованы значительные имения — «Михайловская Губа» (в пригороде Ворониче, Псковской губ.), принадлежавшая до того царевне Екатерине Иоанновне (ум. в 1733 г.), со всеми землями и 569 душами крестьян.⁵

---

¹ Хмыров, о. с., стр. 33, Василев, о. с., стр. 16.

² «Сенат. Архив», т. II, стр. 455. — Пушкин рассказывает, что, узнав о восшествии на престол имп. Елизаветы, находившийся не у дел Ганнибал «написал ей евангельские слова: помяни мя, егда приидеши во царствие свое» и был принят в службу»; это неверно: Ганнибал был принят опять на службу 26 января 1741 г., а Елизавета воцарилась позже — 25 ноября; милость императрицы выразилась в пожаловании чина и повышении по службе.

³ В январе этого года Ганнибал подал в Сенат просьбу о выдаче ему герба (Арх. Департ. Герольдии, Книга 39-я Решенных дел, 1781 г., л. 39; это любопытное прошение Ганнибала, с автобиографическими данными, напечатано в «Русск. Арх.» 1891 г., кн. II, стр. 101 — 102). В пожаловании чина и имений Ганнибалу оказал содействие вице-канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, брат тогда уже умершей кн. А. П. Волконской (Соловьев. «История», т. V, ст. 133).

⁴ Хмыров, о. с., Гастфрейнд, о. с., «Сен. Архив», т. V; Д. Ануцин, о. с., стр. 11.

⁵ Арх. Департ. Герольдии, дело о дворянстве, Ганнибалов, и Василев, о. с.; об имениях Ганнибалов см., между прочим, «Сбор-

25 апреля 1752 г. Ганнибал был переименован в генерал-майора от фортификации и назначен управлять искусственной, строительною частью инженерного ведомства.¹ В следующем году (9 сентября) решено было, наконец, после долгих перипетий, дело Абрама Петровича с его первой женой: она была признана виновною и сослана в Староладожский женский монастырь, а брак Ганнибала с Христиной Шеберх признан законным, хотя на него и наложены были эпитимия и штраф.² 25 декабря 1755 г. Ганнибал был пожалован в генерал-поручики, с назначением Выборгским губернатором, но через два дня последовал новый указ, коим он, попрежнему, оставлялся в инженерном корпусе. В истории этого ведомства Ганнибал является одним из видных деятелей своего времени,³ сотрудником генерал-фельдцейхмейстера графа П. И. Панина. Назначенный членом Канцелярии Главной артиллерии и фортификации, он 4 июля 1756 г.⁴ произведен был в инженер-генералы, а затем — в генерал-аншефы, с определением главным директором Ладожского канала и кронштадтских и рогервикских строений (23 ноября 1759 г.).⁵ Награжденный затем (30 августа 1760 г.) орденом св. Александра Невского, Ганнибал в

ник трудов членов Псковского Археологического Общества за 1896 г.», Пск. 1897.

¹ См Хмыров, о. с., стр. 57 — 58; А. Савельев, Истор. очерк инженерн. управл. в России, Спб. 1879, стр. 100; Д. П. Струков, Главное Артилл. Управление, ч. I, кн. 1, Спб. 1902, стр. 217, 222, 228.

² С. И. Опатович, о. с.

³ См. указ. соч.: Савельева, стр. 107, 109, 110 — 111; Хмырова, стр. 58 — 63, и Струкова, а также И. Г. Фабрициуса, Главн. Инжен. Управление, Спб. 1902, ч. I, стр. XXXVI, XL, XLIII, XLV.

⁴ «Моск. Вedom.» 1756 г., № 27.

⁵ Хмыров, о. с., стр. 62.

следующем году оплакал смерть имп. Елизаветы, а в 1762 г., 9 июня, уволился в отставку¹ — за несколько дней до вступления на престол Екатерины II; последняя, без сомнения, лично знала Абрама Петровича, к которому в 1765 г. обращалась с милостивым рескриптом, спрашивая его о проектированном Петром Великим канале от Москвы до Петербурга.² Остаток дней своих, еще довольно продолжительный, А. П. Ганнибал провел в пожалованном ему имении Суйде;³ здесь он скончался 14 мая 1781 г., здесь и погребен, но могила его не сохранилась;⁴ днем раньше, 13 мая, скончалась его супруга — Христина Матвеевна⁵.

От первого брака своего Абрам Петрович не имел детей,⁶ а от второго у него было 11 человек; из них сведения сохранились о пяти сыновьях и четырех дочерях.

1) *Иван Абрамович*, старший из сыновей (род. 5 июня 173... г.,⁷ был в службу вчислен в 1744 г., затем был цейхмейстером морской артиллерии (10 февраля 1769 г.), комендантом Наварина, за ввятие которого и за участие в Чесменском бою получил орден Георгия

---

¹ Хмыров, о. с., стр. 64.

² Анненков, Материалы, изд. 1873, стр. 292 — 293, и Гастфрейнд, о. с., стр. 12 — 14.

³ Кроме Суйды, Ганнибалу были пожалованы след. имения: в Софийском же уезде мыза Елицы с 5 деревнями, мызы Руново, Кобрини и Таица с деревнями, Михайловская Губа в Опочецк. у. с 37 дер., в Спасской Губе 2 дер., в Егорьевской губе пустошь и др. Суйда воспета В. Л. Пушкиным, когда она принадлежала И. А. Ганнибалу (См. Соч., изд. 1893 г., стр. 50 — 52).

⁴ Шляпкин, о. с., стр. 322, и Анучин, о. с., стр. 11.

⁵ Шляпкин, о. с., стр. 322.

⁶ Сообщение Пушкина о том, что у арапа родилась белая дочь, не подтверждается документальными данными (см. Опатович, о. с.).

⁷ По надгробию — 1731 г., что ошибочно, так как отец его женился на первой жене лишь в январе-феврале 1731 г., а Иван Абрамович был его сыном уже от второй жены.

3-й степени (27 ноября 1770 г.), генерал-майором (7 декабря 1772 г.), генерал-цейхмейстером морской артиллерии (7 июля 1776 г.), главным командиром строения креп. Херсона (с 25 июля 1778 г.) и генерал-поручиком (1 января 1779 г.); он был уволен от службы 22 февраля 1784 г., имея ордена Александра Невского (1796 г.), Владимира 1-й ст. (1781 г.) и св. Анны (1775 г.).¹ После отца своего наследовал (1782 г.) мызу Суйду с деревнями; скончался, холостым, в Петербурге, 12 октября 1801 года и погребен на Лаваревском кладбище Александро-Невской Лавры,² где на могиле его высечена следующая эпитафия:

Зной Африки родил, хлад кровь его покоил,
 России он служил, путь к вечности устроил.
 Стенящие о нем родня его и ближни
 Сей памятник ему с усердием воздвигли.

2) *Петр Абрамович* (род. в Ревеле 21 июля 1747 г.,³ тот самый, которого в 1812 году посетил юноша-Пушкин,⁴ — артиллерии капитан (1 июня 1768 г.), майор (13 декабря 1770 г.), подполковник (10 июля 1775 г.) и обер-кригс-комиссар; полковник (2 октября 1781 г.) и генерал-майор (10 ноября 1783 г.); долгое время состоял под судом за растрату каких-то артиллерийских снарядов и освобожден был от него только благодаря

¹ Его биография у Д. Н. Бантыша-Каменского (Словарь достоп. людей, изд. 1836 г., т. II, стр. 15); см. также «Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древностей», т. XXIII, и «Общий Морской Список», т. II.

² В. И. Саитов, Петербургский Некрополь, М. 1883.

³ П. Анненков, Пушк. в Алекс. эпоху, Спб. 1874, стр. 13 (автоб.); крещен был имп. Елизаветою и Петром III. В посемейном списке Петра Абрамовича, составленном им самим, он указывает днем своего рождения 22-е июня (Архив Департ. Герольдии).

⁴ Соч., изд. П. О. Морозова, т. VI, стр. 454 и Анненков, о. с., стр. 11.

влиянию своего брата Ивана;¹ по разделу с братьями он получил (1782 г.) в Софийском уезде мызу Елицы, в которой и поселился по выходе в отставку,² — и в Михайловской Губе с-цо Петровское (около с. Михайловского), куда переехал после того, как разошелся с женою и где посетил его Пушкин. Женат он был, с 1777 г, на *Ольге Григорьевне фон-Даннеништерн*, дочери колл. сов. Григория Григорьевича, от которого получил в приданое имения в Казанской и Саратовской губерниях; он имел одного сына — *Венямина Петровича* (род. около 1778 г., ум. 23-го декабря 1839 г.³) и дочерей *Христину* и *Александру*. Брачная жизнь Петра Абрамовича сложилась неудачно: прожив с женою 9 лет, он стал изменять ей, а вскоре (1786 г.) и совсем покинул,⁴ и супруги всю жизнь провели врозь. Он скончался в 1822 г.⁵ Мать поэта, Надежда Осиповна, в молодости была под его опекой.

3) *Осип (Яннуарий) Абрамович* (род. 20 января 1744 г.), — родной дед поэта, владелец, по разделу с братьями (1782 г.), с. Михайловского, — служил в артиллерии и 29 декабря 1770 г. произведен в майоры. В 1773 г.⁶ он, будучи в Липецке, на чугунных заводах, женился на *Марии Алексеевне Пушкиной*, жившей с отцом в с. Покровском, а вскоре затем вышел в отставку с чином флота артиллерии капитана 2 ранга. Плодом супру-

¹ Анненков, о. с., стр. 12.

² В 1792 г. он продал Елицы П. Г. Демидову (И. Василев, о. с.).

³ См. Б. Л. Модзалевский, Поездка в Тригорское, Спб. 1903, стр. 17. Погребен в Ворониче, близ Тригорского.

⁴ См. о нем ст. Н. А. Белозерской в «Истор. Вестника» 1899 г., № 5, стр. 427 — 463.

⁵ Анненков, о. с., стр. 11. [Это — ошибка. П. А. Ганнибал был жив в августе 1825 г. — ср. письмо Пушкина к П. А. Осиповой 11 авг. 1825. *Ред.*]

⁶ «Москвитянин» 1852 г., № 24, отд. IV, стр. 22.

жества их был один сын, умерший грудным младенцем, и дочь Надежда (род. 1775 г.) — мать поэта. Затем он служил заседателем Псковского Совестного Суда, советником Псковского (1778 г.) Наместнического, а с 6 апреля 1780 г. — С.-Петербургского Губернского Правления.¹ Супруги Ганнибалы были весьма несчастливы: прожив совместно с женой около четырех лет, — частью в Суйде у Абрама Петровича,² частью в Петербурге, — Осип Абрамович скрылся от родных. Вскоре же между супругами началось тяжebное дело, тянувшееся много лет. «Ревность жены и непостоянство мужа» — говорит внук, поэт, «были причиною неудовольствия и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения». И действительно: покинув жену, Осип Абрамович, служа во Пскове, сошелся с Новоржевскою помещицею *Устиньею Ермолаевною Толстою* (рожд. *Шишкиной*), вдовою капитана Ивана Толстого, и 9 января 1779 г. обвенчался с нею в церкви погоста Апросьева, Новоржевского уезда, дав священнику фальшивое свидетельство в том, что он вдов.³ Поступив так легкомысленно, Осип Абрамович, с неменьшею опрометчивостью, дал Устинье Ермолаевне «рядную запись» (31 января 1779 г.), в которой расписался в том, что получил от нее приданого равными вещами на 27 000 с лишним рублей. Сожительство их продолжалось, однако, недолго: 6 мая супруги были, распоряжением псковского архиерея, разлучены, и с этих пор на Осипа Абрамовича посыпались обвинения и жалобы со стороны обеих его жен: Марья Алексеевна, поддерживаемая своим братом М. А. Пушкиным, возбудила дело о двоежен-

¹ Архив Департ. Герольдии.

² «Историч. Вестник» 1886 г., т. XXIII, стр. 98, 100, 101, 103.

³ Там же, стр. 113.

стве мужа, а Устинья Ермолаевна, видя, что обстоятельства складываются не в ее пользу, и что Осип Абрамович не поддается ее увещаниям жить с нею попрежнему, вскоре подала просьбу в суд о взыскании с него 27 000 р., будто бы полученных от нее и им растраченных. Тщетно Осип Абрамович доказывал, с одной стороны, что женился на второй жене, будучи уверен в смерти первой: брак его с Толстою был признан (2 марта 1784 г.) незаконным, причем он, по приказанию имп. Екатерины, был отправлен «на кораблях на целую кампанию в Северное море, дабы он службою погрешения свои наградить мог», а четвертая часть имения его, — именно с. Кобрино, было взято в опеку на содержание дочери Надежды.¹ Тщетно также, с другой стороны, Ганнибал старался доказать суду в равных инстанциях, что не только не получал от Толстой никакого приданого, дав ей рядную запись безденежную, т. е. дутую, но что сам издержал на ее прихоти до 30 000 рублей:² дело с настойчивой и умудренной опытом Устиньей Ермолаевной тянулось много лет подряд, в течение которых тяжущиеся делали попытки к сближению, сходились и снова разъезжались, возобновляя тяжбу, конца которой Осипу Абрамовичу так и не суждено было дожждаться:³ он скончался 12 октября

---

¹ Опекунами были назначены ее дядья: Петр Абрамович Ганнибал и Михаил Алексеевич Пушкин.

² Построил ей во Пскове дом с фруктовым садом, купил в 4 верстах от города дачу, при которой развел сад, устроил хозяйство, оранжереи и т. д., накупил серебряных и золотых сервизов, бриллиантов, экипажей, мебели, прожил 12 000 р., за которые заложил свои имения и т. д.

³ Бракоразводное дело Ганнибалов пересказано В. О. Михневичем в статье «Дед Пушкина» — в «Истор. Вестнике» 1886 г., т. XXIII, стр. 87 — 143, а тяжebное дело О. А. Ганнибала с У. Е. Толстой хранится в Сенатском Архиве, где мы воспользовались им при любезном содействии секретаря Архива Н. А. Мурванова.

1806 г.¹ в с. Михайловском, — «от следствий невоздержной жизни», по свидетельству Пушкина. «Одиннадцать лет после того», говорит он, «бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре», — рядом с могилой внука-поэта.

4) *Исаак (Савва) Абрамович* (род. в 1747 г.), в 1756 г. определенный в Артиллерийскую школу, был впоследствии флота артиллерии капитаном 3 ранга, а затем в 1803 г., служил Псковским обер-форштмейстером и в 1804 г. умер в чине коллежского ассессора.² От брака своего с дочерью псковского помещика, *Анной Андреевной Чихачевой*, он имел 15 человек детей (*Якова*,³ *Павла*,⁴ *Абрама*,⁵ *Иосифа*,⁶ *Петра*,⁷ *Александра*,⁸ *Дмитрия*,⁹ *Семена*,¹⁰ *Екатерину*,¹¹ *Любовь*, *Александрю*, *Анну*,¹² *Олимпиаду*,¹³ *Клавдию*¹⁴ и *Констанцию*).¹⁵

¹ В. Л. Модзалевский. Поездка в Тригорское, Спб. 1903 г., стр. 8.

² Архив Департамента Герольдии, дело о дворянстве Ганнибалов.

³ Лейтенант, потом кол. асс., женат был на *Е. А. Вындомской*, родной сестре соседки Пушкина по Михайловскому — П. А. Осиповой.

⁴ Подполковник, был в 1826 г. сослан в Сольвычегодск, а потом в Соловки (см. «Русск. Старина» 1899 г., № 5, стр. 353 — 358; был женат на *В. Т. Ланге*.

⁵ Мичман (1802 г.).

⁶ Мичман ум. в 1802 г.

⁷ Поручик, женатый на *А. М. Миклашевской*.

⁸ и ⁹ Оба умерли в старости холостыми.

¹⁰ Артиллерии подпоручик, потом чиновник 12 класса, ум. в 1853 г.

¹¹ Была замужем дважды: за *Семеном Мяговым* и за *Иваном Карловичем Меландер* (1834 г.).

¹² Все три сестры умерли в девицах.

¹³ Была замужем за *Михаилом Ивановым*.

¹⁴ За *Александром Федоровичем фон-Инглис*.

¹⁵ За *Алексеем Васильевичем Хорошиловым*.

5) *Яков Абрамович*, род. в 1748 г., в 1756 г. определен был в Артиллерийскую школу, но вскоре умер.

Из дочерей Абрама Петровича — *Елизавета Абрамовна* была за подполковником *Андреем Павловичем Пушкиным*, *Анна Абрамовна* — за генерал-майором *Нееловым*, *Софья Абрамовна* — за артиллерии секунд-майором (потом ст. сов.) *Адольфом-Рейнгольдом (Адамом Карповичем) фон-Роткирх*; *Агриппина Абрамовна* умерла девицей.

Последними потомками «Арапа Петра Великого» являются дети *Александра Яковлевича* Ганнибала (род. в 1797, ум. в 1834 г.) и жены его *Александры Егоровны*, рожд. *Юрениной*: *Георгий* (род. в 1832 г.), отставной поручик (женатый на *М. О. Осиповой*), живущий в Петербурге и имеющий детей, *Александр* (род. в 1834, ум. в 1848 г.), *Елизавета* (род. в 1834, ум. в 1857 г.), бывшая за надв. сов. *Николаем Степановичем Самойловым*, и *София* (род. 1833, ум. в 1856 г.), скончавшаяся девицей.

Пушкину неоднократно и с разных сторон приходилось выслушивать упреки в спесивом «аристократизме», в том, что он гордится своим «шестисотлетним дворянством»; упреки эти слышал поэт еще в 1825 г. от Рыльева;¹ в 1828 г. он снова выслушивает их от Н. Н. Раевского и М. В. Юзефовича и восклицает: «Я не понимаю, как можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тем, что под выборной грамотой Михаила Федоровича есть пять подписей Пушкиных». ² «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — записывает он около этого же времени. «Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца;

¹ См. письма Рыльева к Пушкину от первой половины июня и сент. — окт. 1825 г. и ответ Пушкина на первое из них.

² Воспоминания М. В. Юзефовича о Пушкине — в «Русском Архиве» 1880 г.

в которой упомянуто имя его предка, местного рыцаря, павшего в такой-то битве или таком - то году возвратившегося из Палестины; но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество — не уважать прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим, и у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества». «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности». Последние строки набросаны были в 1830 году, когда поэт снова подвергся тем же нападкам и грубым выходкам — со стороны Булгарина — и, раздраженный ими, он делает блестящую отповедь ему и его единомышленникам в «Моей родословной». Стихотворение это в связи с многочисленными набросками мыслей поэта, касающимися того же большого вопроса, являются сами по себе прекрасным опровержением односторонних упреков, причем не следует забывать, в какое время велась эта полемика. «Пушкин», сказал И. С. Аксаков в своей известной речи при открытии памятника поэту, «действительно знал и любил своих предков. Что ж из этого? Было бы желательно, чтобы связь преданий и чувство исторической преемственности было доступно не одному дворянству (где оно почти не живет), но и всем сословиям; чтобы память о предках жила и в купечестве, и в духовенстве, и у крестьян. Да и теперь между ними уважаются старинные честные роды. Но что, в сущности, давала душе Пушкина эта любовь к предкам? Давала и питала лишь живое, здоровое *историческое* чувство. Ему было приятно иметь через них, так сказать, реальную связь с родною историею, состоять как бы в историческом свойстве и с Александром Невским, и с Иоаннами, и с Годуновым. Русская летопись уже не представлялась ему чем-то отрешенным, мертвою хартией, но как бы и семейною хроникой . . . Он и в со-

временности чувствовал себя всегда как в исторической рамке, в пределах живой, продолжающейся истории»¹. В. Е. Якушкин, говоря об «аристократизме» поэта, замечает: «Не надо придавать чрезмерного значения этой стороне убеждений Пушкина, который не доводил своего взгляда до крайностей: он вступался за униженные исторические роды; уничтожение их он считал вредным, видя, что их ватируют вовсе не истинные заслуги; Пушкин вовсе не стоял на точке зрения безусловной дворянской гордости, что видно, например, из следующей фразы: «имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные, но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами?»²

По справедливым словам Анненкова, Пушкин «уважал справедливую гордость родом и происхождением *везде, где она делается источником нравственного достоинства и сочувствия к прошлому своего отечества*. Уважение к предкам считал он единственной платой, на какую имеют заслуженное право лица, исчезнувшие с земли. С другой стороны, Пушкин был весьма далек от мысли гордиться даже пороками своих предшественников, что иногда бывает от неправильного понимания достоинства истории и своего собственного. Это доказывается самой «Родословной Пушкиных и Ганнибаловых», где так откровенно и просто рассказал он, без всякой утайки, все то, что знал о ближайших своих предках»³.

Таковы были истинные мотивы интереса поэта к прошлому своего рода.

¹ Полное собр. соч. И. С. Аксакова, т. VII, М. 1887, стр. 830.

² «О Пушкине», М. 1899, стр. 59 (в статье «Радищев и Пушкин»).

³ Анненков, «Материалы», изд. 1873 г., стр. 293; о том же вопросе Анненков говорит в статье своей «Общественные идеалы Пушкина» («Вестник Европы» 1880 г., № 6, и «Воспоминания и критические очерки», т. III, Спб. 1881).

К ИСТОРИИ ССЫЛКИ ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОЕ

Со дня смерти Пушкина прошло девяносто лет. Это — средняя мера жизни поколений: наши отцы, мы (я говорю о людях моего возраста) и наши дети, — вот эти три поколения; из них старшее увидело свет в годы, близкие к смерти поэта (мой отец, например, родился две недели спустя после кончины Пушкина) и росло в атмосфере идеалистических настроений 40 — 60-х годов, под влиянием Белинского и плеяды представителей Гоголевской литературной школы; мы, поколение среднее, произошли в те годы, когда русское общество уже пережило волнения, сомнения и отрицания 60 — 70-х годов, с их временным отвержением Пушкина и были свидетелями того, как имя Пушкина постепенно выросло в сознании нашего общества, как он сам становился символом всей нашей культуры, ее олицетворением. Дети наши выросли уже в эпоху общего признания всей великости и всего значения гения Пушкина. Таким образом, можно сказать, что эти девять десятков лет, протекших со смерти поэта, в значительной степени прошли «под знаком Пушкина».

Но можем ли мы сказать, что мы *знаем* Пушкина, что нам *известно* все в нем и о нем? Увы, мы должны сознаться к стыду нашему, что *нет*, — *не знаем*, что многое нам еще неизвестно. И в этом незнании мы должны винить не столько себя, сколько поколение старших и младших современников Пушкина и тех, кто, созрев в годы, когда память об ушедшем гении была еще так свежа, и впитав в себя многое от духовных даров Пушкина, не приложил стараний к тому, чтобы по горячим следам, в среде, близкой

к Пушкину, заняться тщательным собиранием его произведений, его писем и других писаний, сведений о нем самом и о его жизни, о его друзьях, врагах и просто знакомых, сохранением вещественных памятников, с ним связанных, вроде его библиотеки и житейской обстановки, наконец, — охранением мест, в которых он жил, страдал и творил... Действительно, что сделали для этого такие признанные друзья и приятели Пушкина, как Вяземский, Жуковский, Тургеневы, Плетнев, Нащокин, Соболевский, Погодин, брат поэта Лев Пушкин, его отец и сестра Павлищева? Если для последних это был просто «Alexandre», то для первых, людей образованных, это был великий писатель, гениальный человек, украшение своей нации и своей эпохи... Для Боратынского, для Языкова, для Тютчева, для Гоголя и многих других — ведь это был учитель, образец. И кто из них позаботился собрать для нас что-либо цельное, существенное, важное? Кто из перечисленных выше писателей дал себе труд написать о нем для нас свои воспоминания? Мы имеем от них лишь жалкие крохи, как будто они не знали, что им следовало рассказать нам о Пушкине. Присяжный историк, Погодин уже в 1848 г. восклицал: «Голос современника, близкого человека — самое драгоценное свидетельство, которое ничем не заменишь. А потом Пушкин! Пушкина уже у нас забывают! Пушкина! Что это за ужасное время! Имени его не попадает в печати!» Сетуя на то, как «забываются у нас примечательные и важные люди», он восклицал: «О любезное Отечество! Что за равнодушие, что за неблагодарность! Какое мертвенное безмолвие! Когда же будет этому всему конец?» И тот же самый Погодин, исписавший и напечатавший тысячи листов, проживший до 1875 г., не удосужился рассказать для нас то, что он знал о Пушкине, — а знал он много! — «Ничего нет навидательнее, как совершение и изучение жизни

великого человека» — писал Плетнев, а в другом месте говорил: «Всё, что попадаетея нам у Пушкина, Байрона, Гёте и Шиллера в роде суда литературного, — мы ловим все это с жадностью и усвоаем, как лучшее убеждение наше», или утверждал, что без биографии Пушкина, «как без ключа, нельзя проникнуть в таинство самой поэзии». Что же сделал Плетнев для этой биографии, — он, кропотливый литературный критик и автор биографий множества посредственностей и сомнительных знаменитостей? Ничего! Он даже не сберег всех писем к себе поэта, большую их часть затерял... «У нас всё родное теряется в молве и памяти, и внуки наши должны будут искать назидания в жизнеописаниях людей не русских; к своим же поневоле охладуют, потому что ознакомиться с ними не могут: свои будут для них чужими, а чужие сделаются близкими. Хорошо ли это?» — спрашивал более добросовестный современник поэта — Даль, призывая всякого сносить в складчину все, что знает о Пушкине. «Много алмазных искр Пушкина рассыпались тут и там в потемках; иные уже угасли и едва ли не навсегда; много подробностей жизни его известно на разных концах России: их надо было снести в одно место...» А еще раньше в 1839 г. известный немецкий критик Варнгаген фон-Энзе, по поводу выхода в свет трех первых томов «посмертного издания сочинений Пушкина», писал: «Биография Пушкина, которая представила бы откровенно и искренно все его отношения и его судьбу, была бы богатый подарок, заслуживающий благодарность, но в настоящее время трудно ожидать такой. Впрочем, пусть его соотечественники вместо того собирают и предварительно издают материалы для будущего употребления...»

К призыву этому ближайшие к Пушкину люди остались глухи, и лишь немногие из его знакомцев собрались набросать на бумагу свои воспоминания о сношениях с

поэтом. Заметки Даля, Шевырева, Вельтмана, Пущина, Льва Пушкина, А. П. Керн, — вот главнейшее, чем мы располагаем, когда обращаемся к поискам живых свидетельств о поэте; все эти заметки к тому же более или менее случайны, эпизодичны, о многом умалчивают. А сколько могли бы рассказать нам, в связном и целом повествовании, такие близкие к Пушкину люди, надолго его пережившие, как Жуковский, Вяземский, Гоголь, Соболевский, Плетнев, Кукольник, Греч и все другие писатели современники, Нащокин, Вульф и его сестры и великое множество его родных, знакомцев, «минутных друзей его минутной младости», свидетелей его пестрой и обильной превратностями жизни, лиц, с которыми бывал он в деловых или иных отношениях. Не говоря о его недоброжелателях, что могли бы мы узнать от его почитателей, среди которых было так много людей талантливых, владеющих пером...

Почему не записали своих воспоминаний о Пушкине такие его поклонницы, как А. О. Смирнова, Е. М. Хитрово, кн. В. Ф. Вяземская, гр. Е. К. Воронцова и многие, многие другие? Но Воронцова, например, не сберегла для нас даже писем к себе поэта (есть основание думать, что таковые были), а Хитрово сохранила не все, а те, что сохранила, утаила под-спудом...

Приведенных примеров, кажется, достаточно для того, чтобы, видеть, как мало, досадно, преступно мало сделали для нас, потомков, наши предки, те, которые жили в эпоху Пушкина, имели счастье его знать, видеть, наблюдать. Что же мы имеем от людей следующего поколения? Если мы назовем пять-шесть имен, то и это будет много...

Не считая Д. Н. Бантыша-Каменского, современника Пушкина и личного его знакомого, автора *первой*, более или менее подробной биографии Пушкина в «Словаре до-

стопамятных людей Русской земли», 1847 г. (при составлении ее он использовал лишь некоторые рассказы отца поэта), мы можем назвать лишь Петра Ивановича Бартенева, П. В. Анненкова, Н. В. Гербеля, К. П. Зеленецкого, М. Н. Лонгинова, С. Д. Полторацкого... Пушкинцам известны труды их, — особенно первых двух, сделавших для познания Пушкина очень много, — но мы не можем не сетовать на них за то, что они не сделали во много раз больше, ибо в те времена, когда они жили, можно было собрать от живых свидетелей множество сведений о поэте, его произведениях, лицах, ему близких, обстоятельствах и обстановке его жизни, — т. е. сделать то, что теперь для нас, уже поздних потомков, представляется совершенно невозможным. Пушкиноведение развивалось очень медленно, — что видно хотя бы по известной Puschkinial'e Межова. Мощный сдвиг, стремление к изучению Пушкина проявились в 1880 и 1899 г. — в эпоху празднования открытия памятника Пушкину в Москве и столетия дня его рождения. По поводу первой даты, ознаменованной, между прочим, устройством пушкинских выставок в Петербурге и Москве, в одной современной заметке читаем: «1880-й год составил эпоху в изучении Пушкина, и можно сказать без преувеличения, что лишь с этой поры устанавливается у нас как его личная биография, так и достаточно полная оценка исторического значения Пушкина. Мы несколько не уменьшаем заслуги, оказанной в этом последнем отношении Белинским и его продолжателями 50-х годов, — они уже выяснили существенные стороны великого исторического факта, представляемого поэзией Пушкина; но чего недоставало в этих прежних трудах, это — разработки подробностей биографических и историко-литературных. Исторический факт явится перед нами во всей полноте только тогда, когда мы получим возможность определить личность во

всех чертах ее психологической жизни, со всеми подробностями общественной обстановки, среди которой она действовала.»¹

Еще большее историографическое значение имеет юбилейный 1899 год; но лишь за последние два десятилетия пушкиноведение выросло в целую специальную науку и захватило в свою орбиту многочисленных исследователей, группирующихся в Ленинграде, Москве, Одессе; оно послужило к основанию целого специального учреждения — Пушкинского Дома и располагает первым и единственным в России специальным органом — сборником «Пушкин и его современники», насчитывающим уже 36 выпусков и продолжающим выходить;² пушкиноведение и пушкиноведы непрерывно и настойчиво изучают отдельные вопросы жизни и творчества Пушкина, постоянно при этом встречаясь с пробелами, неясностями, противоречиями, недомолвками, полным отсутствием данных в той или иной области изучения, пробелами досадными и незаполнимыми, которые еще десяток — другой лет назад можно было заполнить.

Ведь еще так недавно здравствовали личные знакомцы Пушкина, от которых так много можно было узнать, которые в бумагах своих, теперь исчезнувших бесследно, хранили порой драгоценные материалы о прошлом. Давно ли были уничтожены некоторые письма Пушкина, давно ли, с другой стороны, мы были свидетелями находки многих рукописей Пушкина в имуществе Ив. Вас. и Павла Вас. Анненковых (в Петербурге и в Симбирской губернии); всего несколько лет тому назад значительное количество автографов и бумаг Пушкина найдено было в имении его внука под Москвою, наконец, уже совсем недавно в ар-

---

¹ «Вестник Европы» 1886, № 11, стр. 420 — 421.

² В 1928 г. вышел XXXVII выпуск. *Ред.*

хиве родственников Е. М. Хитрово открыто было 27 интереснейших писем поэта. И это теперь, когда всякий просто грамотный человек знает и понимает цену Пушкина и его рукописей, когда им уж не так легко погибнуть, когда автографы поэта ценятся на вес золота. Что же было 25—30—40—50 лет тому назад? Сколько материалов было рассыпано повсюду, как много их погибло от невежества и небрежения. Да, прав был поэт, когда утверждал, что «мы ленивы и нелюбопытны»...

Теперь, может быть, мы стали прилежнее и любознательнее, но уже слишком поздно. Теперь нам приходится по крупицам собирать те жемчужины, которые оставил нам поэт, как след своей творческой, гениальной деятельности и жизни. Теперь мы с напряжением и затратой огромных усилий выясняем те или иные подробности биографии или творчества Пушкина, — и процесс этого выяснения и собирания далеко не закончен. Этим объясняется тот без сомнения прискорбный факт, что мы до сих пор, несмотря на 9 протекших со смерти Пушкина десятилетий, не имеем еще полной биографии его, т. е. полной истории его изумительной жизни и деятельности: некоторые основные вопросы пушкиноведения еще не выяснены в достаточной степени, требуют тщательного исследования, определения, обоснования. Рукописи Пушкина еще не в полной мере изучены, нет полного их перечня. Мы не знаем в точности обстановки детских лет поэта, — та среда, в которой он рос, еще недостаточно изучена, не обследовано имущественное состояние родителей поэта, — лишь недавно, напр., в Нижегородских архивных хранилищах обнаружено 12 дел нижегородской Палаты Гражданского Суда, содержащих в себе данные об имениях отца, дядей и тетки поэта; лишь после революции удалось проникнуть в дела секретного архива бывшего III Отделения и изучить вопрос об отношении

к Пушкину тайной полиции; год тому назад, как мы уже указали, неожиданно открылись в архиве Юсуповых письма Пушкина к Хитрово, весьма важные для суждения о политических воззрениях Пушкина в 1830/1831 г., нам многое еще неясно в обстановке последних лет жизни поэта, — обстановке крайне сложной и запутанной... Мы не знаем ближайших виновников последней дуэли Пушкина и можем строить лишь предположения о вдохновителях и исполнителях интриги против поэта; столь же мало исследованы и многие другие, более частные вопросы биографии Пушкина, как, напр., вопрос о его ссылке в Михайловское. О том, какие существенные материалы и по этому вопросу находятся еще до сих пор под спудом, покажет мое дальнейшее небольшое сообщение о новых данных о ссылке Пушкина в Михайловское и об освобождении его оттуда.

Не будем разбираться в причинах этого грустного факта и попусту сетовать. Постараемся доказать, что к нам не приложимо обидное слово поэта, что «мы ленивы и нелюбопытны» — сделаем все, что от нас зависит, для того, чтобы искупить вину наших отцов. Образование Государственного Заповедника «Пушкинский Уголок», а затем и Общества друзей Заповедника и быстрый рост числа его членов убедительно показывают, что любовь и интерес к Пушкину, как поэту и человеку, растут неудержимо, что мы хотим работать для укрепления его памяти среди наших современников и среди молодого поколения, идущего нам на смену.

Это убеждение дает мне право надеяться, что собравшиеся здесь сегодня наши сочлены и гости не поскучают слушанием моего небольшого сообщения на довольно специальную тему: я хочу сказать несколько слов о нескольких новых фактах, предшествовавших ссылке Пушкина в Михайловское и последовавших за отъездом его

оттуда. Факты эти открыты в неизданных еще материалах Пушкинского Дома и, как они на первый взгляд ни мелки, они приобретают значение в той общей цепи причин, которые молодого поэта, проникнутого величайшей жаждой жизни, шедшего навстречу этой жизни с неудержимой потребностью свободы, ярких, сильных и глубоких чувствований, столь неожиданно для него с валитого светом и красками Черноморского побережья забросили в новую, неизмеримо тягчайшую прежней, ссылку, похожую больше на одиночное заключение, чем на ссылку, — бросили в заточение в Михайловском. Правда, из этого двухгодичного заточения гениальная природа поэта извлекла максимальную пользу, обратив его к плодотворному творчеству, — ссылка не сломила поэта, а закалила его и принесла нам лучшие произведения Пушкина — «Бориса Годунова» и серединные главы «Евгения Онегина» (III — VI), не говоря о нескольких десятках лирических жемчужин, — ибо

..... тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Но переживать эти годы Пушкину было безмерно трудно. Мы знаем, как он, впоследствии без горечи вспоминавший о «том уголке земли,

где он провел
Изгнанником два года незаметных», —

мы знаем, как он рвался на волю и изыскивал все способы к освобождению. Только-что открытое нами письмо к сестре, писанное ровно (почти день в день) через год по приезде в Михайловское, показывает нам всю силу этого стремления на свободу. По поводу неудачных и неудавшихся попыток матери и друзей получить для него разрешение на поездку в один из больших городов России

или за границу, он писал с горечью: «Я очень грустен от того, что со мною произошло, но я это предсказывал. Я не жалею на мать, — наоборот, я ей очень признателен: она думала сделать для меня хорошо, она горячо принялась за это, и не ее вина, что она ошиблась. Но мои друзья, они сделали как раз то, что я заклинал их не делать. Что за безумное упорство принимать меня за дурака и толкать меня в беду, которую я предвидел, на которую я им указывал. Они возбуждают неприязненные чувства в его величестве, продляют мое изгнание, издеваются над моим существованием, и когда поражаются всеми этими ошибками, — они говорят комплименты насчет моих прекрасных стихов и — идут себе ужинать. Что ты хочешь? я грустен и обескуражен, мысль ехать во Псков представляется мне в высшей степени нелепой; но так как будут довольны, если я буду не в Михайловском, то я и ожидаю, чтобы мне на то было дано приказание. Все это — дело легкомыслия, жестокости непонятной. — Еще одно слово: здоровье мое требует другого климата, а его величеству не сказали о том ни слова. Его ли вина, что он ничего об этом не знает? Мне говорят, что общество в негодовании, — я — тоже, но я негодую на беспечность и легкомыслие тех, которые мешаются в мои дела. О, боже мой, избавь меня от друзей!»¹ Вот как досадовал поэт.

Что же послужило поводом и причиной такой жестокой расправы с пылким молодым человеком? Посмотрим, как постепенно накапливался материал для ответа на этот вопрос.

Первые биографы Пушкина, писавшие о нем еще под

---

¹ Письмо целиком и во французском подлиннике напечатано В. Л. Модзалевским в «Известиях Академии Наук СССР» 1927 г. № 1 — 2, стр. 151 — 156, а затем — во II томе Писем Пушкина под его же редакцией, ГИЗ, Лгр.-М. 1928, стр. 125, № 180а. *Ред.*

надвором Николаевской цензуры, естественно, должны были обходить вопрос о причинах ссылки Пушкина как на Юг, так ватем и в Михайловское: напр., Плетнев в своем некрологе-биографии Пушкина выразился кратко: «В конце 1824 г. Пушкин оставил Одессу» — и больше ничего (Соч., т. I, стр. 374); неизвестный автор очерка о Пушкине, помещенного в I выпуске «Портретной и биографической галлерей словесности, наук, художеств и искусств в России», вышедшем через четыре года после смерти поэта (1841), также должен был ограничиться лишь заявлением, что «в конце 1824 года, оставив страны Южной России, Пушкин возвратился в село Михайловское, свою псковскую деревню» (стр. 8); Бантыш-Каменский мог сказать немногим больше: у него читаем: «8 июля он, (Пушкин), по высочайшему повелению, уволен был от службы, а 11 числа велено перевести его из Одессы на жительство в Псковскую губернию, с тем, чтобы находился под надвором местного начальства. Он сам подписал приговор свой резкими суждениями и вольными чересчур стихами, которые переходили из рук в руки и были предметом общего разговора и удивления». ¹

Добросовестный собиратель сведений о жизни Пушкина в Кишиневе и Одессе — К. П. Зеленецкий в «Москвитяине» 1854 г. (№ 9, отд. V, стр. 12) ограничился указанием на то, что, «живя в Одессе, Пушкин продолжал шалить» и что то обстоятельство, что «никакой особенной должности, никаких занятий по службе он не имел, навело в большей части публики сомнение в его дельности»; упомянув о смехотворном участии Пушкина в экспедиции в Херсонский уезд против саранчи, Зеленецкий писал: «подобные истории еще бы ничего; но шалости 25-летнего поэта иногда переступали всякую меру, осо-

---

¹ Словарь достопамятных людей Русской земли, т. II, 1847, приб., стр. 71 — 72.

бенно в эпиграммах: это-то, равно как и разные знакомства, было причиною, что вскоре после своей херсонской командировки, Пушкин принужден был оставить Одессу».

Анненков в своих «Материалах» для биографии Пушкина (1855 г.) выразился еще короче, не сказав вовсе ничего о причинах «перевода на жительство» Пушкина из Одессы в Михайловское и лишь упомянув, что он был, по роду своих занятий, мало способен к деятельности чиновничьей.¹

Свидетель одесской жизни Пушкина И. П. Липранди в 1866 г. писал, что в свои приезды в этот город в 1823—1824 г. он находил Пушкина все более и более недовольным, и что мрачное настроение духа поэта «спородило много эпиграмм, из которых едва ли не большая часть была им только сказана, но попала на бумагу и сделалась известной. Эпиграммы эти касались многих из канцелярии графа Воронцова, — так, например, про начальника отделения Артемьева особенно отличалась от других своими убийственными, но верными выражениями. Стихи его на некоторых дам, бывших на бале у графа, своим содержанием раздражили всех. Начались сплетни, интриги, которые еще более тревожили Пушкина. Говорили, что будто бы граф, через кого-то, изъявил Пушкину свое неудовольствие, и что это было поводом злых стихов о графе», причем Пушкин заверял Липранди, что стихи эти написаны не были, но как-то раза два или три им были повторены и так попали на бумагу. «Услужливость некоторых тотчас распространила их». Это известное четверостишие:

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж еще полу-подлец...

¹ Стр. 92; то же и во 2-м издании «Материалов», 1873 г., стр. 86.

Но тут однако ж есть надежда,
Что полный будет наконец. ¹

«Не нужно было искать, к чьему портрету они метили!» говорит Липранди: «Граф не показал вида какого-либо негодования; попрежнему приглашал Пушкина к обеду, попрежнему обменивался с ним несколькими словами». У Воронцова бывали в зиму 1823-1824 г. танцевальные вечера по два раза в неделю, и наш поэт, по словам К. П. Зеленецкого, был непременно их посетителем («Москвит.» 1854, № 9, отд. V, стр. 11). По свидетельству Липранди, Воронцов, посылая Пушкина, 23 мая 1824 г., в известную экспедицию против саранчи в уезды Херсонский, Александрійский и Елисаветградский, ² не только не имел в виду оскорбить Пушкина, но, наоборот, хотел иметь повод к тому, чтобы, по окончании командировки, представить поэта к какой-либо награде; но «нашлись люди, которые, вместо успокоения раздражительности Пушкина, старались еще более усилить оную или молчанием, — когда он кричал во всеуслышание, — или даже поддакиванием», — и последствием этого, было остающееся нам неизвестным письмо Пушкина к Воронцову на французском языке, написанное, по словам Липранди «в сильных и — можно сказать — неуместных выражениях»...³ Опубликование Анненковым в «Вестнике Европы» 1874 г. (№ 2, стр. 510 и сл.) извлечений из письма Воронцова от 28 марта 1824 г. с представлением об удалении Пушкина

¹ В другой редакции:

Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

(Акад. изд., т. III, стр. 211). *Ред.*

² Одесский сборник «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, в. I, стр. 50.

³ «Русский Архив» 1866 г., стр. 1477 — 1478.

из Одессы и из ответа Нессельроде от 11 июля¹ внесло некоторый свет во весь этот эпизод, — по крайней мере подробная мотивировка просьбы, выраженная весьма подробно Воронцовым, показывала, как он смотрит на Пушкина и почему просит удалить его из Одессы. Новую путаницу в дело внесли Записки Ф. Ф. Вигеля в *полном* их издании:² в них передавалось сообщение о том, что действительным, но скрытым поводом высылки Пушкина послужила для Воронцова любовь поэта к его жене, причем будто бы поэт, сам не ведая того, играл лишь роль ширмы для давно и безнадежно влюбленного в графиню Александра Раевского, который, вводя Пушкина в салон Воронцовой и разжигая его чувство, поведением Пушкина отвлекал внимание ревнивого мужа и общества от своего собственного поведения. Прошло много лет прежде, чем М. О. Гершензон доказал, что предание о роли, которую будто бы сыграл Раевский в истории высылки Пушкина из Одессы, должно быть безусловно отвергнуто, как построенное на ничем не подкрепленной сплетне.³ Однако, тот же исследователь справедливо утверждал, что «обстоятельства, результатом которых явилась высылка Пушкина из Одессы..., остаются до сих пор не

---

¹ Полностью они напечатаны в «Русской Старине» 1879, № 10, стр. 292 — 294.

² При опубликовании Записок Вигеля в «Русском Вестнике» 1865 г. (ч. VI, гл. XII) и в отдельном издании 1865 же года весь отрывок, касающийся Пушкина, Раевского и Воронцовой, был выпущен и восстановлен лишь в отдельном издании Записок «Русского Архива» 1893 г. (ч. VI, стр. 168 — 171, от слов «Летом...» до «Через несколько дней»); но и в этом издании (стр. 172) пропущены слова Вигеля о том, что, посылая Пушкина на саранчу, «сим ударом надеялся гр. Воронцов поразить его гордыню» (по рукоп.).

³ «Вестник Европы», 1909 г., № 2, стр. 534; ср. «Образы прошлого», М. 1912, стр. 37, и «Мудрость Пушкина», М., 1919, стр. 188 — 189.

выясненными. В этой истории несомненно есть какое-то *темное место*. Факты, нам известные: оскорбительное отношение Воронцова к Пушкину и взаимная антипатия между ними — объясняют не всё. Есть достаточно оснований думать, что острая ненависть к Пушкину, заставившая надменного и выдержанного «лорда» унизиться до жалкой мести человеку, стоявшему так неизмеримо ниже его по общественному положению, — была вызвана каким-то личным столкновением между ними на интимной почве. Эта уверенность заставляет отнести данному эпизоду видное место не только во внешней биографии Пушкина, но и в истории его душевной жизни.»¹ Допуская, что поводом к столкновению могла послужить какая-то романтическая история, соперничество в любви обоих к какой-то посторонней женщине и утверждая, что Пушкин несомненно был влюблен в Воронцову (упоминание о ней в «Дон-Жуанском списке»), Гершензон приходил к выводу, на основании ряда документов, что Пушкин был удален из Одессы вследствие политического доноса на него сделанного, быть может, не самим Воронцовым, а кем-либо другим, им подкушленным.²

Не рассеяло окончательно недоуменных вопросов и находка нового документа, впервые опубликованного Н. О. Лернером в 1910 г.,³ — а именно письма Воронцова к гр. Нессельроду от 2 мая 1824 г., из Кишинева, с новым, вторичным упоминанием об отозвании Пушкина. В этом письме он писал графу Нессельроду о прибывших в Молдавию греческих выходцах, к которым русское

¹ «Образы прошлого», стр. 33.

² Там же, стр. 49. Возражения Гершензону в статье Д. Н. Соколова — «Пушкин и его современники», вып. XVII — XVIII, стр. 21—34.

³ «Речь», 18 окт. 1910 г., № 286, стр. 3; ср. «Пушкин и его современники», вып. XVI, 1913 г., стр. 65 — 70.

правительство, объятые реакцией и страшившиеся революционных вспышек, относилось подозрительно и недоброжелательно. Сообщая министру об установлении наблюдения за всем, что делается среди греков и молодых людей других национальностей, Воронцов так заключал свое письмо: «à propos de celà je repète ma prière — delivrez-moi de Pouchkin; celà peut être un excellent garçon et un bon poète, mais je ne voudrais pas l'avoir plus long-temps ni à Odessa, ni à Kichineff. Adieu, cher comte»... («По этому поводу я повторяю мою просьбу — избавьте меня от Пушкина: это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе. Прощайте, дорогой граф...».)

Теперь к этим документам о Пушкине мы можем прибавить еще несколько новых. Первый — и едва ли не самый интересный — сообщен нам в извлечении и в переводе на русский язык А. А. Сиверсом; документ этот вскоре будет опубликован полностью в сборнике «Пушкин и его современники»;¹ это — выдержка из письма Воронцова к П. Д. Киселеву (тогда Начальнику Штаба 2-й армии) из Одессы от 6 марта 1824 г. (т. е. еще за три недели до первой письменной просьбы Воронцова к гр. Нессельроде об увольнении Пушкина), в которой читаем: «Я хотел бы, чтобы взглянули, кто находится при мне и с кем говорю я о делах. Если имеют в виду Пушкина и Александра Раевского, — то скажу вам о последнем, что я не могу помешать ему жить в Одессе, когда ему того хочется, но с тех пор, что мы говорили с вами о нем, я едва соблюдаю с ним формы вежливости, которые требуются по отношению к старому товарищу и родственнику, и уж конечно мы никогда не обмениваемся ни словом о делах или о назначениях по службе: однако, по всему,

¹ Напечатан ныне в сборн. «Пушкин и его современники», вып. XXXVII, 1928 стр. 136 — 143. *Ред.*

что до меня о нем доходит, он разумен и сдержан во всех своих разговорах и чувствует, я полагаю, свое положение и в особенности вред, который он причинил своему отцу. Что касается Пушкина, то я говорю с ним не более 4 слов в две недели, — он боится меня, так как прекрасно знает, что при первом же шуме, о котором я узнаю, я отошлю его отсюда, и что тогда уж никто не пожелает взять его на свое попечение; я вполне уверен, что он ведет себя гораздо лучше и в разговорах своих гораздо сдержаннее, чем раньше, когда находился при добром генерале Инзове, который забавлялся тем, что вступал с ним в споры, думая исправить его логическими рассуждениями, а потом позволял ему жить одному в Одессе, между тем как сам он находился в Кишиневе. По всему тому, что я узнаю о нем и через Гурьева, и через Казначеева, и через полицию, — он очень благоразумен и сдержан; если бы было иначе, — я бы отослал его, — и лично я был бы в восторге от этого, потому что не люблю его манер; к тому же я не столь пламенный поклонник его таланта — нельзя быть истинным поэтом без постоянных занятий, а он совершенно не работает».

Этот резкий отзыв — первый в ряду других отзывов Воронцова о Пушкине. Отправив через 3 недели, 28 марта, уже официальную просьбу к Нессельроду об отозвании Пушкина из Одессы, Воронцов лишь через два месяца получил отзыв этого министра, который в письме к нему из Петербурга от 16/28 мая 1824 г. писал (по-французски): «Я представил императору ваше письмо о Пушкине. Он был вполне удовлетворен тем, как вы судите об этом молодом человеке и даст мне приказание уведомить вас о том официально. Но что касается того, что окончательно предпринять по отношению к нему, он оставил за собою дать свое повеление во время ближайшего моего доклада».¹

¹ «Архив кн. Воронцова», кн. 40, стр. 12.

Между тем, написав Нессельроду официальное письмо 28 марта, Воронцов послал и другое сообщение о Пушкине в Петербург, вставив его в совершенно частное письмо свое к своему старому и интимному другу — Николаю Михайловичу Лонгинову, многолетнему управляющему канцеляриею императрицы Елисаветы Алексеевны, с которым был в давней, деятельной и интимной переписке, хранящейся ныне в Пушкинском Доме (в архиве его сына, известного библиофила и библиографа М. Н. Лонгинова). Именно, в письме от 8 апреля 1824 г., из Белой Церкви (киевского имения своей тещи, графини А. В. Браницкой) Воронцов писал Лонгинову следующее: «К Синявину (это — адъютант Воронцова) писал младший брат его, что отец по нем тоскует, и я его отпустил на время, но надеюсь, что он его не совсем задержит, ибо он малой прекрасной и лутчий у меня адъютант; можно сказать, что он редкой молодой человек. А прогроз de молодых людей, я писал к гр. Нессельроду, прося, чтоб меня избавили от поэта Пушкина. — На теперешнее поведение его я жаловаться не могу, и, сколько слышу, он в разговорах гораздо скромнее, нежели был прежде, но, первое, ничего не хочет делать и проводит время в совершенной лени, другое — таскается с молодыми людьми, которые умножают самолюбие его, коего и без того он имеет много; он думает, что он уже великой стихотворец, и не воображает, что надо бы еще ему долго почитать и поучиться прежде, нежели точно будет человек отличной. В Одессе много равного сорта людей, с коими едакая молодежь охотно видится, и, желая добро самому Пушкину, я прошу, чтоб его перевели в другое место, где бы он имел и больше времени, и больше возможности заниматься, и я буду очень рад не иметь его в Одессе...»¹

¹ Пушкинский Дом, архив М. Н. Лонгинова, письма гр. М. С. Воронцова, 1824 г., л. 34.

Через три недели после этого и спустя месяц после письма своего к Нессельроду Воронцов снова писал Лонгинову, уже из Одессы, 29 апреля 1824 г.: «О Пушкине не имею еще ответа от гр. Несселроде, но надеюсь, что меня от него избавят. Сегодня вечеру отправляюсь в Кишинев дней на пять;»¹ отсюда, из Кишинева, он снова писал Лонгинову, 4 мая 1824 г. о Пушкине, вспомнив о нем по связи с именем Туманского, — Василия Ивановича, молодого поэта, с которым Пушкин, ценя в нем юный талант и добрый нрав, в то время сблизился² и увековечил в «Евгении Онегине»: «Назначеев мне сказывал, что Туманской уже получил из Пбурга совет отдаляться от Пушкина, и я сему очень рад, ибо Туманской — молодой человек очень порядочный и совсем не Пушкинова разбора. Об эпиграмме, о которой вы пишете, в Одессе никто не знает, и может быть П. ее не сочинял; впрочем нужно, чтоб его от нас вняли, и я о том еще Неселроду повторил.»³ В этом повторном письме, от

¹ Пушкинский Дом, архив М. Н. Лонгинова, письма гр. М. С. Воронцова, 1824 г., л. 43. Далее Воронцов сообщал, что его «маленькая», слава богу, поправляется; о внезапной болезни своей маленькой дочери Воронцов извещал Лонгинова в письме из Одессы от 22 апреля 1824 г. (ib., л. 38), а о вторичном заболевании писал из Одессы же 9 мая 1824 г. (ib., л. 46); 4 мая 1824 г. из Кишинева писал Лонгинову, что, пробыв в Кишиневе 5 дней, он собирается «сегодня» навад в Одессу, а 11-го предполагает, отправив перед тем детей в Белую Церковь, сесть на яхту и отплыть в Крым (л. 44); дети уехали 6 июня (ib., л. 54), а сам Воронцов 22 июня писал Лонгинову уже из Юрзуфа.

² См. И. П. Липранди — «Русский Архив». 1866, стр. 1474; Вигель, Записки, ч. VI, стр. 119 — 120; «Москвитянин», 1854 г. № 9, отд. V, с. 9 и 14 — 16; Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, стр. 273.

³ Пушкинский Дом, архив М. Н. Лонгинова, письма гр. М. С. Воронцова, 1824 г., л. 44 — 45. Туманского ближе узнал Воронцов именно в это время, так как брал его с собою в поездку к теще в

2 мая, цитированном нами выше, Воронцов, как мы видели, просил «избавить его от Пушкина», прибавляя: «это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе». О какой эпиграмме Пушкина, дошедшей до Петербурга, сообщал Воронцову Лонгинов, мы не знаем, так как письма Лонгинова к Воронцову не опубликованы, — но вряд ли это могла быть известная цитированная нами эпиграмма на Воронцова: трудно допустить, чтобы Лонгинов решился сообщить своему другу столь резкие о нем слова; вероятнее предположить, что это была одна из эпиграмм, сказанных тогда Пушкиным про кого-либо из одесских чиновников, — эпиграмм, о которых мы выше приводили сообщение Липранди.

Наконец, укажем еще на письмо гр. Нессельроде к Воронцову, предшествовавшее чуть ли не на две недели его решительному письму о Пушкине от 11 июля: в письме от 27 июня 1824 г. Нессельроде писал: «Император решил и дело Пушкина: он не останется при вас; приятом Его Императорскому Величеству угодно просмотреть сообщение, которое я напишу вам по этому предмету, — что может состояться лишь на следующей неделе, по возвращении его из военных поселений.»¹

Один из ближайших друзей Пушкина — кн. П. А. Вяземский уже в мае месяце узнал о грозившей поэту беде и писал о том А. И. Тургеневу, который в свою очередь сообщал 1 июля своему корреспонденту: «Граф Воронцов прислал представление об увольнении Пушкина. Желая, *soûte que soûte* (во что бы то ни стало), оставить его при нем, я ездил к Нессельроде, но узнал

Белую церковь — Стихотворения и письма В. И. Туманского. СПб., 1912, стр. 262. Вскоре он взял его с собою и в Крым — в июне (там же, стр. 264 — 265).

¹ «Архив кн. Воронцова», кн. 40, стр. 14.

от него, что это уже невозможно; что уже несколько раз, и давно (28 марта и 2 мая), граф Воронцов представлял о сем *pour cause* (по делом): что надобно искать другого мецената начальника. Долго вчера толковал я о сем с Севериным и мысль наша остановилась на Паулуччи, тем более, что Пушкин и псковский помещик. Виноват один Пушкин: Графиня (Воронцова) его отличала, отличает, как заслуживает талант его, но он рвется в беду свою. Больно и досадно. Куда с ним деваться». («Ост. Архив», т. III, стр. 57.)

11-го июня Вяземский писал в Одессу своей жене, уехавшей туда с детьми на морские купанья, поручая ей отдать поэту свой денежный долг и предвидя уже, по письму Тургенева, возможность его выезда отсюда, прибавлял: «Если как-нибудь перед отъездом его понадобятся бы ему деньги сверх того, то дай ему несколько сотен рублей, под залог его будущего бессмертия, т. е. новой поэмы». ¹ В письмах к мужу Вяземская, в свою очередь сообщала новости о Пушкине: «его столкновение с Воронцовым, подача им прошения об отставке и затем высылка из Одессы прошли на ее глазах, причем она была посвящена Пушкиным, как единственное, повидимому, лицо, к которому он относился с полным доверием и симпатией, — во все подробности событий. В первом же письме своем по приезде в Одессу, от 13 июня, княгиня Вяземская писала мужу (по-французски) следующее: «Ничего хорошего не могу сказать тебе о племяннике Василия Львовича, поэте Пушкине. Это совершенно сумасшедшая голова, с которою никто не сможет совладать. Он натворил новых проказ, из-за которых подал в отставку. Вся вина — с его стороны. Мне известно из хорошего источника, что отставки он не получит. Я делаю все, что могу,

¹ «Ост. Архив», т. V, вып. I, стр. 13 — 14.

чтобы успокоить его, браню его от твоего имени, уверяя его, что, разумеется, ты первый признал бы его виноватым, так как только ветренник мог бы так набедокурить. Он захотел выставить в смешном виде важную для него особу — и сделал это, что стало известно и, как и следовало ожидать, на него не могли больше смотреть благосклонно, что меня очень огорчает, но никогда не приходилось мне встречать столько легкомыслия и склонности к злословию, как в нем: вместе с тем, я думаю, у него доброе сердце и много мизантропии; не то чтобы он избежал общества, но он боится людей; это, может быть, следствие несчастий и вина его родителей, которые его таким сделали. («Ост. Архив», т. V, вып. 2, стр. 103.) Сообщая А. И. Тургеневу вышеприведенную выдержку из письма жены, князь П. А. Вяземский писал ему 7 июля: «Разумеется, будь осторожен с этими выписками. Но, видно, дело так повернуло, что не он просится: это неясно. Грешно, если над ним уже промышляют и лукавят. Сделай одолжение, попроси Северина устроить, что можно, к лучшему. Он его, кажется, не очень любит: тем более должен стараться спасти его; к тому же, верно, уважает его дарование, а дарование не только держава, но и добродетель» («Ост. Архив», т. III, стр. 57-58); 10 июля он отвечал жене на ее письмо и говорил: «этот каламбур сообщу Пушкину, если он еще у вас. Эх, он шалун! мне страх на него досадно, да и не на его одного. Мне кажется по тому, что пишут мне из Петербурга, что это дело криво там представлено. Грешно тем, которые не уважают дарования даже и в безумном. Сообщи и это Пушкину: тут есть и ему мадригал, и эпиграмма» («Ост. Архив», т. V, вып. I, стр. 28-29).

Из этих писем кн. Вяземской видно, что ни она, ни Пушкин не ожидали того, что случилось; с гр. Воронцовой Пушкин видался до самого последнего времени,

когда она была в Одессе;¹ на опасения мужа Вяземская отвечала, что поэт, по ее мнению, виноват лишь в некоторых ребяческих выходках, да в том, что он справедливо был раздосадован поручением ехать на саранчу, чему он, однако, повиновался; что он влюблен сразу в трех дам, что он вообще несчастлив, что он ничего не знает, что делается о нем в Петербурге, особенно в виду отсутствия Воронцова,² так как графиня, в конце концов, узнала лишь то, что Пушкин должен покинуть Одессу — по той причине, что, по словам Воронцова, он не имеет для Пушкина дела в Одессе.³ После высылки Пушкина гр. Воронцова через А. Н. Раевского передавала ему о своем живом сочувствии его несчастью.⁴ Однако никаких намеков ни на ревность Воронцова, ни на предательство Раевского, ни на политические выходки Пушкина в письмах Вяземской не находим, — а она, конечно, была в полном курсе всего, что происходило тогда в Одессе и что касалось Пушкина, к которому она относилась с живой и нежной симпатией и дружбой.⁵

Что же, в конце концов, послужило ближайшим поводом к ссылке Пушкина в деревню? Мы думаем, что совокупность четырех обстоятельств: во-первых — подача известного доноса генерала Скобелева на Пушкина, относящегося ко второй половине января 1824 г., во-вторых, перехваченное почтою письмо поэта к одному из его друзей (по всей вероятности, к князю П. А. Вяземскому), датированное первой половиной марта 1824 г. и содержащее

¹ «Ост. Архив», т. V, вып. 2, стр. 123.

² Гр. Воронцова вернулась в Одессу 13 июля 1824 г. — «Ост. Архив», т. V, вып. 2, стр. 135.

³ *Иб.*, стр. 136 — 137.

⁴ Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 127.

⁵ Позднее она намекала Плетневу на связь Пушкина с Воронцовой — «Переписка Грота с Плетневым», т. II, стр. 680.

шее высказанные в непринужденной форме суждения об атеизме, который поэт, по его словам, изучал у некоего англичанина, «глухого философа, единственного умного афея», им встреченного; в-третьих, опасения Воронцова, чтобы в Петербурге не осудили его за близость к Пушкину, — и, наконец, — вероятно, лишь как ближайший повод или основание, — недовольство и оскорбительное для Пушкина раздражение Воронцова, эпиграммы поэта, его ухаживание за женой начальника, наговоры и сплетни и т. п. К сожалению, точного представления о том, в какой последовательности разворачивались события, у нас нет и, несмотря на обилие прежних и на несколько новых, найденных нами данных в современных письмах, вряд ли когда-нибудь будет.

По поводу упомянутого в криминальном письме Пушкина об атеизме «англичанина, глухого философа», у которого поэт брал уроки безбожия, мы можем сказать также несколько слов на основании тех же писем Воронцова к Лонгинову; они будут не безынтересны в виду той роли, которую, хоть и неожиданно для себя, сыграл этот англичанин в деле высылки Пушкина из Одессы. По свидетельству одесского знакомого Пушкина и правителя походной канцелярии Воронцова, А. И. Левшина, этот англичанин звался Гунчисон и был доктором; есть и другое указание, будто этот англичанин-атеист был профессор Рипельевского лицея в Одессе Вольсей, но это опровергается указанием на то, что Вольсей покинул Одессу гораздо ранее приезда туда Воронцовых; доктор же Гунчисон (а не Гунчисон, как называет его Левшин) действительно жил в 1824 г. у Воронцовых в Одессе, не первый уже год состоя у них домашним детским врачом. Вот что писал М. С. Воронцов М. Н. Лонгинову из Парижа 21 октября (2 ноября) 1821 г.:

«С нами живет один doctor Hutshinson, которого реко-

мендовали нам чрезвычайно в Лондоне; он с нами поедет и в Россию; человек прекрасной, ученый, хорошо воспитанный, имел уже довольно практики и, что особенно для нас выгодно, был при Детском Госпитале в Лондоне, в коем в полтора года лечил до 2 000 детей.¹ Один маленький недостаток в нем, что немного глух, но, привыкнув к голосу, это почти неприметно.»²

Из писем графа и графини Воронцовых в ноябре 1824 г. видно, что в это время доктор Гутчинсон (они называют его в других местах Гутчисоном) продолжал жить в их семействе, ухаживая за детьми и наблюдая за их боннами; 17 ноября Воронцов писал Лонгинову, что он с женой получил из Лондона «хорошее известие», что «прекрасной человек doctor Lee найден вместо почтенного нашего доктора Гутчисона, и что он скоро сюда будет».³ Добавим к этому, что, без сомнения, именно Гутчинсона имеет в виду Вигель, когда в Записках своих рассказывает о своем приезде в Одессу в середине мая 1824 г., что он напел Воронцовых в большой печали из-за болезни их четырехлетней единственной дочери Александры, премилой девочки, причем «лысый доктор, особенно для нее из Англии выписанный, не ручался за ее жизнь...»⁴

Дальнейшая судьба глухого и лысого доктора-философа нам в точности неизвестна; есть лишь указание на то, что в конце 1820-х годов Гутчинсон сделался в Лондоне ревностным пастором одной из англиканских церквей.

Сообщим еще небольшой эпизод, касающийся ссыльной жизни Пушкина в Михайловском, оставшийся

---

¹ У Воронцовых только-что (17/29 мая 1821 г. в Лондоне) родилась дочь Александра.

² Пушкинский Дом. Арх. Лонгинова. Письма Воронцова 1821 г., л. 65об. — 66.

³ Там же, Письма Воронцова 1824 г., лл. 93 об., 97об., 98об.,

⁴ Записки Вигеля, ч. VI, стр. 168.

неизвестным до настоящего времени (мы обязаны им А. А. Сиверсу): эпизод этот относится к хлопотам родных поэта об освобождении его из невольного пребывания в Михайловском.

Как известно, летом 1825 года мать поэта, по совету Жуковского и Карамзина, обратилась с просьбою к императору Александру I о помиловании сына; результат просьбы этой был неожиданный: вместо разрешения отправиться для лечения аневризма за границу, Пушкину позволено было съездить в ближайший губернский город, а именно — во Псков, где и подвергнуться операции, — у местного, как саркастически писал Пушкин, коновала или ветеринара. Со смертью Александра I у Пушкина возродилась надежда на освобождение, и он дважды, в марте и мае 1826 г., делал попытки обратиться к новому императору. Просьба его от 11 мая 1826 г. о разрешении покинуть деревню и ехать для лечения в Москву, Петербург или чужие края получила надлежащее движение, причем в пушкинские места был послан особый шпион, коллежский советник Бошняк, который в июле 1826 г. объехал окрестности Михайловского и Святых Гор, собрал о Пушкине сведения, — к счастью оказавшиеся для него благоприятными, — и послал их «по команде». Результатом расследования было решение вызвать Пушкина в Москву, к вновь принявшему коронование императору Николаю, и известное представление поэта государю в Кремлевском дворце. Но теперь оказывается, что почти одновременно с этим новые хлопоты о помиловании сына предприняла и мать поэта, Н. О. Пушкина: проводя лето 1826 г., как и предыдущее, в Ревеле, на морских купаниях с мужем и дочерью, она обратилась к молодому императору — Николаю I с прошением, в котором изъясняла, что «ветряные поступки, по молодости, вовлекли сына ее в нещастие заслужить гнев покойного государя,

и он третий год живет в деревне, страдая аневризмом без всякой помощи, — но что ныне, сознавая ошибки свои, он желает загладить оные, а она, как мать, просит обратить внимание на сына ее, даровав ему прощение». Просьба Пушкиной попала 31 августа 1826 г., как адресованная, как говорилось, на высочайшее имя, в Комиссию прошений; но лишь 4 января 1827 г., — вероятно из-за коронационных и иных подобных хлопот, она была заслушана в заседании Комиссии прошений членами ее В. С. Ланским, И. А. Соколовым, А. В. Кавадаевым и Н. М. Лонгиновым (тем самым, с которым в 1824 г. переписывался о Пушкине Воронцов), причем постановлено было «довести прошение Пушкиной до высочайшего его императорского величества сведения». Это было сделано 30 января 1827 г., причем прошение Пушкиной при представлении его царю было изложено несколько иначе: «Надежда Пушкина», читаем здесь: «изъясняя, что сын ее имел несчастие навлечь на себя гнев покойного государя императора, — почему последовало высочайшее повеление жить ему в деревне, где находится уже третий год одержим болезнию и без всякой помощи, но ныне, усматривая, что сознание ошибок и желание загладить поведением следы молодости успели остепенить ум и страсти, — просит о возвращении его к семейству и о даровании прощения». — Прочтя подлинный доклад Комиссии, Николай I поставил на нем условный карандашный знак его рассмотрения, а рукою докладчика, статс-секретаря Лонгинова, сделана была на докладе помета: «Высочайшего соизволения не последовало. 30 Января 1827 г.»¹

Последняя помета чрезвычайно любопытна своим внутренним противоречием: 4 сентября 1826 г. Пушкин был

¹ Быв. Архив Госуд. Совета, дела Комиссии Прошений. Журналы Комиссии за январь 1827 г., по арх. кн. № 129 и Всепод. доклады за январь — апрель 1827 г., кн. № 56.

вызван в Москву, извещенный о «Высочайшем разрешении по всеподданнейшему его прошению», — просил же он о разрешении выехать в Москву, Петербург или за границу для лечения; кроме того, шеф жандармов Бенкендорф в первом же письме своем к Пушкину, написанном 30 сентября, извещал поэта в ответ на его неудоения, что ему предоставляется полная свобода приезжать в столицу, — каждый раз лишь с особого разрешения. Пушкин так и понял себя *свободным*: из Москвы он совершил поездку в Михайловское и во Псков, затем опять в Москву: он чувствовал себя легко и радостно:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни, —

писал он в своих известных «Стансах» Николаю; между тем Николай I, как теперь оказывается, даже после свидания с Пушкиным и откровенной беседы с ним, не снял своих, уже запоздавших подозрений с чистого сердца поэта и в революции на столь поздно дошедшее к нему прошение Н. О. Пушкиной *о помиловании* раскаивающегося сына положил помету, свидетельствующую о том, что соизволения на дарование *прощения* поэту он в своем сердце найти не смог...

Так в двойственном лике, прощенного, обласканного и осыпанного комплиментами писателя, а с другой стороны — вечно подозреваемого, окруженного недоверием и слезкой человека и вошел Пушкин во вторую половину своей творческой жизни. Эта двойственность, часто и досадно искажая перед нами светлое лицо нашего поэта, заставляет нас всегда помнить о тяжести пройденного им жизненного пути; с тем большими любовью и сочувствием к поэту все мы должны работать для увековечения его памяти.

П У Ш К И Н   И   Л А Ж Е Ч Н И К О В

ИЗ ГАЛЛЕРЕИ СОВРЕМЕННОКОВ И ЗНАКОМЦЕВ
ПУШКИНА

(Пушкин и Лажечников).

Одною из отличительных черт всеобъемлющей души Пушкина была его исключительная и вполне сознательная благожелательность, сердечное доброжелательство, при полном отсутствии зависти к кому бы то ни было, — в частности — к литературным собратьям.¹ Появление всякого нового таланта среди немногочисленной в его время писательской семье всегда искренно радовало его, за каждым молодым дарованием он следил с повышенным, всегда благожелательным вниманием. Чувства, которые питал Сальери к Моцарту, были поняты и столь тонко обрисованы Пушкиным лишь благодаря особенно чуткой исключительной его интуиции, способности перевоплощения, — ибо сам он был абсолютно чужд завистливых движений сердца, как ни близко подчас задевали его те или иные литературные явления, ставившие перед ним вопрос о возможности соперничества. Уже не раз отмечалось на редкость восторженное отношение Пушкина к появлению таких талантов в поэзии, как Боратынский, Языков; известна та повышенная радость, с

---

¹ По свидетельству П. А. Плетнева (Переписка с Я. К. Гротом, т. I, стр. 495) Пушкин, незадолго до смерти, на прогулке, сказал, что выше всего в человеке он ставит качество благоволения ко всем. О доброжелательстве Пушкина, как основном мотиве его творчества и личного характера, см. особый этюд Н. Ф. Сумцова в «Журнале для всех» 1899 г., № 5, стр. 549 — 556.

какою он, уже признанный первый поэт, встречал успехи этих своих младших современников, — которые, как нам теперь известно, вовсе не так спокойно относились к произведениям Пушкина и к нему самому, творцу этих произведений... То же, что было в области поэтического творчества, наблюдается и в области прозы,¹ критики, историографии; каждый истинный талант или дарование встречаются Пушкиным с сердечною, чистою радостью. Он дает отзывы о них и в печати, и в своих письмах — самим ли авторам или к третьим лицам. Благожелательство, впрочем, не ослепляло его, не мешало ему видеть недостатки там, где они были, клеймить всеми доступными средствами порок или бездарность всюду, где он их замечал: но все положительное, что встречал Пушкин, он принимал с беспристрастным доброжелательством, приветствовал от души, как шаг вперед — к достижению недостижимого, но всегда влекущего к себе идеала.

В настоящей заметке мы хотим напомнить читателям один из многочисленных, почти бесчисленных примеров такого доброжелательства Пушкина: пример этот касается современника Пушкина, — известного когда-то писателя и одного из благороднейших, честнейших и чистейших людей своей эпохи. Мы имеем в виду пользовавшегося в свое время громкою славою исторического романиста, — «Русского Вальтера-Скотта» — как называли его некогда, — Ивана Ивановича Лажечникова, великого поклонника и подражателя славного шотландского писа-

---

¹ См., напр., отношение к князю В. Ф. Одоевскому (1831 г.) — «Русская Старина» 1904 г., № 4, стр. 206. Пушкин «бесился», что мало обращали внимания на новую повесть Одоевского «Последний квартет Бетховена», и находил, что автор в этой пьесе доказал истину весьма для России радостную, — а именно, что возникают у нас писатели, которые обещают стать наряду с прочими европейцами, выражающими мысли нашего века.

теля.¹ Некогда имя его пользовалось широчайшей известностью, произведениями своими он сразу завоевал себе одно из самых блестящих мест в литературном мире; его роман «Последний Новик» был признан не только лучшим из русских исторических романов, но произведением, которое сделало бы честь любой европейской литературе... От сношений его с Пушкиным дошло до нас, правда, немного, — несколько писем и небольшие воспоминания Лажечникова, — но это немного дает нам достаточный материал для того, чтобы восстановить характер их взаимных отношений, отметить, с каким добрым чувством встречал поэт литературный успех первого исторического романиста, а притом с благодарностью вспомнить и о самом Лажечникове, — прекрасном человеке и честном писателе, оставившем яркий, хоть и не слишком глубокий след в истории нашей словесности.²

Первое знакомство Лажечникова с Пушкиным состоялось при совершенно исключительных обстоятельствах, о которых дошел до нас двойной рассказ самого Лажеч-

---

¹ «И теперь, после того, как прошло 30 лет с того времени, как я читал романы Вальтер-Скотта», писал в 1853 г. Лажечников Ф. А. Кони: «все лица его резко выступают перед вами; это ваши родные, ваши друзья, которых черты вы никогда не забудете». (Русский Архив», 1912 г., III, стр. 142.)

² Лишний повод к такому напоминанию дает нам то обстоятельство, что Лажечников был крестным отцом нашего недавнего юбиляра Анатолия Федоровича Кони, который посвятил воспоминанию о Лажечникове несколько весьма тепло написанных страниц 1-й части III тома своей книги «На жизненном пути» (1922 г., стр. 235 — 244). 11 писем Лажечникова к отцу А. Ф. Кони — Федору Алексеевичу Кони, за 1841 — 1867 годы, опубликованы в «Русском Архиве» 1912 г., кн. III, стр. 141 — 151; в последнем из них, от 30 октября 1867 г., Лажечников с большим сочувствием говорил о своем крестнике: «Молодой человек многообещающий. Он дал мне слово нас навещать; умная беседа его и для меня, старого, будет очень приятна» и т. д.

никова, — в одном его письме к поэту и в близко повторяющем рассказ этого письма отрывке из воспоминаний его о Пушкине. Обстоятельства эти настолько исключительны и характерны для молодого Пушкина, что нельзя отказать себе в удовольствии передать хотя бы часть рассказа Лажечникова, — тем более, что очень ценные по некоторым подробностям воспоминания его о Пушкине мало кому знакомы.¹

Свой рассказ Лажечников начинает с повествования о том, как в августе 1819 г. он приехал в первый раз в Петербург и остановился в доме своего начальника, графа А. И. Остермана-Толстого (при котором был тогда адъютантом) на Английской набережной, недалеко от Сената; дом этот занимал целый квартал и другим своим фасадом выходил на Галерную улицу. Молодой, 27-летний поручик гвардейского Павловского полка, совершивший все походы великой войны с Наполеоном 1812 — 1814 г.г. и бывший при взятии Парижа русскими войсками, насквозь проникнутый романтическими настроениями той бурной эпохи и острым патриотическим чувством, Лажечников прибыл в Петербург человеком, уже получившим литературное крещение и лично знакомым с несколькими виднейшими тогда писателями — Гречем, Воейковым, С. и Ф. Глинками, Денисом Давыдовым, Жуковским, Вяземским и некоторыми другими авторами-современниками. Вспоминая о каждом из них и об обстоятельствах, при которых он познакомился с ними, Лажечников писал в своих воспоминаниях: «Но я еще нигде не успел видеть молодого Пушкина, издавшего в зиму 1819/1820 г.

---

¹ Они напечатаны были впервые в «Русском Вестнике» 1856 г., т. I, № 4, стр. 603 — 622, а затем перепечатывались в Собраниях Сочинений Лажечникова, изд. 1858 (т. VII), 1884 (т. VII), 1899 (т. I).

«Руслан и Людмилу»,¹ — Пушкина, которого мелкие стихотворения, наскоро, на лоскутках бумаги, карандашом переписанные, разлетались в несколько часов огненными струями во все концы Петербурга и в несколько дней Петербургом вытверживались наизусть, — Пушкина, которого слава росла не по дням, а по часам. Между тем я был одним из восторженных его поклонников». Затем Лажечников приступает к рассказу о том собственно «необыкновенном случае», который доставил ему знакомство с молодым, но уже широко известным поэтом.

Лажечников жил в той части дома Остермана-Толстого, которая выходила на Галерную улицу, в двух комнатах нижнего этажа, но первую от входа, за несколько дней до описываемых событий, он уступил приехавшему в Петербург майору Денисевичу,² — человеку малообразованному, старозаветному, фанфарону — с большим самомнением. «В одно прекрасное (помнится зимнее) утро», — рассказывает Лажечников: «было ровно три четверти восьмого, — только что успев окончить свой военный туалет, я вошел в соседнюю комнату, где обитал мой майор, чтобы приказать подавать чай. Денисевича не было в это время дома; он уходил смотреть, все ли исправно на графской конюшне. Только что я ступил в комнату, — из передней вошли в нее три незнакомые лица. Один был очень небольшой человек, худенький, небольшого роста, курчавый, с *арабским профилем*, во фраке. За ним выступали два молодца, красавцы, кавалерийские гвардейские

¹ Следует исправить утверждение Лажечникова: к зиме 1819/1820 г. поэма «Руслан и Людмила» совсем еще не была знакома читателям: лишь весной 1820 г. появились из нее три отрывка в журналах, вся же поэма вышла в свет уже после ссылки поэта на юг, — а именно в конце июля — начале августа 1820 г.

² В воспоминаниях своих Лажечников скрыл имя Денисевича под буквами NN, — но назвал его полностью в письме своем к Пушкину от 13 декабря 1831 г.

офицеры, погромыхая своими шпорами и саблями... Статский подошел ко мне и сказал мне тихим вкрадчивым голосом; «Позвольте вас спросить, здесь живет Денисевич?» — «Здесь, отвечал я, но он вышел куда-то и я велю позвать его». Я только что хотел это исполнить, как вошел сам Денисевич».

Из происшедшего между молодым статским и майором разговора Лажечников узнал, что накануне вечером, в театре, Денисевич обидел этого статского своими замечаниями по поводу его поведения, которое сильно возмущало сидевшего рядом с ним майора: молодой человек, которому исполнявшаяся пьеса не нравилась, зевал, шикал, говорил громко: «несносно» и т. д. Майор сначала молчал, но потом, выведенный из терпения, сказал соседу, что он мешает ему слушать пьесу (которая ему, по видимому, очень нравилась). Молодой человек искоса взглянул на Денисевича и принялся шуметь попрежнему. Тут Денисевич объявил своему неугомонному соседу, что попросит полицию вывести его из театра. «Посмотрим» — отвечал тот хладнокровно — и продолжал повесничать. По окончании спектакля и при выходе уже из театра, майор остановил своего соседа статского и, подняв указательный палец, сказал ему: «Молодой человек, вы мешали мне слушать пьесу... Это неприлично, это невежливо». — «Да, я не старик», отвечал тот: «но, господин штаб-офицер, еще невежливее здесь и с таким жестом говорить мне это. Где вы живете?» Денисевич сказал свой адрес и назначил приехать к нему в восемь часов утра, не подозревая, что тем самым формально вызывал своего противника на дуэль. Из разговора, последовавшего затем в квартире Лажечникова, последний узнал, что приехавший к Денисевичу в сопровождении двух офицеров и с целью драться с майором на дуэли молодой человек был никто иной, как Пушкин... «При имени Пуш-

кина», пишет Лажечников: «блеснула в голове моей мысль, что передо мною стоит молодой поэт, таланту которого уж сам Жуковский поклонялся, корифей всей образованной молодежи Петербурга, — и я спешил спросить его: «Не Александра ли Сергеевича имею честь видеть перед собою?»

— «Меня так зовут», — сказал он улыбаясь.

«Пушкину — подумал я: — Пушкину, автору «Руслана и Людмилы», автору стольких прекрасных мелких стихотворений, которые мы так восторженно затвердили, — будущей надежде России, погибнуть от руки какого-нибудь Денисевича или убить какого-нибудь Денисевича и жестоко пострадать... нет, этому не бывать! Во что-б ни стало устрою мировую, хотя-б и пришлось немного покривить душой».

И действительно, уведя Денисевича в свою комнату и «потратив ораторского пороку довольно», Лажечников так запугал майора перспективою возможных последствий дуэли с сыном «знатного человека», что заставил его извиниться перед Пушкиным и, таким образом, предотвратил дуэль. Денисевич протянул-было даже Пушкину руку, но тот не подал ему своей, сказал только: «извиняю» — и удалился со своими спутниками. «Скажу откровенно», вспоминает Лажечников, — «подвиг мой испортил мне много крови в этот день... Но теперь, когда прошло тому тридцать шесть лет, я доволен, счастлив, что на долю мою пришлось совершить его. Если-б я не был такой жаркий поклонник поэта, уже и тогда предузнавшего свое будущее величие; если б на месте моем был другой, не столь мягкосердный служитель музыки, а черствый, браннолюбивый воин, который вместо того, чтобы потушить пламя раздора, старался бы еще более раздуть его; если б я повел дело иначе, перешел только через двор к одному лицу, может быть Пушкина не стало бы

еще в конце 1819 года, и мы не имели тех великих произведений, которыми он подарил нас впоследствии. Да, я доволен своим делом, хорошо или дурно оно было исполнено. И я ныне могу сказать, как старый капрал Беранже:

— Puis, moi, j'ai servi le grand homme!

Через несколько дней увидел я Пушкина в театре», заключает Лажечников свой рассказ об эпизоде с майором Денисевичем. — «Он первый подал мне руку, улыбаясь. Тут я поздравил его с успехом «Руслана и Людмилы»,¹ на что он отвечал мне: «О! это первые грехи моей молодости!» — «Сделайте одолжение, вводите нас почаще такими грехами в искушение», — отвечал я ему».

После описанного поистине необычайного эпизода, познакомившего столь случайно молодого поэта с одним из многих его пламенных поклонников,² пути их обоих резко и надолго разошлись: Пушкин успел отбыть свою ссылку на юге и заключение в михайловском уединении, дождался «освобождения» и вызова в Москву во время коронации, провел и бурные 1826—1830 годы, заполненные у него многочисленными поездками по России и по Кавказу, — наконец, пережил период увлечения Гончаровой и женился на ней; в сфере поэтической — создал все свои поэмы «Онегина», «Бориса Годунова», маленькие

---

¹ Напомним еще раз, что Лажечников ошибается насчет хронологии событий: «Руслан и Людмила» вышла в свет уже после высылки Пушкина из Петербурга, так что речь может идти о встрече с Пушкиным не в конце 1819 г., а лишь весной 1820 года, после появления в журналах трех отрывков поэмы; кое-что из нее Лажечников мог знать, конечно, и из рукописных копий, которые могли ходить по городу и раньше появления поэмы в печати.

² Об этой встрече с Пушкиным Лажечников упоминает даже в своей краткой автобиографии («Известия книжных магазинов М. О. Вольфа» 1899 г., № 9—10, стр. 183): такое значение он придавал этому эпизоду.

драмы и многие другие перлы своего творчества; Лажечников же из гвардейского офицера с большим боевым формуляром давно уже — с конца 1820 г. — превратился в мирного работника на ниве народного просвещения, в должностях директора Пензенских училищ, Казанской гимназии и, с 5 марта 1831 г., — училищ Тверской губернии. Одним словом, прошло более десятка лет прежде, чем между Пушкиным и Лажечниковым вновь завязались отношения, хотя и заочные, и кратковременные.

Давно уже — еще с 1826 г. — работая над созданием исторического романа на тему из русской истории,¹ Лажечников в конце 1831 г. выпустил в свет два томика своего «Последнего Новика». Успех его был большой, совершенно исключительный. Ободренный этим успехом, скромный Лажечников послал свои книжки Пушкину, снабдив их трогательною надписью: «Первому Поэту Русскому Александру Сергеевичу Пушкину с истинным уважением и совершенною преданностью подносит Сочинитель. 18 декабря 1831. Тверь»² и предварив не менее трогательным письмом, в котором вспомнил о своем участии в мирном окончании ссоры Пушкина с майором Денисевичем. «Милостивый Государь Александр Сергеевич!» писал Лажечников из Твери 13 декабря 1831 г. «Волею или неволею займу несколько строк в истории Вашей жизни. Вспомните Малоросца Денисевича с блестящими, жирными эполетами и с душою трубочиста, вызвавшего вас в театре на честное слово и дело за неуважение к Его Высокоблагородию; вспомните утро в доме

---

¹ О генезисе интереса к историческому роману у Лажечникова см. в статье о нем С. А. Венгерова при издании сочинений Лажечникова 1899 г., т. I, стр. XLVI и след.

² См. Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина, СПб., 1910, стр. 56. Ныне этот экземпляр, как и вся библиотека поэта, находится в Пушкинском Доме Академии Наук СССР.

Графа Остермана, в Галерной, с Вами двух молодцов Гвардейцев, ростом и духом исполинов, бедную фигуру Малоросца, который на вопрос Ваш: приехали ли Вы во время? отвечал нахохлившись, как индейский петух, что он звал Вас к себе не для благородной разделки рыцарской, а сделать Вам поучение, како подобает сидети в Театре, и что Майору не прилично меряться с фрачным; вспомните крохотку-Адъютанта,¹ от души смеявшегося этой сцене и советовавшего Вам не тратить благородного пороха на такой гад и шпор иронии на ослиной коже. Малютка-Адъютант был Ваш покорнейший слуга — и вот, по чему, говорю я, займу волею или неволею строчки две в Вашей истории. Тогда видел я в Вас Русского дворянина, достойно поддерживающего свое благородное авание; но когда узнал, что Вы — Пушкин, творец Руслана и Людмилы и столь многих прекраснейших пиес, которые лучшая публика России твердила с восторгом на память — тогда я с трепетом благоговения смотрел на Вас, и в числе тысячей поклонников приносил к треножнику Вашему безмолвную дань. Загнанный безвестностью в последние ряды писателей, смел ли я сблизиться с Вами? Ныне, когда голос избранных Литераторов и собственное внимание Ваше к трудам моим выдвигает меня из рядов словесников, беру смелость представить Вам моего Новика, счастливый, если первый Поэт Русский прочтет его, не скучая. 3-ю часть получить изволите в первых числах Февраля.»

Пушкин не откликнулся на это милое письмо, — но, конечно, не почему-либо иному, как по недосугу или по причине суетливости жизни, которую он вел в первый год своей женитьбы; к тому же письмо Лажечникова пришло в Петербург, когда он был в Москве, — написать

¹ Лажечников был очень мал ростом. *Б. М.*

ответ своевременно он так и не собрался. Но в добром и памятном сердце своем он впечатлел и содержание письма Лажечникова, и самый факт присылки ему «Новика», который, без сомнения, он прочитал внимательно: Пушкин, как известно, сам очень интересовался историческим романом и повестью, как литературным жанром, был большим поклонником Вальтера Скотта (сочинения которого любил и знал превосходно) и других европейских писателей того же типа — Дефоз, Фильдинга, Ричардсона, Стерна и многих других: «Арап Петра Великого» (1827), — отрывки из которого появились еще в конце 1828 и в начале 1830 г., — «Повести Белкина» и, наконец, «Дубровский», «Капитанская Дочка», ряд набросков и планов, все эти попытки свидетельствуют о давнем и повышенном интересе поэта к исторической повести и роману.¹ Он восторженно встретил выступление Загоскина и прерывал «увлекательное чтение» «Юрия Милославского» для того, чтоб поскорее написать (11 января 1830 г.) автору несколько горячих приветственных строк; находил он достоинства и в «Рославле» Загоскина, романы которого вообще склонен был считать выше романов Альфреда де Виньи.² Нет сомнения, что и роман Лажечникова привлек к себе особенное внимание Пушкина, который и в данном случае проявил к автору «Новика» то исключительно благожелательное отношение, о котором мы говорили в начале нашей заметки; это благожелательство

---

¹ Подробности см. в статьях: С. Ауслендера об «Арапе Петра Великого» — Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр. 104 и след. М. Л. Гофмана о «Капитанской Дочке» — *ibid.*, стр. 353 и сл. Н. Лернера, Проза Пушкина, Пгр. 1923, стр. 29 — 52. О русской исторической повести типа Вальтера Скотта литература указана в книге Н. К. Пиксанова: Два века русской литературы, М. 1923, стр. 78.

² Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 267, 318, 389, т. III, стр. 150.

было чуждо и тени того, что французы называют «*jalousie de métier*», — ревностью соперничества.

Издание «Новика», — его последнего, 4-го томика, закончилось лишь в 1833 году; по выходе 3-й части, Лажечников послал ее Пушкину из Твери через одного своего знакомого, который писал по этому случаю Лажечникову 19 сентября 1832 г.: «Благодарю вас за случай, который вы мне доставили увидеть Пушкина. Он оставил самые приятные следы в моей памяти. С любопытством смотрел я на эту небольшую худенькую фигуру и не верил, как он мог быть забиякой... На лице Пушкина написано, что у него тайного ничего нет. Разговаривая же с ним, замечаешь, что у него есть тайна — его прелестный ум и знания. Ни блесок, ни жеманства в этом князе русских поэтов! Поговоря с ним, только скажешь: он умный человек. Такая скромность ему прилична». — «Совестно мне повторять слова», прибавляет Лажечников: «которыми подарил меня Пушкин при этом случае; но, перечитывая их ныне, горжусь ими. Почему же не погордиться похвалою Пушкина...»

Письмо Пушкина и его похвалы (если они были изложены в отдельном письме поэта, а не переданы в письме приятеля и корреспондента Лажечникова) нам, к сожалению, не известны, но мы знаем по черновику более позднего, не дошедшего до нас (или не отправленного) письма поэта к Лажечникову от первой половины 1834 г., как он относился к романисту. Благодаря Лажечникову за присылку ему, при письме от 30 марта 1834 г., рукописи Рычкова, касавшейся Пугачева, Пушкин писал, что несколько раз, проезжая через Тверь, он желал возобновить старое знакомство, но никогда не имел случая представиться Лажечникову и благодарить его — во-первых, за то «истинное наслаждение», которое он доставил ему своим первым романом («Новиком»), а во-вторых,

и за внимание, которым «удостоил» его автор, прислав свою книгу: «С нетерпением ожидаю нового Вашего творения», писал Пушкин: «из коего прекрасный отрывок читал я в Альманахе Максимовича.¹ Скоро ли он выдет и как вы думаете его выдать? Ради Бога, не по частям», — прибавлял Пушкин, так как, по его мнению, этот способ вредит занимательности, целостности впечатления и успеху книги. «Последний Новик», говорит поэт: «выводил нас из терпения перерывом появления своих частей: эти рас-срочки выводят из терпения многочисленных ваших читателей и почитателей», — заключал Пушкин.²

Возвращая Лажечникову через полтора года упомянутую рукопись Рычкова и извиняясь, что еще не доставил ему экземпляра «Истории Пугачевского бунта», Пушкин писал ему в Тверь (3 ноября 1835 г.): «Позвольте, Милостивый Государь, благодарить вас теперь за прекрасные романы, которые все мы прочли с такою жадностью и с таким наслаждением. Может быть, в художественном отношении, Ледяной Дом и выше Последнего Новика, но истина историческая в нем не соблюдена, и это современем, когда дело Волынского будет обнародовано, конечно, повредит вашему созданию; но поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык. За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лицо мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать

¹ В альманахе М. А. Максимовича «Денница на 1834 г.» был помещен отрывок из «Ледяного Дома», содержавший яркий эпизод «Ледяная статуя» (стр. 129 — 152); другой отрывок («Язык») появился в «Телескопе» 1834, т. XX.

² Переписка, т. III, стр. 97 — 98.

без негодования на его мучителя.¹ О Бироне можно бы также потолковать. Он имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа. Впрочем он имел великий ум и великие таланты...»

Лажечников, в ответном письме от 22 ноября,² «счел за честь поднять перчатку», брошенную ему «таким славным литературным подвижником», — и пространно, с ссылками на исторические источники и на свидетельства очевидцев, поддерживал свою точку зрения и на Волынского,³ и на Тредьяковского, «педанта и подлеца», и, особенно, на Бирона, с которого «никакое перо, даже творца Онегина и Бориса Годунова, не в состоянии снять поворное клеймо, которое история и ненависть народная, передаваемая от поколения поколению, на нем выжгли». Оспаривал, далее, Лажечников и мысль Пушкина о том, что «ужасы Бироновского тиранского управления были в духе того времени и в нраве народа. «Приняв это положение», писал он, «надобно будет все злодеяние правителей отнести к потребностям народным и времени. Признаю кнут справедливым и необходимым для нашего Русского народа за преступления его; но не понимаю, почему бы он требовал за неплатеж недоимок окачиванья на морозе холодной водой и впускания под ногти гвоздей. Впрочем народ наш до Бирона и после Бирона был все тот же; думаю, что он не изменился и ныне или очень мало изменился клучшему. Долго еще будет ходить за современную практическую истину пословица: гром не грянет, Русский не

---

¹ Рассказ о побоях, нанесенных Волынским Тредьяковскому, Пушкин внес еще в свои «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанные в «Сев. Цветах» Дельвига на 1828 год.

² Переписка, т. III, стр. 251 — 256.

³ О Волынском см. очерк Д. А. Корсакова в его книге «Из жизни русских деятелей XVIII века», Казань 1891.

перекрестится. Решительно скажу, что чувства нравственного (и даже религиозного), как у немецкого крестьянина нашего времени, и теперь не существует в нашем народе, и до тех пор не будет, пока не подумают о воспитании его те, которые должны об этом думать.¹ Но об этом когда-нибудь после, и печатно, если удастся. . . И за что ж дух этого Русского народа требовал ужасных Бироновских пыток? Бунтовал ли он против своей царицы или поставленных от нее властей? Нарушал ли он общественное спокойствие? — Ничего этого не было. Денег, золота требовал Бирон у этого бедного, тогда голодного народа, требовал у него бриллиантов для своей жены, роскошной жизни для себя, — и народ, не в состоянии дать ни того, ни другого, должен был выдержать всякого рода муки, как народы Колумбии, когда они отдали мучителям все свое золото и не могли ничего более дать. Почему дух времени и нравы народа не требовали Бироновских казней при Екатерине I, Петре II, Анне Леопольдовне, Елизавете, Екатерине II и ее преемниках? Народ, как мы ссазали, все тот же». — Свое длинное и горячо написанное письмо Лажечников кончил извинением, что ответил на строки Пушкина «целою скучною тетрадью». — «Я хотел», писал он, «защитить себя от несправедливых упреков и, между тем, защитить память русского патриота. Я молчал бы», добавлял Лажечников, «если бы писал мне г. Сенковский» (критику которого он «не ставил ни во что»), «но ваши упреки задели меня за живое. Ответом моим хотел я доказать, что историческую верность главных лиц моего романа старался я сохранить, сколько позволяло мне поэтическое создание, ибо в историческом романе истина всегда должна уступить поэзии, если та мешает этой. Это аксиома. Вините также славу вашу за эту длинную тетрадь. Ваши

¹ «Говорю это единственно из любви к моему отечеству и преданности моим царям» (осторожная оговорка Лажечникова).

похвалы так вскружили мне голову, что я в восхищении от них забыл время и записался. Искренностью моего письма хотел я также доказать то глубокое уважение, которое всегда имел к вам».

Составляя, двадцать лет спустя, воспоминания о знакомстве с Пушкиным и приведя в них письмо поэта от 3 ноября 1835 г., которое он тогда хранил «как драгоценность», — Лажечников, пользуясь копией своего ответа Пушкину (приведенного нами выше), повторил в них все возражения, которые он сделал тогда поэту. «Я крепко защищал в нем (в ответном письме), пишет он, «историческую истину, которую оспаривает Пушкин. Прежде, чем писать мои романы, я долго изучал эпоху и людей того времени, особенно главные исторические лица, которые изображал. Например, чего не перечитал я для своего «Новика»! Могу прибавить, — я был столько счастлив, что мне попадались под руку весьма редкие источники. Самую местность, нравы и обычаи страны списывал я во время моего двухмесячного путешествия, которое сделал, проехав Лифляндию¹ вдоль и поперек, большею частью по проселочным дорогам. Также добросовестно изучил я главные лица моего «Ледяного дома» на исторических данных и достоверных преданиях». Поэтому упреки Пушкина по своему адресу он считал незаслуженными и продолжал отстаивать свою точку зрения и на действующих лиц своего романа, и вообще на описанную им эпоху. Впрочем, он должен был сознаться, что по отношению к Тредьяковскому он был не совсем справедлив, и что Волынский, действительно, поступил с ним жестоко, даже бесчеловечно; однако не соглашался с Пушкиным в том, что Тредьяковский достоин уважения потомства... По поводу же своих возражений Пушкину на его суждения

---

¹ Действие «Последнего Новика» развивается на фоне событий, относящихся к завоеванию Лифляндии при Петре Великом.

о Бироне, Лажечников писал, что оправдание поэтом Бирона он считал «непостижимой» для него «обмолвкой великого поэта». «Винюсь», говорит он: «я принял горячо к сердцу *обмолвку* Пушкина, — особенно на счет духа времени и нравов народа, требовавших будто казней и угнетения, и слова, которые я употребил в возражении на нее, были напитаны горечью. Один из моих приятелей, прочитав мой ответ, сказал, что я не поскупился в нем на резкие выражения, которые можно и должно было написать — только не Пушкину. «Рассердился ли он за них?» — спросил меня мой приятель. — «Я сам так думал, не получая от него долго никакого известия», — отвечал я. «Но Пушкин был не из тех себялюбивых чад века, которые свое я ставят выше истины. Это была высокая, благородная натура. Он понял, что мое негодование излилось в письме к нему из чистого источника, что оно бежало неудержимо через край души моей, и не только не рассердился за выражения, которыми другой мог бы оскорбиться, — напротив, проезжая через Тверь, помнится, в 1836 г.¹ прислал мне с почтовой станции следующую коротенькую записку. Как увидите, она вызвана одною любезностию его и доброю памятью обо мне.

«Я все еще надеялся, почтенный и любезный Иван Иванович, лично благодарить вас за ваше ко мне благорасположение, за два письма, за романы² и пугачевщину, но неудача меня преследует! — Проезжаю через Тверь на перекладных и в таком виде, что никак не осмеливаюсь

---

¹ Лажечников не ошибся: это было 1 мая 1836 г.; в этот день поэт видался с князем Козловским, секундантом графа В. А. Соллогуба, с которым должен был драться на дуэли. См. А. С. Поляков. О смерти Пушкина. По новым данным. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук, Пб. 1922, стр. 10, 77.

² К тому времени Пушкин познакомился и со вторым романом Лажечникова, — «Ледяным Домом», изданным в 1835 г.

вам явиться и возобновить старое, минутное знакомство. — Отлагаю до сентября, то есть до возвратного пути; покамест поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству. Сердечно вас уважающий Пушкин».

«Записка без числа и года», — замечает Лажечников. «Подпись много порадовала меня: она выказывала добрую, благородную натуру Пушкина; она восстанавливала хорошие отношения его ко мне, которые, думал я, наша переписка расстроила».

Лажечников мечтал еще раз лично повидаться с своим любимым поэтом, в котором он так высоко ставил и личные, человеческие качества, — но мечте его не суждено было осуществиться: «В последних числах января 1837 года», заканчивает он свои воспоминания о Пушкине: «приехал я на несколько дней из Твери в Петербург. 24-го и 25-го был я у Пушкина, чтобы поклониться ему, но оба раза не застал дома. Нельзя мне было оставаться долее в Петербурге, и я выехал из него 26-го вечером. 29-го — Пушкина не стало . . . Потух огонь на алтаре!»

Зная чувствительное сердце Лажечникова, легко можно представить, как горько оплакивал он преждевременную и неожиданную смерть своего любимого поэта . . .¹

Память о нем для него была всегда дорога и впоследствии, что видно, между прочим, из того, как он ценил и берег письма к нему Пушкина и как заботился об их сохранении. Когда в 1858 г. он выпустил в свет первое собрание своих сочинений, известный библиограф М. Н. Лонгинов, — служивший тогда в Москве, — поместил в жур-

---

¹ За месяц до смерти Пушкин вспомнил Лажечникова в письме к Н. М. Коншину, который хлопотал тогда о получении места директора училищ в Твери: «Заяв место Лажечникова», писал ему Пушкин: «не займетесь ли вы, по примеру вашего предшественника и романами? а куда бы хорошо!» (Переписка, т. III, стр. 429)

нале «Атеней» статью о Лажечникове;¹ последний был очень доволен отзывом Лонгинова и писал ему, что отзывом этим он «подарил ему один из самых приятных часов в его жизни». ² Желая показать Лонгинову, как ценит он его доброе о себе мнение, он писал ему: «При свидании в Москве ³ я попрошу вас принять от меня на память письмо ко мне Пушкина по случаю получения им моего Ледяного Дома и ответ мой на это письмо. У вас они сохранятся лучше и, может быть, когда-нибудь пригодятся»; а в одном из следующих писем — от 16 ноября 1858 г., он послал ему оба письма к себе Пушкина. ⁴ Приводим это, очень интересное, неизданное письмо, — тем более любопытное, что в нем Лажечников, между прочим, снова возвращается к тому же давнему спору своему с Пушкиным по поводу его мнения об ошибках, допущенных Лажечниковым при о б р и с о в к е некоторых действующих лиц в «Ледяном Доме», и защищает от критики А. Н. Афанасьева в статье последнего: «Об исторической верности в романах И. И. Лажечникова. ⁵

Милостивый Государь,

Михайла Николаевич.

Посылаю вам обещанные мною письма Пушкина ко мне и комедию: Точь в точь, игранную в Сибири в 1774 году. Сочинитель ее Г. Веревкин. Прошу покорно принять от

---

¹ Перепечатана в сочинениях М. Н. Лонгинова, издании Л. Э. Бухгейма, т. I, М. 1915, стр. 491 — 498.

² Письмо (неизд.) в Пушкинском Доме, от 10 сентября 1858 г.

³ Письмо это писано из с. Кривякина, под Колодной.

⁴ В архиве Лонгинова, ныне находящемся в Пушкинском Доме, этих писем Пушкина к Лажечникову не находится, и куда они попали, нам неизвестно...

⁵ «Атеней» 1858 г., ч. V, № 41, стр. 364 — 378.

меня то и другое на память.¹ Ответ мой Пушкину я не нашел в своих бумагах.

Из письма ко мне Пушкина вы увидите, справедливо ли я назвал обмолвкой великого писателя слова его, что «тиранское управление Бирона было в духе того времени и во нравах народа, которым он управлял». Приняв это положение, надобно будет все злодеяние правителей отнести к потребностям времени и народа. Положим, законы, взыскивающие за преступления, могут быть издаваемы более или менее строгие, смотря по нравам народа; но никогда тиранское управление не может быть в духе времени и народа. История оправдывает иногда грозное управление государственных людей за их ум и таланты, за благодетельную для их отечества цель, к которой они стремились. Так историческая правда смотрит на дела Ришелье. Но какой великий ум и какие таланты правителя народного имел Бирон? То и другое должно доказываться делами. Что же славного и полезного для России сделал временщик? Быть может, какой-нибудь лихой наездник-историк, в роде Афанасьева, велит нам снять шапку перед его памятью за то, что он, ничтожный выходец, умел согнуть Петрову Россию в бараний рог и душил нас, как овец. Или, может статься, велит он увидеть его ум и великие таланты в мастерской езде верхом на разные манеры или в том, что он умел искусство сесть не в свои сани?.. Других памятников своего искусства *править* он нам не оставил.

В одном из последних №№ Атеней прочел я ожесточенный разбор моих романов. В оправдание свое повторю то, что я сказал в статье моей: «Знакомство мое с Пушкиным». Прибавлю еще, что я писал о Волынском под благородным впечатлением, окружавшем в 30-х

---

¹ Прошу располагать ими, как вам угодно.

годах могилу его, когда с восторгом повторялись известные стихи: ¹

..... приведи
 К могиле мученика сына:
 Да закипит в его груди
 Святая ревность гражданина.

Сама великая Екатерина в завещании своем, приложенном к следственному делу Волынского, оправдала его: такому авторитету верить можно. Копию с этого завещания, списанную мною со всею точностью с подлинника, который я получил в 1837-м году от Жуковского, посылаю вам — на случай, если вы ее не имеете. Из нее увидите, что следствие над Волынским производилось под пытками: хороша истина, выжатая клещами и на дыбах!! достойно исторического вероятия следственное дело, произведенное таким образом!.. Если следствие напечатано кем в Трудях исторического общества — конечно, ради оправдания отчета о нем, сделанного некогда одним сильным лицом, — почему ж было не напечатать завещания мудрой государыни, из которого некоторые изречения следовало бы напечатать золотыми буквами? ² Тогда права обвинителей и адвокатов Волынского были бы более уравновешены. Легко критику осуждать меня под защитой обнародованного

¹ Рыльева, из его известной «Думы»: «Волынский».

О некоторой идеализации образа Волынского поэтами и писателями, — в том числе и Лажечниковым («одним из наиболее уважаемых людей в России») под влиянием «Думы» Рыльева пишет в своих «Mémoires» известный князь П. В. Долгоруков (t. I, Gèneve, 1867, p. 433). *Б. М.*

² Вот слова Екатерины II о деле Волынского: «Сыну моему и всем моим потомкам советую и поставляю читать сие Волынского дело от начала до конца, дабы они видели и себя остерегали от такого беззаконного примера в производстве дел... Волынский был... добрый и усердный патриот... Смертную казнь терпел, быв невиновен». *Б. М.*

акта, когда он знает, что другой, сильнейший документ, его опровергающий, не мог быть издан в свет. Он нападает с оружием, которое дано ему правительством в руки против человека, не имеющего права употребить оружие, которое ему запрещено. Благородно ли это? Притом справедливо ли взыскивать с меня за то, что я изобразил в 1835 году Волынского не по историческим сведениям, сделавшимся известными только в 1858 году и до сих пор бывшим под государственным секретом? И по юридическим началам закон только со времени его издания имеет силу, а не действует назад. Разве шемакинский или афанасьевский суд действует иначе! Признаюсь, виноват, кругом виноват за то, дескать, что не знал в 1835 году то, что можно было только узнать в 1858 году?

И за отрывок Колдуна на Сухаревой башне ¹ критик ожесточается против меня. Упреки в искажении мною характера молодого Долгорукова также пристрастны и несправедливы. Напечатанные мною письма ² (по просьбе книгопродавца) служили только вступлением к роману: Колдун на Сахар. б. Весь роман не был бы написан в эпистолярной форме, а в повествовательной по главам. По письму Долгорукова к Финку нельзя судить, как разовьется характер первого впоследствии романа; да и Долгорукий играет в нем не главное лицо — главные лица у меня Брюс и его племянник, женившийся потом на княжне Долгоруковой, бывшей невестой Петра II, когда она возвратилась из Сибири. В этом письме Долгорукий выражается, как мальчик, хотя и с прекраснейшими мечтами о счастье России, но более всего занятый голубою лентою через плечо, обер-камергерским мундиром и кра-

---

¹ Неоконченный исторический роман Лажечникова (из жизни графа Я. В. Брюса), начало которого было напечатано в «Отеч. Зап.» 1840 г. № 60. *Б. М.*

² Роман был начат в форме писем. *Б. М.*

сотою девушки, с которою он стоять будет в церкви под брачным венцом. Кто не знает, что много обещавшие юноши не исполняли прекрасных надежд, которые они сулили! В письме барона Остермана к Брюсу (стр. 440 и 441-я) вернее обозначается, чего должна ждать Россия от таких людей, каковы члены семейства Долгоруких. «Пожалеешь и его (Меншикова) — пишет Остерман — когда подумаешь, кто его заменяет. По крайней мере он был с великими заслугами Петру и отечеству, имел великий ум, испытанное мужество; а теперь его наследники . . . *подумать-то страшно, что за люди!*» и далее: «Предсказываю на несколько лет царство детей... Страшусь не без причины за творения Петра Великого. Ты знаешь отца и дядю маленького фаворита: *не великие по душевным качествам*, они захватили бразды правления. *Можно судить, куда эти возничие умчат колесницу России, если скоро не успеют сами сломить себе шею*». Почему же притом, осуждая меня по одному вступлению к роману и то по одному письму юноши Долгорукова, то есть по одной стороне медали, не вдумать взглянуть на другую сторону ее?...

Не знаю, что и сказать об оправдании Бирона критиком, по словам князя Щербатова, будто «народ был порядочно управляем, не был отягощаем налогами», когда все историки времен Анны Иоанновны именно и называют управление временщика тираническим, кровожадным, за жестокие истязания народа во взыскании налогов. Отчего ж ходил такой стон по земле русской? отчего ж целые селения бежали тогда в Литву? не от благодетельного же правления?¹ Я начинаю сомневаться, не возникла ли эта защита Бирона ради того, что сильные

---

¹ Уж не Доимочный ли Приказ свидетельствует о попечении народном?

потомки его еще здравствуют и имеют родственные связи с сильными и знатными фамилиями русскими? Да и г-дин Афанасьев не приходится ли с родни Тредьяковскому?..

Наконец скажу, — меня судят, как биографа, как историка, а не как исторического романиста. Если бы разбирать так строго исторические характеры в романах самого Вальтер-Скотта, сколько бы нашлось в них романтических прикрас? ¹

Не вдаваясь в печатную полемику с г-ном Афанасьевым, вот все, что я хотел сказать вам в защиту свою. Простите, если я наскучил вам ею.

Прошу верить в совершенное уважение и искреннюю преданность.

Ваш покорнейший слуга

И. Лажечников.

С. Кривякино,
16-го ноября 1858.

Тон глубокого убеждения звучит в этом письме заслуженного писателя, — убеждения, но не пристрастия. И действительно, современники свидетельствуют, что Лажечников был совершенно чужд этого чувства, что он умел быть совершенно беспристрастным. Человек «в высочайшей степени добрый, откровенный, совестливый, нежный» — по отзыву близко и издавна знавшего его К. Н. Лебедева, ² Лажечников с редкою

---

¹ Право исторического романиста на отступления от хронологии и от строгого соответствия данным истории всех деталей произведений Лажечников отстаивал и в печати: «исторический романист», — писал он в прологе к своему «Басурману» (Соч., изд. 1858 г., т. V), — «должен следовать более поэзии истории, нежели хронологии ее. Его дело не быть рабом чисел; он должен быть только верен характеру эпохи и двигателя ее, которых вялся изобразить», и т. д.

² См. его Записки — «Русский Архив» 1910, кн. II, стр. 368.

любвию и в то же время беспристрастием следил за литературою, отзываясь на все талантливое, что появилось в ней: он, по выражению И. И. Панаева, принадлежал к тем «живым, избранным и редким натурам, которые никогда не стареются духовно и потому чувствуют всегда большую склонность к молодым поколениям. За это их не очень жалуют их сверстники и вообще все отсталые люди, идеал которых не в будущем, а в прошедшем. Лажечников — едва ли не единственный из литераторов своего времени..., искренно и без всякой задней мысли, с полным сочувствием всегда протягивающий руку всем замечательным деятелям последующих литературных поколений. Он располагает к себе с первого взгляда своею простотою, мягкостью, благодушием. Он настоящий поэт, увлекающийся, беспечный, исполненный фантазий, чуждый всякого практического такта, не уживающийся с действительностью и не входящий с нею ни в какие сделки...»¹ Любя и почитая Белинского и пользуясь привязанностью последнего, он высоко ставил Гоголя, восторгался Тургеневым, до конца дней своих как бы оставаясь чистым и увлекающимся юношей, простосердечным, «неисправимым» идеалистом. «Почувствовавши к кому-нибудь симпатию, он отдавался ей весь, пылко, искренно, как юноша», — свидетельствует Т. П. Пассек. Одною из таких симпатий Лажечникова был, несомненно, Пушкин, память которого всегда была особенно дорога ему: к ней относился он с таким благоговением, что когда, в 1856 г., Г. Е. Благосветлов написал статью «История русского романа» и в ней отвел Лажечникову, как романисту, высокое место, последний писал А. В. Старчевскому, что «чести стоять между Гоголем и Пушкиным он

---

¹ Литературные воспоминания, СПб. 1888, стр. 275. Ср. с подобным отзывом Н. В. Станкевича: Переписка, М. 1914, стр. 335.

не заслуживает...». ¹ Конечно, Лажечников был прав, отводя себе в истории русской литературы более скромное место, ² но заслуженного им никто у него отнять не вправе: Лажечников должен считаться родоначальником русского исторического романа; в этом отношении он занимает почетное место в истории нашей словесности, и имя его может быть поставлено *на ряду* с Пушкиным, если последнего считать родоначальником нашего художественного романа. Успех в современном ему образованном обществе романы Лажечникова имели чрезвычайный, по выражению одного критика — жгучий, — и похвала Пушкина, высказанная по адресу романов Лажечникова, — не фраза; их долго читали и перечитывали с наслаждением; поэтому прав был Лонгинов, когда говорил, что имя Лажечникова «не умрет в летописях нашей литературы, в которые навсегда занесены: «Последний Новик», «Ледяной Дом» и «Басурман».

---

¹ «Историч. Вестник» 1892 г. № 11, стр. 327; Погодин, однако, готов был ставить прозу Лажечникова (и Загоскина) рядом с прозой Карамзина и Гоголя (Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, т. VI, стр. 182, 184), а чуткий Н. В. Станкевич считал (1835), что Лажечников — «лучший романист после Гоголя» (Переписка Н. В. Станкевича, 1830 — 1840. Редакция и издание Алексея Станкевича, М. 1914, стр. 335).

² Белинский в «Литературных Мечтаниях» писал (1834), что Лажечников «по справедливости признан первым русским романистом».

ПУШКИН, ДЕЛЬВИГ И ИХ ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ДРУЗЬЯ В ПИСЬМАХ С. М. ДЕЛЬВИГ

Взаимные отношения Пушкина и Дельвига представляют собою редкий и умилительный пример: дружба их была на редкость тесная, основанная на взаимном понимании и уважении; их союз, начавшись с момента вступления в Лицей, был больше, чем дружбой, — был братством. Внешне — их связь не раз и надолго порывалась, но внутреннее общение их было постоянным и неизменным. С детских лет их роднила и сближала любовь к поэзии и свойственное обоим литературное дарование, которое они рано распознали и оценили друг в друге: Дельвиг, как известно, один из первых полюбил гений Пушкина и еще в 1815 г. писал ему:

Пушкин! Он и в лесах не укроется:
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимпе торжествующий.

С годами взаимное понимание и любовь росли, крепли и становились все более сознательными; в разлуке друзья переписывались, — и нам известен ряд их дружески-нежных писем друг к другу; в периоды совместной жизни в Петербурге они видались чуть не ежедневно, — то в обществе «Зеленой Лампы», то у общих друзей и знакомых, то в доме родителей Пушкина, у которых, по выходе из Лицея, жил поэт. Они были так нежно преданы один другому, что при встрече целовали друг у друга руку...

Естественно поэтому, что когда Дельвиг задумал жениться, Пушкин, узнав о предстоящей перемене в судьбе

друга, принял весть с волнением: «Женится ли Дельвиг? Опиши мне всю церемонию. Как он хорош должен быть под венцом! Жаль, что я не буду его шафером», — писал он Плетневу в середине июля 1825 г. из михайловской ссылки, где незадолго до того посетил его Дельвиг, — а вскоре писал самому Дельвигу: «Ты, слышал я, женишься в Августе, — поздравляю, мой милый! будь счастлив, хоть это чертовски мудрено. Цалую руку твоей невесте и заочно люблю ее как дочь Салтыкова и жену Дельвига».

Пушкин не сомневался в выборе своего друга, — невеста была дочерью просвещенного человека, — «почетного гуся» и «природного члена» «Арзамаса», Михаила Александровича Салтыкова, — но мизантропически тогда настроенный, он не верил вообще в человеческое счастье. Однако, когда свадьба друга состоялась, — он радостно-шутливо приветствовал своего друга и его молодую жену, из которой просил непременно сделать «Арзамаску». Личное знакомство его с нею состоялось, как увидим ниже, лишь в конце мая 1827 г., но нет сомнения в том, что Пушкин еще заочно полюбил Софью Михайловну Дельвиг, как жену своего друга и брата; о первой встрече с поэтом и о последовавшем затем сближении с ним С. М. Дельвиг довольно много сообщает в письмах своих к одной своей далекой оренбургской подруге, А. Н. Семеновой, вскоре вышедшей за известного натуралиста и путешественника Г. С. Карелина.¹

Пушкин был для Софьи Михайловны сперва любимейшим поэтом, — она умела ценить его стихотворения, — но потом он сделался дорог ей и как первый, лучший друг

---

¹ О нем см., между прочим, статью Д. Ф. Кобеко «Путешествие Карелина по Каспийскому морю в 1836 г.» — в Записках Восточн. Отдел. Русск. Археол. Общества», т. V, стр. 79 — 84, а также книгу В. И. Липского: «Г. С. Карелин (1801 — 1872). Его жизнь и путешествия», СПб. 1905.

ее мужа и как постоянный гость, почти как старший член семьи.

Сама Софья Михайловна родилась 20 октября 1806 г. Свою мать, Елизавету Францевну, рожд. Ришар, родом французенку, она потеряла, будучи семилетнею девочкой, и росла сиротою; воспитание и образование свое она закончила в известном в свое время петербургском женском пансионе девицы Елизаветы Даниловны Шретер, на Литейном проспекте. Одним из преподавателей ее здесь был Петр Александрович Плетнев, — небезызвестный писатель, поэт, друг Дельвига и Пушкина, популярный впоследствии профессор Петербургского университета и академик; он с большим расположением и, кажется, не без сердечной нежности относился к своей ученице; она, в свою очередь, питала к нему чувства дружеского уважения, любила его уроки и главным образом ему, повидимому, была обязана развитием большой любви к словесности вообще и к русской — в особенности. Пушкин был для нее кумиром — по крайней мере, судя по ее письмам, она знала наизусть всё, что он уже успел написать к 1824 г.; от Плетнева она узнала и о Дельвиге, позднее и о Боратынском (брате ее второго мужа, С. А. Боратынского), и о декабристах Рылееве и Бестужеве, помнила наизусть их произведения, с жадностью узнавала новые. Их имена часто мелькают в письмах ее к упомянутой пансионской подруге — Семеновой-Карелиной.

Эти письма представляют богатый и во многом очень свежий материал для характеристики как самой Салтыковой-Дельвиг-Боратынской, так и для биографических портретов ее первого мужа — поэта Дельвига, а также — Пушкина, Плетнева, Кюхельбекера и многих других общих их друзей и знакомцев, среди которых она провела несколько лет своей молодости; они рисуют ту обстановку, в которой жили все эти люди сто лет тому назад, на грани

двух столь различных между собою царствований — Александровского, с его внешним блеском и славою и скрытым разладом и надрывом, и Николаевского, начавшегося громом пушечных выстрелов на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Принадлежа по родственным связям и отношениям к среднему слою Петербургского высшего общества, Салтыкова, с выходом замуж за Дельвига, попала в среду тогдашней умственной интеллигенции, в небольшой по количеству членов кружок писателей, группировавшихся около симпатичной личности ее мужа — поэта и издателя известных альманахов «Северные Цветы» и «Подснежник» и «Литературной Газеты». Подробности биографии Дельвига — рассказы о его сватовстве и жениховстве, о семейной жизни и поездках, о литературных работах, об отношениях к людям, наконец, его новые письма и данные о его болезни и смерти — представляют несомненную историко-литературную ценность. Не одни пушкинисты с интересом прочтут и то, что сообщается в письмах 1827—1830 годов о Пушкине: живые, неприятно-правдивые свидетельства С. М. Дельвиг, горячей поклонницы поэта и жены его ближайшего друга, писаны под свежим впечатлением непосредственных восприятий, и, конечно, найдут свое место в подробной биографии Пушкина; нельзя не пожалеть лишь о том, что этих свидетельств сравнительно немного и что они не так пространны, как нам бы хотелось. Частые упоминания и рассказы о Плетневе дорисовывают нам и без того уже достаточно отчетливую фигуру этого писателя по призыванию и верного друга своих многочисленных друзей.

Сама С. М. Дельвиг рисуется нам особою экспансивною — быть может наследственно, от матери французки, получившею некоторую долю этой повышенной страстности натуры; она легко поддается довольно часто и резко меняющимся настроениям; она мечтательна и несколько сенти-

ментальна, особенно в более ранние годы, когда невольно обращает на себя внимание ее «по-институтски» сентиментальное отношение к подруге-корреспондентке; это отношение иногда срывается у нее, судя по переписке; срывы ведут к перерывам в письменных сношениях, а затем — к бесконечным извинениям в молчании и раскаянию... Из писем видно, что Салтыкова очень рано умственно развилась, что она получила хорошее, типичное для своего времени, преимущественно светское образование, страстно любила литературу, особенно русскую, много читала и по-немецки, и по-французски, наконец, — играла на клавесине. Сентиментальностью и книжным влиянием отдает и от ее романа с Каховским;¹ но при всем том в ней нет ничего искусственного, — она искренна, непосредственна, простодушна и в высшей степени женственна. По окончании частного пансиона, руководимого типичною представительницею профессионально-педагогического ремесла — А. Д. Шрётер, о которой при всяком удобном случае она вспоминает в письмах не иначе, как с долею шаловливой насмешки, не всегда добродушной, и до выхода своего замуж, Салтыкова живет в довольно мрачной обстановке, — без матери и без женского влияния, без братьев и сестер, в обществе одного отца, человека высокообразованного, но с чрезвычайно тяжелым характером, «ипохондрика», как тогда определяли людей, которые без видимых причин впадали в мрачное настроение духа, угнетающе действовали на окружающих, не умея или не желая сдерживать своих порывов и поддаваясь внешним впечатлениям... При самом вступлении в жизнь она встречается с другим оригиналом — своим дядюшкой П. П. Пассеком;² много

¹ См. нашу статью в «Былое» 1924 г., № 26, отд. изд. «Роман декабриста Каховского» (Труды Пушкинского Дома), ГИЗ, Ленинград, 1926, и ниже в настоящей работе.

² См. «Былое», 1924, № 26; его портрет на стр. 17.

других оригиналов приходится наблюдать ей и позднее, — все это отражается в ее письмах, в которых мы находим и другие интересные сообщения, — напр., рассказ о знаменитом петербургском наводнении 1824 г. и т. п.

До нас дошло мало отзывов о С. М. Салтыковой-Дельви-Боратынской. Досаднее всего, что не оставил нам о ней воспоминаний П. А. Плетнев: он лучше, чем кто-либо другой, мог бы нарисовать портрет своей ученицы и жены своего друга Дельвига, которая и впоследствии изредка поддерживала с ним письменные сношения.

Зато в письмах Софьи Михайловны Плетневу уделяется постоянное и заметное внимание. В первом же своем письме к Семеновой, писанном 9 мая 1824 г. из Смоленской деревни П. П. Пассека, семнадцатилетняя Салтыкова упоминает, в числе самых дорогих ей людей, «Плетиньку»; так называла она с подругами этого своего пансионского любимого преподавателя; скучая о петербургских друзьях, она пишет подруге, что с болезненным чувством вспоминает даже о нелюбимой никем начальнице того пансиона, в котором она с Семеновой училась, — Елизавете Даниловне Шрётер: «посуди сама о том, какое удовольствие мне быть здесь. Плетинька, Саша (Юппева), ты, — составляете предмет моих дум. Нет, Саша, не выдержи трех месяцев мучения, — я получу ипохондрию, — это верно!»

«Плетинька» был тогда еще сравнительно молодым человеком (ему было не более 30 лет), пользовавшимся большим расположением своих многочисленных учениц по Патриотическому и Екатерининскому институтам и по пансиону; он умел развивать в них любовь к предмету преподавания и, сам поэт и писатель, принадлежавший к небольшому в те времена кружку петербургских литераторов, импонировал им своими связями в их среде, знакомил с новыми явлениями в области словесности, преимущественно — отечественной, сообщал им о своих приятелях

и знакомцах-писателях и вообще вводил в круг литературных интересов. Из писем Салтыковой ясно, какая духовная близость существовала между Плетневым и его талантливыми ученицами. Он именно познакомил Салтыкову со своим другом Дельвигом, за которого Софья Михайловна и вышла замуж после неудачного романа с декабристом П. Г. Каховским;¹ сам Плетнев, повидимому, как мы упомянули, был не совсем равнодушен к своей ученице — во всяком случае питал к ней нежные чувства, за которые Софья Михайловна платила наставнику полную откровенностью.

К сожалению, в архиве Плетнева, находящемся ныне в Пушкинском Доме, сохранилось лишь одно, позднейшее ее письмо к нему, а в архиве самой Софьи Михайловны, принадлежащем также Пушкинскому Дому, нашлось лишь два, тоже позднейших и довольно чопорных письма Плетнева; но и без их переписки, по одним письмам Софьи Михайловны к Семеновой-Карелиной можно с достаточною отчетливостью видеть душевную близость их отношений. Приступая к выдержкам из этих писем,² начнем с первого из них, — в котором рассказывается о личном знакомстве ее с Кюхельбекером, в деревне дяди, 1 августа 1824 г.; знакомство с этим оригиналом доставляет ей большую радость, и она в восторге от своеобразной личности этого друга Пушкина.

Вот как рассказывает она об этом знакомстве в письме

---

¹ См. указ. нашу статью «Роман декабриста Каховского» — в «Былом» 1924 г. и отд. изд. ГИЗ, 1926.

² Письма С. М. Дельвиг к А. Н. Семеновой-Карелиной хранятся в Пушкинском Доме Академии Наук СССР, в архиве Боратынских и Дельвигов, находившемся в их тамбовском имении «Мара». Всех писем 127, за 1824 — 1837 годы. Все они, кроме отдельных фраз, писаны по-французски и даются здесь в переводе, исполненном автором статьи. *Ред.*

от 22 августа из Смоленской деревни дяди П. П. Пассека:

«В Крашнево приезжал один молодой человек, которого я была очень рада увидеть, — Кюхельбекер. Уже давно я хотела с ним познакомиться, но не подозревала, что могу встретить его здесь. Г-н Плетнев очень хорошо его знает и всегда говорил мне о нем с величайшим интересом. Я нашла, что он нисколько не преувеличивал мне его добрые качества; правда, это горячая голова, каких мало, пылкое воображение заставило его наделать тысячу глупостей, — но он так умен, так любезен, так образован, что всё в нем кажется хорошим, — даже это самое воображение; признаюсь, — то, что другие хулят, — мне чрезвычайно нравится. Он любит всё, что поэтично. Он желал бы, как говорит, всегда жить в Грузии, потому что эта страна поэтическая. Он парит, как выражается Дядюшка (и я сама стала любить таких людей, — я люблю только стихи, проза же кажется мне еще более холодной, чем прежде). У этого бедного молодого человека нет решительно ничего и для того, чтобы жить, принужден он быть редактором плохенького журнала, под названием «Мнемовина», который даже его друзья не могут не находить смешным, и сочинять посредственные стихи (ты, может быть, помнишь одну вещь, под заглавием «Святополк», в «Полярной Звезде»: она принадлежит его перу). Ужасно досадно, что он судит так хорошо, а сам пишет плохо. Он хорошо знает Дельвига, Боратынского и всех этих господ. Я доставлю большое удовольствие Плетневу, дав ему о нем весточку. К моему великому сожалению, он остался здесь только на один день».

Завязавшийся вскоре роман Салтыковой с Каховским проходил в атмосфере, насыщенной литературой. Молодые люди говорят о литературе. Каховский декламирует множество стихов Пушкина — в том числе и таких, которые еще не появлялись в печати и которые он слышал от

самого поэта, с коим он лично знаком;¹ он цитирует и Дмитриева, и Жуковского, и Руссо, да и весь роман развертывается как бы по книжному образцу, — действующие лица его, как они представлены в рассказе Софьи Михайловны, имеют вид героев одного из бесчисленных литературных произведений в форме романа: в нем есть и пламенный любовник, смелый и в то же время сентиментальный и сперва кроткий, а потом дерзкий; его возлюбленная, неопытная девушка, находящаяся под строгим наблюдением непонимающих ее окружающих — старших родных — тетки, дяди, отца; есть и неизбежная наперсница в лице Е. П. Петровой, будто бы «воспитанницы» дяди, а на самом деле — его «левой» сестры; наконец, самый роман изложен в обычной и распространенной форме писем к подруге...

С возвращением в Петербург, где роман Софьи Михайловны имел довольно необычайное продолжение и окончание, — она входит в атмосферу литературных интересов, — в первое время благодаря, главным образом, постоянному общению с Плетневым, имя которого не сходит со страниц писем ее к далекой подруге.

«Я передала Ольге и г-ну Плетневу (пишет она подруге 13 октября 1824 г.) всё, что ты поручила мне сказать им; последний мил как никогда; каждый раз, что я его вижу, я люблю его всё больше. Он поручает мне благодарить тебя за память и сказать тебе тысячу нежностей. Он принес мне несколько отрывков из новой поэмы, которою занят в настоящий момент Пушкин,² и настоятельно просит меня

¹ «Роман декабриста Каховского», Л. 1926, стр. 53.; Когда Каховский узнал, что Пушкин выслан из Одессы в деревню, он собрался хлопотать о получении места, которое занимал в Одессе Пушкин при гр. М. С. Воронцове (там же, стр. 89).

² Судя по нижеприводимому стиху, речь идет о «Евгении Онегине», 2-й его главе. Отрывок поэмы напечатан был в «Северных Цветах» на 1825 г., стр. 280 — 281.

послать их тебе, что я и делаю. Сохрани их, — это драгоценность, так как это — руки самого Пушкина; он прислал эти отрывки Дельвигу, который отдал их Плетневу, и только мы четверо знаем эти стихи. Плетинька очень просит меня не сообщать этого никому, потому что это уже не будет новостью для Александры Николаевны». Это его собственные слова. Сознаюсь тебе откровенно, что мне очень хотелось снять для тебя копию этих стихов, а автограф Пушкина сохранить у себя, скрыв это от тебя, — чтобы ты на это не зарилась,¹ — но Плетинька просит меня не делать этого: *«*Я вам достану что-нибудь его руки, любезная Александра Сергеевна,² а это прошу вас послать Александре Николаевне, — вы ее много утешите*»*. Очень прошу тебя, милый друг, сказать мне твое мнение об этих стихах. Что касается меня, то я нахожу их очаровательными, в особенности начиная от этого места:

Он пел любовь, любви послушной.³

Весь этот кусок очень красив, не правда ли? Посылаю тебе также новые стихи Жуковского, которые он написал в одном альбоме. Я их получила тоже от Плетнева. Кстати: дорогой наш Пушкин выслан в деревню к своему отцу за новые шалости; ты знаешь, что он был при Воронцове, — так вот последний дал ему поручение, для исполнения которого он должен был непременно уехать, он же ничего не сделал и написал сатиру на Воронцова. **Каков мальчик?** Я убеждена, что он создаст новые стихотворения в своем уединении, которые будут еще более остры...».⁴

¹ В подлиннике: «Pour ne pas te faire venir l'eau à la bouche».

² Так, очевидно, в шутку назвал Плетнев С. М. Салтыкову за ее обожание Пушкина.

³ Судьба автографа Пушкина, посылаемого А. Н. Семеновой в Оренбург, неизвестна.

⁴ Здесь и далее то, что написано по русски, передается дословно и указывается звездочками с обоих концов фразы или фраз.

«Благодаря г-ну Плетневу я провожу очень приятные минуты. Наденька Полетика тоже много выигрывает, когда ее узнаешь: это превосходная особа, что же касается ее мужа, то я уважаю и люблю его от всего сердца: это ангел. Я всегда была хорошего о нем мнения, теперь же нахожу, что я недостаточно его ценила. Он прямо доблестен, я знаю его черты, это молодой человек, на которого можно положиться. Я вижу тоже с удовольствием, что Наденька умеет ценить и уважать его, и они будут счастливы. Они всегда спрашивают, какие от тебя известия и приветствуют тебя. Вот, дорогой друг, единственные лица, которых я вижу и которых я люблю видеть; что касается прочих, то я очень хорошо обхожусь и без них, не исключая Кутайсовых и Клейнмихелей. Сегодняшний вечер я провела у Саши Геннингс.¹ Она — олицетворенное легкомыслие [*frivolité*], но приятном очень добрая особа; это впрочем не помешало мне очень скучать у нее, так как у нее было много народу и я должна была олушать разговор, который меня вовсе не интересовал. У нас много новых знакомых, — между прочим — девицы Ивелич,² из коих одна возмущает меня своим вульгарным тоном [*ton roissarde*]. Норов³ с некоторого времени также посещает ее; что касается его, — я его очень люблю: его общество очень приятно; однако, я не могла сегодня насладиться этим обществом, так как он очень поздно пришел к Саше: мы уже уезжали, когда он входил. Он все так же добр и мил, но невозможно рассеян. Мне рассказывали, что вчера он вошел в один дом, ни с кем не поздоровавшись, даже с хозяйкой, и просто-на-просто уселся, ничего не говоря; ватем вспомнил, как он поступил, и был очень этим смущен;

¹ О ней см. ниже.

² О них см. ниже.

³ Абрам Сергеевич, впоследствии министр народного просвещения. Есть его стихи на смерть Пушкина.

однако ему по доброте сердечной простили его промах, так как всем известна его рассеянность».¹

Следующее письмо Салтыковой, — от 16 ноября — было посвящено описанию страшного наводнения 7 ноября; это описание дает несколько нелишенных интереса подробностей и еще раз подтверждает, какими верными красками описал Пушкин страшный день наводнения в «Медном Всаднике»; рассказ же о бедном моряке Луковкине, не нашедшем на месте своего дома, который оказался снесенным водою со всем его семейством, напоминает печальную историю Евгения и его возлюбленной Парашы с матерью... Вот письмо в той части, которая описывает наводнение:

«Прошло восемь дней с тех пор, как я получила твое письмо от 18 октября за № 11. Перед тем как отвечать тебе, необходимо сообщить тебе грустную новость, которая в скором времени станет известна и всей России. 7-го ноября, в тот самый день, как я получила твое письмо, в городе и в окрестностях было страшное наводнение. Еще в течение ночи слышны были пушечные выстрелы, которые извещали население о необходимости принять меры против воды, которую сильный морской ветер заставлял выступать из берегов; но это не было еще так серьезно и угрожало только лицам, живущим близ Невы или Фонтанки и в первом этаже. Однако, к утру ветер так усилился, что люди не могли больше выходить, боясь потерять шляпы; он еще усилился к 10-ти часам, и, наконец, три четверти города было валито водой; люди, ехавшие на дрожках, принуждены были вставать, чтобы не слишком промокнуть. На улицах было видно множество народа, бегущего и кричащего. Сначала это забавляло, но так длилось недолго: с каждой секундой опасность становилась всё сильнее,

---

¹ Из письма от 13 октября 1824 г.

наконец, в три часа дня появились волны почти на всех улицах; барки очутились на Невском, лавки, магазины были залиты водой; воцарился ужаснейший хаос, мосты были снесены, сломаны; были несчастные, которые тонули, не успевши спастись или не могли это сделать, так как невозможно было войти ни в один дом: вода достигала до 2-го этажа, в особенности у Фонтанки и у Невы. Но самая ужасная картина была на Васильевском острове, в Коломне и в Галерной гавани, где дома были снесены в Кронштадт; говорят, что их осталось очень мало. Даже на Моховой была вода, я ее видела собственными глазами; приходилось ездить на лодках. Конные караульные отряды потеряли множество лучших лошадей; ты может быть слышала про Королева, богатого купца, имевшего чудную лавку под Английским магазином; он потерял на 100.000 руб. товару, а многие другие так и всё потеряли. Беркховы успели спасти лишь самих себя; в настоящую минуту они находятся у Волковых. Некоторые из наших знакомых потеряли людей, вещи, лошадей, коров, а бедный Норов,¹ со своей деревянной ногой, которому было так трудно спастись, потерял более чем на две тысячи рублей; для него это много, так как он имеет всего 4 или 5 тысяч в год. Нужно было видеть город на следующий день: сколько опустошения, сколько несчастных! Насчитывают 14.000 человек погибших и гораздо большее число совершенно разорившихся и не имеющих даже крова. Каменный остров и вообще все острова в жалком положении. Екатеринбург, который стоил столько денег и про который говорили, что он так хорошо устроен, никуда теперь не годится; канва понесла много потерь лошадьми, лесом и т. д. На другой и на третий день видны были барки, оставшиеся на улицах, у Зимнего Дворца, на Царицыном Лугу и пр. Парашеты

---

¹ Абрам Сергеевич.

испорчены, мосты сломаны, одним словом, Петербург представляет собою грустное зрелище, повсюду видны лишь похороны. Со Смоленского кладбища нанесло множество крестов к Летнему Саду — на улицах лежали мертвые тела на другой день. Государь дал миллион на несчастных, но сказал, что прибавит еще через некоторое время; и в самом деле, этого не хватает, так как потери ужасные; он много плакал над этим бедствием и хорошо наградил генерала Бенкендорфа, рисквавшего жизнью для спасения 9 несчастных, готовых погибнуть, что ему и удалось; один моряк 16-ти лет тоже отличился блистательным подвигом, за что получил Владимирский крест. Государь был тронут, увидав его поступок, и не замедлил тут же дать ему крест, который он взял у одного из своих флигель-адъютантов, находившегося тогда около него. Рассказывают много раздирающих сцен; между прочим, про некоего Луковкина, моряка, имевшего дом на Гутуевском острове — совсем близко от залива и, следовательно, на очень опасном месте. Была у него жена и трое детей, за которых он очень беспокоился в этот день, так как был дежурным и не мог вернуться до вечера. Наконец, когда он пришел домой, то не нашел ни жены, ни детей, ни крова, ни единого следа своего жилища — каково его состояние!

Граф Шереметев дал 50.000 руб. бедным пострадавшим; графиня Орлова 150.000, великая княгиня Мария, которая теперь здесь — 15.000, но всего этого мало; нужно, чтобы вся Россия оказала помощь несчастным жителям Петербурга. Несомненно, что наводнение хуже всякого пожара; говорят, никогда не было ничего подобного, это будет целая эпоха в нашей истории, это вроде землетрясения, против которого нельзя принять никаких мер. По всей России в этом году бедствия; беспрестанные дожди произвели почти повсеместный голод; в Крыму — саранча причинила ужасное опустошение; в Петербурге свирепствует

главная болезнь, от которой вылечиваются с трудом; глаз понемногу пухнет, а потом вытекает, и тогда слепнут навсегда. В Горном Корпусе 140 детей больны этим и из них 30 уже ослепли; говорят, что болезнь дошла уже и до Морского Корпуса. Спектакли закрыты на месяц по приказу Государя, который сказал: «*Теперь не время веселиться*». Всюду говорят только о наводнении; всё это уже навязло в ушах, так в конце концов надоест слушать всё одно и то же. Нужна была бы целая тетрадь, чтобы описать тебе всё, что случилось в этот ужасный день. Забыла тебе сказать, что Обольяниновы сильно пострадали, но все спаслись...».

Войдя в обычную житейскую колею, Софья Михайловна снова сообщала подруге о текущих событиях:

«Я видела г. Плетнева две недели тому назад. Я отправлюсь повидать его в ближайший вторник и передам ему твое письмо. Он всегда просит меня показывать ему письма, которые ты пишешь мне, и обещает не читать тех мест, которые я не захочу сообщать ему, я не смею уступить его просьбе, не посоветовавшись с тобой, и хотя мне придется долго ожидать твоего ответа, я предпочитаю это, чем сделать нечто, что может быть тебе не понравится; в ожидании я постараюсь увернуться от настояний г. Плетнева или сделаю вид, что забыла твои письма; я покажу ему некоторые из них; я могу это сделать даже не имея твоего мнения об этом, но он хочет непременно прочесть их все. — Ты говоришь мне о сочинении Штиллинга, которое ты теперь читаешь: я знаю его хорошо по наслышке: Черлицкий¹ очень хвалил мне его и хочет мне его достать. Я сказала ему, что ты читала эту книгу, и он поручил мне передать тебе тысячу приветов и сказать, что он очень доволен тем,

---

¹ Черлицкий — старый учитель музыки С. М. Салтыковой

что ты занимаешься подобным чтением, и что он просит бога, чтобы оно произвело на тебя то действие, которое оно должно произвести. Он дал мне одну книгу в том же роде, под заглавием: «Das Ende kommt, es kommt das Ende», которая, по его словам, очень хороша. Я только-что ее начала. Автор этого сочинения думает, что конец света очень близок, и доказывает это довольно наглядным образом, по знамениям, которые Иисус Христос указал нам, как предтечи этой великой катастрофы; некоторые из них уже проявились и, по всем признакам, другие не замедлят осуществиться, и мы может быть вскоре увидим пришествие Антихриста . . .»¹

«Я читала твое письмо к г-ну Плетневу», читаем в письме от 4 января 1825 г. — не гневайся, — потому, что я уверена, что он мне сообщил бы его. Завтра вторник, однако я его не увижу, так как будет праздник; но я знаю, что он должен быть в Институте² в среду, — и туда я и пошлю ему твое письмо. *К Новому году (1825) вышли «Северные Цветы», изданные Дельвигом; там не³ очень много хорошего, однакож довольно, но менее, нежели я ожидала. Также и вздору довольно. Остроумный князь Вяземский иногда врет, Загорский, Григорьев, Туманский, — всё это дрянь, — ты их знаешь. Отрывки из «Евгения Онегина», «Мотылек и Цветы» Жуковского помещены там*. Есть прекрасная проза Плетнева: *Письмо к Графине С. — (не знаю, кто это)³ — о Русских поэтах; Дашкова — прекрасный отрывок из его путешествия по Греции. * Между стихами много таких, которые мы уже знаем, напр.: * «Измена» Плетнева; «Улетает, улетает, легкокрылая мечта»; «Разлука» его же: «Я знал ее как первый луч» и т. д. и еще его стихи: «Покой души, забавы ожиданья,

¹ Из письма от 14 декабря 1824 г.

² Екатерининском, где Плетнев преподавал словесность.

³ Это — графиня Соллогуб.

счастливые привычки юных лет». Помнишь ли? Кажется это у тебя в альбоме написано. — Пушкина Демон: В те дни когда мне были новы и пр.* Есть также красивые стихи Пушкина, Боратынского, Плетнева, Русские песни Дельвига, одна хорошая вещь Вяземского; Рылеева — нет ничего; милые басни Крылова, а остальное — мелочи. Есть одна Идиллия Дельвига, которая заставила бы меня покраснеть, если бы ее мне прочел какой-нибудь мужчина; к счастью Папа прочел ее один, и теперь я боюсь, чтобы Плетнев не заговорил со мной о ней: я скажу ему, что я ее не читала».¹

В другом письме мы снова встречаем упоминание о двух лицах, имеющих прямое отношение к Пушкину: об А. О. Геннингс и о графине Е. М. Ивелич:

«Александрина Геннингс», читаем в письме от 2 ноября 1824 г., «сделалась еще более легкомысленною, чем была раньше; она ежеминутно делает новые знакомства, которые очень мне не нравятся. Она, между прочим, сошлась с одною графинею Ивелич, которая больше походит на гренадера самого дурного тона, чем на барышню. Чтò за походка, чтò за голос, чтò за выражения! К тому же она нюхает табак и курит, когда никого нет; она приносит свою трубку к Александрине и выкурила пять или шесть трубок при мне в течение одного вечера. Какова девица? Соломирский, которого ты должна хорошо знать по отзывам Марии [неразб.] тоже часто бывает у Александрины: это один из величайших фатов, каких я только видела; по крайней мере, однако, он с талантами, и прекрасный музыкант. У Саши теперь две близких подруги, — это: Варенька Клейнмихель и ее кузина, девица Титова, с которою она познакомилась два или три месяца тому назад. У нее уже есть кольцо с тремя руками и следующею

¹ Идиллия Дельвига — «Купальщицы». «Сев. Цветы» на 1825 г. стр. 346 — 357.

надписью: «unies pour l'éternité».¹ Я с трудом удержалась от смеха, когда она мне сказала, что это руки Вареньки, Титовой и ее: нет ничего смешнее этих подруг Саши, которых она меняет, как башмаки».

Клейнмихель была кузиною С. М. Салтыковой; что касается упомянутой ею Александрины Геннингс, то она также приходилась Салтыковой кузиною со стороны матери, Елизаветы Францовны: она была дочерью Иосифа Францовича Ришара;² она отличалась красотой и большим талантом к пению, о котором вспоминает в записках своих композитор Н. А. Титов:³ «Редко слышал я, кто бы так хорошо пел романсы, как г-жа Геннингс, урожденная Ришар... Я познакомился с нею в 20-х годах; она была очень дружна с двоюродной сестрою моею Варварою Александровною Клейнмихель, урожд. Кокошкиной. В те годы еще мало пели русские романсы, а потому г-жа Геннингс пела всё романсы французские. Романс «*Conçois-tu toutes mes douleurs*» пела она восхитительно...»

В молодых годах А. О. Ришар вышла замуж за некоего Геннингса, но вскоре или овдовела, или развелась с ним и проживала в Петербурге; 3 июня 1826 г. С. М. Дельвиг писала своей подруге, что «Саша Геннингс выходит, наконец, замуж за Пушкина, ротмистра гвардейских гусар, и едет в Москву, так как там будет ее свадьба». Этот Пушкин был Федор Матвеевич Мусин-Пушкин, служивший в л.-гв. Гусарском полку с 1817 до 1836 г.; ватем он был полковником Одесского уланского полка и вышел в отставку генерал-майором.⁴ Геннингс-Мусина-Пушкина была зна-

---

¹ Т. е. «Соединены навеки».

² Сестра их, Анна Францовна, была матерью графа П. А. Клейнмихеля. См. Барон А. И. Дельвиг, Мои воспоминания, т. I, стр. 96.

³ «Древн. и Нов. Россия» 1878 г., т. III, стр. 273 — 274.

⁴ К. Н. Манзей, История л.-гв. Гусарского полка, т. III, 1859, стр. 90.

кома со всей семьей поэта Пушкина, в которой так и называли ее *Md. Pouchkine ex-Erix* или *ex-Erings*,¹ — особенно близка она была с О. С. Павлицевой, которая часто бывала у нее в свои приезды в Петербург. У А. О. Музиной - Пушкиной бывал молодой Даргомыжский (1835) и вообще собиралось небольшое, но приятное общество. Вторично овдовев, Музина-Пушкина, повидимому, была не в блестящем положении, и когда умерла, над ее имением было в 1875 г. учреждено в Москве опекунское управление, вызвавшее кредиторов и должников покойной.²

Графиня Екатерина Марковна Ивелич была близко знакома с семьею Пушкиных — родителей поэта, — в том числе и с ним самим, — еще в конце 1810-х годов, когда, по выпуске из Лицея, поэт жил с родителями на Фонтанке, близ Калининна моста. Рядом с ними проживали в собственном доме Ивеличи.³ А. М. Каратыгина в записках своих вспоминает, как однажды Пушкин и гр. Е. М. Ивелич говели вместе в церкви Театрального училища на Офицерской, близ Большого Театра, как Пушкин бывал у Ивеличей;⁴ они, повидимому, приходились Пушкиным как-то сродни; по крайней мере в одном письме к брату Льву (1824 г.) поэт писал из Михайловского: «Скажи сестре, что я получил письмо к ней от милой кузины гр. Ивеличевой и распечатал, полагая, что оно — столько же ответ мне, как и ей. Объявление о потопе, о Колосовой [впоследствии Каратыгиной], ум, любезность и всё тут.

¹ «Пушкин и его современники», вып. XV, стр. 72, вып. XVII—XVIII, стр. 164, 167, 168, 169, 188, 201.

² «С.-Петербург. Вестн.», 30 сент. 1875 г., прибавление, публик. № 4878.

³ Пушкин, Письма, под ред. Б. Л. Модзалевского, том I, Лгр. 1926, стр. 98, 104, 369.

⁴ «Русск. Стар.» 1880 г. № 7, стр. 566 — 567.

Поцалуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу, а графине Екатерине — дружеское рукопожатие».¹

Графиня Ивелич, — с которою, как видим, Пушкин переписывался, — была тогда 30-летняя девушка (она родилась 5 июля 1795 г.); она была очень эксцентрична, как видно из дальнейших писем С. М. Дельви́г; в одном письме к мужу, от 18 января 1835 г., О. С. Павлицева, между прочим, сообщала: «Вчера Аничков обедал у нас со своею приятельницею Екатериною Ивеличь, которая с ним «на ты», — как тебе это нравится! Из любви к ней он заказал ее портрет и портрет ее матери, т. е. портреты графинь Ивеличь»...² Отец ее, граф Марк Константинович, умерший 4 декабря 1825 г., был выходец из Иллирии или Далмации, состоял в русской службе с 1771 г. и дослужился до чина генерал-лейтенанта и звания сенатора; он отличался чудачествами, в молодости был страшно ревнив, любил играть в карты и всем, за весьма немногим исключением, говорил «ты»; женат он был на Надежде Алексеевне, рожденной Турчаниновой, богатой помещице Владимирской губернии, где ей принадлежали исторические села Нижний и Верхний Ландехи — некогда вотчина кн. Д. М. Пожарского.

О графине Е. М. Ивелич находим отзыв в Воспоминаниях Н. С. Маевского, который рисует эту оригинальную особу как большую остроумицу. «Некрасивая лицом, она отличалась замечательным остроумием; ее прозвища и эпиграммы действовали, как ядовитые стрелы. До конца жизни осталась она в девицах и не любила, когда ее подруги выходили замуж».³

Она умерла в Петербурге 7 мая 1838 г. Естественно,

¹ Пушкин, Письма, т. I, стр. 98.

² «Пушкин и его современники», выпуск XXIII — XXIV, стр. 207.

³ «Историч. Вестник» 1886 г., № 10, стр. 333.

что Пушкин, который и сам был остер на слово и любил оригинальных людей, дружил с графиней Ивелич и находил интерес в ее обществе и в переписке с нею.

В одном из дальнейших своих писем к подруге (от 16 ноября) С. М. Салтыкова цитирует стихотворение Пушкина «К Морфею»: «Всё спит в доме, — я тоже сейчас брошусь в свою постель, говоря, повторяя за Пушкиным:

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви;
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови.
Сокрой от памяти унылой
Равлуки страшной приговор и проч. и проч.

А в другом письме, в припадке меланхолического настроения, Софья Михайловна приводит цитату из пушкинского «Кавказского Пленника», применяя ее к себе:

Не много радостных мне дней
Судьба на долю ниспослала;
Придут ли вновь когда-нибудь?
Ужель на век погибла радость? ¹

В следующих письмах много говорится о Плетневе и его отношении к ученицам — Салтыковой и Семеновой:

«Вот еще одно большое послание г. Плетнева, которое я тебе посылаю, дорогой друг. Он говорит тебе, что я на тебя жалуюсь. Ах! если бы он мог читать в моем сердце, если бы он знал то, что мне известно, он, конечно, не считал бы меня способной на эту несправедливость. Да, несомненно, я ему жаловалась, но не на то, что ты мне не часто пишешь, ты знаешь мой образ мыслей по этому поводу, и надеюсь, что ты не предполагаешь во мне такую нивость чувств,

¹ Из письма от 12 февраля 1825 г.

чтобы верить, что я сержусь на тебя за это, да, я бранила тебя за то, что ты слишком поторопилась обвинить меня в забывчивости, и мне почти невозможно было изменить мнение г. Плетнева на этот предмет: он очень внял твою сторону; это меня укололо, и одну минуту я почувствовала гнев против тебя (до того его у меня не было, — я была только огорчена); тем не менее, после довольно живого спора мы примирились и более друзья, чем когда-либо»... «Ты напрасно огорчилась первым письмом Плетнева; однако я надеюсь, что то, которое ты теперь прочтешь, заставит тебя забыть твои мелочные опасения: разуверься, — он всё тот же, он так тебя любит; он найдет очаровательным всё, что ты ему скажешь, даже если это будут глупости (чего, я уверена, никогда не может случиться). Мы смеялись вместе с ним по поводу того, что ты говоришь о языке Киргизов; правда, весьма удивительно встретить язык, в котором нет слов для выражения любви и дружбы; но твое замечание: * «Это мне показалось очень неловко» * восхитило г. Плетнева.* Он говорит, что это очень на тебя похоже, и что кроме тебя никому в голову не может придти такая мысль.* Он говорит, что у него нет ничего, скрытого от меня, — потому то-де он и не хочет ни за что запечатывать письма, которые он посылает через меня, и не может понять, почему ты запечатываешь твои письма. Не думай, что это я упрекаю тебя за это, — последнее было бы довольно глупо с твоей стороны.

* «Она наблюдает, говорит Петр Александрович, какой-то этикет и думает верно, что учтивее запечатывать письма. Скажите ей, что мы с вами об этом долго рассуждали и решили, что вместо этого конверта она бы могла написать две страницы лишних».* Так как я сегодня в ударе говорить о нем пространно, надо, чтобы я сказала тебе еще нечто, тебя касающееся. Мы беседовали о Синицыне, который о всех тех, которые покидают Пансион, говорит: «Христос

с ними!» Он спрашивает, говорил ли он то же и о тебе, и узнав, что, напротив, он очень сожалел о тебе, он сказал мне:

* «Не понимаю, что это за девица, в ней что-то особенное, даже Синицын об ней жалеет. Она, как Орфей, одушевляет самые камни». * Не премину сказать ему, по твоему желанию, что ты больна, но надеюсь, что ты не замедлишь ему ответить». ¹

«Надо, чтобы ты всегда выдумала какую-нибудь шалость, моя дорогая, маленькая Саша. Сначала я не поняла, что должно было значить письмо, которое ты мне послала, чтобы показать его г. Плетневу, и я сочла, что ты с ума сошла, когда читала в нем точно то же, что содержалось в другом письме в отношении книг, которые тебе прислал г. Плетнев, т. е., что ты нечто изменила в последнем, чтобы оно могло быть показано: но так как сперва я не поняла твоего намерения, это заставило меня много смеяться. *Ах ты, плутовка! * Я не премину доставить твое послание г. Плетневу; благодарю тебя за то, что ты, писавши его, избавила меня от смущающих благодарственных фраз, которые я должна была бы непременно ему говорить, так как ты ему ничего не пишешь по этому поводу. Кстати, я совершенно сконфужена тем, что он говорит тебе обо мне в своем письме: я не заслуживаю вовсе его похвал; он говорит, что я «идеал дружбы», так как я к тебе привязана! Как будто не естественно тебя любить! И потом он очень добр, ставя мне в заслугу то, что я приезжаю повидать его: ты, как и я, знаешь, жертва ли это с моей стороны, и возможно ли не ездить повидать такого человека, как г. Плетнев, когда, к тому же, это можно делать, не вредя никому. Он уже давно говорил мне, что послал тебе книги, но я не писала тебе об этом, думая, что он сам тебе писал.

---

¹ Из письма 21 декабря 1824 г.

Он сделал тебе подарок очаровательным образом, и то, что он написал тебе на книге, лучше и лестнее всех фраз в мире...» «Г. Черлицкий в восторге от того, что относится до него в твоём письме; он очень тебя благодарит и радуется счастливой перемене, происшедшей в тебе. Я также очень этим довольна и хотела бы походить на тебя. Теперь я читаю «La Philosophie Divine», соч. Фенелона, и это чтение производит на меня довольно сильное впечатление. Я молю бога, чтобы он облегчил бы для меня способы самоисправления». «Что касается трех партий, которые тебе представлялись, то ты, конечно, хорошо сделала, что не приняла их; но если четвертая, — этот молодой Карелин, которого ты расхваливаешь, не ограничивается лишь любезностями, как ты говоришь, и если ты замечаешь, что он серьезно стремится получить твою руку, — почему ты будешь отказываться от мужа, который может совсем подходить тебе, судя по тому, что ты мне о нем говоришь. Ты тверда в своих убеждениях, скажешь ты мне опять, но я думаю, что это не причина, чтобы тебе не выходить замуж, ибо я полагаю, что ты не давала обета быть девушкой всю свою жизнь, и что твоя маменька не была бы сердита видеть тебя устроенной. Ты говоришь, что время твоих шалостей прошло: да, но нигде не сказано, чтобы ты никогда никого не любила. Любить неистово, с поклонением, забывая все приличия по отношению к предмету твоей страсти, — конечно, безумство, и так именно ты когда-то любила, но истинная приверженность, основанная на уважении и рассудке, любовь чистая, спокойная, не такое, я думаю, чувство, от которого краснеют, и я не вижу, почему бы ты о нем могла жалеть...»¹

О новом интересном знакомстве сообщает Софья Михайловна подруге в письме от 4 января 1825 г. — об офицере-

¹ Из письма от 28 января 1825 г.

музыканте бароне Ралле: это был известный впоследствии капельмейстер петербургских театров барон Федор Александрович Ралль, знакомец и, отчасти, сотрудник М. И. Глинки. «Несколько дней тому назад известный Ралль, молодой человек 22 лет, товарищ по службе моего брата, провел у нас вечер», пишет Салтыкова: «Он большой музыкант и божественно сочиняет музыку; он дал мне толстенную пачку своих танцев, вариаций, фантазий и т. д. Они очаровательны! Мы попросили его играть на фортепиано и так как он очень любезен, он только и делал, что весь вечер играл. Потом он начал просить меня дать ему что-нибудь послушать; я не хотела садиться за фортепиано после него, но он настаивал, говоря мне тысячу комплиментов по поводу моего таланта, о котором он, по его словам, наслышан; эти похвалы скорее обескуражили меня, чем ободрили... К тому же я видела его в первый раз и его большие черные усы меня пугали, хотя и придавали ему красоты; однако, после многих церемоний, я должна была уступить его настояниям и, в особенности, строгому взгляду моего отца (который тоже прибавлял мне робости). Едва я положила на клавиши пальцы, как они стали холодны как лед и начали дрожать — до такой степени, что я не могла взять ни одной верной ноты; но я боялась остановиться, так как Папа делал мне страшные глаза. Дрожь как лист, я сыграла пол-страницы, хотела продолжать, но не была в состоянии, *слезы в три ручья*... Я желала бы быть на сто шагов под землею в эту минуту. Я не была еще тогда знакома с Раллем, не знала, что он снисходителен, добр, как нельзя больше, и смертельно боялась, чтобы он не стал насмехаться над моей робостью или застенчивостью. Я делала усилия удержать мои глупые слезы, которые текли всё время. Тогда Папа велел мне перестать, и после нескольких минут молчания Ралль догадался уйти. Уж тут-то мне досталось... Позавчера я

была умнее, играла с Раллем в четыре руки. Правда, что я видела его уже четвертый раз и что мы играли танцы его сочинения, — но и это что-нибудь значит для меня».

В следующем письме она снова рассказывает о своем новом знакомце:

«Ралль, который, как ты знаешь, великий музыкант, приезжает довольно часто к нам, и мы вместе музицируем, он принес мне несколько пьес своего сочинения, которые мы играем в четыре руки. Он играет также и на кларнете и предлагает привезти ко мне ноты с акомпанементом на этом инструменте, чтобы сыграть их вместе. Мне это очень нравится, я приобретаю вкус к музыке и часто слушаю хорошую игру: Черлицкого — всякий раз, что он приходит, — и барона Ралля, который играет с совершенством, а сочиняет еще лучше». ¹

Возвращаясь к Плетневу, Салтыкова пишет:

«Я не говорю тебе больше ничего о том, что Плетнев еще пишет тебе обо мне в своем письме; я начинаю думать, что он считает своим долгом постоянно расхваливать меня потому, что его письма проходят через мои руки; однако это вежливость, от которой я его освобождаю от всего моего сердца, так как она только смущает меня, и я не знаю, как на него смотреть, когда я приезжаю повидаться с ним по прочтении его письма; для такой дикарки, как я, эти похвалы очень тягостны». ²

Тогда же рассказывает она и о новой встрече с графиней Ивелич, довольно ярко обрисовывая ее и отношение ее к Пушкину:

«Я в восторге от того, что ты читаешь «Историю России» Карамзина, потому что и я ее теперь читаю. *Какая симпатия?* Это напоминает мне наши *симпатии симпатий*. Ты их помнишь? Кстати: я вчера провела очень приятный

¹ Из письма от 28 января 1825 г.

² Из письма 12 февраля 1825 г.

вечер: я говорила с одною очень умною особою о русской литературе и главным образом — о поэзии Пушкина. Эта особа очень связана с его сестрой и хорошо ее лично знает; она обещала дать мне целую кучу стихов моего несравненного Пушкина, которые еще не напечатаны. Она, как и я, восторженно любит этого очаровательного поэта и любит не только его стихи, но и его личность, и горячо вступает за него, когда слышит, что про него дурно говорят. Она назвала мне всех, в которых он был влюблен, а он начал влюбляться с 11-летнего возраста. В настоящее время, если я не ошибаюсь, он занят некоей кн. Голицыной, о которой он пишет много стихов.¹ У кого провела я этот вечер? Поверишь ли — у М-м Геннингс. С кем беседовала я? Снова поверишь ли ты? — с М-ль Ивелич, описание которой, довольно невыгодное для нее, я дала уже тебе в одном из моих писем. — Правда, я не ошиблась в отношении ее тона, который не очень-то мил; но я никак не предполагала, что у нее столько ума и такая благородная страсть к поэзии. Ужасно досадно, что у нее, из-за ее манер, вид мужчины. Она сама пишет русские стихи и вовсе не плохие. Она очень приглашала меня придти к ней, чтобы познакомиться с Ольгой Пушкиной, очаровательной особой, как говорят. Она уверяла меня, что Александр — вовсе не такой плохой человек, как о нем говорят, что этой репутации он не заслуживает, что он — очень добрый мальчик и т. д.² В конце концов она развеселила мою душу, я очень хотела бы, чтобы

---

¹ Это — княгиня М. А. Голицына, рожд. кн. Суворова (см. о ней в Сочинениях Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 572 — 573 и 628 — 629, а также в работах М. О. Гершензона и П. Е. Щеголева).

² «Elle m'a assuré qu'Alexandre n'était pas dutout si mauvais qu'on le dit, que c'est une réputation qu'il ne mérite pas, que c'est un bien bon garçon etc.»

она оказалась беспристрастной и чтобы всё, что она мне сообщала, была правда. В разгаре нашего разговора мы вдруг увидели, что приехало семейство Пещуровых, состоящее из самого господина Пещурова, маленького горбатого человека, педанта, подчеркивающего, что он говорит только по-французски;¹ его супруги, крупной, чопорной женщины, и их двух дочерей, из которых старшей — 7, а другой — 6 лет. Это вполне провинциальная семья, не имеющая себе подобной; он и она, сказав несколько слов, не нашли ничего лучше, как выказать познания своих маленьких педанток, которые прямо невыносимы; их воспитывают точь-точь так, как М-ше Жанлис хочет, чтобы воспитывали детей: вот плоды ее смешного сочинения «*Adèle et Théodore*» и всех тех, что она накропала на тему о воспитании. Сперва эти две малютки разодрали нам уши фальшивою игрою в 4 руки в течение доброго получаса; затем, о, верх смеха, они принялись говорить стихи, затем сцену из комедии, из которой никто не мог понять ни слова, потому что обе девочки говорят в нос, после чего отец велел старшей сказать одну сцену из «Тартюфа» Мольера (очень это подходит для ребенка!). Мать попросила потом папашу спросить у них что-нибудь из географии, — и они рассказали нам, как попугаи, все губернии России, что на всех нагнало скуку. Но это еще не всё: окончив экзамен, этим маленьким противным созданиям велели сесть с прочим обществом и вмешиваться в разговор; тогда наше терпение совсем лопнуло... Представь себе, что они пустились рассуждать обо всем, как можно было бы позволить рассуждать взрослым, — это еще могло бы быть смешно для молодежи[?]; они вставляли латинские слова в свои прекрасные речи и на-

---

¹ Он, как известно, вел наблюдение за Пушкиным во время его михайловской ссылки, по должности Опочецкого уездного предводителя дворянства.

конец, когда их познания были высказаны, это очаровательное семейство распрощалось с обществом, сказав, что они должны отправиться еще в другое место, — очевидно, чтобы показать познания своих дочерей, которых они повсюду таскают с собою, как странствующих актеров. Мы очень хохотали с М-ль Ивелич и всеми над этими смешными личностями».

«Ты, без сомнения, будешь удивлена узнать, что я была на маскараде во вторник gras; но это случилось совсем против моего желанья: Клейнмихели пригласили меня приехать в их ложу, и папа посоветывал мне поехать, уверив, что это доставит мне удовольствие, так как я не имею понятия об этом маскараде. Однако я не получила там никакого удовольствия. В конце концов я увидела человека, которого я уже давно хотела видеть: это г. Поморский: он очарователен, так же как и его маленький Петр. Он исполнял трагедию «Женевьева Брабантская», которую играли в последний раз. Говорят, что Семенова была в ней превосходна, но стихи ее не слишком хороши; это я знаю от Плетнева и от некоторых других лиц».

«Чтобы рассеять себя, я перечитываю теперь то, что читала уже сто раз, — «Собрание образцовых сочинений». Сегодня утром я открыла наугад один том с прозой и вот что я прочла (нет ничего более соответствующего тому, что теперь происходит во мне): * «Отчего сердце мое страдает иногда без всякой известной мне причины? Отчего свет помрачается в глазах моих, тогда как лучезарное солнце сияет на небе? Как изъяснить сия жестокие меланхолические припадки, в которых вся душа моя сжимается и хладеет? Неужели сия тоска есть предчувствие отдаленных бедствий? Неужели она есть ничто иное, как задаток тех горестей, которыми судьба намерена посетить меня в будущем?» — И я теперь чувствую то же, что чувствовала Карамзин: у нас время очень хорошо, весна приближается,

часто появляется солнце, — но меня теперь и солнце не радует»*.¹

Узнав ватем, что брак А. Н. Семеновой с Григорием Силовичем Карелиным решен, Салтыкова поздравляла подругу и писала ей:

*«Я говорила тебе, что солнце меня не радует, это правда, но письмо твое от 9-го Февраля так меня обрадовало, что я вскочила со стула, со всей своей слабостью, чуть не пролила чернильницу и начала прыгать от радости. Друг мой! Ты счастлива! Бог услышал мои молитвы!» Я очень хотела видеть тебя вышедшею замуж за г. Карелина, который чрезвычайно мне нравится, — и вот мои желания исполнились. Как только я смогу выходить, я полечу в пансион, чтобы разделить радость с г. Плетневым. Будь уверена в моей скромности, желания твои будут исполнены, никто другой об этом не узнает; я скажу о том г. Плетневу со всею возможною осторожностью, ничье нескромное ухо не сможет уловить ни одной буквы из того, что я буду ему говорить, и рекомендую ему самому хранить тайну, которую он, конечно, будет строго оберегать до тех пор, доколе ты пожелаешь».²

Когда ватем вышла в свет I глава «Евгения Онегина», Салтыкова не замедлила выслать ее подруге и писала ей в том же письме:

«Ты должна была получить «Евгения Онегина». Не правда ли, что это — очаровательно! Может ли Пушкин сделать что-нибудь, что не было бы таким? Заметь особенно, как он отзывается о женских ножках; кажется, что он безумно влюблен.

Граф Хвостов успел уже написать стихи на наводнение; мне их обещали, но я еще их не имею, и мне цитировали два наиболее замечательных стиха; вот они:

---

¹ Из письма от 28 февраля 1825 г.

² Из того же письма.

Разрушились небес и бурных вод оплоты,
И плавают вверх дном и судны, и елботы!

Как ты их находишь?»

В следующем письме Салтыкова пишет по поводу брака Семеновой с Карелиным:

«Вчера я видела г. Плетнева в первый раз после моей болезни; он поручил мне пожелать тебе всякого счастья, какого ты заслуживаешь; он очень доволен. Я дала ему прочесть твое письмо, но он желал знать больше подробностей о г. Карелине: статский ли он, или военный, почему он в Оренбурге, есть ли у него надежда уехать оттуда? Я тоже хотела бы это знать, но ничего такого не приходило мне раньше в голову, я думала только о вашем счастье и не задала тебе ни одного вопроса. Что теперь смущает нас — г. Плетнева и меня, — это, что мы, может быть, не увидим тебя, не сможем наслаждаться вполне твоим счастьем, не имея возможности быть свидетелями его, потому что Гриша, впав в немилость у графа Аракчеева, не получит, вероятно, позволения приехать сюда, если же это не так, поспеши мне сказать о том, потому что этот вопрос меня мучит. Я показала твой портрет г. Плетневу, он находит его похожим, я сказала ему, что для того, чтобы он был совсем похож, необходимо было бы прибавить букли спереди. **«Неужели она в буклях? Не хочу!»** При этом он сделал капризную мину, самую смешную, так что я не могла удержаться от смеха. Ты его узнаешь, не правда ли? Я еще сказала ему, что если ты не приедешь сюда, то надобно было бы чтобы он повидал тебя с буклями, а он мне ответил: **«Ежели она сюда приедет с буклями, я уеду в Оренбург»**. Он был очаровательно весел и дал мне возможность провести два восхитительных часа. Он мне часто говорил: «Что-то наш г. Карелин теперь делает?» Но у него есть одна излишняя деликатность, которую я не могла выбить ему из головы, — он

просит тебя сжечь все его письма и больше не думает тебе писать, так как, говорит он, могут и самую невинную вещь в свете повернуть в дурную сторону; однако, я думаю, что добьюсь того, что заставлю его написать, — особенно когда он получит от тебя письмо, — я уверена, что он на него ответит».¹

Держа подругу в курсе петербургских литературных новостей, Софья Михайловна сообщает ей (в том же письме) о только-что появившейся поэме слепца-поэта — И. И. Ковлова:

«Г. Плетнев прочел нам поэму Ковлова «Чернец», отрывок из которой находится в «Северных Цветах». Она теперь вышла в свет целиком, и я уверена, что она у тебя будет; держу пари, что она тебе понравится; это восхитительно; есть места, которые я не могла слушать без слез на глазах. Поэма «Войнаровский» также напечатана, но еще не продается; я ее не читала».

«Моя ипохондрия очень уменьшилась», пишет она далее: «но желание покинуть Петербург и свет, с тем, чтобы провести всю свою жизнь в деревне, не покидает меня. В следующем году, я думаю, мы уедем, не знаю еще куда: Папа мне это обещает. Дай бог, чтобы он сдержал слово! Я не могу быть здесь, я не создана для света, я — совершенная мебель, бесполезная в обществе; моя дикость увеличивается день ото дня, я больше не умею сказать слова, все мои ответы так глупы, что мое собственное самолюбие от них страдает страшнейшим образом. Г. Плетнев должен считать меня глухою, как осел, потому что я дичусь даже с ним... Мужчины так злы, что внушают мне непобедимый страх, от которого я не могу себя защитить даже по отношению к добрым. Не знаю, откуда мне приходят эти мысли, но я всегда думаю, что свет-

---

¹ Из письма от 11 марта 1825 г.

ская злость доходит до того, что истолковывает в неблагоприятную сторону или выворачивает в смешную всякое слово, которое она слышит».¹

«Ты не можешь себе представить, как я страдаю! И это мой отец, который причиняет мне столько огорчений (совершенно помимо желаний). Вот уже 8 дней, что он в состоянии, внушающем мне тревогу: никогда еще у него не было такого жестокого припадка ипохондрии, как теперь. Он не спит, ничего не ест, говорит только о смерти, а иногда в течение целого дня не говорит ровно ничего, несмотря на всё, что я делаю для того, чтобы его развлечь хоть немного от его мрачных мыслей; иногда он очень ласкает меня, но говорит всё время только о смерти. Он видимо изменился, стал бледен и худ, глаза у него блуждающие; быть может, это мне только кажется, но его взгляд, особенно сегодня, меня очень беспокоит; я с великим трудом удерживаюсь от слез, — вот уже два часа, — глядя на его ласки, которые он мне давал; он никогда не давал их с такою щедростью; он совсем стал другой, каким никогда не был, я не узнаю его, я никогда не видала его в таком состоянии. Милый друг, я часто думаю о Батюшкове, я боюсь признаться самой себе в том, чего я боюсь для моего отца; но мысль об этом не покидает меня. Другая, еще более ужасная мысль часто терзает меня, — это если я потеряю моего отца. Ах, это тем более ужасно, что он стал мне дорог, как никогда. Чего бы не дала я, чтобы хоть немного облегчить его. Если бы мне представлялась теперь партия, — я думаю, я не приняла бы ее, как бы хороша она ни была: я не могла бы покинуть отца».

«Надо рассказать тебе об одном происшествии, случившемся восемь дней тому назад, которое служит пред-

---

¹ Из того же письма.

метом всех разговоров в Петербурге: дело идет о Федоре Батурине, муже Кати Дороховой (ты его видела, я думаю); однажды утром он отправился в казармы, чтобы сделать смотр солдатам, которых нужно было вести на ученье; вдруг приходят ему сказать, что один унтер-офицер, Соловьев, переведенный в полк, как пьяница и негодяй, не хочет идти на смотр; это — неповиновение, наказываемое очень строго начальством, но так как ты знаешь, что Батурин был скорее слишком мягок, чем слишком строг, — он приказывает позвать этого солдата и спрашивает его, не пьян ли он. Тот уверяет, что нет, между тем как сам шатается. Батурин приказывает только посадить его под арест; солдат подбегает к своей кровати, чтобы взять, как он говорит, свой платок; вместо того, он берет из-под подушки большой нож и всаживает его Батурину в брюхо, и, не довольствуясь одним ударом, дает ему три и — перерезал ему кишки. Несчастливого раненого несут в лазарет и сообщают обо всем императору, который присылает Виллье, чтобы лечить его. Виллье объявляет, что рана смертельна, и что Батурин не сможет прожить более 10 часов вечера. Последний не упал духом, он попросил к себе священника и выказал много душевной силы и христианского чувства; попросил свидания с женой и ребенком, но побоялись, чтобы это не принесло вреда Кате и ее ребенку, которого она кормит; ей повтому сказывали, что муж получил апоплексический удар, но она об этом узнала, когда мужа не было на свете. Ее состояние ужасно, можешь себе представить. Лиза, которая очень привязана к своей сестре, также очень трогает своим состоянием. Саша Геннингс присутствовала при их горести, — она говорит, что это заставляет подыматься волосы на голове.

Другое убийство произведено в Москве. Игроки собрались в одном доме; четверо из них: Шатилов, Алябьев,

Раич и Времеv затеяли ссору, Времеv получил пощечину от Алябьева, желая отомстить, он схватил его за шиворот; вдруг Шатилов и Раич берут сторону Алябьева и бросаются все трое на Времева, валят его и покрывают ударами, нанося их бутылками, стульями и всем, что попало под руку, и кончают тем, что убивают этого несчастного человека. Они спешат похоронить его, но убийство обнаруживают, и теперь они все трое здесь, содержатся в крепости; думаю, что уже начался суд над ними.¹ Вероятно их лишат чинов и дворянства и сошлют в Сибирь, а солдата, убившего Батурина, расстреляют. Письмо мое наполнено страшными вещами: что делать, теперь ничего не слышно, кроме подобных историй.

Каково Государю услышать две таких истории вдруг!— Я послала г. Плетневу в Институт твое письмо, так как я его увижу только после Пасхи». ²

«Не знаю почему, но я не люблю праздников Пасхи: дело в том, что они-нагоняют на меня невыразимую тоску, — особенно в этом году я начала их более грустно, чем когда-либо. *Ужасно грустно! Может быть от того, что, как говорит барон Дельвиг,

Скучно девушке весной жить одной.

.....
Подгорюнясь ли, присядешь у окна, —
Под окошком всё так весело глядит
И мне душу то веселие томит.*

Может быть также, что это последствие слишком большой веселости, в которой я находилась вчера у заутрени». ³

¹ Историю убийства Времева см. в статье А. В. Безродного: «К биографии композитора Алябьева» — «Исторический Вестник», 1905, № 4, стр. 166 — 170.

² Из письма от 23 марта 1825 г.

³ Из письма 30 марта 1825 г.

«Через восемь дней я рассчитываю повидать г. Плетнева», пишет она далее: — «я из этого делаю себе праздник. Кстати: «Полярная Звезда» вышла в свет; в ней очень немного хороших вещей, много скверной прозы Бестужева, которую, по-моему, невозможно читать. Этот человек нестерпим со своей аффектацией и своими претензиями на ум. Правда, что он не без него, но он плохо его употребляет в дело, желая заставить его слишком блеснуть. Он вполне оправдывает этот стих, ставший уже пословицей: *L'esprit qu'on veut avoir, gâte celui qu'on a.*¹

И потом он ввязывается судить о слоге всех решительно, между тем как его собственный — ужасающ. Он упрекает за галлицизмы, между тем, как обороты всех его фраз — чисто-французские. Нельзя писать хуже его: он так умничает, что у него ум за разум заходит. Впрочем я уверена, что у тебя будет эта «Полярная Звезда» и ты сама сможешь судить, справедливо ли мое мнение.² Во Франции тоже каждый год появляются альманахи; мой кузен Ломоносов, недавно приехавший из Парижа, привез мне один, за этот год: он просто жалкий, — наши во сто раз лучше составлены. Эти «*Annales Romantiques*» (таково название этого альманаха) — ничто иное, как куча величайших глупостей и самых плохих стихов, какие только когда-нибудь были на свете. Только одна единственная пьеса показалась мне довольно хорошей, я ее переписала и посылаю тебе;³ в отделе прозы я ничего не нашла хорошего, тем не менее я переписала для тебя

¹ «Ум, который хотят иметь, портит тот, который имеют».

² Любопытное суждение о Бестужеве-Марлинском и его критических статьях и повестях; в «Полярной Звезде» на 1825 г. им помещены: статья «Взгляд на Русскую Словесность в течении 1824 и начале 1825 г.» и повести «Ревельский Турнир» и «Изменик».

³ При письме, на листке, переписано стихотворение Guiraud: «*Ma retraite*».

один отрывок о любви; потому что ты — влюблена, ты, конечно, найдешь, что всё это верно.¹

Петр Иванович Полетика, которого я видела вчера, поручил мне напомнить его твоей памяти;² мы долго говорили о тебе с ним, он задал мне тысячу вопросов о тебе и говорил, что очень интересуется всем, что тебя касается. Не подумай, что я ему сказала, что ты выходишь замуж, — я никому ни слова не говорю об этом и тщательно буду хранить тайну до тех пор, пока ты не позволишь сказать о ней. Петр Иванович сделан сенатором».³

«Дела Саши [Копьевой] совсем не подвигаются, тем не менее, есть много лиц, которые интересуются ею. Якимовский прилагает наиболее усердия, но он теперь в Царском Селе и может приезжать сюда только изредка на короткое время. Она познакомилась с Рылеевым (поэтом), который тоже взялся ей помогать; у него теперь ее бумаги; не знаю, что из этого выйдет, но что хорошо, это то, что Рылеев предлагает ей одолжить ей денег, так как они совершенно необходимы для того, чтобы продвинуть дело. Я провела день в пансионе с Аннет Елагиной, которая выходит замуж за некоего Орлова, секретаря Нарышкина».⁴

«Ты спрашиваешь у меня стихов Хвостова», пишет далее Салтыкова, «но я не могу прислать их тебе, потому что Норов, обещавший мне их, до сих пор мне не дает их. В первый же раз, как я увижу его, я ему напишу об этом крупными буквами на большом куске бумаги и надеюсь, что тогда он, несмотря на свою рассеянность,

¹ На том же листке небольшой отрывок из Benjamin Constant: «Charmes de l'amour, qui pourrait vous peindre?» и т. д.

² П. И. Полетика — один из «араамасцев», известный дипломат.

³ Из письма от 30 марта 1825 г.

⁴ Из письма от 21 апреля 1825 г.

не забудет своего обещания» . . . В одном из ближайших писем она снова пишет по этому поводу:

«Вчера я видела Норова, и мою первую заботою было побранить его за стихи Хвостова; он уверял меня, что он их разорвал по рассеянности, но в то же время обещал мне их принести; в ожидании он сказал мне на память несколько стихов из этой пьесы, но я могла удержать в памяти только один — о Екатерингофе, который также очень был поврежден наводнением. Вот он:

Екатеринин уж водой покрылся Гоф

Он знает огромное количество басен Хвостова, — одна красивее другой; есть одна, начинающаяся так:

Жил-был елбот,
Который перевозил народ
От Пантелеймона к Михайловскому замку.

Или другая:

Жила-была корова,
Как бык здорова.

Или третья:

Однажды —
Шел дождь дважды.¹

«Г. Плетнев показал мне столько дружбы, что я не знаю, как доказать ему мою признательность; ты знаешь, что у него в руках был твой портрет, так вот он держал его в течение более двух недель и когда я его у него опять спросила, он вернул мне его с копией, которую он заказал для меня. Это внимание меня восхитило, — не правда ли, он очарователен. *Я с ним очень подружилась и даже рассказала ему все свои происшествия,* он всё знает,

---

¹ Из письма от 27 апреля 1825 г. Это не стихи Хвостова, а пародии на них арзамасцев: Вяземского, Жуковского и др. («Русск. Арх.» 1866 г., стр. 479 — 489).

очень хорошо понимает меня. Он ведет себя со мною как истинный друг и дает мне самые лучшие советы; мы очень серьезно говорим о наших делах. Чем более я узнаю этого человека, тем более я ценю его; у него столько ума и благоразумия, что нечего бояться вполне положиться на него: он дает удивительные советы»... «На этих днях я прочла «Alexis et Alis» Монкрифа («Алина и Альсим»); я думаю, что ты не знаешь этого на французском языке; я нашла, что это очаровательно, исполнено наивности, которая восхищает; но перевод, как мне кажется, не уступает в этом оригиналу, — о чем ты можешь судить сама, так как я рассчитываю переслать тебе это к будущей почте, а может быть и к этой, если у меня будет время». ¹

В это время Салтыкова уже окончательно изжила свой роман с Каховским и у нее начинался новый — с поэтом Дельвигом, которого она знала уже давно со слов Плетнева, весьма, повидимому, желавшего женить своего друга на Софье Михайловне. 21 апреля 1825 г. последняя писала:

«Я провела вчера день очень приятно в одном доме, который я с недавнего времени начала посещать, — это дом Рахмановых, молодоженов. Он сам — гусарский офицер, женившийся на дев. Лопухиной, ² очень красивой особе; они живут у Кутайсовых; я думаю, что я тебе о них говорила. Они не бывают в большом свете, у них без стеснений, что меня очень устраивает. Что еще

¹ Из письма от 21 апреля 1825 г.

² Анна Александровна Рахманова, рожд. Лопухина, «колл. ассесорша», ум. 5 мая 1830 г. (Донск. мон.); ее муж — Николай Федорович Рахманов (род. 11 июня 1798 г.), служил в л.-гв. Гусарском полку (1819 — 1827), из которого вышел в отставку штабс-ротмистром; овдовев в 1830 г., женился вторично на графине Анне Владимировне Васильевой. Он упоминается в приписываемой Пушкину «Молитве лейб-гусарских офицеров» («Пушкин и его современники», вып. XVII — XVIII, стр. 11).

доставляет мне удовольствие, — это то, что барон Дельвиг — двоюродный брат г-на Рахманова и посещает их; однако в настоящую минуту его здесь нет: он поехал провести несколько времени у Пушкина. Я очень хотела бы познакомиться с ним, потому что он *поэт*, потому что связан с моим дорогим Пушкиным, с которым вместе он был воспитан, и потому что он — друг г-на Плетнева: вот три основания, которые ты найдешь, без сомнения, важными, так как тебе известен мой образ мыслей на этот счет. Г. Плетнев также очень хочет, чтобы я познакомилась с Дельвигом, и я надеюсь, что это желание вскоре исполнится, так как его ожидают сюда на этих днях».

И действительно, знакомство молодых людей вскоре состоялось:

«Может быть я напишу тебе из Царского Села», пишет Софья Михайловна 14 мая 1825 г.; «я туда отправляюсь после-завтра, чтобы провести несколько дней у г-жи Рахмановой. — Кстати, я познакомилась с Дельвигом у нее; он привез от Пушкина продолжение «Евгения Онегина» и читал нам его; это очаровательно; там есть детали еще более верные и более комические, чем в первой части; каждый стих достоин того, чтобы быть удержанным в памяти, это поистине восхитительно. Онегин поселился в деревне своего дяди, которого он похоронил и которого он является наследником; описание его деревенских соседей — верх естественности и в высшей степени комично [drôle]. Невозможно иметь больше ума, чем у Пушкина, — я с ума схожу от этого. Дельвиг — очаровательный молодой человек, очень скромный, но не отличающийся красотой мальчик; что мне нравится, — это то, что он носит очки, — это и тебе должно также нравиться.¹ Так как он часто ездит в Царское Село, М-м Рах-

¹ Жених А. Н. Семенов — Г. С. Карелин — также носил очки.

манова поручает ему свои письма ко мне, а я передаю ему мои ответы, которые он относит в точности. Таким образом он был у нас уже три раза и познакомился с моим отцом, который им очарован. Представь себе, что Плетнев рассказывает ему решительно всё, так что Дельвиг вполне знаком с нами — с тобою и со мною. Он спросил меня, получаю ли я известия от моей подруги, которая проывается *Зарема*, затем сказал мне, что я каждый вторникъ езжу в пансион, — одним словом он всё знает, благодаря г. Плетневу, несмотря на это я продолжаю откровенничать с последним: он слишком благороден, чтобы разгласить хотя бы даже своему другу чужие секреты, особенно, когда его просят хранить молчание. Спор, который у меня был по поводу него [Плетнева] и который сделал то, что он больше не называет меня иначе, как своим *ангелом*, произошел у Рахмановых с неким Никольским, вздумавшим критиковать его письмо о Русских поэтах: я ему сказала нечто вроде того, что он — скотина, — так я была раздосадована его глупыми суждениями, но я тогда еще не видала Дельвига, он еще даже не приехал от [Пушкина], — не знаю, как Плетнев узнал об этом».

Новый роман С. М. Салтыковой развивался очень быстро и уже через две недели она писала подруге своей в далекий Оренбург: ¹

«* Друг мой Саша. Давно я к тебе не писала, я думаю, что ты на меня очень сердита, — ради Бога помирился, прости меня, ангел мой, и не приписывай молчания моего к холодности: я люблю тебя по прежнему и желаю видеть более, нежели когда-либо. Саша! Саша! Как ты мне нужна! Я целую неделю провела в Царском Селе у Рахмановых, очень-очень приятно; третьего дня возвратилась в город

---

¹ Письмо от 26 мая 1825 г.

и нашла письмо твое от 5 Мая. Я собиралась писать тебе из Царского, но не удалось, потому что не могла быть одна ни минуты, притом же мы гуляли с утра до вечера, — мне всё хотели вдруг показать, и не давали мне ни отдыха, ни сноты... * Я очень думала о тебе в Царском, — ты бы там блаженствовала; дом Рахмановых удален от модных кварталов, там не много прохожих, — совершенно как в деревне; под их окнами три каскада, которые я слушаю по целым вечерам с наслаждением, при свете луны; не могу сказать тебе, что я испытывала, — ты должна это понять. Мы ходили гулять в 10 и 11 ч. вечера в парк, который не очень далеко от их дома; там мы сидели на скамейку и слушали соловья; с нами был один поэт — это барон Дельвиг, который также провел восемь дней у Рахмановых; он сопровождал нас во всех наших прогулках и всегда давал мне руку. Мы вместе восхищались природою, он говорил мне стихи. Даже его проза — поэзия, всё, что он говорит, — поэтично, — он поэт в душе. — Я познакомилась в Царском с г-ном и г-жею Воейковыми (Светлана). Сам он — не поэт, хотя он и «делает» стихи; это — дурной человек [vilain homme], который делает свою жену очень несчастной, — она же очаровательная особа и очень интересная сама по себе, независимо от того интереса, который Жуковский внушил к ней во всех. Я видела у нее экземпляр «Чернеца» Козлова, на котором он написал: «*Милой моей, по сердцу родной Светлане*». Ты знаешь, что он слепец, — поэтому он это написал совсем криво. *Мы с Дельвигом очень коротко познакомились, он очень часто у нас бывает: вчера был и завтра будет.* Папа очарован им, — и есть от чего: это чудный человек, солидный, добрый; что касается его ума и познаний, — я не говорю уж о них, ты не должна в них сомневаться; его характер — такой же, как у Плетнева: у него та же веселость, те же очаровательные шутки. — Петр Александро-

вич очень завидует чему-то, — ты отлично знаешь, чему, — Рахмановы также только и делают, что говорят мне об этом; но я питаю только дружбу к нему [Дельвигу], и думаю, что скоро буду связана с ним так же, как с г. Плетневым. Уверяют, что у него ко мне больше, чем дружба, но я этого не думаю. Мы часто говорим о тебе, он пламенно хочет познакомиться с тобою, просит меня постоянно не звать тебя *Зарема*, а хочет, чтобы ты была «*Дева гор*»; «это, говорит он, характер, гораздо более достойный вашей подруги, чем характер Заремы». Он дал мне прочесть новые стихотворения Пушкина: «Подражания Корану»; это божественно, восхитительно; в скором времени это будет напечатано. Вот еще другие стихи того же автора; они напечатаны и может быть ты их знаешь, но на всякий случай посылаю их тебе: они очаровательны:

К ***

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное теченье...¹

4 июня Софья Михайловна спешила сообщить подруге важную новость:

«Я уверена, дорогой и добрый друг, что ты менее всего ожидаешь той новости, которую я тебе сообщу: я выхожу замуж — и притом за барона Дельвига. Как ты это находишь? Это устроилось довольно быстро; я ожидала этого, когда писала тебе мое последнее письмо, но сказала тебе об этом лишь на половину, чтобы доставить тебе сюрприз; к тому же я не была уверена в согласии моего отца. Несколько дней тому назад, у Рахмановых (которые нарочно приехали в город), Антоша [Antoine] сделал мне признание, на другой день (31 мая) его кузен Рахманов приехал, чтобы поговорить с Папà, который, ни минуты не колеблясь, дал свое согласие, потому что,

¹ Стихотворение переписано всё до конца; оно напечатано было в «Новостях Литературы» 1825 г., № 3.

как он мне потом признался, он уже давно догадывался о намерениях Дельвига и всё время наводил о нем справки везде, где могли их ему дать. Убедившись, что репутация его превосходна и вполне соответствовала тому выгодному впечатлению, какое он сам составил о нем, он не воспротивился моему счастью. 1 июня моя судьба была совершенно решена, Антоша пришел к нам, и мой отец нас благословил. Ты не можешь представить себе моего счастья, Саша! Как я его люблю! И кто только может не любить его! Это — ангел! В течение трех дней он у нас с утра до вечера, в моей комнате, с глазу на глаз. Нет, мой друг — ты одна можешь понять меня, мне нет надобности давать тебе отчет в том, что я переживаю, — ты сама должна это знать, так как ты сама это перечувствовала и чувствуешь, да к тому же этого невозможно описать. До сих пор я не могу поверить тому, что со мной произошло, мне это кажется сном, я еще вся взволнована; ты извинишь меня, что я не пространно пишу тебе сегодня: уверяю тебя, что я не в состоянии сделать это и к тому же мой друг совсем не дает мне для того времени. Теперь он вышел от меня по делам и через пол-часа вернется, — и я пользуюсь этим, чтобы сообщить тебе о моем счастье. Я нахожусь на третьем небе, дорогой друг, я не знаю как благодарить бога, я не заслуживаю того, что он для меня делает. Я полюбила Антошу со второго раза, что я его увидела, но не сказала себе этого, так как не знала его еще, т. е., я не смела признаться в этом самой себе. Он же говорит, что полюбил меня еще раньше, чем узнал меня: г. Плетнев и Рахмановы прожужжали ему уши мною. — *Нас помолвили в понедельник, — и так я на другой же день могла видеть Петра Александровича; он уж всё знал; надобно было видеть его радость: он всегда желал, чтоб я вышла за Дельвига.* Мы говорили о нем в течение всего класса, не называя однако его, так какъ

Папа не хочет так скоро об этом объявлять; тем не менее вчера все наши знакомые уже знали об этом, так как в Петербурге ничего нельзя скрыть: это как будто в маленьком городке; поэтому Папа уже не старается отрицать это и говорит решительно всем. М-м Шрётер плакала от радости (как она говорит), узнав эту новость: *как она меня любит!* Слезы ей ничего не стбют... Я получила твое письмо от 13 мая позавчера, мой бедный друг. Ты тогда была очень грустна по случаю отъезда Григория; я понимаю твою горесть: если бы я должна была разлучиться с Антошей, не знаю, что случилось бы со мною. Это для твоего и своего блага он делает это путешествие, — постарайся думать о том почаще и не забывай, что по его возвращении вы соединитесь, чтобы никогда больше не разлучаться...

Начавшийся так радостно и протекавший вначале безоблачно роман одно время омрачился: отец Салтыковой, страдавший «ипохондрией», вдруг-было воспротивился браку дочери, поверив каким-то сплетням о Дельвиге.¹

«Прошу тебя продолжать держать в секрете то, что я сообщу тебе о положении наших дел» — пишет она 5 июля: «У меня большое огорчение, мой друг, — и это огорчение происходит от моего отца; но я не виню его, потому что он ипохондрик, больной; у него черные мысли, которые его мучат, он от этого страдает и потому достоин сожаления; тем не менее я также очень страдала: ты знаешь, что он ни мало не противился моему браку, — наоборот, казалось, что он очень ему рад и первый сказал мне всё хорошее, что только возможно, о моем Антоше. Прекрасно; но это продолжалось не долго: одно чудовище

¹ Письма и записки Дельвига к невесте, написанные, в числе 25, между началом июня и концом октября 1825 г., напечатаны М. Л. Гофманом в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год» (Гос. Изд-во, Пбг. 1922, стр. 78 — 96). Ред

влобы, или, скорее, одна подлая сплетница, которую я ненавижу, потому что она того недостойна, но которую я не могу себе запретить презирать, т. е. м-м Бер [Ваег] воспользовалась состоянием слабости, в котором был мой отец, чтобы заставить его поверить всевозможным гадостям насчет Антоши, и мой отец, зная ее проекты, состоящие в том, чтобы женить на мне своего сына, и много раз говорив мне о нем с презрением, проявил непоследовательность и придал веру сказкам, которые она выдумала очевидно из интриги и чтобы достигнуть своих целей, тем более, что все говорят хорошо об Антоше, исключая ее! Я не буду рассказывать тебе о всех ужасах, о которых она говорила про него, — это было бы очень длинно, но факт в том, что с того времени мой отец надулся на него и решительно не желает его видеть, позволяет ему приходить ко мне, с условием, чтобы он не показывался ему. Я не говорю Антоше всего этого в подробности, но он знает, что Папа не любит часто его видеть и приписывает это отчасти капризам его болезни, что и я делаю, чтобы утешить себя; но как только я одна с моим отцом, он начинает говорить мне дурное об Антоше, — до того, что я начинаю плакать горючими слезами и просить его скорее отказать ему, чем беспрестанно повторять мне, что я выхожу замуж против его желания. Он отвечает мне на это, что он не хочет ему отказывать, потому что он знает, что он честный и добрый человек, который сделает меня счастливою, и что он не верит ничему из того, что ему говорят на его счет, но что он не может любить его, потому что он ему не симпатизирует; наконец, добавляет он: что тебе до того, что он мне не нравится, — лишь бы он тебе нравился; это тебе придется проводить свою жизнь с ним; что касается меня, то я не люблю его общества, и постараюсь видеть его как можно реже; ты должна была заметить, что я его избе-

гаю теперь, и когда вы поженитесь, я предполагаю уехать отсюда, или, если останусь, я не часто буду приезжать к вам; ты можешь приезжать ко мне время от времени с твоим мужем, но чаще — одна. *Каково мне это всё слышать, Сапа! Не правда ли, что отец мой сделался очень странен? Характер его совершенно переменялся;* он только и делает, что сам себе противоречит, как ты видишь, и я не знаю, что делать, чтобы угодить ему; я положила молчать, когда он начинает говорить со мною подобным образом. Это его болезнь — причина его капризов, а отчасти — м-м Бэр, хотя он и уверяет меня, что ей не верит. Говорить ли тебе это, Сапа? Мой отец до того переменялся, что именно он был причиною моего долгого молчания по отношению тебя. Его крестьяне не были исправны в этом году, а он так слаб, у него такие черные мысли, что по малейшему поводу он испускает громкие крики и из мухи делает слона; он вообразил, что мы в нищете и что мы все умрем на соломе; приэтом он делает мне упреки за то, что я хотела писать к тебе; он возомнил, что я больше не в состоянии этого делать столь часто, как некогда, и что я должна буду лишиться себя этого удовольствия, потому что выйду замуж за человека, который не богат. Как ты это находишь? Антоша, которому я решила все рассказывать, так как не хочу иметь ничего скрытого от этого несравненного человека, — скорее ангела, которого я люблю больше жизни, — Антоша с этой минуты обязуется доставлять к тебе мои письма так, чтобы отец мой ничего о них не знал, и я буду писать тебе столько, сколько захочу; я не боюсь, что этим я злоупотреблю добротой Антоши; я смотрю на него, что он — другая *я сама*; к тому же он любит тебя сверх всякого выражения. Я не передаю тебе ничего от него, так как он рассчитывает сам написать к тебе, если ты ему позволишь... Несколько дней, слава Богу, моему отцу го-

раздо лучше, он даже не говорит со мною больше обо всем этом и иногда выдается с Антошей, но никогда более четверти часа; Антоша больше не приходит проводить целые дни у нас, то-есть, редко, но по большей части он приходит в 4 часа после обеда и остается до 9 часов вечера. С ним забываю я все мои горести, мы даже часто очень смеемся вместе с ним. Как я люблю его, Саша! Это не та пылкая страсть, которую я питала к Каховскому, привязывает меня к Дельвигу, но это чистая привязанность, спокойная, восхитительная, **что-то неземное**, и любовь моя увеличивается с каждым днем, благодаря добрым качествам, добродетелям, которые я открываю в нем; если бы ты знала его, мой друг, ты бы его очень полюбила, я в том уверена. Мы много говорим о тебе. Свадьба наша будет, я думаю, в августе месяце, а может быть в сентябре, что более вероятно. А когда будет твоя? Приехал ли Григорий?.. **Боратынский* здесь, Антон Антонович с ним очень дружен и привез его к нам*; это — очаровательный молодой человек, мы очень скоро познакомились, он был три раза у нас и можно было бы сказать, что я его знаю уже годы. Он и **Жуковский* будут шаферами у моего Антоши*. Знаешь ли ты, Саша, что Антоша меня целует; должна тебе в этом признаться; я долго сопротивлялась, но наконец должна была уступить его настояниям. Он поцеловал меня в губы почти силком в первый раз; теперь я сама это делаю с наслаждением. И какое счастье говорить на «ты»; мы иначе и не говорим...»

Через две недели (20 июля) Салтыкова пишет:

«Мы читали твое письмо вместе с Антошей, он также очень чувствительно тронут привязанностью, которую ты ко мне проявляешь, и участием, которое ты принимаешь в моем счастье, дорогой друг. Ты довольна партией, которую я делаю? Твое одобрение для меня очень

ценно, и если бы ты знала Антошу столько же, сколько я его знаю, ты бы поняла, как я довольна своим выбором. Я вполне убеждена в том, что буду счастлива: можно ли не быть такою с этим человеком, или, скорее, ангелом? Нравственные качества, убеждения, благородство его характера — верные для меня гарантии счастья, которое я ожидаю от союза, который я собираюсь заключить. Не говорю об его уме, об его приятных приемах в обществе: ты имеешь о них представление, потому что Плетнев тебе говорил о нем. Он особенно очарователен в совсем интимном обществе, так как он застенчив и по большей части молчит, когда много народу, но в кругу людей, которые его не стесняют, — он бывает очень приятен своею веселостию; я также люблю слушать его, когда он говорит о литературе; он иногда делает это, когда мы с ним вдвоем (а мы всегда одни), — и я всегда бываю очарована его вкусом, правильностию его суждений и его энтузиазмом и ко всему тому, что истине прекрасно. Надо было видеть его радость, когда он читал часть твоего письма, в которой ты говоришь о нем и о дружеском чувстве, которое он всегда внушал тебе: он выхватил у меня из рук твое письмо и перечел его несколько раз. Он непременно хочет писать тебе, если ты ему это позволишь.

Я очень довольна, что Григорий приехал, и что он благоразумен. Да сделает господь тебя такою счастливой, как ты того заслуживаешь, дорогой друг; ты много страдала в жизни и можешь надеяться на счастливую судьбу. Ты не говоришь мне, когда будет твоя свадьба? Моя назначена на начало сентября. Ты права, дорогой друг, когда мы выйдем замуж и когда сделаемся *серьезными женищинами*, как ты говоришь, — наша переписка не будет больше прерываться и мы снова будем добрыми друзьями... Ты спрашиваешь у меня мой портрет, —

он у тебя будет, добрый и нежный друг... прошу тебя подождать до моей свадьбы, — и тогда наверно у тебя будет мой портрет и даже *наши* портреты...»

Сближение между женихом и невестой, таким образом, продолжалось. В том же письме, из которого мы сделали выписку, находим указание на то, что Дельвиг дал своей невесте, такой горячей поклоннице Пушкина, на прочтение письма поэта к себе. К величайшему сожалению, Софья Михайловна не сумела сохранить эту драгоценную переписку своего мужа, — до нас дошла лишь ничтожная часть писем Пушкина, которых должно было быть очень много.

«Я очень забавляюсь», пишет Софья Михайловна, «всю эту неделю чтением писем Пушкина к Антоше, у которого постоянная с ним переписка;¹ я хотела бы дать тебе прочитывать эти письма, которые сверкают умом. Пушкин очарователен во всех видах, — в прозе так же, как и в стихах. Его брат, который здесь,² говорят, тоже очень умен; я надеюсь часто его видеть, когда выйду замуж; общество, которое я буду посещать, будет состоять из писателей; это восхищает меня: это именно тот круг, который я всегда желала иметь у себя, — и вот мое желание исполнилось. Что хорошо, это то, что у нас будут бывать только люди интимные, никого из великосветских, — друзья и добрые знакомые».

«Дела наши идут всё так же», пишет она через полторы недели: «мой отец продолжает не видеть Антошу, которого я люблю день ото дня всё более и которого женою

---

¹ Одно из них — интереснейшее письмо от 2 марта 1827 г. — сохранилось до последнего времени среди бумаг С. М. Боратынской, при разборе их было найдено нами и опубликовано в 1923 г. в сборнике «Литературные Портфели» (Ср. Письма Пушкина, под ред. В. Л. Модзалевского, том II, стр. 27).

² Лев Сергеевич Пушкин.

я жду не дождусь сделаться. Мне остается ждать и волноваться еще 6 недель; меня утешает то, что всё это будет вознаграждено и будет иметь следствием целую жизнь счастья и наслаждений». ¹

«Ах, я забыла полакомить тебя новыми стихами Пушкина», пишет она далее: «вот они (это с Турецкого):

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкой весной:
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

«Антоша с таким же нетерпением, как и я, ожидает получить известий о тебе и часто говорит мне: *Что наша Саша не пишет к нам?*» (Это он тебя так называет, когда мы вдвоем, но у него нет недостатка в почтении к твоему титулу дамы), и каждый день, при входе ко мне, первую его заботою — спросить, не получила ли я письма из Оренбурга. Что за превосходный мальчик этот Антоша! Когда я подумаю о том, что стану его женою только через четыре недели, я становлюсь мрачной и мечтательной; мне кажется, что это слишком еще долго, что много перемен может произойти до того времени, и что у меня слишком мало терпения, чтобы ждать так долго. Я объявила всем о твоём замужестве, — все им довольны. Александрина Геннингс тебя поздравляет и обнимает, Аннет Клейнмихель — также. Я еще не была во вторник в пансионе после окончания вакансий, но знаю, что г. Плетнев уже был там и что он чудесно разыграл удивление и неожиданность, когда м-м Шрётер пришла и сказала ему о твоём замужестве: он высказал крайнюю радость

¹ Из письма от 30 июля 1825 г.

по случаю этого события и, видя ее противную мину, прибавил еще, что он в восторге, что твой муж — офицер, потому что, сказал он, статские не стоют военных (всё это было сказано для того, чтобы рассердить ее, ибо ты знаешь ее образ мыслей на этот счет); она сказала ему (очевидно, чтобы его смутить), что его друг Дельвиг — статский. «Да», ответил он ей: «к несчастью, он статский, и я сам также; но тем не менее я так думаю; я принужден сознаться, что мы ничто перед военными». Она ничего не ответила и вышла с необыкновенным выражением лица; как только она повернула спину, весь класс покотился со смеху. Г-н Плетнев сейчас же рассказал об этом Антоше, поручив ему пересказать мне это. ¹

«У нас также как и у тебя будет небольшой круг друзей и интимных знакомых; но что нас очень огорчает, это то, что мы обязаны остаться в этом отвратительном Петербурге. Правда, что немного времени после брака мы будем в отсутствии, но это будет лишь на два или на три месяца: мы поедем в Витебск, повидать родителей моего Антоши; я рассчитываю провести восхитительные минуты посреди его семейства, которое, говорят, очень дружно, хотя и очень многочисленно. Я отсюда уже вижу те ласки, которые оно мне расточит. Друг мой, у меня будет мать, — я вновь обрету это счастье, которого я лишена с самого детства . . . Антоша в восторге от того, что ты мне поручаешь обнять его; он пишет к тебе с этою почтою, и я жду, что он принесет ко мне свое письмо, чтобы прочесть его, так как бог знает, что способен он наговорить тебе, а это заставило бы меня ревновать. Петр Александрович тебе кланяется; он часто проезжает мимо меня и останавливается, чтобы поговорить с нами.

---

¹ Из письма от 9 августа 1825 г.

Напиши ему, — он с нетерпением ожидает письма от
Madame Karelin». ¹

В следующем письме своем, от 2 сентября, писанном «с оказией», Салтыкова рекомендует своей подруге Лицейского товарища Дельвига и Пушкина В. Д. Вольховского, ехавшего в Оренбург по служебному поручению.

«Начинаю сегодня письмо мое рекомендацией одного молодого человека, которого я сама знаю только по отзывам других (по наслышке), — это некто г-н Вольховский, которого Антоша очень любит и с которым он воспитывался в Лицее; он говорит о нем бесконечно хорошо: этот молодой человек очень образован и полон достоинств. Я узнала только вчера, что он едет в Оренбург (*т. е. он едет в Хиву и проедет через Оренбург*) и — за несколько лишь часов до его отъезда. Я очень досаую на это, так как я попросила бы его взять письмо к тебе; но ты видишь, что у меня не было на это времени, и я надеюсь, что ты извинишь меня. Он знает твоего мужа (наконец я узнала, что его зовут Григорий Силич; я не могла добиться узнать это от тебя, хотя много спрашивала тебя об этом: ты так рассеянна, что никогда не отвечаешь на все мои вопросы, хотя правда, что я иногда угнетаю тебя ими). Вольховский высказал много хорошего о твоём муже Антоше, что доставило мне бесконечное удовольствие, как всякий раз, что слышу похвалы тебе; между прочим он говорит, что Григорий великолепно владеет даром слова, «*что он говорит обворожительно, что он очень образованный человек и либерал*». Если я должна верить Антоше, я не должна была бы говорить тебе о Вольховском, как о знакомстве, которое тебе предстоит сделать, потому что он уверяет, что знакомство это уже будет сде-

---

¹ Из письма от 20 августа 1825 г.

лано, когда письмо мое придет к тебе: он уверяет, что он будет в Оренбурге через 18 дней, — но я не верю ему. Прошу тебя, дорогой друг, посмотреть на этого молодого человека, как на брата Антоши, так как он смотрит, как на братьев, на всех своих сотоварищей по Лицею, в особенности на хороших, как Пушкин, Горчаков, Вольховский и пр. Итак надеюсь, что ты сделаешь ему хороший прием из дружбы к нам. Он, по поручению Антоши, передаст тебе наши приветствия; он обещал ему написать из Оренбурга и сообщить известия о тебе. Не знаю, почему ты медлишь дать их мне сама . . . Я привыкла получать от тебя письмо через каждые 15 дней; обыкновенно его приносят в субботу, — и в последнюю субботу мы с Антошей ожидали его целый день, но не были удовлетворены. Это нас очень огорчило. *Почталоны, как нарочно, целый день ездили мимо нас, и ни один не заехал к нам. Наконец Антоша надулся и ушел от меня в страшной хандре. — Петр Александрович тебе кланяется; он говорит, что будет писать к тебе, когда я выду замуж, а мою свадьбу, не знаю для чего, откладывают до Октября; однако ж это вздор: мы с Антошей и слышать не хотим об этом, собираемся буяннить и надеемся поставить на своем*».

«Мой отец продолжает капризничать до крайней степени; я не понимаю этого человека и, при всем уважении, которое дочь должна питать к отцу, я не могу не заметить, что я никогда не видала [человека] более тяжелого для совместной жизни, чем он, и что у него самый несчастнейший характер. Он до того своенравен, что, я думаю, способен расстроить мой брак, протянув дело о нем более трех месяцев. Однако, никакая власть в мире не добьется этого, — это невозможно сделать, независимо от любви и неизменной привязанности, которые связывают нас, имея в виду вольности [?], которые мы позволили себе и почву, на которой находимся с Антошей. Боже мой,

я думаю, что никогда не увижу конца всего этого! К довершению мучений, нас еще угнетают со всех сторон советами; один говорит, что мы должны жить так, другой — что этак, — одним словом, каждый советует на свой образец, так что голова у нас кружится, слушая со всех сторон глупости, которые нам преподают лица, вмешивающиеся в чужие дела. Амалия Ивановна одобряет квартиру, которую Антоша нашел, — Петр Иванович¹ не одобряет ее, потому что она не нравится моему капризному отцу, а ему она не нравится потому, что стоит 1,500 руб.: он утверждает, что мы умрем с голоду, — между тем как мы имеем 10,000 р. в год. Между тем уж осень, все приезжают с дач и еще труднее найти квартиру; это приводит меня в ярость, — я бы удовольствовалась какой-нибудь дырой, как и Антоша, — но мы не одни, надо подумать и о прислуге, куда ее поместить, если мы не возьмем квартиры в 1,500 р.»

Наконец помещение было найдено, — и в письме от 26 октября Софья Михайловна писала подруге: «Как только я выйду замуж, Папа будет искать для себя другую квартиру и письма не дойдут до меня, — а потому пиши: *Ее Высокобл. М. Г. Баронессе Соф. Мих. Дельвиг — в Большой Миллионной, в доме Г-жи Эбелинг*. У нас очаровательная квартира, не большая, но удобная, веселая и красиво обмеллированная. Я не дождусь, когда буду в ней с моим Антошей, моим ангелом-хранителем. 30-го числа этого месяца, в 2 часа по-полудни, я стану его женой, т. е., через четыре дня, наверняка, — лишь бы какое-нибудь великое несчастье не поставило этому препятствия, — от чего сохрани нас боже . . . Что беспокоит меня, — это то, что Папа болен уже несколько дней:

---

¹ Полетина.

у него боли в нервах и спазмы. Он всё очень несправедлив к нам, но сам он заслуживает жалости из-за своего столь несчастного характера. Дай ему бог жизни, здоровья, счастья...»

Свадьба Дельвига и Софьи Михайловны состоялась 30 октября 1825 г. Плетнев приветствовал свою ученицу и невесту друга сонетом, напечатанным в «Северных Цветах» Дельвига на 1826 г.; здесь он писал:

Была пора: ты в безмятежной сени
 Как лилия душистая цвела,
 И твоего веселого чела
 Не омрачал задумчивости гений.
 Пора надежд и новых наслаждений
 Невидимо под сень твою пришла
 И в новый край невольно увлекла
 Тебя от игр и снов невинной лени.

Но ясный ввор и голос твой и вид, —
 Всё первых лет хранит очарованье,
 Как светлое о прошлом воспоминаье,
 Когда с душой оно заговорит —
 И в нас опять внезапно пробудит
 Минувших благ уснувшее желанье.

Вскоре после свадьбы, С. М. Дельвиг писала подруге в восторженном письме (6 ноября 1825 г.):

«Наконец, вот я — счастливейшая из женщин, дорогой мой друг. Пишу тебе уже не из моей темницы на Литейной, а из кабинета моего дорогого Антоши. Я принадлежу ему с 30 октября. Наша свадьба совершилась, как я тебе уже говорила, без торжества, утром. Мы сделали много визитов, что меня вконец утомило, но, благодарение Богу, они все окончены, теперь их принимаю ежеминутно и это также довольно скучно. Мне нечего говорить тебе, что я счастлива, да к тому же я не сумела бы выразить тебе то, что я чувствую. Ты должна меня прекрасно понимать, дорогой друг, и даже лучше меня самой, потому что я

не могу хорошенько разобраться в том, что во мне происходит. Почему ты не с нами, мой единственный друг! Тебя не хватает для моего счастья, которое тогда было бы полным. Тебя всегда будет недоставать мне, дорогой друг, я люблю тебя еще больше с того времени, как я стала счастлива. Мой муж целует тебя с позволения твоего мужа, к которому я даю тебе такое же поручение. Я спешу написать тебе несколько слов, чтобы не откладывать этого удовольствия до следующей почты; но уже очень поздно и письмо мое сейчас отправят на почту; ты не будешь на меня сердиться за то, что я не пишу тебе много. — Вчера Антоша получил письмо от Вольховского, которое доставило нам чрезвычайное удовольствие. Он говорит о вас и дает интересную картину вашего домашнего счастья. Дай Бог, чтобы ты никогда не переставала быть счастливой. Очень благодари твоего мужа от меня: он сделал счастье моей Александрины, — лучшей из подруг. На этих днях мы предполагаем пригласить художника, чтобы исполнить обещание, которое я тебе дала. Прощай, дорогой ангел, будь благополучна, скажи тысячу нежностей от нас твоему превосходному мужу и всегда люби твою преданнейшую и искреннюю подругу Софью Дельвиг».

«Мой единственный друг, моя дорогая и добрая Саша!» пишет она через неделю:¹ «Я имела счастье получить от тебя известие *у себя*. Ты не можешь представить себе, что я чувствую: невозможно быть более счастливой. Ты права, мой друг, — только покончив визиты и всю эту свадебную суету, вполне наслаждаешься; ничто не может сравниться со счастьем жить с тем, кого любишь больше всего на свете. Я люблю теперь Антошу совсем иначе, чем любила его, будучи невестой: это небесная любовь,

---

¹ Письмо от 16 ноября 1825 г.

божественная, это восхитительное чувство, которое я не могу определить, но которое ты должна хорошо понимать, находясь в таком же положении. Друг мой, какое это вознаграждение со стороны неба — добрый муж! заслужила ли я эту милость? Мне нечего более желать, — кроме свидетеля моего счастья... Мой муж обнимает вас обоих, он предполагает сделать приписку в следующем моем письме: сейчас это невозможно, потому что мы оба спешим; ему тоже надо написать множество писем, а почта отходит сегодня. Мы немного в твоём роде: мы по большей части забываем о времени отхода почты»...

«Я приобрела множество новых знакомств, пишет она далее,¹ из коих лишь некоторые мне приятны, — это близкие знакомые моего мужа, как Козловы, Гнедич, Пушкин (Левушка, как его называют — это брат Александра), г-жа Воейкова, которую я уже немного знала, Лобановы (переводчик «Ифигении» и «Федры»),² всё это славные люди, без малейших претензий. Слепой, интересный автор «Чернеца» чрезвычайно понравился, он тронул меня своим сердечным приемом, он, поискав меня ощупью, схватил меня в свои объятия, расцеловал мне руки, говоря при этом самые трогательные вещи. Гнедич — человек с большим умом, Пушкин — мальчик 21 года, который так и кипит; он иногда заставляет нас много смеяться, — мы видим его почти каждый день. Один из наиболее приятных вечеров, которые я провела, был вечер у нас на прошлой неделе: у нас целый вечер были г. Плетнев, Пушкин и Гуманский. Это был очень приятный маленький ужин. Мы много говорили о тебе

---

¹ В том же письме.

² Михаил Евстафьевич Лобанов (1787 — 1846), писатель-поэт, библиотекарь Публичной Библиотеки, Член Российской Академии (1828), академик Академии Наук (1845), и первая жена его Александра Антоновна, рожд. Бароцци-ди-Эльса (1793 — 1836). *Ред.*

с Петром Александровичем, живо сожалея, что ты не присутствовала на этом нашем собрании, которое давно уже было предметом наших самых приятных мечтаний. На этих днях мы обедали у г. Плетнева. Его жена — очень добрая особа, немножко *прозаическая*, правда, но без претензий и церемоний...»

«Мой брат покинул нас дня три или четыре тому назад, так и не получив возможности повидаться с моим отцом.¹ Он очень меня огорчает, этот бедный Мишель: это поистине, превосходный мальчик, полный чувства чести. Молодые люди страшно любят друг друга; письма Луизы очень нежны; она написала ему три письма в течение восьми дней его пребывания здесь. Мы проводили Мишеля до Стрельны, где и пообедали. Это маленькое путешествие стоило мне немного дорого. Был собачий холод в этот день, я схватила насморк, кашель и головную боль, которая продолжается у меня до сих пор, не покидая меня ни днем, ни ночью и заставляет меня очень страдать. Кроме того, я натворила много глупостей в Стрельне. Александрина Геннингс была в нашей компании, мы много пили шампанского за здоровье Мишеля, его Луизы и его путешествия; я на свою долю выпила больше 4 бокалов. Как ты это находишь? Под конец я пила уже насильно, чтобы выкинуть штуку, так как они смеялись, и это меня подзадоривало, а брат мой только приговаривал: «*Ну, Софья Михайловна, за мое здоровье, пить так пить, гулять так гулять, дурачиться так дурачиться»*. Возвращаясь в Петербург, я почувствовала себя очень скверно в карете, меня стошнило (с твоего позволения) в шляпу

---

¹ Михаил Михайлович Салтыков влюбился в Луизу Гружевскую, дочь польского помещика, в имении которого стояла часть Ольвиопольского полка, в котором он служил, и решил жениться на ней. М. А. Салтыков не соглашался на этот брак, который, тем не менее, состоялся.

Антоши, а по возвращении домой у меня болели нервы». ¹

Вскоре в Петербурге на Сенатской площади прогремели пушки: произошло восстание 14 декабря. Софья Михайловна узнала, что в нем участвовал ее поклонник П. Г. Каховский. 22 декабря она писала подруге:

«Саша, Саша, я с ума сойду, мое сердце слишком переполнено, я не знаю, что со мной будет, это несчастье слишком тяжкое, не знаешь, куда броситься. С другой стороны, я очень поглощена Антошей, который скоро заставит меня потерять голову от любви. Очень ошибаются те, кто говорит, что любовь бывает только перед браком: неправда, — это вовсе не чувство дружбы, которое я питаю к Антоше. Ах, мой друг, я горю, я люблю так, как никогда не думала, что можно любить, я люблю больше, чем любила до брака, я обожаю. Не знаю, что со мною происходит Я сама себя иногда не понимаю. Уж не перед смертью ли это? Саша, не смейся надо мной».

«Я не могу писать тебе о том, о чем хотела бы поделиться с тобою: об этом надо *говорить*. У меня есть луч надежды увидеть тебя теперь, когда Аракчеев более не царствует. Ты узнаешь от Жемчужникова все, что произошло здесь и как случилось, что Николай на троне. Всё, что я скажу тебе, это то, что сей ужасный день 14 декабря был причиною молчания, хранимого мною в течение многих почт, ибо все письма теперь распечатываются, а я не могла писать тебе, не сказав тебе мнения о том, что произошло; несколько дней даже вовсе не принимали писем на почту. В числе многих молодых людей, замешанных в это дело, находятся также Рылеев и Бестужев и бедный Кюхельбекер, которого я жалею от всего сердца, и все, не исключая Каховского, который принадлежал к их числу, находятся в крепости. Кюхельбекер

---

¹ Из письма от 24 ноября 1825 г.

еще не разыскан до сих пор. Дай Бог, чтобы не открыли, где он; должно быть он не здесь, так как его тщательно ищут. Я трепещу, что его схватят. Мы были в большой тревоге в продолжении всех этих дней. Я рассчитываю написать тебе по почте через несколько дней, дорогой друг; я скажу тебе тогда всё, что захочу сказать тебе и что может быть сказано по почте; теперь же я как в припадке лихорадки и не в состоянии писать даже к тому, кого люблю больше всего на свете...

«Не пугайся этою мрачной бумаги», — начинает Софья Михайловна свое новогоднее письмо к подруге от 7 января 1826 г., написанное на листе с черною каймою: «это траур по императоре Александре, — все теперь пишут на такой бумаге», и затем, после поздравлений, продолжает: «Ты должна была получить мое сумасшедшее письмо с Жемчужниковым. Мы много говорили о вас в тот день, что он обедал у нас. Это очень приятный молодой человек, кажется он очень любит вас. Он расскажет тебе то, что мы поручили ему сказать вам. Умоляю тебя зрело подумать об этом с Григорием, и если этот проект покажется тебе подходящим, постарайся его выполнить. В настоящее время это вещь довольно легкая, или по крайней мере, гораздо более легкая, чем во времена императора Александра. Я почти уверена, что Николай позволит вам вернуться сюда. Какое это счастье было бы для меня».

«Жемчужников много занимается немецкой литературой и любит ее больше, чем всякую другую; он сам больше немец, чем русский. Я спросила его, говорит ли он иногда по-немецки с тобою, а он ответил, что он даже и не подозревал, что ты знаешь этот язык. С такою скромностью, сударыня, вы забудете его, и это будет очень обидно. Я просила Жемчужникова говорить с тобою по-немецки, я сказала ему, что ты его очень хорошо знала, и что я буду очень огорчена, если ты его забудешь. Между нами

скавать, я очень похожа на чорта, проповедующего нравственность, ибо я отличаюсь редкою леностью к музыке; я далека от того, чтобы иметь большой к ней талант; он мог бы сделаться таким, если бы я его развивала, а это как раз то, на что я не могу решиться. Каждый день я принимаю это решение, но прихожу в отчаяние при мысли о том, что уже потеряла большую часть своих сил; между тем, чем больше откладываешь, тем больше потеряешь привычки играть; поэтому завтрашнего дня я сажусь за рояль и на этот раз сдержу свое слово, так как моя лень причиняет огорчение Антоше, а это, как ты хорошо знаешь, очень хороший повод, чтобы победить ее.

О своем времяпрепровождении Софья Михайловна пишет далее:

«Я только и делаю, что читаю Вальтер Скотта, помогаю мужу в его занятиях по «Северным Цветам», то есть, переписываю стихи и прозу, которую ему доставляют, держу с ним корректуру и проч.; а чтобы отдохнуть, — сажусь к нему на колени, мы целуемся, сколько влезет [tant et plus], я — на третьем небе и благодарю бога за мое счастье сто раз в день. Вечером у нас всегда кто-нибудь: завсегдатаи — Лев Пушкин, князь Эристов, — молодой человек второго выпуска из Лицея, очень забавный,¹ добрый Петр Александрович и Рахманов, наш кузен, который через два дня едет в Москву, — вот — лица, которые приходят к нам чаще других. Гнедич — очень приятный человек, но он бывает несколько реже. Мы часто ходим к Петру Александровичу проводить вечера. Я никогда не бываю так счастлива, как у него,

---

¹ Князь Дмитрий Алексеевич Эристов (1797 — 1858), воспитанник Царскосельского Лицея, второго курса 1820 г.; служил во II Отделении собственной е. в. канцелярии, потом в Морском Министерстве и был под конец генерал-аудитором флота; известен как автор эпиграмм и шуточных стихотворений. *Ред.*

Его жена¹ немножко прова и даже немножко — дурная прова; но он показывает много уважения к ней и все делают то же, чтобы не огорчить его. Это редкий муж, он несчастлив, нет сомнения, будучи помещен в круг людей, который ему ни мало не подходит, при его воспитании, уме, знаниях, любви к поэзии, ко всему, что истине прекрасно. Его жена — не понимает его, она очень добра, но ничего кроме кухни не умеет делать и по своему понимает то, что делает и говорит ее муж, а это делает ее ревнивою; впрочем она добрая особа, простая, верная своим обязанностям. Ее родственники (а их у нее огромное количество) почти в том же роде, как родные Александрины Копьевой, только лучше воспитанные, ты можешь по ним получить представление о Плетневских. Я видела их почти всех у него в день именин г-жи Плетневой. Петр Александрович редко видит их у себя, но часто посещает их и питает к ним всевозможное почтение. Со всем тем он всегда весел, всегда доволен (по наружности), делает всё возможное, чтобы скрыть недостатки и странности своей жены, — одним словом, чем больше я узнаю этого человека, тем более я его уважаю. Не осуди меня, дорогой друг, за то, что я не посылаю тебе «Северные Цветы», они запаздывают выходом в свет из-за одной статьи Дашкова, которая заставляет себя ждать по причине лености автора. На этих днях они будут готовы и ты их скоро будешь иметь. В них будет много хороших вещей».

Начало 1826 г. ознаменовалось выходом в свет, при непосредственном участии Плетнева, первого собрания стихотворений Пушкина. Софья Михайловна поспешила выслать книгу своей подруге и писала ей по этому поводу.²

¹ Рожд. Раевская, Степанида Александровна (1795 — 1839), первая его жена.

² Письмо от 13 января 1826 г.

«Ты должна была получить Стихотворения Пушкина: в них много пьес, которые ты знаешь, но есть также и новые для тебя. Подумай обо мне, читая их, как я думаю о тебе, когда перечитываю то, что мне особенно нравится. Я мысленно делю свои наслаждения с тобою и вижу отсюда удовольствие, с которым ты будешь читать эти прелестные вещи. Никто более тебя не в состоянии их чувствовать. *Заметь «Сожженное письмо» и «Ночь»; одно смотри в Элегиях, а другое в Подражаниях древним. Это прелесть необыкновенная. Еще из мелких его стихотворений восемь стихов кажется прекрасные: *Я верю, я любим, для сердца нужно верить*.* Что за чувство, что за стихи! *Ничего нет принужденного: всё прекрасно — послания его, элегии, Подражание Алкорану — прелесть. Сколько восхитительных минут доставляет мне этот *очарователь-Пушкин!** Скажи мне свое мнение о вещах, которые тебе больше понравятся. У Льва Пушкина изумительная память, он знает массу стихов на-память и почти все стихотворения своего брата; он может прочесть поэму «Цыганы», с одного конца до другого. Это тоже одно из лучших его произведений; очень досадно, что он еще не думает его печатать. Мой муж в настоящий момент совсем не занимается поэзией, т. е. мы много занимаемся вместе чтением, но он не написал ни одного стиха в продолжении двух месяцев; это потому, что он был занят «Северными Цветами», которые скоро появятся, и потом одним делом, которое ему поручили в его Канцелярии; он только и делал, что писал. Теперь надеюсь, что он возвратится к своим *premières amours*,¹ т. е. к своей Музе; я хотела бы, чтобы она приходила навещать его почаще (ревность в сторону). Кстати, не могу помешать себе еще поговорить с тобою о Пушкине. Не про-

¹ К своей первой любви.

пусти пьесу, озаглавленную «Муза», начинающуюся так:

В младенчестве моем она меня любила...

Как ты ее находишь?»

«Ты меня спрашиваешь, как отец относится к нам; ты будешь, без сомнения, удивлена узнать, что он берет квартиру довольно близко от нас, что он приезжает по-видать нас довольно часто, что обедает с нами, и когда мы пишем ему, чтобы узнать, как его здоровье, он отвечает нам «мои дорогие друзья»; он оказывает нам внимание, присылает нам время от времени разные вещи для хозяйства или маленькие подарки моему мужу, как, напр., портфель (чтобы класть бумаги, разумеется) и т. д. Он очень хорош с Антошей и начинает даже размягчаться с Мишелем, мы даже слышали от него, что он более не будет противиться его женитьбе... Я покидаю тебя, чтобы написать еще множество писем, — между прочим к старшей сестре моего мужа, молодой особе 17 лет, которая только что вышла замуж; надо ее поздравить, равно как Папá и Мама́, которых я очень нежно люблю; они пишут мне письма, полные доброты и нежности, которых я не заслужила и которые я не могу достаточно оценить. Прощай, дорогой друг, я очень побраню г. Плетнева от твоего имени, как и от своего: я увижу его завтра — потому что это суббота». ¹

«Прости меня, дорогой друг, за то, что я так долго тебе не писала: мой муж очень беспокоил меня, сыграв со мною плохую шутку: он заболел, простудившись, и это могло бы иметь печальные последствия, если бы мы во-время не позвали нашего врача. ² Тем не менее у него была лихорадка, продолжавшаяся более 8 дней; теперь

---

¹ Из письма от 22 января 1826 г.

² Филипповского.

ему хорошо, но ему еще велено не выходить из комнаты, так как на улице всё время холодно. Доктор признался нам, что он очень боялся, чтобы у Антоши не сделалось воспаление; это признание показывает, что больше нечего бояться, и всецело меня успокаивает... Твой муж написал моему мужу письмо, которое доставило ему большое удовольствие. Этот добрый Григорий любит нас так же, как и мы его. Антоша будет писать ему на этой почте и даст ему ответ относительно места, которое он хочет иметь здесь. Ответ не удовлетворителен, несмотря на всё наше доброе желание и наши старания; но я ни в чем не отчаиваюсь и с удовольствием думаю, как мы будем когда-нибудь вместе и что день этот не так далек». ¹

Узнав, что книга стихотворений Пушкина не дошла до Карелиной, Софья Михайловна писала ей 22 февраля:

«Ты меня страшно огорчила, сообщив мне, что Стихотворения Пушкина до тебя не дошли. Уверяю тебя, что я ничего тут не понимаю. Мы поручили книгопродавцу Сленину их тебе послать; он это и сделал, как говорит; но если он солгал, мой муж ему скажет, и во всяком случае у тебя будет твой экземпляр Пушкина через некоторое время, — ты можешь на него рассчитывать. Представь себе, что «Северные Цветы» еще не вышли, — что довольно неприятно для меня, — это, как кажется, я тебе говорила, по вине Дашкова, который довольно ленив; но теперь это уже не продлится дольше нескольких дней: он окончил свою статью». ²

Наконец, Карелина получила затерявшуюся-было книгу, написала о своем впечатлении и получила такой ответ:

---

¹ Из письма от 10 февраля 1826 г.

² В письме от 8 марта С. М. Дельвиг опять досадует, что Карелина еще не получила Пушкина и пишет, что Сленин давно выслал книгу.

«Очень благодарю тебя, добрый друг, за то, что ты думаешь обо мне, читая Пушкина, и что ты переносишься, как и я, в прошлые времена. У нас часто одни и те же мысли. По крайней мере это утешительно. Я в восторге, что ты, наконец, получила Пушкина, а то я не знала, чему приписать это запоздание... Не знаю хорошо, какой ответ дать тебе о произведениях Пушкина, которые не находятся в его собрании. Это был каприз с его стороны, и я не умею тебе сказать, подарит ли он нам когда-нибудь произведения, которые он у нас отнял. Он не счел их достойными того, чтобы быть напечатанными. Ты должна помнить прелестную маленькую вещь — «К Морфею»: она также не была допущена в Сборник, и Бог знает почему заслужила эту немилость, так как она вовсе не менее достойна Пушкина, чем столько других ее подруг, которым он даровал свою милость. Что тебе, конечно, будет приятно, — это, что он хочет напечатать «Цыган» и — вскоре. Он также только что закончил свою историческую трагедию о Борисе Годунове; это, как говорят, очень красиво. Мой муж читал часть ее в прошлом году, во время своего пребывания у него. Это такая трагедия, какие ты любишь, — т. е. в роде Шекспира и Шиллера — в ней нет ничего французского». ¹

В письме Софьи Михайловны от 8 марта 1826 г. находим следующую приписку Дельвига к мужу А. Н. Карелиной — Г. С. Карелину:

«Любезнѣйшій другъ Григорій Силичъ, очень благодарю за добрую вѣсть объ Вольховскомъ. Онъ вамъ дорогъ, какъ другъ, а мнѣ лицейскому его товарищу, какъ родной братъ и другъ. Когда-то увижу опять его и когда въ первый разъ обниму васъ? Я бы сначала согласился

---

¹ Из письма от 25 марта 1826 г.

на меньшее: мнѣ бы хотѣлось не черезъ три недѣли, а хоть черезъ недѣлю получать отъ васъ отвѣты. Въ теперешнемъ же положеніи письма наши похожи на монологи. Съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ докторскаго описанія болѣзни милой Александры Николаевны. За двѣ тысячи верстъ больной другъ кажется въ двѣ тысячи разъ больнѣе. Мы всѣ здоровы, надѣмся лѣтомъ еще быть здоровѣе. Это одно время в Петербургѣ, въ которое чувствуешь, что живешь, а не изнемогаешь въ тяжеломъ снѣ. Прощайте, поцѣлуйте ручки у вашего ангела. Любите

Дельвига».

Он прислал несколько слов к Карелиным и в письме жены от 14 апреля того же года:

«Поздравляю васъ, милые друзья наши, съ новой гостьей міра и съ праздникомъ Пасхи. Молю Планеты, подъ влияніемъ которыхъ родилась ваша Софья,¹ объ ея счастья. Зная васъ, знаю каково будетъ ея сердце. Простите. Любите

Дельвига».

«Прошу низжайше прощения у моей очаровательной маленькой крестницы в моей неисправности» — писала Софья Михайловна 3 мая, имея в виду маленькую Софью Карелину, родившуюся незадолго; «до сих пор мне не было возможности поквитаться с нею; я не могу дать никакого подобного поручения моему мужу: *Он прямой мущина и ничего не понимает, а я не выхожу из дому уже четыре недели*... Наш бедный Плетнев очень страдает, писала она дальше: он очень худ и бледен, как говорят; целую вечность я его не видала. Ему советуют ехать на какие-нибудь воды, и я думаю, что он это исполнит. Жуковский тает на глазах, он также скоро едет на воды в Эмс

---

¹ О ней см. в следующем письме и в конце настоящей статьи.

или в Карлсбад. Карамзин не чувствует себя лучше, чем он. Он вскоре нас покинет также, чтобы ехать в чужие края. Гнедич не выходит из комнаты уже с давнего времени. Это горе. *Естли умрут, Гнедич не докончив Иллиады, а Карамзин — своей Истории, беда будет. Я познакомилась с Пушкиными, они недавно приехали из Москвы. Прекрасное семейство. *Какая достойная женщина эта госпожа Пушкина, и Ольга, ее дочь, превосходная личность, которая любит своего брата Александра со страстностью [avec passion]. Я их часто вижу, они без чванства [sans cérémonie]. Никто меня так мало не стесняет, как они. Как я ни дика, я познакомилась с ними очень быстро. Вальховский часто приходит повидаться с нами. Мы не теряем никогда случая поговорить с ним о вас. Какой славный молодой человек и как он выигрывает, когда его узнаешь. Когда он был в Лицее, товарищи называли его *«Добродетель»*, и я нахожу, что он очень заслуживает это имя. Чем больше его узнаешь, тем больше любишь. У него есть значительные достоинства, которые всех заставляют его ценить».

На другой день Софья Михайловна сообщала подруге ряд других новостей:

«Яковлев, один из лицейских товарищей Антоши, женится и всеми силами хочет, чтобы его жена стала моим *другом*; его невеста — некая Маргарита Васильевна Куломзина, которую я не знаю ни по Еве, ни по Адаму. Ольга Пушкина, которую я тебе расхваливала во вчерашнем письме, поистине превосходная девушка, которая мне очень нравится и с которой я очень хотела бы общаться, но у нее, несмотря на ее ум, — мания всегда искать себе *друзей*, которых она меняет почти так же, как рубашки. Ее мать хочет, чтобы мы тесно сошлись, но не думает о том, что для того, чтобы стать друзьями, нужны годы знакомства, и что не довольно сказать: *будем друзьями*».

ми, чтобы стать ими. Я читала одно письмо, которое Ольга получила от одной из своих интимных подруг из Москвы. При самых христианских чувствах и лучшем желании не оскорбить подругу этой доброй Ольги, не могу помешать себе думать, что это трогательное послание переписано из одного из этих скверных романов, самые патетические места которых всегда заставляют меня смеяться до слез. — Боратынский пишет нам, что он женится; его невеста — барышня 23 лет, дурная собою и сентиментальная, но в общем очень добрая особа, до безумия влюбленная в Евгения, которому нет ничего легче, как вскружить голову, что друзья девицы Энгельгардт и не преминули сделать, чтобы ускорить этот брак. Я знаю эту молодую особу; мы видались в Казани, а потом один раз здесь. Она пишет Ольге, с которою она также связана, что она хочет возобновить знакомство со мною и что она надеется, что мы будем очень любить друг друга, так наши мужья нам дадут в том пример. Вот еще одна *интимная подруга*, которая свалится на меня как бомба после своего замужества». ¹

Лето 1826 г. Дельвиги проводили в Петербурге, ведя скромный образ жизни, посещаемые многочисленными друзьями, интересами которых живет Софья Михайловна всё это время. Приводим несколько выдержек из писем ее за эти месяцы.

«Я была прервана моей кузиной Геннингс, которая приехала обедать ко мне. ² После обеда ко мне приехало множество народу, — одни скучнее других, светские дамы, развязные, стеснительные. Ах, что за мученье! Что за модные разговоры, что за принципы, что за чувствования!

---

¹ Из письма от 4 мая 1826 г. Жена Е. А. Боратынского — Анастасия Львовна Энгельгардт (1804 — 1860).

² Из письма от 28 июня 1826 г.

Так я провела целый день, — я, совершенно отвыкшая от света в продолжение моей болезни! (Ты знаешь, что я не выхожу уже давно.) Наконец Пушкины пришли, они лучше других, хотя *Ольга* и делала кое что, что раздражало князя Вяземского. Последний, например, человек, с которым я очень довольна, что познакомилась. Он вчера пришел в первый раз к нам, и его присутствие меня немного оживило. Он очень тесно связан с твоим зятем,¹ который также должен был придти, зная, что князь будет у нас; но он нас надул, что еще много прибавило к моему дурному настроению. Вяземский лучше своих стихов; он немного диковат, но это не мешает ему иметь много ума».

«Ты, без сомнения, с удовольствием узнаешь, что добрый Петр Александрович чувствует себя гораздо лучше, говорят, что он был на шаг от чахотки, но слава богу, он спасен. Я надеюсь, что зимою, т. е. по его возвращении из деревни, наши субботы возобновятся, — и это составляет мою отраду. Кстати: недели две тому назад мой муж встретил на улице Делина [Délin], — они знали друг друга уже давно, но Делин не видал Антошу женатого, — он сказал ему, что тоже хорошо меня знает и что просит позволения придти повидать нас. Антоша просил его сдержать свое слово, и тот его сдержал несколько дней спустя, но пришел в тот самый момент, как я была особенно больна...»

Описывая далее свою болезнь (захворала от ботвиньи со льдом), она пишет: «Мой муж бодрствовал около меня, не смыкая глаз, как и я; это ангел, которого я не знаю, как обожаю; я никогда не забуду его забот, его беспокойства, всех доказательств его любви...»

---

¹ Брат Г. С. Карелина — Василий Силич, характеристика которого дана в письмах С. М. от 3 и 10 июня 1826 г.

«Не стоит благодарить меня, мой друг, за книги: я в восторге, что они доставляют тебе удовольствие. Дельвиг, говорят, очень польщен похвалою, которую ты сделала его Песням, и находит, что ты жестоко ошибаешься, думая, что он придает мало значения твоему мнению: напротив, он дает ему большую цену. Кстати, скажи мне откровенно, как ты находишь пьесы, под которыми стоит только буква *Д*. Мой муж стыдится в них признаться и не пожелал поставить под ними свое имя. Это не плохо, но дело в том, что я не знаю его мнения об этих пьесах и хотела бы знать твое мнение . . .»

«Я получила на этих днях письмо от моего брата, в котором он сообщает, что он женился. Итак, вот мы все устроились. Свадьба Боратынского также уже состоялась».

Через две недели (в письме от 12 июля 1826 г.) она подтверждает последнее известие:

«Боратынский женился, жена его написала мне милое письмо, на которое я несколько затрудняюсь отвечать, так как ее муж — близкий друг моего мужа и так как я люблю его от всего моего сердца, она тоже не может быть для меня безразлична, но я вовсе не умею говорить фразы, а в таких случаях их немного приходится сочинять».

Последние строки писаны накануне казни декабристов, которая не могла не произвести на Софью Михайловну потрясающего впечатления: ведь на виселице погиб Каховский, — человек, которого она любила и с судьбою которого готова была, так опрометчиво, соединить свою судьбу. Но жизнь брала свое, вскоре вошла в обычную колею. Уже в письме от 31 июля она спокойно сообщает очередные новости.

«Ярцев очень странный человек», пишет она о знакомом, возвратившемся из Оренбурга: «он не мог удовлетворить ни одного моего вопроса. Мне было некогда» —

вот его вечный ответ. За то мы много говорим о тебе с Вальховским. Вот единственный в своем роде человек. Я не могу достаточно им нахвалиться, и люблю его, как брата...»

«Я теперь чувствую себя очень хорошо, но мне еще не позволяют выезжать в карете; я прогуливаюсь по воде и пешком. Прогулки наши всегда бывают по ночам: днем невозможно ходить. Петербург невероятно скучен. Мы намереваемся его покинуть. Антоша делает к тому шаги, но я еще не знаю, будут ли они иметь какой-нибудь успех; у нас до сих пор лишь желание исполнения наших проектов, но мы не смеем надеяться, из боязни увидеть наши надежды тщетными». ¹

«О нашем добром Плетневе я могу дать тебе известия верные и свежие, так как я его видела вчера. Он чувствует себя в тысячу раз лучше и только слаб. Его радость вновь повидать тебя очень велика, — ты не должна в этом сомневаться. У него очень хорошее помещение в деревне; я сделала несколько верст пешком, чтобы повидать его, остальную же половину дороги сделала по воде: невозможно в лодке доехать до самого места, и это было настоящее паломничество для меня, я очень устала, что и естественно после того, что я высидела так долго. Но я за то провела восхитительный день. После завтра мы предполагаем снова совершить такое же путешествие». ²

«*Мне очень грустно, всего написать нельзя, только ради Бога не думай, что я несчастлива:* я не знаю, можно ли быть более счастливой в браке, чем я. Мой Антоша — Ангел, который никогда не дает мне ни малейшего повода к жалобе; но существует так много других горестей в жизни, досад, огорчений, — однако лучше не будем об

---

¹ Из письма от 31 июля 1826 г.

² Из письма от 9 августа 1826 г.

этом теперь говорить; *ты знаешь, что я превеликая дура и что у меня пребеспокойный характер. Я думала, что ты будешь бранить меня, когда приедешь сюда.* Твой Григорий очарователен со своею ревностью; я знаю, что он жестоко ошибается, но прекрасно понимаю, что он должен чувствовать, слыша разговоры о твоих былых увлечениях или глупостях: это очень не приятное чувство. *Это надобно спросить у меня.* Я бываю в отчаянии, когда Антоша говорит мне о некоторой Софье Дмитриевне,¹ которая уже давно умерла и которую он перестал любить за долго до ее смерти, когда он не имел обо мне никакого представления». ²

«Все эти дни мы были заняты поисками квартиры, так как срок нашей только что окончился; наконец, мы нашли ее, — вот адрес: на Владимирской, в доме купца Кувшинникова. Спешу сказать тебе несколько слов, так как мы в хлопотах переезда». ³ Далее Софья Михайловна сообщала подруге радостную весть об освобождении Пушкина, который, как известно, был вызван в Москву, где производилась церемония коронации Николая I, и куда Дельвиг направил свое восторженное письмо с поздравлением друга и с припискою, что его «жена кланяется ему очень». ⁴

«*Скажу тебе, друг мой, новость, которая верно порадует тебя. Пушкину позволили выехать из деревни и жить

---

¹ Несомненно, известная С. Д. Пономарева, у которой соби-
рался кружок писателей; о ней см. статьи бар. Н. В. Дризена
в «Ежемес. литерат. приложениях к ж. Нива» 1894 г. №... и М. Н.
Мазаева в ж. «Библиограф» 1892, № 12. Из ее альбомов — два
в Пушкинском Доме, а третий в музее А. А. Бахрушина в Москве.

² Из письма от 16 августа 1826 г.

³ Из приписки от 14 сентября на письме 6 сентября 1826 г.

⁴ Переписка, Акад.-изд., т. I, стр. 371 — 372; ср. Письма Пуш-
кина, под редакцией В. Л. Модзалевского, том II, стр. 183.

в столице. Как мы обрадовались! Вот что нам пишет один наш знакомый, который видел его в Москве: «П. приехал сюда 9 Сентября, был представлен Государю, говорил с ним более часу и осыпан милостивым вниманием».* Какое счастье! После 6 лет изгнания! Он приедет, по всей вероятности, сюда». ¹

Но Пушкин приехал еще не так скоро, хотя имя его время от времени мелькает в письмах Софьи Михайловны, как увидим ниже. 1 октября сам Дельвиг, в письме жены к А. Н. Карелиной, приписывал ее мужу следующие милые строки:

«Вѣрно я что нибудь совралъ безъ намѣренія, любезнѣйшій другъ Григорій Силичъ. Ничего друга не могу вспомнить, что бы похоже было на упреки въ письмѣ моемъ. ² И за что? Кромѣ дружбы, драгоценной для меня, я не ждалъ ничего отъ васъ. Приѣзжайте поскорѣ къ намъ, вы узнавъ меня, не будете подозрѣвать во мнѣ и способности оскорблять друзей. Приѣзжайте поскорѣ, это одно успокоитъ насъ. Мы не перестаемъ говорить о васъ, молимъ у бога свиданія съ вами и совершеннаго изцѣленія милой Александры Николаевны. Поцѣлуйте у нее ручку, а у Сониньки пока губки.

Весь вашъ Дельвигъ».

В письме Софьи Михайловны от 25 октября имена Дельвига и Пушкина встречаются рядом. Письмо сообщает любопытную подробность о демократических настроениях Пушкина, пытавшегося внести простоту в форму письменных сношений, отбросив ненужную чопорность между близкими людьми:

«Ты будешь, может быть, удивлена адресом моего

¹ Из той же приписки от 14 сентября.

² Оно нам неизвестно.

письма: я подражаю в таком способе писать Александру Пушкину, который всегда пишет моему мужу: «Барону Ант. Ант. Дельвигу»: он не ставит ни чина, ни «Милостив. Госуд.». Он начинает писать так ко многим лицам и есть некоторые, которые ему подражают. Я нахожу, что это очень хорошо: на что нужна эта немецкая вежливость, которая ничего не доказывает, и есть только детская церемония».

«Соломарский, который доставил письмо от тебя, еще не являлся у нас, но переслал нам его. Так как он поэт и так как он прибыл из Оренбурга, то я могу сказать тебе что-нибудь о нем. Я его однажды видела, давно уже, у моей кузины ех-Геннингс, — должно быть это тот самый, он — брат брата Бахтуриных и несколько на него не похож: у того — отвратительный тон, а этот — молодой человек очень «*somme il faut*». Я надеюсь, что он сделает нам удовольствие и приедет повидаться с нами; я постараюсь принять его как можно лучше». ¹ Этот В. Д. Соломирский был давний знакомец Пушкина, ² о котором в том же письме читаем:

«Кстати мы ожидаем сюда Александра Пушкина, в конце этого месяца или в начале декабря. Вторая песнь «Евгения Онегина» скоро появится, и я не премину послать тебе ее, также как и «Цыган», когда они будут напечатаны; что не будет так скоро, я полагаю». ²

Но и на этот раз Пушкин обманул ожидания Дельвигов: из Москвы он проехал прямо в Михайловское, откуда вернулся в Москву, опять не заезжая в Петербург; в Белокаменную его влекла любовь к С. Ф. Пушкиной, к которой он неудачно и посватался.

---

¹ Из письма от 6 ноября 1826 г.

² В 1827 г. у них едва не вышла дуэль. См. Переп. Пушкина, Акад. изд. т. II, стр. 23, и т. III, стр. 212 — 213, а также «Письма» под ред. В. Л. Модзалевского, том II, стр. 33 и 239 — 241.

Продолжаем выписки из писем С. М. Дельвиг о ее друзьях и знакомых.

«Екатерина Маркович вышла замуж третьего дня. Я была посмотреть свадьбу в церкви... ее муж уже с седыми волосами, вдовец и отец 6 детей, из которых мальчик 13 лет... Не знаю, что заставило ее выйти за этого г-на Курочкина. Ольга Пушкина, которая ходила со мною посмотреть на свадьбу, находит, что он злой деспот и капризный; надо сказать тебе, что она бредит сочинением Лафатера о физиономиях, — она много его изучала, — и что ее страсть — распознавать характер всех по чертам лица. Она восхитительна и постоянно заставляя меня смеяться. Первые слова, которые она сказала, увидев Курочкина, были: «Боже мой, как этот человек зол по Лафатеру». ¹

«Что касается «Онегина», то мне стыдно, что ты его прочла ранее, чем я тебе его прислала; прости мне это опоздание, моя добрая Саша, и прими его по крайней мере теперь; он приходит немного поздно, но что меня утешает, это то, что тебе его одолжили для чтения, и что всегда хорошо, чтобы у тебя был свой экземпляр. Постараюсь в другой раз не заповдать с присылкою тебе новостей, которые будут появляться». ²

При чтении одного письма А. Н. Семеновы С. М. Дельвиг «не могла удержаться от смеха, вместе с Антошей, при описании мадемуазель Аннушки, которая так сильно похожа на Дуню Пушкина. Воображаю, какие физиономии сделали бы мы — ты и я, — если бы увидели ее вместе. Пушкин как будто бы ее знал, — нельзя было нарисовать ее так верно. Кстати: у нас сегодня был некий г. Великопольский, брат г-жи Нератовой, о которой ты мне говорила в одном из твоих писем. Я знала

¹ Из письма от 6 ноября 1826 г.

² Из письма от 6 декабря 1826 г.

его еще в Кавани; он только что приехал сюда из своего полка, который стоит не знаю где. Разговаривая с ним, я узнала, что г. Нератова — его сестра, чего я не знала, так как я помню только одну его сестру в Кавани. Он сказал мне, что поедет в Оренбург в феврале месяце и просил меня снабдить его письмом к тебе, что я не премину сделать, если ты им интересуешься». ¹

«Мой муж был болен в продолжение 15 дней и болен еще теперь немножко, так что праздники для меня начались нехорошо, но новый год начнется, я надеюсь, хорошо, потому что Антоше позволили завтра выйти. Его болевнь была не опасна, но он очень страдал и не спал ночи». ²

«У меня достаточно знакомых, общество многих из них очень приятно; но насколько лучше я чувствую себя наедине с Антошей или за письмом к тебе... Я приобрела несколько новых знакомых, единственно из-за музыки: ты знаешь, что я люблю ее до обожания, и так как эти лица — музыканты, они играют у меня раз в неделю очаровательные дуэты, трио и т. д. Отец мой пишет мне по этому поводу: «К счастью, ты женщина, не способная к страстным увлечениям, — иначе тебя не хватило бы для всех твоих знакомых». Он совершенно прав. У меня резкое отвращение к таким внезапным дружбам или к таким страстным привязанностям на один день. Я ответила ему, что ему нечего за меня бояться, что у меня только одна единственная подруга, в которой я так же уверена, как в себе самой». ³

---

¹ Из того же письма. Об Ив. Ерм. Великопольском (которому Пушкин написал послание и с которым был в переписке) см. нашу статью в сборнике Памяти Л. Н. Майкова. С.-Пб. 1902, а также в «Письмах» Пушкина, том II, по указ.

² Из письма от 29 декабря 1826 г.

³ Из того же письма.

«Антоша был опасно болен: у него было воспаление в боку и лихорадка, продолжавшаяся так долго, что я начинала бояться, чтобы это не была перемежающаяся лихорадка, но, благодаря бога, он с нею разделался, однако, он страдает очень сильным кашлем, который доставляет ему боль в груди и не дает ему спать, вместе с тем он не ест ни крошки хлеба уже 5 — 6 дней. Ты хорошо поймешь, что всё это дает мне много беспокойства и горя». ¹

«После моих последних строк моему мужу было очень плохо, я была в ужасе за него, но теперь он чувствует себя бесконечно лучше, даже почти хорошо, чрез 5 или 7 дней доктор Аренд позволит ему выйти; это очень хороший врач, и сделал ему много, много добра...». ²

«Я была прервана», продолжает она в тот же день: «нашим дорогим Львом Пушкиным, который пришел попрощаться с нами: он поступил в один драгунский полк и отправляется к нему в Грузию, чтобы сражаться с Персианами; он сделал глупость, поступив унтер-офицером после того, что имеет уже небольшой чин; как огорчены его бедные родители, и мы оплакиваем его как умершего. Я уверена, что он будет убит, это доброе дитя. Я плакала, как несчастная, прощаясь с ним. Я люблю его, как брата; сверх того я была тронута его преданностью нам. Он тоже много плакал, а ты знаешь, что значат слезы мужчины, особенно такого, как он, который никогда не пролил и слезинки. Он приходил к нам все эти дни, мы больше его не увидим, это предчувствие, я слишком плачу о нем, и все тоже. Я люблю всё это семейство, как близких родных».

«Дорогой друг! Г. Великопольский беретя передать тебе это письмо», пишет она 19 февраля. «Он брат г-жи Не-

¹ Из письма от 25 января 1827 г.

² Из приписки от 31 января на предыдущем письме.

ратовой, я говорила тебе о нем в одном из моих писем; тем не менее я тебе его вновь рекомендую, — это очаровательный человек, который, конечно, тебе очень понравится. Его зовут Иван Ермолаевич. Мне нет необходимости просить тебя принять его хорошо, так как ты не можешь не быть любезной. Он как раз сегодня утром едет в Казань, и я спешу сказать тебе несколько слов, — он сейчас пришлет взять у меня письмо. Он еще не знает наверное, поедет ли он в Оренбург, но в случае, если он туда не поедет, я просила его доставить это письмо по почте из Казани. Моему мужу гораздо лучше, но у меня новое горе — жена моего брата опасно больна нервной лихорадкой, а между тем беременна на 5 месяце. Бедный Мишель в очень жалком положении. Мой отец в настоящую минуту при нем и ухаживает за его женою вместе с ним».

«Папа приехал вчера и остановился у нас на некоторое время. Он оставил невестку в значительно лучшем состоянии, но говорит, что он еще беспокоится за нее. Он нежно ее любит и очень хвалит ее ум, твердый и мягкий характер и рассудительность, которая по его словам, выше ее возраста — ей 19 лет...».¹

«В письме, которое я написала тебе с Великопольским я тебе его расхваливаю, — но это из предосторожности; признаюсь тебе, что он иногда бывает скучноват; но может быть он не поедет в Оренбург, — он говорит, что не уверен в том, что не будет задержан в Казани, — и в этом случае ему может быть захочется прочесть мое письмо».²

Посылая подруге новый томик «Северных Цветов» от имени мужа, С. М. пишет: «Я не могу спросить у Соломирского, получил ли он письмо твоего мужа, по той очень простой причине, — что он в Москве, но я думаю, что он

¹ Из письма от 25 февраля 1827 г.

² Из того же письма.

скоро возвратится и тогда поручение твое будет исполнено». ¹

«Что касается нас», пишет она подруге через неделю: «мы чувствуем себя так и сяк, в особенности я часто бываю невдорова, так как климат Петербурга для меня вовсе не подходит, что не перестают мне повторять. В конце Мая пароход отвезет нас в Ревель, а возвратившись оттуда осенью мой муж сделает всё возможное, чтобы достать себе место где-нибудь в другом месте, а не здесь. Я бы очень хотела покинуть нашу скучную столицу: уже давно я об этом мечтаю, и надеюсь, что в один прекрасный день эта мечта осуществится. Если бы я могла быть поближе к тебе, мой друг. Это удвоило бы удовольствие, которое я испытала бы, покидая Петербург». ²

«Что ты читаешь? Вскоре у тебя будет кое-что новое и красивое — «Цыганы» Пушкина: я выплчу их тебе, как только они появятся, — они в печати. Что касается меня, то я дала себе труд прочесть все сочинения Ж. Ж. Руссо «от доски до доски», — это 34 тома. Я уже предпринимала это однажды и начала с «Новой Элоизы», но бросила ее вскоре же, оттолкнутая несколькими местами, которые мне не понравились. Теперь я расхрабрилась и хочу последовать совету Папа, который уверяет меня, что я так пристращусь к Руссо, что, раз прочитав его, захочу потом перечитывать его много раз. Он прочел мне многое из «Элоизы», в ней есть превосходные места; что касается слога, то он везде совершен; со всем тем, у меня никогда не было смелости прочесть ее сразу. Попробую. Там много хороших вещей о воспитании, — согласна ли ты с этим?». ³

«Я пошлю тебе мой портрет из Ревеля, а на следующей

¹ Из письма от 10 апреля 1827 г.

² Из письма от 18 апреля 1827 г.

³ Из письма от 2 мая 1827 г.

почте пошлю «Цыган», что гораздо интереснее; они отпечатаны. Здесь ожидают Пушкина, но я боюсь, что он приедет, когда мы уедем, — и это очень возможно...».¹

...«Ты спрашиваешь меня, что случилось с Сашей Геннингс? Я думала, что сообщала тебе, что она снова вышла замуж — за Пушкина, гусарского ротмистра; она обыкновенно в Царском-Селе, с полком своего мужа. Она кажется очень счастливой. Я провела в Царском три дня и вчера приехала; я столько там ходила, что еще сегодня падаю от усталости. Что за восхитительное место это Царское! Всё так чисто! Какой красивый сад, какой парк, какая ферма! Для меня же эти места особенно интересны: именно в Царском Антоша сказал мне о своей любви; там же он воспитывался».²

Наконец, Софья Михайловна получила возможность лично познакомиться с Пушкиным, который, в конце концов, приехал в Петербург и поспешил обнять своего друга — Дельвига.

«Мы накануне нашего отъезда, дорогой друг, и все эти дни я была занята приготовлениями к нашему путешествию и к путешествию моего отца, который уезжает несколькими днями ранее нас;³ вот почему я немного запоздала сообщением тебе нашего адреса в Ревеле, который я узнала лишь недавно. Вот он: В Ревеле, в Екатеринтале, в доме Витта. Я с нетерпением жду отъезда, этот проклятый Петербург нагоняет на меня страшную тоску. Говорят, что в Ревеле гораздо больше свободы: можно никого не видеть, если хочешь, — и это очень меня устроит, я не буду делать ни одного нового знакомства, хотя там будет очень много народу: Ревель вошел в

---

¹ Из письма от 12 мая 1827 г.

² Из письма от того же 12 мая 1827 г.

³ В приписке от 29 мая С. М. Дельвиг писала, что М. А. Салтыков уже уехал из Петербурга — на два года слишком.

моду, — туда едут со всех концов; но я буду видеть только Пушкиных, с которыми мне не нужно нисколько стесняться: они очень славные люди. Ты видишь, что я по-прежнему *дикарка*, как некогда была; я знаю, что это очень нехорошо, но также знаю, что я никогда не исправлюсь от этого недостатка. Кстати о Пушкиных: я познакомилась с Александром, — он приехал вчера и мы провели с ним день у его родителей. Сегодня вечером мы ожидаем его к себе, — он будет читать свою трагедию «Борис Годунов». Я в восторге, что его увидела наконец. Я поговорю о нем с тобою более подробно, когда узнаю, что тебе получше, до настоящего времени я ничего еще не могу сказать тебе. Что он умен, — это мы знаем уже издавна, но я не знаю, любезен ли он в обществе, — вчера он был довольно скучен и ничего особенного не сказал; *только читал прелестный отрывок из 5-ой главы «Онегина»*. Что касается «Цыган», — то не моя вина, что я тебе их еще не посылаю на этой почте: у меня был один единственный экземпляр, который я предназначала тебе, но Петр Иванович Полетика просил меня уступить его ему, говоря, что я могу достать себе другой вместо него, так как он вынужден на другой день уехать, что он и сделал, — а у Петербургских книгопродавцев нет их больше ни одного экземпляра (они были отпечатаны в Москве), но теперь, когда сам автор здесь, мне уже не трудно будет получить их. — Надобно было видеть радость матери Пушкина: она плакала как ребенок и всех нас растрогала. Мой муж также был на седьмом небе, — я думала, что их объятиям не будет конца...».¹ 29 мая она делала приписку: «Вот я провела с Пушкиным вечер, о чем я тебе говорила раньше. Он мне очень понравился, *очень мил, мы с ним уже довольно коротко познакомились.

¹ Из письма от 25 мая 1827 года.

Антон об этом очень старался,* так как он любит Александра, как брата. Что мне очень нравится, — это то, что он чрезвычайно похож по своим манерам, по своим приемам, тону на брата своего Льва, которого я люблю от всего моего сердца: это был такой добрый ребенок — этот Лёвушка, как мы называем его с мужем». ¹

Вскоре Дельвиг с женою поехали на морские купанья в Ревель, куда отправлялось и семейство Пушкиных, т. е. родители и сестра поэта. Ревель был тогда модным летним курортом петербуржцев и даже москвичей. Приведем несколько выдержек из письма С. М. Дельвиг, рисующих тогдашний ревельский быт и жизнь ее с мужем.

«Дорогой и добрый друг, вот мы в очаровательной местности — в Катеринтале, — совсем бливь предместий Ревеля. Мы выехали из Петербурга 2-го этого месяца, в 9 часов утра; была великолепная погода, пароход шел очень быстро, нам говорили, что он обыкновенно приходит в Ревель в 24 часа, — и всё возвещало нам, что мы пробудем в море не больше этого срока, как вдруг к вечеру погода стала меняться, пошел дождь и поднялся небольшой ветер, но так как он был не очень велик, то у нас из всех 40 человек только одна особа начала страдать немного от морской болезни. К ночи ветер стал сильный, все стали жаловаться, и я была в числе тех, кто страдал наибольше. Качка становилась всё больше с минуты на минуту, волны были страшнейшие, они переходили через палубу, мы все почти умирали — мужчины и женщины. Те, у кого бывали дурноты только на суше, не могут составить никакого представления об этой ужасной болезни, которую называют «морскою». Я и многие другие дамы спрятались в каюты, но вскоре раскаялись в этом: нас там качало еще больше, — у меня были спазмы еще

---

¹ Из приписки от 29 мая на письме от 25 мая 1827 г.

сильнее. На борту парохода был один доктор, — к счастью для нас: он сопровождал графиню Остерман, с которою я была знакома, и она присылала его поминутно ко мне; но для того, чтобы принять лекарство, которое он мне предлагал, мне нужно было привставать, — и как только я это делала, меня рвало (прости мне эти подробности, немного грязные). Наконец к утру мы почувствовали себя значительно лучше, погода стала более ясная и мы все выползли на палубу; там я легла и свободно вздыхала после стольких страданий; но каково было мое отчаяние, когда капитан сказал мне, что мы будем в пути еще сутки, потому что ветер был настолько неблагоприятен, что мы сделали в течение ночи лишь 4 версты, тогда как накануне мы делали по 12 верст в час; и хотя мы снова начали делать по столько, мы потеряли слишком много времени, чтобы быть в состоянии скоро его наверстать. Тем не менее день был прелестный и мы забыли ночные страдания; ночь мы провели на палубе в совершенном здравье всех пассажиров. Я дивилась восходу солнца: на море это нечто очень красивое, я никогда не забуду того, что я испытала при этом зрелище, и не в состоянии дать тебе о нем представления... Местность, в которой мы живем, очень красива, наша квартира — маленькая игрушка, мы в двух шагах от сада и от замка «Катерин-таль», которые доставляют много наслаждения. Там есть столетние башни, замечательно красивые; великолепные виды. Я каждый день хожу гулять, — есть место, которое я очень люблю, — это один маяк, на большой, конечно, возвышенности, я хожу туда с Антошей, и мы не перестаем изумляться прекрасному виду, который оттуда открывается: оттуда видно море и весь Ревель у ног. В замке показывают несколько кирпичей, которые не општукатурены, потому что были положены самим Петром Великим. Не могу еще ничего сказать тебе о городе, потому

что была там лишь один раз, к тому же вечером и в карете, — я ездила смотреть спектакль, который мне довольно понравился: давали одну трагедию Раупаха; первая роль исполнена была М-м Бирх, очень хорошею Актрисою; она превосходит столь хваленую Федерсен, которая была у нас в Петербурге. Пьеса сама по себе не очень замечательна, театр маленький, но красивый, жалко, что он плохо освещается. Завтра я пойду осматривать всё, что есть любопытного в городе и расскажу тебе об этом, если не очень наскучиваю тебе своими длинными рассказами. Говорят, и я этому верю, что там много интересных вещей можно видеть: это ведь такой древний город. Что мне здесь нравится, это то, что можно совсем не стесняться, если хочешь. Можно гулять совсем одной, и вовсе не наряжаясь. Я наслаждаюсь здесь жизнью; чувствую себя чудесно, ем за четверых, много хожу и сплю, как дура. Мой муж ведет себя таким же образом...»¹

Три недели спустя, после курса лечения, она писала Карелиной:

«Я чувствую себя хорошо, беру ежедневно теплые ванны, но пять или шесть дней уже лишена удовольствия делать прогулки и удивляться восхитительным здешним видам: погода отвратительная, то и дело идет дождь и такой сильный холодный ветер, что он ломает деревья, и купальни, построенные на море, унесло, так что я не так скоро еще буду купаться в море. У нас холодно так, как зимой; я не покидаю в течение целого дня мою накидку... Я была уже много раз в городе с тех пор как тебе не писала, и я еще не всё видела; что поразило меня, так это ревельские дороги и улицы, такие узкие, что две кареты не смогли бы на них встретиться, без того, чтобы не раздавить друг друга; дома очень высокие и весьма древ-

---

¹ Из письма от 8 июня 1827 г.

ней архитектуры; смотря на них, я думала о рыцарях, которые в них когда-то жили, и переносилась в эти счастливые времена. В общем всё напоминает их здесь; на каждом шагу встречаешь очень интересные древности. Церкви особенно замечательны; в них видишь могилы рыцарей и их жен и их вооружения, свешивающиеся сверху, равно как их фамильное оружие. На некоторых из этих могил можно видеть фигуры рыцарей, сделанные во весь рост из камня. Это очень интересно. Мы посетили, между прочим, церковь св. Николая, построенную в 1317 году. Там мы видели тело одного герцога де-Круа, выставленное уже 150 лет взорам всех, — за долги он не был погребен. Представь себе, что оно совсем не испортилось, но окаменело. Я его трогала, я снимала его большой парик и мне показывали его собственные волосы. Он совсем не противен. Это человек лет пятидесяти, который должен был быть красив, — это видно, — и очень изящен до сих пор, он покрыт кружевами и его черный бархатный плащ великолепно сохранился, равно как и его белые шелковые чулки и белые перчатки, хотя и разорванные, что происходит от того, что постоянно приходят его смотреть и снимают перчатки, чтобы рассмотреть его руки: они у него очень красивые и *длинные аристократические ногти. Думал ли этот бедный старик, что 150 лет после его смерти все будут его тормошить, снимать парик его и колотить в голову.* Я также это сделала: его голова крепка, как камень.¹ Я много раз ходила гулять по бульварам, которые окружают город: это восхитительная прогулка, — Ревель виден со всех сторон, со своими старыми стенами; это очаровательный вид; город представляется

---

¹ О герцоге Круа см. еще в письме кн. П. А. Вяземского к жене из Ревеля от 11 июля 1825 г. — «Остафьевский Архив» т. V, вып. I, С-Пб. 1909, стр. 56, 138 — 139, и в его же стихотворении 1844 г. «Ночь в Ревеле».

особенно хорошо с одной стороны: видны развалины древнего мужского монастыря; это восхитительно. Бог знает куда это меня занесло... Театр здесь вовсе не плох, исключая опер: я видела «Танкред» и чуть не умерла со смеху; но что удивительно, это то, что несколько дней спустя давали «Фрей Шюц» и он шел чудесно; говорят, что его играли столько раз, что в конце концов он стал идти хорошо. Эта опера — Вебера, — что за музыка! Ты знаешь, что она делала фурор в Германии, и в Петербурге ее давали точно также, я думаю, миллион раз. Я его видела там, но слышать эту прекрасную музыку один раз недостаточно, я решила послушать ее еще раз здесь, и, к моему великому удивлению и восторгу, нашла, что это было лучше исполнено, чем в Петербурге. Я, может быть, наскучиваю тебе моими подробными описаниями, но извини меня, — это моя слабость: я не бываю спокойна, если не даю тебе отчета во всем, что вижу... Близь нашего дома есть салон, в котором абонируются на лето, туда можно приходиться ежедневно, играть в карты, обедать, музицировать или делать что кому нравится. Всё это очень хорошо; два раза в неделю там собираются для танцев и это было бы также очень приятно, если бы Ревель не был в такой моде и если бы здесь не было так много великосветских Петербургских дам. Ты назовешь меня дикаркой; но выслушай меня сначала и согласишься, что я права. Эти дамы не могут привыкнуть к простоте и к свободе, которые необходимо должны царствовать на водах между больными. Надо же, чтобы они вводили стеснение и роскошь! Правда, им не очень-то подражают и совсем не наряжаются идя в Салон, например, Пушкины, и я, и многие другие, но что невозможно никак изменить, это, что собираются поздно, в 9 часов. Это больные-то и в Ревеле! Тогда как в предшествующие годы приходили, говорят, в 7 часов. Вчера, например, мы вер-

нулись в 2 часа по-полуночи, потому что котильон тянулся целую вечность. — Хорошо лечение! И это еще не было бы чем-то неподходящим, правда, если бы эти балы были достаточно занимательны. Есть над чем посмеяться: у нас есть нецененные танцоры, — я не могу тебе их описать, — их нужно видеть и держаться за бока...»¹

Получив затем письмо от подруги, С. М. писала ей:

«Я в восторге от того, что «Цыганы» тебе нравятся, ты должна в настоящее время иметь собственный свой экземпляр, если особа, которой я поручила отослать его тебе, была исправна. Пушкин только что прислал моему мужу отрывок из 4-ой песни «Онегина» для «Северных Цветов» ближайшего года, но я хочу, чтобы ты прочла его раньше всех. Скажи мне, как ты его находишь? Не правда-ли, что это очаровательно? И не узнаешь-ли ты в нем, то, что мы столько раз видали, и над чем вместе смеялись?..»

«Наши балы продолжают по два раза в неделю и начинают забавлять меня. 9 июля мы, то-есть, все Русские, находящиеся здесь, дали прекрасный бал, каждый внес на него деньги — граф Кочубей в особенности, и князя Репнины дали много. Зала была освещена и украшена цветами очаровательным образом, ужин был восхитительный и очаровательный фейерверк; было много народу и самое избранное общество. Я танцевала, как сумасшедшая, до 4-х часов утра и очень веселилась. Вот как я веду себя, как я ни дика.»²

Еще месяц спустя она пишет:

«Я теперь совершенно поправилась, освободилась от всех лекарств, которыми меня пичкали так долго. Я подумываю об отъезде, который я хотела бы от всей души назначить хоть на завтра, несмотря на всё удоволь-

¹ Из письма от 1 июля 1827 г.

² Из письма от 17 июля 1827 г.

ствие, которое доставило мне пребывание в Ревеле. Все уезжают, мы день ото дня делаемся более одинокими... Мы уезжаем положительно 23 числа этого месяца... Наконец, мой портрет готов, также как и моего мужа, я вышлю тебе их оба из Петербурга. Мне сделали лицо немного широкое, также как и нос; ты знаешь, что он у меня немножко широковат; поэтому, если его уширить хоть совсем чуть-чуть, хоть на волосок, он становится уже бесформенным... Портрет моего мужа поразительно похож». ¹

Вернувшись в Петербург, С. М. Дельвиг не скоро собралась написать Карелиной: с Дельвигом произошло несчастье и приковало его к постели, сделав из жены сиделку, обязанную ухаживать за больным.

«Мой муж напугал меня так, что я едва теперь пришла в себя: он упал с дровяк и вывихнул себе руку; теперь ему гораздо лучше, но она еще на перевязи и говорят, что он сможет пользоваться ею не раньше, как через несколько недель; два раза ему пускали кровь, потому что ему грозило воспаление. Как только он будет в состоянии выходить, он займется твоею грамматикою Греча, а портреты пошлет на днях по тяжелой почте. К довершению несчастья надобно было, чтобы это была правая рука; мне придется быть, как и сейчас, его секретарем, я перевязываю ему руку, мою его и проч.» ²

Друзья Дельвига навещали его во время болезни, — навещал его и Пушкин, что видно из современной записи И. А. Второва, родом оренбуржца, приехавшего в Петербург в конце сентября 1827 г. На запрос А. Н. Карелиной, познакомилась ли Софья Михайловна со Второвым, она писала 8 декабря 1827 г.:

---

¹ Из письма от 16 августа 1827 г. из Ревеля; далее — письмо лишь от 1 октября из Петербурга.

² Из письма от 1 октября 1827 г., — приписка от 13 октября.

«Г-н Второв был у нас только два раза, потому что он был очень болен. Мой муж ходил к нему повидать его. Кажется, что он человек весьма почтенный. Я много его расспрашивала о тебе». В дневнике своем Второв тоже отметил, что Дельвиг не раз навещал его и что давней мечте его познакомиться лично с Пушкиным суждено было осуществиться именно в доме Дельвига. С Пушкиным хотел познакомить общий их знакомый А. Н. Остафьев, но почему-то это знакомство через Остафьева не состоялось. Познакомился наш герой», — пишет биограф Второва, М. Ф. де-Пуле — «с великим поэтом чрез барона Дельвига, у которого встретил его 26 ноября 1827 г. Вот что записано у Второва по поводу этого первого свидания: «Я пошел во 2-м часу к барону Дельвигу. У него застал Ф. В. Булгарина и Александра Сергеевича Пушкина. В беседе с ним я просидел до 3 часов. Последнего я желал давно видеть — и увидел маленькую белоглазую штучку, более мальчика и ветреного шалуна, чем мужа. Но его шутки, рассказы, критика, — совершенно пиитические; мне не понравилось только, что он считает «дрянью» Гнедичеву идиллию Рыбаки». Дальнейшего сближения не было, но они встретились, хотя и не в Петербурге. Мать поэта, Надежду Осиповну, и одну из сестер [?] его Иван Алексеевич прежде видел у Дельвига». ¹

«Большое спасибо за знакомство с Жемчужниковым и тысяча извинений за то, что я так долго оставляла тебя в неизвестности о себе», писала С. М. Дельвиг из Харькова 9 февраля 1828 г. «Занятая приготовлениями к довольно продолжительному путешествию [в Харьков], — я была тем более им поглощена, что готовилась к тому, чтобы покинуть Петербург, не более, чем к тому, чтобы видеть

¹ «Русский Вестник» 1875 г., № 8, стр. 596 — 597.

приход конца мира. Это устроилось неожиданно,¹ вследствие чего я не знала, с чего начать, будучи вынуждена спешить с устройством множества дел, которые должны были быть закончены мной самою, — запаковывать вещи, искать жильцов для нашей квартиры, которую мы оставили за собою до нашего возвращения, — потому что я не думаю, чтобы мы остались в Харькове более 3 или 4 месяцев. Это по одному казенному делу, что мой муж сюда послан — *сделать какое-то следствие*. Мы были в пути 15 дней, считая 5 дней, проведенных в Москве у моих отца и брата, где я познакомилась с моей невесткой и моим племянником, 9-месячным, очень хорошеньким и толстеньким мальчиком. Я здесь со вчерашнего дня, т. е. с 8 февраля. У нас была ужаснейшая дорога и морозы в 25 градусов, и я еще совершенно усталая и пишу тебе для того, чтобы отдохнуть, потому что почта отсюда уходит только раз в неделю, и я должна ждать еще три дня, чтобы отослать письмо. *Всё еще у нас в беспорядке. Мы остановились в трактире, покуда не отвели нам казенной квартиры. Города я еще совсем не знаю. Я здесь как в лесу, знакомых нет ни души, а заводить новое знакомство еще неприятнее; меня утешает по крайней мере мысль, что я встречу весну в прекрасном климате — в тени Украинских черешень, как говорит Пушкин.² — Посылаю тебе «Северные Цветы» с портретом Пушкина и тысячу нежностей вам обоим, милым и добрым друзьям нашим, от нас обоих, истинно любящих вас...»

«Вот тебе наш милый добрый Пушкин, полюби его!»*

---

¹ А. Н. Вульф в дневнике своем пишет, что в поездку эту Дельвиг собрался из ревности, — заметив ее отношения к Вульфу и к другим ухаживателям («Пушкин и его современники», вып. XXI—XXII, стр. 41 — 43.

² Стих из «Полтавы», повторенный в стих.: «Когда помилует нас Бог...»

Рекомендую тебе его. Его портрет поразительно похож, — как будто ты видишь его самого. *Как бы ты его полюбила, Саша, ежели бы видела его как я, всякий день. * Это человек, который выигрывает, когда его узнаешь. Как находишь ты «Нулина?» Надеюсь, что ты не ложностыдлива [grude], как многие мои знакомые, которые не решаются сказать, что они его читали. Мысли в прозе — Пушкина, и пьеса под заглавием «Череп», под которой он не пожелал поставить свое имя, — также его. Это послание, которое он написал к моему мужу, при посылке ему черепа одного из его предков, которых у него множество в Риге; вся эта история — правдоподобна.¹

«Бог знает, когда я покину Харьков», пишет затем она (1 марта). «Дело, по которому мой муж был послан сюда, запутано, и никто не может сказать мне, когда приблизительно можно надеяться на его окончание. Мой Антоша очень занят, и это еще прибавляет мне тоски, так как я вынуждена быть одна большую часть времени, — что, однако; все-таки лучше, чем быть окруженной новыми физиономиями, которые, как бы любезны они ни были, не могут иметь ничего общего со мною ни по интересам, ни по знакомствам; ни по связям. Я привезла с собою книг, как ты можешь догадаться, так как иначе я с ума бы сошла со скуки; у меня есть фортепьяно и кое-какие ноты. Самые приятные для меня минуты, — когда я читаю; у меня все сочинения Шекспира. Что за наслаждение, дорогой друг! Я хотела бы от всего сердца, чтобы ты их прочла...»

«Я надеюсь вскоре доставить тебе наслаждение присылкою 4 и 5 песен «Онегина», которые только что появились; если мне приходится отложить эту посылку, то это всё по вине наших корреспондентов, а в особенности

---

¹ Из письма от 9 февраля, 1828 г.

Пушкина, который прекрасно мог бы немножко поторопиться доставить нам книгу. Он читал мне эти две песни, так же, как и следующие, до того, что они были напечатаны. Если он не сделал неудачных перемен после того, то я могу сказать, что это, конечно, самые прелестные, — по крайней мере они мне нравятся больше, чем предыдущие; но 6, 7 и 8-я, по моему мнению, еще лучше. Может быть мне придется еще долго ждать возможности полакомить тебя этими двумя песнями, которые только что вышли, — поэтому, в ожидании сего, я тебе перепишу маленький отрывок 4-й песни, который я знаю наизусть и который, конечно, доставит тебе удовольствие. Вот он:

Конечно, вы не разъ видали
 Уѣздной барышни альбомъ;
 Что всѣ подружки изписали
 Съ конца, съ начала и кругомъ.
 Туда, назло правописанью,
 Стихи безъ мѣры, по преданью
 Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
 Уменьшены, продолжены.
 На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
 Qu'écoutez-vous sur ces tablettes —
 И подпись: Toute à vous Annette;
 А на послѣднемъ прочитаешь:
 Кто любить болѣе тебя, —
 Пусть пишетъ далѣе меня.
 Тамъ непременно вы найдете
 Два сердца, факель и цвѣтки
 И клятву вѣрно ужъ прочтете
 Въ любви до гробовой доски.
 Какой-нибудь *пѣтъ* армейскій
 Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйскій.
 Въ такой альбомъ, мои друзья,
 Признаться, радъ писать и я,
 Увѣренъ будучи душою,
 Что всякій мой усердный вздоръ
 Заслужитъ благослонный взоръ
 И что потомъ съ улыбкой злою

Не станут важно разбирать,
 Остро или нѣтъ я могъ соврать.
 Но вы, разрозненные томы
 Изъ библіотеки чертей,
 Великолѣпные альбомы,
 Мученье модныхъ рифмачей.
 Вы, украшенные проворно
 Толстова кистью животворной
 Иль Боратынскаго перомъ, —
 Пускай сожжетъ васъ Божій громъ.
 Когда блистательная дама
 Мнѣ свой *in-quarto* подаетъ, —
 И дрожь, и злость меня беретъ
 И шевелится эпиграмма
 Во глубинѣ моей души, —
 А мадригалы имъ пиши! ¹

У меня остается места лишь, чтобы сказать тебе «прости»! Оставляю тебя, поэтому, мысленно обнимая вас обоих; муж мой говорит вам тысячу нежностей. Софи». ²

Отчаянно скучая в чужом ей Харькове, Софья Михайловна утешала себя: ...«Будем надеяться: надежда дает нам силы переносить многое; напр., я не знаю, что сделалось бы со мною, если бы мне не давали надежды, что я покину Харьков в конце апреля. Какое удовольствие это для меня будет, — тем более, что, проезжая через Тульскую губернию, мы отправимся на свидание с родными моего дорого Антоши, которые там живут в их имении, и останемся там в течение месяца, быть может. Я не дождусь минуты, когда окажусь среди этого семейства. Мой муж, лучший из мужей, поручает мне сказать вам обоим всё, что я только могу представить себе самого приятного и самого нежного. Представьте это сами себе,

¹ Это — строфы XXVIII — XXX 4-й песни «Евгения Онегина»; от печатного текста сообщенный С. М. Дельвигом отличается несколькими, но незначительными разночтениями.

² Из письма из Харькова от 1 марта 1828 г.

и наверно вы не перейдете границ истины. Что за Ангел этот человек! С каждым днем я его люблю и ценю всё больше и больше... Мне очень грустно: *Батинька* мой едет в гости за 30 верст и не воротится прежде ночи. Это первый раз, что я расстаюсь с ним на целый день за $2\frac{1}{2}$ года». ¹

«Когда ты получишь это письмо», пишет она 14 апреля, «мы, вероятно, будем подготавливаться к отъезду; это только предположение, так как я хорошенько не знаю, может-ли следствие окончиться к концу апреля, как меня обнадежили; но во всяком случае адресуй свои письма Тульской губернии в Чернь, т. е. к моему свекру и свекрови, которых мы поедем повидать, проезжая через Тульскую губернию... *Барон мой целует твои ручки и мужу твоему кланяется, а я обнимаю вас обоих крепко и нежно, сколько люблю. Извини меня, Саша, что я до сих пор не посылаю тебе 4-й и 5-й главы «Онегина», — злодей Пушкин совсем забыл нас и против своего обыкновения не спешит прислать нам оные*».

«Несмотря на хорошее общество в Харькове и любезность всех дам, о которых я говорила, я не дождусь, когда их покину, потому что — я устала от сплетен, которые постоянно слышу. Они всегда бывают в небольших городах (ты о последних сама нечто знаешь), но я бьюсь об заклад, что нигде не занимают ими так, как здесь. У Харьковцев совершенно особенная склонность к вмешательству в дела, которые их не касаются, и к тому, чтобы делаться цензорами поведения лиц, которые должны бы были быть совершенно для них безразличны. Что за бесконечные дразги! Даже я, находясь здесь лишь на мгновение, также не могла избежать их! Это меня нисколько не огорчает, так как я не очень-то забочусь о мнении, которое могут иметь обо мне лица, мною не ува-

---

¹ Из письма от 9 марта 1828 г. из Харькова.

жаемые (чтобы не сказать больше), но это наскучивает мне до чрезвычайности... * Дядя Тотон¹ намеревается сам приписать к моему письму несколько слов, только не ручаюсь, что успеет:² он занят. Мы ездили на четыре дня за 70 верст отсюда в одну деревню, где ему надобно было быть по делам службы; вчера вечером только приехали. Почта завтра отходит, а ему много писем отправлять... Скажи мне, понравились ли тебе «Северные Цветы» и что более всего понравилось? Мы написали в Петербург о доставлении тебе «Онегина», и я надеюсь, что ты получишь его в непродолжительном времени*».³

«Я была больна и лежала в постели и теперь едва встала. Ты помнишь, что мы с мужем сделали небольшую поездку, — так это она принесла мне вред, так как мы совершили это маленькое путешествие по ужаснейшей погоде и оба простудились; мой муж также был болен, а я едва не получила горячку; я счастливо избегла ее благодаря заботам одного очень хорошего врача, которого нам здесь рекомендовали... Я вовсе не создана для Харьковского образа жизни в течение трех месяцев, что я прожила здесь и которые показались мне безмерно длинными. Мне хочется быть подальше от всяких сплетен, которые я слышу каждый день; к тому же я не могу дожидаться, когда буду в кругу семьи моего мужа. Только о двух вездешних особах буду я сожалеть искренно — это о мадам Щербининой, которая поистине очаровательна и которую невозможно не любить, и другая — таких же качеств... Многие мои Петербургские знакомые советовали мне не следовать за мужем в Харьков, говоря, что отсутствие его продолжится *только три месяца* и что

¹ Так называла барона Дельвига маленькая крестница Софьи Михайловны — Соня Карелина.

² Приписки нет.

³ Из письма от 21 апреля 1828 г. из Харькова.

я могу избавить себя от поездки за ним на *столь короткое время*. Три месяца кажутся мне теперь годом, даже когда я нахожусь вместе с мужем, — что же было бы, если бы я осталась без него!..»

«Ты ошибаешься, думая, что мне захочется побить тебя за твое суждение о Пушкине: я вовсе не так пристрастна, как ты воображаешь, а если бы так было, то это значило бы, что я нетерпима! Я согласна, что в последних песнях «Онегина» есть слабые места, но в них и столько красот, которые их окупают. Одно, чего я не понимаю, это то, что ты не заметила Сна Татьяны. Разве ты не находишь, что он изумителен? По моему, это совершенство. О чем хочешь ты сказать, говоря, что там есть слова, поставленные только для рифмы, что недостойно Пушкина. Я боюсь, что ты имеешь в виду это место:

Читатель ждет уж рифмы: ровы, и т. д.

потому что я нахожу это очаровательным. * Я сама заметила много *пустословия* и никогда не заступаюсь за Пушкина, когда не надобно за него заступаться; только *эту его слабость* нахожу прелестной.* Я всё читаю Шекспира и всё больше и больше ему изумляюсь». ¹

«Ты не можешь себе представить, мой ангел, до чего мне наскучило мое здешнее пребывание и сплетни, которые я осуждена слушать», пишет Софья Михайловна 19 мая: «*Знаешь-ли что? И меня хотели запутать в какую-то глупую историю, хотя я никого не трогаю и ни про кого не говорю ничего.* Это заставило меня провести несколько неприятных минут, потому что я ненавижу сплетни и всегда старалась вести себя так, чтобы не давать к ним повода. * Вот что меня здесь развлекает и утешает. Погода уже несколько дней прелестная; мы с *Батинькой* ездим

¹ Из письма от 4 мая 1828 г. из Харькова.

по вечерам за город гулять, любимы прекрасными местами и слушаем соловьев, которых здесь ужасное множество. Ты не можешь себе представить, какое это для меня наслаждение: я готова целую ночь их слушать!.. Получила-ли ты наконец «Онегина»? Ежели нет, то я не знаю, что подумать о наших Петербургских комиссионерах. Мой муж, пользуясь отсутствием твоего, поручил мне наговорить тебе побольше нежностей*».

«Я писала тебе 10 дней тому назад, извещая, что я покидаю Харьков», читаем в следующем письме, «и действительно, наше путешествие было уже, к моему великому удовольствию, назначено на следующий день, когда эти господа (в том числе и мой муж) получили бумагу из Петербурга, в которой им предписывалось остаться здесь еще по новому делу, которое им поручалось: *опять какое-то следствие*. Суди о моем отчаянии: я уже распрощалась со всеми и совсем приготовилась к отъезду. Я разорвала мое письмо к тебе, так как оно уже не годилось... К счастью дело это не может протянуться, как говорят, более двух недель или даже меньше; вот уже десять дней прошло с получения фатального известия, — и так я надеюсь, что смогу тронуться отсюда через 4 или 5 дней; они почти закончили дело, муж мой работает со всем усердием и как только может, другие действуют так же, ибо и они так же досаждают на то, что должны продлить свое пребывание здесь после того, что приготовились к отъезду. Я очень огорчена, что обманула ожидания моих свекра и свекрови, которые с нетерпением ожидают свидания с нами. К тому же для нас важно не слишком запаздывать приездом в Петербург, где у нас есть денежные и другие довольно срочные дела... Посылаю тебе, мой ангел, эпиграмму моего мужа на Харьковские сплетни; он просит тебя сказать о ней твое мнение. Надо тебе сказать, чтобы ты ее лучше поняла, что *Харьков* и *Лопань* — суть

имена двух рек, самых грязных и самых вонючих, какие только есть на свете. Что касается прекрасного здешнего климата, о котором я слышала столько хвастовства, — то я не могу ничего другого сказать о нем, как: *красны бубны за горами*. По крайней мере он не пожелал дать нам удивляться себе; может быть, что это такой год выдался. Что бы там ни было, я покидаю Харьков с удовольствием, и считала бы себя самой несчастною женщиной на свете, если бы была осуждена провести здесь свою жизнь. *То-ли дело в Оренбурге! Сейчас полетела-бы туда!*»¹

Из приписки от 10 июня видно, что Дельвиги должны были выехать 12 июня. Наконец, они покинули Харьков и направились в Чернский уезд, в деревню родителей Дельвига. Приводим письмо Софьи Михайловны (от 1 июля) с рассказом об этой поездке.

«Я надеялась быть здесь (т. е. в деревне моего свекра) гораздо раньше, чем это случилось, мой ангел; случилось, что различные обстоятельства помешали тому, чтобы эта надежда осуществилась. Итак, я нахожусь здесь, у моих родных, лишь с 20 июня, т. е. в течение 10 дней; а так как мы находимся в 20 верстах от почтовой конторы и наши сношения с городом не часты, — я надеюсь, что ты не посердишься на меня за то, что я только сегодня отвечаю на два твои любезных письма, из которых одно (от 16 мая) ожидало меня здесь... Надо тебе сказать (ибо я уверена, что ты узнаешь это с удовольствием), что всё семейство моего мужа приняло меня великолепно. В моей свекрови нашла я особу доброты, мягкости и любезности поистине редких. Мой свекор также человек превосходный; оба выказывают мне чувства привязанности самой трогательной, — равно как и пять моих

---

¹ Из письма от 6 июня 1828 г. из Харькова. Эпиграмма Дельвига к письму не приложена и нам неизвестна.

золовок, из которых две замужние и имеют прекрасных мужей, тетушки, дядя и т. д. У меня есть еще два маленьких шурина, из коих старшему 9 лет. Представь себе, дорогой друг, что нас садится за стол каждый день 18 человек (замужние сестры тоже приехали сюда, чтобы повидать нас), — и всё это близкие родные, — ни одного кузена или кузины. Что удивительно и очень не часто встречается, — это то, что это большое семейство так тесно связано, что ты не можешь себе представить: можно сказать, что это один человек. Наше счастье отравляется болезнью моего свекра и горестию, которую она причиняет моей свекрови, слишком чувствительной и слишком быстро впадающей в тревогу, — это вполне естественно, так как она любит моего свекра до обожания и как будто в первый год женитьбы, хотя она замужем уже 30 лет. У него желчная лихорадка уже 6 недель, т. е. лихорадка-то прошла, но большая слабость, которая всегда следует за столь продолжительной болезнью, показывает, что его состояние внушает больше опасений, чем уверяет доктор и чем есть в действительности. — Я наслаждаюсь деревенскими удовольствиями столько, сколько могу: много гуляю, обошла лес и рощи, окружающие дом... Мы предполагаем остаться здесь до 10 июля, — поэтому не пиши мне больше сюда после получения этого письма, т. е. начинай адресовать твои письма в Петербург, но я должна предупредить тебя, что наш дом продан, и вот наш новый адрес: *На Владимирской, в доме жены купца Алферовского*. Мы остановимся, может быть, на две недели в Москве... Я в восторге, что твои волнения о муже успокоены его возвращением и что его путешествие доставило ему столько новых радостей, столько насекомых и мелких зверьков, которые составляют мое несчастье: я боюсь всего этого, как и ты, и если бы я была женою естествоиспытателя, столь ревностного, как твой Гриша,

который бы требовал, чтобы я разделяла его восторги и чтобы я трогала все эти ужасы, — я думаю, что у нас не было бы согласия в семейной жизни, потому что я в этом случае не отважилась бы исполнить его желания. Мой муж целует тебе ручки; не знаю, будет-ли он сегодня писать твоему Грише: у него толстая пачка писем, на которые ему нужно отвечать, а это плохо устраивается с его леностью...»

Пребывание у свекра неожиданно омрачилось: старик Дельвиг умер 8 июля, — о чем поэт извещал Пушкина коротенькою запискою, кончавшеюся словами: «Жена моя целует тебя в гениальный лоб».¹

Вот что писала Софья Михайловна подруге своей 16 июля:

«Я предпочитала бы, мой дорогой друг, не иметь никакого извинения в своем молчании, чем иметь такое грустное, такое ужасное извинение, какое у меня есть для тебя: мы имели несчастье потерять моего свекра, и я едва в состоянии оправиться от чувства болезненного страха, который произвело на меня и на всю нашу семью это ужасное событие. Сегодня исполнилось 8 дней, что он скончался! Отчаянное состояние моей свекрови было бы трудно описать тебе, равно как и состояние моих золовок, весьма привязанных к своим родителям самую нежную и самую трогательную любовь. Я имела случай видеть сыновнюю любовь моего Антоши. Мое сердце разрывалось при виде горести, которую он не мог не обнаружить при этом несмотря на все старания быть твердым, с тем, чтобы поддержать добрую Матушку, этого ангела терпения, мягкости и всех добродетелей, из которых состоит добрая христианка. Ее спокойствие, достоинство, которое она умела сохранить в несчастье, делают ее еще

---

¹ Переписка Пушкина, Акад. изд., т. II, стр. 69.

более трогательной и достойной большего уважения! Не могу выразить тебе, какая скорбь царит в нашем доме. Что касается меня, то и мне невозможно не сожалеть об этой утрате так-же, как сожалеет всё наше семейство, в особенности когда я подумаю о привязанности, о совершенно особенной нежности, которую показывал ко мне мой бедный свекор! Он говорил, что он умирает довольный, так как он повидал меня и убедился в том, что я могу составить счастье Антоши. Он благословил всех нас и поцеловал за три дня до смерти, меня же призывал беспрестанно и расточал мне знаки своей доброты. В последний день, когда он был уже очень слаб, чтобы говорить, он улыбался при виде, что я подхожу к его постели, и протягивал мне руку! Мой Антоша давал мне много поводов за него беспокоиться. Представь себе, что на целые четверть часа он лишился употребления языка, и так как его сложение таково, что я имела полное основание бояться апоплексического удара, я не замедлила послать за врачами, которые и предписали пустить ему кровь. Это его спасло; по счастью он мог потом плакать и плакал много, особенно при погребении.¹ Я не знаю, сколько именно времени мы останемся еще здесь; но что верно, это то, что мы не выедем ранее августа месяца...»²

И действительно, следующее письмо, от 14 августа, писано было еще из чернской деревни Дельвига. Как занят он был делами семьи и сколько забот свалилось на него, видно из двух дошедших до нас писем его от 13 июля; в первом, к Н. А. Полевому, он просил об одол-

---

¹ В Тульском Некрополе В. И. Чернопятава (Двор. сословие Тульской губернии, т. VII — XVI, М. 1912, стр. 49) сказано, что генерал-майор барон Антон Антонович Дельвиг погребен в селе Белине, Чернского уезда, и что он умер 18 (вместо 81) июля 1828 г., имея от роду 56 лет.

² Из письма от 16 июля 1828 г.

жении ему 1,000 рублей,¹ а во втором, к В. Д. Корнильеву, просил последнего хлопотать перед Полевым об этой тысяче рублей. Приводим письмо это, еще неизданное и сохранившееся в Пушкинском Доме.

Тульской губерніи городъ Чернь.
1828 года 13-го Іюля.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Василій Дмитріевичъ. Давно уже думали мы васъ увидѣть, но Царская служба меня удерживала. Наконецъ нещастіе заставляеть меня еще нѣсколько промедлить. Я лишился отца рѣдкаго, котораго никогда не перестану оплакивать. Зная, что кромѣ Баратынскаго и васъ никто болѣе не приметъ во мнѣ участія въ столицѣ вашей, я рѣшился повѣрить вашей душѣ и мое горе и мою нужду. Сдѣлайте милость хлопочите обо мнѣ у Полеваго. Не можетъ ли онъ мнѣ дать на одинъ только мѣсяць т. е. до моего приѣзда въ Москву 1,000 рублей, безъ коихъ я долженъ буду остаться въ деревнѣ, какъ ракъ на мели. Если же онъ совершенно откажется, то не найдете ли вы другаго средства помочь вашему Дельвигу. — Жена моя приказала мнѣ кланяться вамъ обоимъ отъ нее, я цѣлую ручки у вашей милой Надеждѣ Осиповнѣ. Голова моя расстроена и ваше письмо двѣнадцатое изъ числа приготовленных мною для почты. Адресъ ко мнѣ назначенъ сверхъ письма. Будьте же здоровы, счастливы, не теряйте милаго и любите старыхъ друзей вашихъ, въ коихъ надѣется быть и

*вашъ Дельвигъ.*²

¹ Письмо это опубликовано В. П. Гаевским в его статье о Дельвиге в «Современнике» 1854 г., № 9, отд. III, стр. 23.

² Корнильев был знаком с Пушкиным, Боратынским, Погодиным. О нем см. в «Моихъ воспоминаніяхъ» барона А. И. Дельвига, т. I, стр. 140 — 141.

В упомянутом письме Софьи Михайловны от 14 августа 1828 г. мы читаем следующее:

...«Мой муж весьма дружески приветствует вас обоих; он до чрезвычайности занят делами Матушки, которые не дают ему ни досуга, ни настроения, чтобы писать письма; поэтому он уже довольно давно не делает этого. Мой покойный свекор оставил Матушке долги, а состояние и дела до крайности расстроены; и Матушка, которая ничего в этом не понимает, вдруг очутилась окруженною затруднениями забот совсем для нее нового рода; денег нет совсем, а постоянно подходят *сроки*, в которые нужно платить и которые не терпят отлагательства; вдобавок к казенным долгам, мой муж сделал 500 верст, чтобы найти деньги; он их, наконец, нашел с большим трудом и меньше, чем было нужно; но по крайней мере можно удовлетворить наиболее срочных кредиторов. Моя бедная матушка очень убита, не говоря уже о том, как заставляет ее страдать ее потеря; это горе ее положительно грызет. И что за беспорядок в доме! Вся прислуга пользуется состоянием, в котором находится Матушка, распускается и предается всем тем бесчинствам, которые сдерживались в них строгостью моего свекра; он был любим, потому что был добр, но он был справедлив и его боялись. Мой муж должен был оставить мягкость своего характера и пригрозить всей этой сволочи: иначе довели бы до крайности терпение бедной Матушки, и без того совершенно измученной тяжестью своих горестей... Я почти уверена, что в начале сентября я буду уже у своего очага в Петербурге...»

Вернувшись в Петербург 7 октября 1828 г.,¹ С. М. Дельвиг очень не скоро собралась написать подруге. Наконец 10 января 1829 г. она писала, сообщая Каре-

¹ «Пушкин и его современники», вып. XXI — XXII, стр. 14 и 217.

линой о новой своей дружеской связи — с Анной Петровной Керн, — некогда воспетой Пушкиным. Знакомство с этою дамою, не отличавшеюся большою строгостью нравов,¹ оказало на Софью Михайловну большое влияние и, повидимому, содействовало тому, что в семью Дельвига внесен был элемент бесшабашного флирта, не всегда невинного.² Впоследствии Керн написала свои воспоминания о Дельвиге, в которых с восторгом отзывается о нем: «Дельвиг, могу утвердительно сказать, был всегда умен! И как он был любезен! Я не встречала человека любезнее и приветливее его. Он так мило шутил, так остроумно, сохраняя серьезную физиономию, смешил, что нельзя не признать в нем истинный великолепный юмор. Гостеприимный, великодушный, изысканный, он жил счастливее всех его окружающих... Название поэтического существа вполне может соответствовать ему, как благороднейшему из людей» и т. д.³ Тем не менее, она не только не способствовала ограждению этого «лучшего из мужей», от семейных огорчений, но ввела в его дом своего кузена Вульфа, донжуанские наклонности которого были ей хорошо известны и который не замедлил начать ухаживать за Софьей Михайловной.⁴ Вот что по-

---

¹ О ней см. нашу книжку «Анна Петровна Керн, по материалам Пушкинского Дома», изд. Сабашниковых, М. 1924.

² Об этом см. у бар. А. И. Дельвига, «Мои воспоминания», т. I, стр. 74 — 75.

³ См. Воспоминания А. П. Керн: «Дельвиг и Пушкин» — «Пушкин и его современники», вып. V, 1907; в них много ценных данных для характеристики Дельвига-человека.

⁴ См. в нашей книжке «Роман декабриста Каховского». Лгр. 1926, стр. 111 — 112. Знакомство С. М. Дельвиг с Керн и затем — с А. Н. Вульфом началось еще в 1827 году (см. выше, стр. 216). По приезде ее из деревни оно возобновилось с новой силой. В дневнике ухаживавшего за С. М. Дельвиг А. Н. Вульфа читаем под 18 октября 1828 г., как к Дельвигу, в его отсутствие, когда Вульф

следняя писала в упомянутом письме от 10 января 1829 г.:

...«Муж мой целует твои ручки и посылает «Северный Цветы» и новую повесть Баратынского... Что тебе сказать о моем житье-бытье? Плетнева вижу не очень часто; он занят уроками великих княжен, у которых обязан быть почти всякий день. Якимовских вижу иногда; у них сын 11-ти месяцев, Николай, очень похож на Ф. Ф. — Саша весела и счастлива, дела их идут хорошо. Я выезжаю мало, но приглашаю иногда к себе, — всё почти литераторов или музыкантов; ежели тебя это интересует, я когда-нибудь расскажу тебе, кого именно, чтобы ты знала, что я делаю, с кем бываю и т. д. Из дам вижу более всех Анну Петровну Керн; муж ее Генерал-Майор, комендант в Смоленске; она несчастлива, он дурной человек и они вместе не живут около трех лет. * Это добрая, милая и любезная женщина 28 лет; она живет в том же самом доме, что и мы, — почему мы видимся всякий день; она подружилась с нами и принимает живое участие во всем, что нас касается, — а следовательно и в моих друзьях, т. е., в частности в тебе, особенно после того, что я дала ей некоторые твои письма; она в восторге от тебя и любит тебя, хотя с тобою и незнакома. В настоящую минуту я пишу в ее комнате, и она просит меня сказать тебе тысячу любезностей, * а именно, что она тебя нежно целует; я хочу, и она тоже хочет, чтобы вы познакомились * (заочно посредством меня); полюби ее, * и тогда я в моих письмах

и Софья Михайловна были наедине, «вдруг явился Пушкин. Я почти был рад такому помешательству. Он пошутил, поправил несколько стихов, которые он отдает в «Северные Цветы», и уехал. Мы начали говорить об нем; она уверяла, что его только издали любит, а не вблизи; я удивлялся и защищал его; наконец она, приняв одно общее мнение его о женщинах за упрек ей, заплакала, говоря, что это ей тем больше, что она его заслуживает» («Пушкин и его современники», вып. XXI — XXII, стр. 16 — 17).

поговорю подробно о ней и ее положении, если ты мне это позволишь. Скажи ей также что-нибудь ласковое в ответ на то, что она поручает мне сказать тебе, а я ей это покажу...

Приписка. Аннет Керн не довольна тем, что я сказала тебе от ее имени, она утверждает, что я не достаточно хорошо объяснила тебе то, что она чувствует к тебе: она хочет чего-нибудь еще более нежного. *Она говорит, что она никого еще не любила *заочно* так, как тебя. Видишь ли, как она с тобой *заочно* кокетничает*...»

В следующих письмах снова встречаем имя Керн и даже ее приписку.

«Я пошлю тебе иголки, которые ты просишь, завтра или послезавтра с «Северными Цветами», которые мой муж для тебя приготовил. Я была больна весь этот месяц, как и предыдущий, а в общем я в продолжении всей зимы чувствовала себя не хорошо, особенно же в последнее время: я страдала спазмами в груди, головными болями и сердцебиениями почти до обморока; этот последний недуг особенно невыносим; поэтому я решила следовать предписаниям моего врача, который назначил мне пустить кровь; это меня очень облегчило; тем не менее я еще должна жаловаться на свое здоровье. Мне советуют путешествовать, часто перемещать место, я же не люблю такую жизнь; но чего не сделаешь для здоровья! Летом, я думаю, мы поедем на некоторое время в Москву; отец мой будет там и назначил нам там свидание. Мой муж равным образом не чувствует себя хорошо; он поручает мне сказать тебе тысячу вещей и целует тебе ручки... Аннет Керн наказала мне поговорить с тобою о ней, познакомить тебя с нею и на этот раз сказать тебе еще больше нежностей от ее имени, чем я сказала в предыдущем моем письме. Мы часто говорим о тебе, — я рассказываю ей о наших былых шалостях, о нашей взаимной

дружбе, она очень всем этим интересуется и любит тебя по моим рассказам». ¹

...«* Ты, я думаю, получила «Северные Цветы» и иголки», пишет она через неделю: «Через несколько времени я пришлю тебе еще кой-чего почитать; жаль мне тебя, мой ангел, — библию читать хорошо и похвально, но беспрестанно и ничего более не читать — не слишком весело*. По поводу библии: я получила на этих днях длинное послание на немецком языке, которое меня изумило и доставило удовольствие в то же самое время: оно было от Черлицкого, который вдруг оказался в Москве (я ничего не знала о его отъезде): он поехал туда в то время, как я была в Харькове. *Пишет, что он принял Греческое исповедание, называет меня самыми святыми именами: *meine werthgeschätzte Freundinn im Herrn* и проч., и говорит, что не может забыть наших разговоров... Ты спрашиваешь об Саше Якимовской, ² — ~~мы~~ ее довольно редко видим, потому что она живет от нас ужасно далеко; однако-ж я могу сказать тебе, что сыпь ее почти в прежнем положении, а сын ее чист; она иногда бывает чиста, а иногда вся покрывается сыпью, как прежде. Собирается лечиться у одного медика, который делает чудеса, т. е. вылечивает очень скоро от самой жестокой золотухи (естественными средствами, однако-же). У Анны Петровны [Керн] дочка с помощью его совсем выздоровела, а была тоже вся покрыта золотухой. Эту дочку зовут Ольгой, ей 2 года с половиной.* (Ты спрашивала у меня подробностей об Аннет, — вот они). Вот уже три года, как она оставила своего мужа; он — отвратительный человек, от коего она много выстрадала; он теперь комендант в Смоленске; несколько дней тому назад прошел слух,

¹ Из письма от 11 февраля 1829 г. из Петербурга.

² Александра Дмитриевна Якимовская умерла 7 марта 1891 г., на 86-м году.

что он умер, к сожалению, ложный. Аннет замужем 12 лет, из которых с мужем провела лишь 4 года; *она два раза сходилась, но теперь кажется уж навсегда рассталась*. Она рожденная Полторацкая; ее отец и мать живут в Малороссии, где у них имение, а она живет здесь из-за своей старшей дочери, девочки 11 лет, которая в монастыре. Она должна была поместить ее туда, чтобы спасти ее от плохих забот ее отца, который взял бы ее к себе при их разъезде. *Ты знаешь, что это так водится.* Это очаровательная женщина, повторяю это еще раз. То, что ты написала мне на ее счет, доставило ей невыразимое удовольствие и она пожелала непременно поблагодарить тебя за это сама. Посылаю тебе при сем строки, ею к тебе обращенные. *Что тебе сказать о Плетневе? Он совсем испортился: считается визитами, т. е. его дура жена, и он туда же дурачится... Муж целует твои ручки; он всё болен, *бедный, лихорадкой, — всю зиму хворает: то ревматизмом, то тем, то другим *...»

Приписка А. П. Керн: Не удивляйтесь, Милостивая Государыня, интересу, который вы сумели мне внушить и который я беру смелость Вам выразить лично, не смотря ни на что. Я имела случай прочитав некоторые из ваших писем, — я попросила Соню их мне показать, насколько это было возможно, — и поговорить со мною о Вас по-подробнее. Поэтому я Вас знаю так же хорошо, как хотела бы, чтобы Вы меня знали. Этого достаточно, чтобы Вы знали, что я питаю к Вам самую нежную дружбу. Не откажите мне в Вашей дружбе. А. Керн.»¹

В следующем письме находим рассказ о болезни Дельвига и его тестя, старика А. М. Салтыкова.

...«Мое здоровье улучшается заметно, здоровье моего мужа также доставляет мне гораздо меньше беспокойств:

---

¹ Из письма от 19 февраля (1829 г.). На обороте приписки А. П. Керн находится еще приписка А. Д. Якимовской.

с возвращением весны к нему начинают возвращаться силы — и время уже, так как он оправдывал пословицу: «болезнь входит пудами, а выходит» и т. д. Его внешность никогда не заставила бы меня бояться, что он человек слабого здоровья; но он доказал мне, что это вовсе не то, что доказывает его сильное сложение: в течение всей этой зимы он страдал, как женщина, полным расстройством нервов, и я, никогда не будучи сильной в этом отношении, не могу теперь больше жаловаться на себя... Что касается моего Отца, к несчастью, я получаю от него письма одно тревожнее другого; лишь сегодняшнее меня немного успокоило; 3 или 4 месяца он болен; по всему видно, что на него снова нашла его ипохондрия, но в более сильной степени; он жалуется также на перемену в нервной системе и говорит, что у него длительная лихорадка; здешние врачи, которым я показывала его письма, говорят, что это всё пустяки, но тем не менее он слаб, не спит, страдает, — а это очень огорчает меня. Он находится у моей Тетушки Пассек, откуда он не может выбраться по причине своей большой слабости, вызванной бессонницей, лишениями в пище... В мае месяце он думает ехать в Москву, чтобы хорошенько полечиться, и мы поедем туда, чтобы повидать его в начале или в течение июня месяца». ¹

...«Я уже говорила тебе», сообщает она 23 мая, «что мой отец болен; он чувствует, что видимо слабеет и хотел бы иметь нас около себя в Москве, куда он должен приехать в этом месяце, чтобы там устроиться, потому что он назначен там сенатором... Я надеюсь, что его здоровье восстановится, так как ему уже гораздо лучше; но это не мешает мне предпринимать шаги для исполнения его желания, ибо в его возрасте он не может часто

---

¹ Из письма от 26 апреля (1829 г.).

делать путешествия, чтобы видаться с нами; к тому же он совершенно одинок в Москве. Мой муж хлопочет перейти туда на службу и возможно, что к концу лета или осенью мы отправимся на наше новое местожительство. В настоящее время мы переселились в деревню — на Петербургской стороне совсем против Крестовского: это очень приятное место и подходящее для того, чтобы сделать лечение моего мужа более действительным, так как воздух там более свежий и более чистый, чем в городе, и там больше возможностей приятно гулять, — а это необходимо для моего мужа, который принимает травяной отвар и должен при этом много ходить. Я надеюсь, что здесь он окончательно поправится. Между тем не бойся за свои письма: ты знаешь, что Аннет Керн живет в том же доме, который мы занимали в городе: она получает все наши письма и пересылает их нам; да и дворник тоже получил приказание по этому предмету, так как возможно, что Аннет приедет жить к нам, нуждаясь в более свежем воздухе для своей маленькой. Во всяком случае пиши мне по адресу: В Книжный Магазин Ивана Васильевича Сленина, у Казанского моста, в доме Енгельгардта; он всегда будет пересылать нам наши письма, в каком бы месте мы ни находились. Как только я приеду в Москву, я сообщу тебе свой адрес... Мой муж передает тебе тысячу нежностей и поручает сказать тебе, что он сделает необходимые справки по делу, о котором ты ему говоришь, и даст тебе ответ, как только будет иметь его для тебя...»

Однако, переезд Дельвигов в Москву не состоялся.

...«Не знаю, писала ли я тебе, что я на даче», читаем в письме от 18 июня: «и что Анна Петровна также переехала ко мне на лето. Мне здесь очень хорошо... Я живу близко Нарышкиной дачи, а ты знаешь, что Аннет Елагина¹

---

¹ Анна Афиногеновна Орлова, р. Елагина (1808 — 1884).

вышла за Орлова, секретаря Нарышкина; поэтому она живет в этой деревне, в очень милом отдельном помещении, т. е. во флигеле. Ее муж не красив, но любезен, предупредителен и не лишен ума, хотя (что бывает довольно редко) в то же время очень добродушен. У них дочка полутора лет, по имени Аннет... Скажи, ради Бога, прислала ли я тебе *Бал*, повесть в стихах Баратынского? Не могу вспомнить, а хотелось бы знать для очищения совести...»

Осень застала Дельвигов еще на даче, откуда они не скоро перебрались в город.

...«Мы еще в деревне, и возможно, что мы отсюда поедem в Москву, так как, не имея квартиры в городе, ее нужно искать и подвергнуться всем неприятностям переселения, быть может на короткое время, ибо дела, удерживающие моего мужа здесь и делающие время нашего отъезда столь неверным, тоже могут кончиться с минуты на минуту; однако, если мы не уедем в середине сентября, надобно будет выезжать отсюда, так как у нас будет очень холодно. Всё это не должно тебя смущать: пиши мне всегда на адрес Сленина, — *впредь до нового распоряжения*. Если мы поедem в Москву, то это лишь для того, чтобы провести там некоторое время с отцом моим (не более 3 месяцев, после чего мы возвратимся сюда)... * Не сердись, душенька, за мою неисправность на счет книг; всё пришло тебе; теперь у нас нет ни одного экземпляра Стихотворений моего мужа, т. е. в доме нет, и он не замедлит достать и отправить к тебе*».¹

Узнав о появлении cholera morbus в Оренбурге и о какой-то болезни А. Н. Карелиной и ее детей, С. М. Дельви́г писала: «Ты будешь жить, ты будешь здорова, — или Провидения не существует. Твои дети также будут сохра-

¹ Из письма от 2 сентября 1829 г.

нены. Говорят, что эта болезнь не трогает детей и беременных женщин. Что касается припадков Сониньки, то я скажу тебе, мой ангел, что у моего мужа, как говорят, были точно такие же вплоть до 11-летнего возраста, все думали, что это падучая болезнь, — у него были все симптомы ее, а потом оказалось, что это были глисты... Сообщила ли я тебе мой новый адрес? *На Владимирской в доме Тычинкина*...¹

В это время Дельвиги собирались ехать в Москву, — и больной В. Л. Пушкин (поэт) писал своему брату Сергею Львовичу 3 декабря, что М. А. Салтыков ожидает с любовью и нетерпением дочь и зятя.² Но поездка замедлилась: Дельвиг не легко подымался с места.

...«На-днях получила я твое письмо от 10 Декабря, радость моя Саша!» — пишет Софья Михайловна 30 декабря: «Оно так исколото, что сначала очень меня испугало. Но слава Богу, ты меня успокоила и утешила меня известием, что cholera вас оставила... Говорила ли я тебе о нашем проекте съездить в Москву на некоторое время? Если нет, то нужно, чтобы я сказала тебе, так как отъезд наш уже очень близок: он назначен на 2 или 3 Января, т. е. наверно через три дня... Мы едем налегке и очень не надолго: через четыре недели мы вернемся (считая путешествие и пребывание в Москве). Единственная наша цель — повидать Папà, который устроился на житье в Москве, по той причине, что он сделан там Сенатором; служба и частные дела моего мужа не позволяют нам отсутствовать дольше. Сборы наши не велики, и я до сегодня не знала, когда именно мы едем, от того и тебя не уведомила об этом. Из Москвы непременно буду писать к тебе. У меня в течение 4 месяцев был очень сильный кашель, что заставило нас откладывать наше путешествие;

¹ Из письма от 21 ноября 1829 г.

² «Пушкин и его современники», вып. XXI — XXII, стр. 364.

иначе мы провели бы праздники и начали год вместе с моим отцом: это было его и наше желание. Теперь время сказать тебе одну вещь, которая тебя, конечно, порадует, ибо она очень радует меня. Угадываешь ли ты ее? Меня очень смущало, что я до сих пор не сообщала тебе о чем-то, что доставляет мне удовольствие, что составляет мое счастье; но я не осмеливалась говорить, так как не была уверена в этом; этого так долго мы желали, что я уже потеряла всякую надежду видеть мое желание исполненным, и я не решалась поверить исполнению его. Но теперь я не могу сомневаться в этом, и могу, наконец, сказать тебе о том. Да, мой друг, я буду матерью. Невозможно дать тебе представление о чувствах, наполняющих мое сердце, но я уверена, что ты разделишь мою удовлетворенность, ты, которая всегда так хорошо меня понимала и интерес которой ко мне никогда не изменялся. Мой муж не из числа тех, которые не чувствуют от этого удовольствия. Он очень доволен! Отец мой тоже!..»

Следующее письмо датировано уже Москвою, куда Дельвиг поехал для свидания с тестем, уполномочив Пушкина заведывать редакцією только-что основанной «Литературной Газеты». Приводим это письмо в той части, которая представляет общий интерес:

Москва, 13 Января [1830 г.].

«Исполняю обещание, данное тебе, мой ангел, — написать тебе из Москвы, хотя всё мое время поглощается пустяками, которые заставляют кружиться мою голову и не позволяют мне заниматься тем, что меня больше всего интересовало бы. Тем не менее я могу сказать тебе несколько слов и чувствую к тому потребность. *Хочется хоть немного отвести душу. С тех пор, как мы здесь, я веду такую глупую прозаическую жизнь, что ни на что

не похоже. Мы отправились из Петербурга 3-го Января, а приехали сюда 5-го, потому что ночевали каждую ночь. Со всем тем я очень утомилась. Отец очень нам обрадовался; мы у него остановились. На другой день, несмотря на то, что я еще не успела отдохнуть, надобно уж было принимать и делать визиты, — видеть людей, с которыми вовсе не хотелось бы знаться, знакомиться, слушать и самой делать глупые уверения. Ох, как это всё мне надоело! * Да здравствует Петербург! Там можно вести такой образ жизни, какой хочешь! Здесь — как в провинции! Родные сыплются на вас дождем, душат вас в своих объятиях, новые знакомства неизбежны даже тогда, когда приезжаешь сюда на две недели, как мы. Но спрошу тебя, каково удовольствие приехать сюда на две недели, чтобы повидать своего отца и почти не видеть его, будучи обязанной проводить время на улицах с утра до вечера. Даже мой отец не противится этому, — наоборот, так как он обосновался здесь, то он завязал отношения, знакомства, нашел родственников, — все сердились бы на него, если бы он не повез меня им на-показ. Завтра или после-завтра мы рассчитываем сделать небольшое путешествие в Тульскую губернию, чтобы повидать в деревне мою свекровь; это так близко, что путешествие и пребывание там продлится всего лишь 6 дней. * Я немного отдохну там, — потом приедем сюда дней на 6, а к первым числам Февраля будем в Петербурге. Муж спешит туда: он кроме «Северных Цветов» начал с 1-го Января издавать «Литературную Газету», которая выходит каждые пять дней; без себя он препоручил хлопоты А. Пушкину, но всё-таки лучше скорее самому ехать смотреть за своим делом. Ты непременно будешь получать эту Газету. Извини меня, родная, что я пишу такое глупое, неинтересное письмо. Мочи нет, как я одурела от этой сумашедшей жизни. Прости, мой ангел...*»

По возвращении в Петербург Софья Михайловна писала:

«*Наконец я опять в Петербурге, милый мой друг Саша. В Москве меня задержали гораздо долее, нежели надлежало бы.* Я совершила путешествие с большою медленностью, так как я легко устаю и чувствую себя более тяжелою, чем многие мои знакомые женщины, которых я видела в моем положении. Но вот я отдохнула совсем и довольно здорова... Я не показала моему мужу твоего предыдущего письма, так как ты этого не хотела (без того это не пришло бы мне самой в голову, — ты права была, думая так). Но как плохо ты знаешь его, если полагаешь, что то, что ты сказала, могло поссорить его с тобой! Ставлю себя на твое место, и он сделал бы то же самое; я понимаю (и он понял бы), что ты могла быть нетерпелива оттого, что я тебе не говорила в подробностях о том деле; да и чего не скажешь в минуту досады? Я еще нахожу, что досада, в которой ты находилась, внушила тебе слова очень умеренные. Надеюсь, что минуту спустя у тебя уже не было в мыслях сдерживать глупые обещания никогда ничего не просить у моего мужа, — «*хоть бы дело шло не только о твоём счастье, но и о жизни твоей*». Подобных вещей не говорят своим друзьям иначе, как в минуту вспыльчивости. Я не сомневаюсь, что ты сама находишь теперь эту фразу смешной. *Подробности в деле Ахматовых состоят всё в том, что они просили моего мужа им помочь, что он со своей стороны сделал всё, что мог, но имел несчастье стараться безуспешно, по глупости и недоброхотству Министра Просвещения (известного с этой стороны человека). Наконец Ахматовы обратились с просьбою к Лонгинову, который и доставил им награду от Государя. Сделай милость, не сердись на меня... Надеюсь, что ты нашла равницу между «Ли-

тературною Газетою» и другими журналами. *У нас* — критика, а *не брань*, и критика хорошего тона, не правда ли? Пушкин доставляет много своих статей. Разбор Истории Полевого и многие другие критические статьи принадлежат ему. Не правда ли, — хороша его проза? *Ассамблея* — отрывок из его же романа, только не говори об этом никому.¹ Я теперь не много читаю: трудно глазам и голове, потому что кровь поминутно бросается в голову. * Я занимаюсь *хижинкою* маленького или маленькой Дельвиг, и ты не поверишь, как это меня забавляет и занимает. Я вижу мало людей, но те, кого я вижу, очень мне приятны. Сомов и Пушкин — наши завсегдатаи, — они приходят ежедневно, т. к. это — главнейшие сотрудники моего мужа...»

Между подругами, очевидно, «пробежала кошка», — и Софья Михайловна замолчала на целых восемь месяцев; она не уведомила Карелину даже о том, что у нее 7 мая 1830 г. родилась дочка Елизавета.²

Извиняясь и оправдываясь на целых двух страницах в своем молчании, С. М. Дельвиг писала подруге 6 ноября 1830 г.: «Поговорю с тобой о моей Лизе, которую ты, без сомнения, полюбишь, как я люблю твоих детей. Она очень мила, а в моих глазах — восхитительна. Завтра ей исполнится 6 месяцев, но у нее нет еще ни одного зуба. Я продолжаю кормить ее и чувствую себя от этого хорошо, она, как кажется, тоже, так как до сих пор она была вполне здорова. Мне кажется, что в настоящее время она похожа на моего мужа, портрет которого (сказать в скоб-

¹ «Ассамблея при Петре I-м», — отрывок из «Арапа Петра Великого», напечатанный в «Литературной Газете» 2 марта 1830 г., т. I, № 13, с. 99 — 100. Ред.

² Извлечение из письма С. М. Дельвиг к А. П. Керн от [21 июля] 1830 г. с сообщением о Пушкине см. в сб. «Пушкин и его современники.» вып. V, стр. 150.

ках), у тебя находящийся, очень не совершенен... Я более месяца нахожусь в смертельном страхе о моем отце, который заключен в стенах Москвы, без возможности выехать оттуда по причине карантинных, которые содержатся вокруг города с тех пор, как эта проклятая *холера* свирепствует в нем. Ты знаешь по газетам, конечно, в какой степени она там царствует. К счастью, мой отец сообщает о себе через день и принимает все предосторожности, какие только можно предпринять, а их столько предписали и столько напечатали по этому вопросу! Тем не менее я не могу не быть в живейшем беспокойстве. Я нахожусь поистине в жалком состоянии. Что касается нас, то, кажется, что мы в безопасности. Петербург окружен тройною цепью, Правительство приняло самые разумные меры для того, чтобы гарантировать нас от эпидемии; предосторожности доведены даже до крайности. *Мы все куримся, бережемся как нельзя больше*. Ты получишь это письмо проколотым, я думаю, — это потому, что оно должно пройти через Москву, и это не должно тебя удивлять... Когда я буду более спокойна, я напишу тебе более подробное письмо о моем житье-бытье и о Лизе. Я также примусь читать «Эмилия», чтобы попытаться извлечь оттуда то, что сочту могущим быть приспособленным к ее воспитанию... Лиза доставляет мне минуты и дни истинного наслаждения, также, как и своему отцу, который — нежнейший отец, какого я когда-либо видела, — как и лучший из мужей... Получаешь ли ты исправно «Литературную Газету»?..»

В письме от 6 ноября она сообщала некоторые подробности о новорожденной, об отце и муже, а затем писала 18 ноября:

...«Лиза, слава Богу, не причиняла еще нам огорчений, но я чувствую, что нужно будет пройти через много испытаний, — нужно к ним приготовиться и постараться

покориться им. До сих пор она здорова. Третьего дня она доставила мне величайшее удовольствие, которое ты, конечно, поймешь: у нее вышел первый зуб, — и почти без всякой боли... Ей седьмой месяц, — говорят, что это довольно рано для прорезывания зубов и что это показывает, что дитя развивается быстро. Как бы то ни было, лишь бы дело шло благополучно, — это всё, чего я желаю... Я всё время в беспокойстве за Папá. У него припадки ипохондрии, его письма слишком отзываются ею, чтобы не расстраивать меня. Суди, что я должна испытывать, читая их, — посылаю тебе одно из них, чтобы дать тебе понятие о той сердечной грусти, которую я испытываю по нескольку раз в неделю, потому что все письма писаны в том же тоне. Что касается моего брата, то он в безопасности до сих пор: в Польше, в имении своей жены; он отец трех сыновей... Муж мой целует твои ручки и ножки. Он премилое, преблагородное существо. Люби его... Г-н Плетнев говорит тебе тысячу вещей и питает к тебе тот же интерес. Он очень нежный отец. Очень жалко, что его жена — существо более, чем прозаическое, которое не умеет понять и оценить эту прекрасную душу».

Письмо М. А. Салтыкова, приложенное к письму С. М. Дельви́г, написано по-французски; даем здесь полный перевод его, чтобы познакомить со стилем писем старого арзамасца и с его настроением:

8 Ноября [1830 г.].

«Дорогая Соня! Очень тебе благодарен за то, что даешь мне частые вести о себе. Я только что получил твое письмо от 31 Октября. Уже несколько дней, как бюллетени [холерные] менее пугают нас, но слухи продолжают нас волновать, — невозможно заткнуть себе уши. Я остался дома в продолжение некоторого времени, чтобы

ничего не знать, — но мои люди приходили говорить мне обо всем, что они слышали. В течение двух суток я чувствовал колотье внизу левого уха и жестокое биение артерий. Я пользовался тогда одеколоном. Я с благодарностью получил бы одеколон, который ты намереваешься прислать мне, если позволена будет пересылка пакетов, — так как здесь нет хорошего. Я грустно провожу день моих именин. Вчера был я у Догановских,¹ к которым я езжу только для того, чтобы составить партию ховяйке; между тем невозможно избежать и не слышать рассказов о том, что делается; утверждают, что эпидемия уменьшается, но что она перерождается в тиф, и что теперь преобладает госпитальная лихорадка. Спроси твоего врача, что такое тиф, — это хуже холеры, это нечто ужасное. Одна княгиня Щербатова и младшая из трех ее дочерей были в опасности и на этих днях. Не знаю, лучше ли им; может быть их больше не существует. Морозы начались, но еще нет настоящей зимы. Я буду более спокоен, когда ты сообщишь мне, что на Неве идет лед и что ваши каналы покрываются льдом. Я ничего не пишу Левашовым; если бы они были здесь, я часто их видал бы; писать же мне невозможно: я должен отвечать на множество служебных писем. Сонцов² умоляет меня давать ему известия о себе два раза в неделю; он в Зарайске, в 150 верстах отсюда. Я пишу моей belle-sœur, Мише,³ в деревню, г-же Шереметевой,⁴ — я провожу полдня с пером в руке. Когда

¹ Вероятно — это известный в Москве игрок Василий Семенович Огонь-Догановский, в сети к которому попался однажды и Пушкин (см. Б. Модзалевский, Пушкин под тайным надзором, Лгр. 1925, стр. 95, и Письма Пушкина, том II, Лгр. 1928, стр. 93 и 440—441).

² Матвей Михайлович, дядя Пушкина, муж его родной тетки Елизаветы Львовны.

³ Сыну М. М. Салтыкову, единственному брату С. М. Дельвиг.

⁴ Вероятно, Надежде Николаевне Шереметевой, рожд. Тютчевой, матери жены декабриста И. Д. Якушкина. Ред.

я еду в Сенат, я читаю накануне кучу бумаг. Ты можешь судить по этому, есть ли у меня время заниматься своим делом, — поэтому я принял решение сносить все беспорядки в доме. Всё идет вверх дном, — если бы я заболел, то я мог бы ожидать помощи только от Провидения. Вот мое положение. Жизнь не должна представлять ничего хорошего для старика, который живет в уединении и который, в случае опасности, не может надеяться ни на какую помощь. Если бы я был свободен, я жил бы при тебе и ты закрыла бы мне глаза. Несчастье преследует меня. Я могу надеяться на возмездие только в будущей жизни. Восемь последних лет моя жизнь — соткана из горестей и скорбей, в которые вплетены несколько шелковых нитей. Я прошел сквозь жестокие испытания; то, что я выстрадал, неизвестно даже моим друзьям, и чудо, что я смог пережить бедствия, которые на меня свалились. Воспоминание о них возвращается, иллюзии рассеялись, я отказываюсь от всех мечтаний сего света, я буду заниматься только своим последним часом. Сожги все мои письма: уверяют, что болезнь впитывается во все предметы, — возможно, что бумага сделается проводником ее. Окуривание ничего не стоит. Уезды, которые оцеплены и не имеют никакого сообщения с зараженными городами, — не затронуты. Санитарные постановления, если они хорошо соблюдаются, спасут вас. Вот уже два месяца, что эпидемия в Москве. Число больных третьего дня было 1,096, сегодня — 935; если это уменьшение продолжится, можно полагать, что эпидемия исчезнет к половине декабря, — но она может породить другие болезни. Следовало бы иметь в три раза больше больниц, чтобы больные не были так скучены, как они скучены теперь. О, мой дорогой друг! Как ужасно наше положение! Как тревожно! Что за век! Неужели мы больше виновны, чем наши предки? Надо так думать. Я не пишу

вовсе к твоему мужу, чтобы избавить его от ответа мне. У тебя больше досуга, чем у него, — и я не освобождаю тебя от этой обязанности. Продолжай, как начала. Передай мой привет Левашевым и Вишневым. Я не буду менять квартиру, как бы плохо в ней ни было, только бы в ней не случилось со мной несчастья. Мои люди здоровы и я еще на ногах. Желудок мой то хорош, то плох; я питаюсь только габерсупом и одной котлеткой. Сплю очень худо. Ум мой отягчен мрачными мыслями. Наслажусь ли я еще одним проблеском счастья или спокойствия? Я не могу себя в этом уверить. О, как печален конец течения моей жизни! Я слишком много пожил. Прости эти излияния, — я думал, что мне будет легче. Небо похитило у меня всех моих друзей, — у меня только и есть, что ты. Прощай, дорогая Соня! Мое благословение не может принести тебе пользы, — я слишком несчастлив. О, если бы ты могла не познать тех испытаний, через которые я прошел! Обнимаю твое дитя и твоего мужа. Я чувствую себя крайне утомленным; иду отдохнуть и постараюсь если не заснуть, то, по крайней мере, подремать. Я писал Мише 4 или 5 раз с тех пор как вернулся. Он выражает мне дружеские чувства. Поблаговари его.

...«Что сказать тебе о себе?» — писала Софья Михайловна 4 декабря 1830 г.: «Я продолжаю исполнять, как умею, сладкие обязанности кормилицы; существуют, к несчастью, женщины, которые говорят, что обязанности эти тягостны. Я их жалею: оне лишены наслаждения, которое немного больше стоит, чем их светские удовольствия, ради которых они жертвуют этим долгом. Моя маленькая Лиза становится очень миленькой, она прекрасно знает нас — отца и меня, — она очень живая, любит, когда ее подбрасывают; мой муж делает это лучше, чем я, потому что он сильнее меня, а она немножко тяжела; поэтому она вся приходит в оживление от удоволь-

ствия, видя, как он подходит к ней. Эта малютка доставляет мне минуты несказанного наслаждения. О! мой друг! Почему ты не здесь? Ты разделяла бы всё мое счастье во всех этих подробностях, — оно не может быть описано со всеми оттенками: их нужно чувствовать вместе, и еще нужно иметь такое существо, как ты, для того, чтобы их понимать. Отчего ты также не около меня для того, чтобы наложить бальзам на все раны, которые меня раздражают? Ибо — скажу ли тебе? — несмотря на всё это счастье, этот мир уходит, несмотря на сокровище, которым я владею в лице моего мужа, — на эту невыразимую сладость материнской любви, — у меня есть горести и горести жгучие, о которых я не могу тебе сказать. Ты была бы единственным существом в свете, которое бы могло выслушать меня и меня понять. Если мы когда-нибудь свидимся, всё будет выяснено, я не могу ничего доверить бумаге. Я получила свежие новости от моего отца: он более спокоен, и газеты подтверждают всё, что он говорит мне об эпидемии в Москве. Я читаю все санитарные бюллетени, печатаемые ежедневно: последние дают мне право надеяться, что вскоре не будет вовсе никакой опасности и что мы сможем вздохнуть свободно...»

В письме от 11 декабря находим характерные отголоски размышлений Софьи Михайловны по поводу предстоящих ей забот о воспитании дочери:

...«Скажи мне, что ты думаешь о методе Руссо? С этого момента я читаю «Эмилия»; в нем есть пункты, которым я очень хотела бы следовать, — другие, — которые мне кажутся немножко *софизмами*, увлекающими своим красноречием, иные, — которые были бы превосходны, если бы обстоятельства, век, в который мы живем, и тысяча других соображений не делали их неприменимыми. Он предвидел, сколько трудностей представляет исполнение его предначертаний, но мне кажется, что их еще гораздо

больше, чем он предвидел. Что наиболее трудно, — это приспособление всего того, чем хотят воспользоваться, — к характеру ребенка; всё это следует хорошенько изучить, — и всё-таки можно сильно ошибиться. Часто ошибка является источником многих несчастий в подобном случае. Я не смотрю на «Адель и Теодор» мадам Жанлис, как на книгу, из которой нельзя извлечь ничего полезного касательно воспитания. Это химерические планы, которые могут быть осуществлены лишь людьми с несметным состоянием, — не говоря уже о том, что они ошибочны сами по себе, во многих отношениях, — это роман, который можно читать с удовольствием в первой молодости, вот и всё. Когда бываешь призван к делу столь важному, столь трудному, как воспитание, и когда хочешь прочесть сочинения, которые были написаны по этому вопросу, — то не знаешь, с каким достаточным вниманием отнестись к нему, насколько нужно взвесить какой-нибудь план прежде, чем начать применять его, и сколько внимания требует подобное чтение. Особенно следует быть осторожным с писателями, обладающими красноречием: они наиболее опасны, — они убеждают вас и увлекают красивыми результатами, которые они ставят перед вашими глазами, между тем как очень может статься, что эти результаты лишь призрачны, и что их приемы произведут эффект совсем отличный от того, который они предполагают. Очень трудно отличить фикцию от действительности...»

Отвечая подруге, она пишет:

...«Знаешь ли, что не будучи знакома с г-жей Окуновой, я бешусь, что не могу помочь тебе бесить ее. Я имею представление об этом существе. Провинция изобилует подобными женщинами; и действительно, приходится хохотать над их болтовней. Нет ничего смешнее, как они из себя выходят по поводу дел, которые их вовсе не

касаются. Я уверена, что эта святоша сама весьма сомнительного поведения. Скажи, — нет ли у нее, или не было ли у нее мужа, раненного в ногу или без ноги? Мой муж говорит, что он знал некую Окуневу с раненым мужем. Он говорит, что если это не та, о которой он думает, то надобно предположить, что все дамы Окуневы таковы, как ты описываешь твою, потому что она совершенно походит на этот портрет. Расскажи мне, прошу тебя, все новые сплетни, которые будут передаваться у вас. Это меня очень забавляет. Все говорят о графе Сухтелену¹ так же хорошо, как и ты; я знаю его только в лицо: я давно встретила его однажды, — тогда он показался мне чрезвычайно приятной наружности. Его дочь должна походить на него, если она красива, потому что ее мать вовсе не такова. Помнишь ли, ты ее видала у моей кухни Геннингс (теперь Пушкиной). Мне кажется, она тебе не понравилась тогда. Мне кажется, что ты уже знаешь, что графиня Ольга сделана фрейлиной?.. Я веду жизнь очень уединенную, не выхожу или почти не выхожу. Лиза занимает меня весь день. У нее уже два зуба и, я полагаю, третий уже идет, так как у нее маленький жар. Эта маленькая девица доставляет мне наслаждение, я люблю ее с каждым днем всё больше и сама этому удивляюсь, так как думаю, что невозможно с каждым днем всё сильнее привязываться к ней, как происходит со мной. Мой муж — очень нежный отец; до сих пор я думала, что ребенок такого возраста не может интересоваться мужчиною или, по крайней мере, интересоваться до такой степени, — почти как жену или мать, но он очарователь-

---

¹ Граф Павел Петрович Сухтелен (1788 — 1833), генерал-лейтенант, генерал-адъютант, с 21 апреля 1830 по 15 апреля 1833 был Оренбургским генерал-губернатором; его дочь графиня Ольга Павловна (1816 — 1891) была замужем за Алексеем Павловичем Бутурлиным, сенатором.

ным образом доказывает мне противное, и ты понимаешь, как я этим довольна...»¹

...«Мое маленькое семейство здравствует», — писала Софья Михайловна в поздравительном письме от 4 января 1831 г., высказывая добрые пожелания своей подруге: «Лиза занимает меня день ото дня всё больше. Благодаря Бога, ее нельзя назвать маленьким чудом, — она ребенок как ребенок; но она — *мое* дитя, вот почему она лучше, чем все другие. Я благодарю небо за то, что люблю ее не за что-либо иное. Я не люблю необыкновенных детей, таких, которых матери показывают, как существа со сверхъестественным умом; это — ослепление; или, если это справедливо, такие дети не живут, что может быть объяснено физически, очень естественным образом. — Альманах моего мужа² появился; но в настоящее время нам невозможно выслать его тебе, потому что не принимают посылок на почту, т. е. когда они должны проходить через местности, где царит холера; можно посылать лишь письма, т. к. их можно прокалывать...»

Письмо Софьи Михайловны было такое мирное, такое счастливое, — она писала, что ее маленькое семейство здравствует, — а между тем великое горе стояло у нее уже за спиною, смерть подстерегала самого Дельвига. Смерть его (14 января) была совершенно неожиданна. Правда, ей предшествовал ряд жестоких неприятностей, — но они были свойства морального, касались «Литературной Газеты», за помещение в которой небольшого стихотворения Казимира Делавина Дельвиг получил от Бенкендорфа грубейший выговор, — и ничто, казалось, не предвещало его тяжелой, смертельной болезни... Однако, смерть пришла и в несколько дней унесла в

¹ Из письма от 18 декабря 1830 г.

² «Северные Цветы» на 1831 г. вышли в свет 24 декабря 1830 г.

могилу одного из благороднейших людей эпохи, талантливому поэту и честнейшему писателю. Софья Михайловна с трудом перенесла сразивший ее неожиданный удар, — горе ее было сильно и чрезвычайно остро, — для ее экспансивной, живой натуры потеря мужа была, как гром среди безоблачного неба. Она не сразу собралась написать своей подруге, и та узнала о смерти Дельвига из той же получавшейся ею «Литературной Газеты», в которой был напечатан тепло написанный Плетневым некролог его друга-поэта, а также стихотворения его памяти В. Туманского, Гнедича и Деларю.¹ Только 3 февраля она села за письмо к А. Н. Карелиной и писала ей следующее:

«*Милая моя Саша! Я не имела духу писать к тебе до сих пор. Не вини меня, что узнала о моем несчастье прежде. Я и теперь для того только пишу, чтобы тебя успокоить. Я здорова и даже Лизу кормлю. Не знаю, как я переношу эту ужасную скорбь. Ты верно из Газет всё узнала? Боже мой! Давно ли я писала к тебе о Нем, давно ли рассказывала тебе о семейственном нашем счастье! Теперь всё кончилось и — навек! Стараюсь не роптать, но как это трудно! Для Лизы надобно жить. Оставить ее без матери было бы жестоко. Она похожа на Него очень. Как Он любил ее, — и она никогда не будет знать его! *Я плачу мало и редко. Я страдаю с каждым днем больше. Начиная с *14 Января* до сегодня моя горесть всё растет. Я хотела бы, чтобы момент, в который я узнала о моем несчастье, теперь вернулся: он кажется мне сладостным по сравнению с теми, которые я провожу с той поры. Я тогда еще не понимала хорошенько то, что про-

---

¹ См. подробнее об обстоятельствах кончины Дельвига в книге «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Труды Пушкинского Дома. Лгр. 1927, стр. 77 — 80 (заметка М. Д. Беляева) и 83 — 88 (заметка В. Л. Модзалевского). Ред.

изошло со мной; я была как бы в наслаждении горячки. Но затем мое горе стало более глубоким и делается с каждым днем всё глубже. Это рана, которая никогда не закроется. Потерять такого друга, как Он, в таком возрасте! После того, что я испытала такое глубокое счастье в продолжении 5 лет, — только 5 лет! Можно ли когда-нибудь забыть Его! Он был человек необыкновенный и муж необыкновенный. Милая! Да сохранил тебя небо от такого ужасного несчастья! Конечно, я не была достойна такого человека, однако было слишком жестоко отнять его у меня. И он, — как он был создан для того, чтобы быть счастливым, как его чистая душа была готова принимать все приятные впечатления жизни! Как понимал он всё прекрасное! Наше дитя было для него источником наслаждений, которые лишь немногие мужчины умеют ценить так, как он, — и он был вырван из этих наслаждений в 32 года. Мой друг, прости мне беспорядочность моего письма, — я не могу ни писать, ни говорить. Я чувствую себя слишком хорошо, и эти физические силы приходят ко мне, я думаю, за счет моральных, но они мне необходимы для Лизы; это мое единственное сокровище; мне нужно жить для нее, сохранить ей по крайней мере ее мать. У меня даже нет права желать смерти. Если Он меня видит, если Он меня слышит, он упрекнет меня за то, что я слаба и покидаю его дорогую Лизу. Но если бы я, отняв ее от груди, могла, по крайней мере, не прибегая к этому снова, заболеть и притом с сильными страданиями! Физические боли отвлекают от страданий моральных. *Это бы меня развлекло, я бы забылась хоть на короткое время.* Скоро Лизе исполнится девять месяцев, мне советуют отнять ее, так как я слаба: мне придется лишиться и этого отвлечения! Дорогой друг! Я получила от тебя много писем за это время, но не могу отвечать на них, извини меня! Прощай, пиши мне, не утешай

меня, — утешений для меня не существует, — плачь со мною!

«Твой друг С. Дельвиг.»

«3 февраля 1831.

«* Не беспокойся обо мне, — я только слаба, а не больна*».¹

Письмо от 26 февраля содержало в себе горячие выражения благодарности далекой подруге за участие ее в перенесенном горе. «Если не существует никаких утешений для такого несчастного существа как я, мой добрый ангел», — читаем в этом письме: «то, по крайней мере, существует некоторое облегчение для моей страдающей души, — в виде такой подруги, как ты, — которое может помочь мне переносить жизнь, — и в виде сочувствия, подобного тому, какое ты выказываешь ко мне и которое одно только может смягчить положение, в какое судьба меня бросила. Твое письмо вновь раскрыло все мои раны, но и облегчило меня, заставив меня пролить поток слез. До сих пор я плакала очень мало и с физической болью, которую трудно описать. О, моя любимая! Ты одна можешь понять... Я еще держусь, Лива здорова, но каково мое существование! После 5 лет несказанного счастья быть поверженной в бездну вол! Потерять существо, видеть которое один раз было достаточно для того, чтобы обожать его. О; ты его не знала! Ты еще не знала, какой это был человек! *И в отношении ко мне что он был? Боже мой! Как я еще живу, как я не сошла с ума! Милая моя Саша! Ты меня утешаешь надеждою, что мы увидимся. Но когда? Ежели бы возможно было мне приехать к тебе и жить с тобой всегда, то я бы ни минуты не медлила, полетела к тебе, моему единственному другу. Ты хочешь

---

¹ На обороте адрес: Александре Николаевне Карелиной в Оренбург. Почтовый штемпель: С. Петербург. 4 фев. 1831, запечатано гербовою печатью Дельвига на черном сюргуте.

приехать: можешь ли ты это сделать? Что́ это будет стоить? Состояние твое не велико, — я знаю. Ради бога, не делай таких пожертвований! Ты не в праве их делать, — у тебя дети. Но если бы в Москве могли вы поселиться, найти какое-нибудь место для Григория Силыча, — вот это бы хорошо было. Я буду жить в Москве, друг мой, Там мой отец служит (Сенатором): он зовет меня, говорит, что он один и стар, и слаб, и что некому ему закрыть глаза. Надобно ехать. Поеду в мае, а лето проведу в Тульской губернии, в деревне у Свекрови, которую люблю теперь еще больше. Она ангел, а не женщина, и притом же она мать моего друга незабвенного, и какая мать! И какого сына лишилась! * Он был поддержкою семейства, — они всё потеряли. Матушка нуждается в утешении, ей нужно повидать меня, видеть маленькую Лизу. Я хотела бы разделиться между нею и тобою, но необходимо *нужно*, чтобы я подчинилась требованию необходимости, — нужно, чтобы я ехала в Москву, где я буду окружена безразличными существами. — Мои дела... вот каковы они. Во время болезни покойного (думаю, что именно в это время) у меня украли ломбардные билеты на 55 тысяч рублей, и у меня остается 44 тысячи капитала (было 99,000); со смертью моего мужа все другие доходы прекратились. — * Оставалось его сочинений, «Северных Цветов», «Литературной Газеты» и пр. несколько экземпляров, которые, когда разойдутся, то окупят только самих себя,* потому что он был должен за бумагу, в типографию и т. д.; всё это, если б он был жив, не могло бы быть рассматриваемо, как долги, так как редакция всё продолжалась бы и приносила бы что-нибудь, — но теперь?! Я произвела все возможные розыски этих билетов, — всё было тщетно: я не знаю их номеров, а потому невозможно сделать публикацию о них. Всё это, однако, не должно произвести на тебя большего впечатления, чем на меня.

Все эти заботы рассеиваются перед действительным несчастьем, которое меня угнетает. Прощай, мой ангел, мой единственный друг! Я буду еще много писать тебе, — *не могу вдруг, голова еще не свежа*; всё в беспорядке у меня в голове. Да сохранит тебя небо. Твоя Соня.

«Саша Якимовская, которая должна родить в мае месяце, несмотря на свое положение, провела у меня 15 дней, спала на полу, вставала ночью, чтобы ходить за мной; каждый день ходила повидать своих детей и сейчас возвращалась ко мне. Ее муж также проявил ко мне истинное внимание, помогал мне заниматься делами и т. д. Надо же к моему несчастью, чтобы эти люди не остались здесь: *вчера уехали в Олонецкую губернию навсегда: Федор Федорович там нашел себе службу. Плетнев целует твои ручки.* Этот человек настоящий ангел. Небо еще не лишило меня его: оно еще жалеет несчастных. — *У меня была старая няня, которую ты верно помнишь: она за мной ходила, а за Ливой — с таким усердием, что нельзя было лучше молодой женщине ходить, и всё умела, — такая опытная! Она умерла, — в 9-й день после Него! Теперь у меня Ненила, но более я сама няньчусь*.»

Отвечая подруге 6 апреля на приглашение приехать в Оренбург, Софья Михайловна благодарила ее за это приглашение, но говорила, что не надеется получить согласие отца на это путешествие: «Ты знаешь его характер, трудный в общении, неуступчивый. Конечно, не следовало бы в настоящее время насиловать мою волю, но посуди, было ли бы благоразумно с моей стороны становиться в дурные отношения с отцом, в особенности когда я должна буду жить с ним. Не будь этого, я не знаю, как сносила бы я все горести, которые меня ожидают к умножению моих несчастий. Я безропотно покоряюсь, своей дочери я обязана тою священною сокровищницею,

которую оставил мне мой обожаемый друг, и всё перенесу ради нее. Но, Сапа, но как мне будет трудно с отцом! Сознаюсь тебе, что я предвижу минуты, когда я должна буду собирать всю свою храбрость! Письма, которые он мне пишет, не возвещают ничего хорошего. По поводу пропажи моих денег он говорит мне загадочные вещи, которые я боюсь разгадывать. Он не хочет мне ясно сказать, какого рода его подозрения, но мне кажется, что они обидны для памяти того совершенного существа, которое я оплакиваю со всеми благомыслящими людьми. Он говорит мне, что упрекает себя, — не за то ли, что вверил меня Дельвигу, на коего он смотрит, как на человека, который не сумел сохранить мое состояние или промотал его. Он не дает объяснений и просит меня не касаться этого предмета до нашего свидания. Я написала ему, что если он имеет сообщить мне неприятные вещи, то я прошу его, напротив, сообщить мне их письменно, чтобы не смущать и не отравлять свидания, на которое мне хочется смотреть, как на утешение в моем несчастье. Но вместе с тем это начало доказывает мне, что я должна ждать весьма тяжелых разговоров, которые растравят мои раны, уже и без того столь глубокие, столь болезненные. Я поеду, чтобы провести лето, к моей свекрови, — он не мог, соблюдая приличие, этому воспротивиться! Я бы хотела не покидать эту нежную мать, которую люблю всею душою. Среди этого превосходного семейства я буду черпать утешения! Мы будем вместе оплакивать человека, которого мы одинаково любим и которого так же ценим! В следующем месяце я поеду в Москву и оттуда, через несколько недель, к Матушке; поэтому ты мне не пиши по этому адресу; одно письмо ты еще можешь рискнуть послать в Петербург, но вот по какому адресу: *Его Высокобл. Оресту Михайловичу Сомову, у Круглого Рынка, в доме Сенатора Маврина,

а вас прошу отдать и проч.* Если бы случилось, что твое письмо не застанет меня больше, он перешлет мне его в Москву, — потом же, когда ты будешь адресоваться в Москву, прошу тебя писать прямо на мое имя, прибавляя только: *в квартире Его Пр. Мих. Алекс. Салтыкова,* после следующего адреса: *На Маросейке, в доме Бубуки*. Не забудь этого, мой Ангел... Как только я увижу Плетнева, я передам ему все, что ты поручаешь мне сказать ему. Я думаю, что если ты ему напишешь, он немедленно ответит тебе и заведет переписку. Он любит тебя так же, как в былое время. Он сказал мне, что твоего мужа произвели в чин «за отличие» и перевели в Коллегию Иностранных Дел; это доставило мне большое удовольствие... Ты спрашиваешь у меня про мою Лизу: она здорова, слава Богу, и я еще кормлю ее, но думаю отнимать ее к 7-му Мая, годовщине ее рождения; это будет незадолго до моего отъезда; у нее три зуба, она говорит *papa, мама* (*papa* — чаще) и узнает *Его* портрет. Она очень на него похожа!.. Посланы ли тебе «Северные Цветы» 1831-го года? Кажется нет, — я их пришлю тебе...»

Через две недели Софья Михайловна писала:

... «Можешь себе легко представить, как начала я настоящие праздники, что испытываю я, будучи совершенно одинока посреди всего этого счастливого люда, который веселится. Мне кажется, что праздники в жизни сделаны для того, чтобы сделать для несчастных тягость их бедствий еще более тягостною. *В будущем месяце я отправлюсь в Москву... Я бы давно поехала, но дороги еще очень дурны, притом же надобно здесь кончить дела.* У меня есть долги, которые надобно уплатить, и совсем нет денег... *У моей Лизы 4 зуба; 7-го Мая ей будет год, но она всё не стоит еще на ножках, говорит *papa, мама* и *баба* и почти всё понимает.* Мой отец напи-

сал мне еще письмо после того, о котором я тебе говорила, и опять в том же загадочном тоне. Я ожидаю очень тяжелого для себя свидания. Один бог может дать мне силу и терпение. Надо, чтобы я заслужила столько бедствий, так как я не сомневаюсь в божеской справедливости. Может быть, страдая здесь, моя душа очистится и станет достойной пойти и соединиться с прекрасною душою того, кого я никогда не перестану оплакивать...»¹

После этого письма Софья Михайловна замолчала почти на четыре месяца, в течение которых в судьбе ее произошла новая, резкая и неожиданная перемена; о ней она, однако, умолчала, и Карелина узнала об этой перемене лишь в конце октября.

«*Пишу к тебе, наконец, из Москвы, милый, бесценный друг мой», — читаем в письме от 11 августа 1831 г.: «Сегодня неделя, что я приехала сюда. Холодное, сухое свидание с отцом меня очень огорчило, хотя я и не могла ожидать другого — после писем, которые он писал мне в Петербург о потере моего капитала,* который, как он подозревает (я тебе писала об этом), растратил и мой муж и я, и т. д., и т. д.; к тому же мое долгое пребывание в Петербурге очень ему не нравилось, так как он полагал, несмотря на всё то, что я делала для того, чтобы вывести его из этого заблуждения, что мне доставляло удовольствие оттягивать наше свидание. Дело же в том, что я едва имела на что жить в Петербурге, что я торопилась покинуть последний, чтобы успокоить отца и чтобы иметь затем возможность провести некоторое время в деревне моей свекрови, уже давно нетерпеливо ожидавшей возможности обнять меня и маленькую Лизу, которую она еще не видела и которая стала ей вдвойне дорога после того, что ее отец отнят от нас; следовательно, ты видишь,

¹ Из письма от 20 апреля [1831 г.].

что вовсе не желая длить мое пребывание в Петербурге из-за какой-нибудь сердечной радости, я, напротив того, имела тысячу причин желать скорейшего отъезда, и что если я его откладывала, то это было против моей воли. И вот почему: мой покойный муж взял на свое попечение двух своих братьев, заботы о воспитании коих моя свекровь совершенно не могла взять на себя после смерти моего свекра; они были в одном Петербургском пансионе; эти дети, став совершенно сиротами после потери брата, не имели и не имеют никого на свете, кроме меня. Могла ли я бросить их? Можно ли делать подобный вопрос! Когда я потеряла половину моего состояния и не могла больше платить за них в пансион, — я взяла их оттуда и предприняла шаги для помещения их в одно из казенных заведений, — что, впрочем, предполагал сделать и покойный. Ты знаешь, сколько трудов это стоит. Институт путей сообщения показался мне лучшим местом, чтобы поместить их; к тому же у Герцога Виртембергского, от которого это зависит, — добрая дочь-благотворительница; мне посоветывали обратиться к ней по этому делу, — я написала к ней, описала мое положение и положение моих сирот, она была им тронута и обещала позаботиться о них. Она заставила меня быть у нее много раз и постоянно делала мне обещания, — конечно, по доброте сердца, чтобы не обидеть меня прямым отказом. Между тем три месяца протекли в надеждах, и я всё считала себя накануне отъезда и так и писала моему отцу, — а он терял терпение. В конце концов я умоляла Принцессу Виртембергскую сказать мне определенно, что решил ее отец: мне ответили, что дети еще слишком малы (им 12 и 13 лет, а принимают только 15-летних) и что, к тому же, есть уже 150 кандидатов, между тем как всегда принимают сразу только 30 воспитанников. Так как я потеряла уже много времени, я наскоро уло-

жила свои вещи и уехала, взяв моих детей с собою, в намерении отвезти их к их матери, где они и будут ожидать более счастливых времен, а я постараюсь поместить их в Москве. И вот я с ними у моего отца¹. Мне трудно было привезти их к нему; он должен быть сердит на них за то, что они меня задержали; к тому же есть что-то, что меня терзает во всем этом, — ты должна понимать, что это: есть такие оттенки деликатности, которые невозможно выразить, они должны быть сами собою поняты. Ты меня понимаешь? Но всё это лишь временно: через 5 или 6 дней Папá должен уехать, он отправляется на месяц к моей Тетушке Пассек, а я поеду в это время к моей Матушке и отвезу к ней детей... Проси небо, чтобы оно сохранило мою Лизу, мое единственное утешение, портрет ее несравненного отца, единственное сокровище, которым я владею и которым я могла бы дорожить, так как я имею его от *него!*... Папá видел здесь твоего мужа и очарован им, как человеком бесконечно умным. Надеюсь, что в настоящую минуту он с тобою. Напиши мне, мой Ангел, один раз, по адресу моей Свекрови: *Гульской губернии в г. Чернь*, хотя может быть, что я не так скоро возвращусь в Москву...»

9 сентября Софья Михайловна писала подруге, что она находится в деревне у свекрови уже более двух недель и просила писать ей следующее письмо уже в Москву, куда она собиралась выехать после 17 сентября, дня своих именин и именин свекрови, которую звали Любовь Матвеевна; она сообщала, что бабушка и тетки не наглядятся на маленькую Лизу и окружают ее заботами; что ее самое всё это прекрасное семейство «носит на руках». Письмо Софьи Михайловны заключало, пови-

---

¹ О братьях Дельвига и об участии Пушкина в их судьбе см. заметку Б. Л. Модзалевского в «Письмах Пушкина к Е. М. Хитрову». Лгр. 1927, стр. 90 — 91. Ред.

димому, искренние излияния в любви к далекой подруге; в нем не было ни слова, ни намек на важную перемену, которая произошла в судьбе вдовы Дельвига: об этой перемене она откровенно и подробно рассказала лишь в письме от 22 октября, написанном и посланном не из Москвы, а из Кирсановского уезда Тамбовской губернии и подписанном не S. Delvig, как письмо от 9 сентября, а S. Varatinsky. Вот что писала Софья Михайловна об этой неожиданной перемене:

«Мой дорогой друг! Последнее письмо, которое я тебе написала, было отправлено от моей свекрови из Тульской губернии, — ты не будешь знать, откуда я пишу тебе настоящее письмо, прежде чем ты не прочтешь его. Пора раскрыть тебе тайну, о которой я говорила тебе несколько загадочно в моем письме из Москвы, — пора тебе узнать, какие перемены произошли в судьбе твоей бедной подруги. Надобно тебе об этом сказать без фраз: я вышла замуж за Баратынского, младшего брата поэта, ближайшего друга моего покойного мужа. Я нахожусь в Тамбовской губернии, в 90 верстах от этого города, в одном из имений г-жи Баратынской, моей новой свекрови, и здесь отныне будет место моего пребывания; сюда прошу я адресовать и твои письма: *Тамбовской губ. в г. Кирсанов.* Теперь выслушай меня до конца, пощади меня во имя всего, что тебе дорого! Не прибавляй к моим страданиям еще страданий от потери твоего уважения и твоей любви. Я более, чем когда-либо нуждаюсь в нежности и снисходительности друга, такого как ты, я нуждаюсь в утешении: не лишай же его меня! Сначала ты меня осудишь в легкомыслии, без сомнения, — быть может даже в двоедушии, потому что смерть моего мужа поразила меня такою горькой и глубокой скорбью! О, мой друг! Она была истинна, она еще не прошла и ничего не потеряла в напряженности, она сделалась даже еще

более ужасной, так как теперь она скрыта. Нет, никогда не забуду я этого человека, поистине совершенного, столь достойного общих сожалений, а в особенности — моих, потому что я ему обязана пятью годами счастья более, чем земного, счастья, которое больше не вернется для меня, которое он унес с собою в могилу. И в то же время я вновь вышла замуж через 6 месяцев после его смерти. Этим я подвергла себя общей хуле, быть может, я потеряла уважение многих честных людей, которые обладают полным моим уважением... Вот загадка! Ты должна иметь ее объяснение.

«Человек этот любил меня в продолжение 6 лет; это, говорит он, делало несчастье его жизни, потому что он любил и уважал моего мужа превыше всякого выражения, и я этому верю, от всего сердца, так как он всегда это показывал и потому что вообще надо было быть подлецом, чтобы не проявлять хотя бы уважения, если не приверженности к Дельвигу, как бы мало его ни знать. Мой муж также любил его от всего сердца, смерть его, повидимому, очень его огорчила, судя по его письмам, которые он писал ко мне из своей Тамбовской деревни, в которой я нахожусь в настоящее время. Между тем, в один прекрасный день он появляется передо мною в Петербурге, говорит, что не может долее сносить неизвестность, которая его убивает, и просит у меня моей руки. Это было в конце мая. Ты можешь судить, дорогой друг, до какой степени это привело меня в негодование [scandalisait], но ты не в состоянии представить огорчение, которое заставило меня испытать эта поспешность; я напомнила ему о дружбе к нему Дельвига, сказала ему, что помимо принятого мною решения не выходить больше замуж, я не хотела бы, чтобы смерть такого существа, каким был тот, кого я потеряла, могла сделаться причиною удовольствия для человека, который был им любим и

память которого была бы должна им почитаться. Он клялся мне, что искренно оплакивал его, что всегда будет его оплакивать со мною, но что без меня существование станет для него тягостно и что он решил от него избавиться в случае моего отказа. Это не обыкновенный молодой человек; я прекрасно видела, что нужно было употребить все средства, чтобы заставить его прислушаться к рассудку, потому что его решения всегда непоколебимы и в характере у него столько же горячности, сколько твердости, что представляется довольно редким соединением. Я пробовала было доказать ему, что я не могу сделать его счастливым, что он ошибается, надеясь на это, что я не могу больше любить так, как любит он, что мое сердце разбито и что отныне единственно моя дочь и воспоминание о ее отце могут занимать меня. Я говорю правду, мой друг. Смерть Дельвига совершенно меня переменяла. У меня нет другой мысли, как о нем, ничто в мире не может меня интересовать, кроме Лизы, и я хотела бы всю себя безраздельно посвятить ей и семье моего мужа. На это он возразил, что он тоже решил не жить, как только для меня и для моей дочери, что изучение ее жизни составит его счастье, что я не буду иметь возможности, потеряв мое состояние, быть существенно полезной моей несчастной свекрови; что, выйдя за него замуж, я буду иметь к тому более способов, — что и меня, и мою дочь будут обожать в доме его матери, и что я всегда буду иметь свободу всецело посвятить себя моему дитяти. Его отчаяние, малая надежда, которую я предвидела, на изменение его страшного решения, испытываемое мною отвращение к совместной жизни с моим отцом, — наконец, — одна минута слабости, — всё это решило мою судьбу, и я не могла получить от нетерпеливости Сергея отсрочки, которая требовалась хотя бы приличием. Он боялся, чтобы я не ускользнула от него, он хотел с этим покон-

чить, чтобы быть более спокойным. Наконец, перед моим отъездом из Петербурга мы обвенчались тайно, так как я должна была еще совершить поездку к моей свекрови. У меня не хватило смелости сказать что-либо в Москве моему отцу; время, проведенное мною у моей чудесной свекрови, было для меня временем испытаний и страданий, — ты можешь хорошо судить об этом. У меня не было больше смелости вернуться к моему отцу, который ждал меня к началу октября; к тому же я не решилась видеть такое множество людей, которые любили моего мужа, — это причиняло мне боль, и, сверх всего, я заметила, что я беременна и Сергей уже написал своему семейству, которое торопило нас приехать сюда. Итак, я, попрощавшись с матушкой и сестрами (раздирающее прощание!), присоединилась к моему мужу в Туле и он привез меня сюда, откуда я написала моему отцу и моей свекрови. Я не получила еще ответов от них, — ты можешь судить о беспокойстве, с которым я их ожидаю. Моя матушка так добра, так снисходительна, так достойна всяческой моей преданности и всякого моего уважения! Что, если я потеряю ее уважение! Эта мысль раздирает мне душу! Здесь приняли меня с распростертыми объятиями, — равно как и мою маленькую Лизу, которую окружают заботами и вниманием, самыми трогательными. Мать Сергея, его две сестры и тетка (сестра его матери), — вот лица, составляющие наше общество; они меня любят, — это видно, они мне это свидетельствуют тысячью вниманий, — тем не менее, я страдаю смертельно, мой друг! Я умерла для всех, так как все, конечно, меня презирают. Я оплакиваю втайне моего мужа, я не решаюсь оплакивать его перед теми, кто окружает меня: несмотря на их деликатность, я чувствую, что это причинило бы им боль. Я не в состоянии буду любить этого так, как любила того. Никогда! Я его ценю, я его ува-

жаю, я привяжусь к нему даже больше, я это чувствую, но ты понимаешь, страдаю ли я, ты это конечно понимаешь! И семейство: оно доброе, очень доброе, но оно не такое, как тò! Когда я буду поспокойнее, я опишу тебе подробнее тех, кто меня окружает; пока же следует, чтобы ты знала, что мой муж — молодой человек моих лет, добрый, чувствительный, немного подозрительный и ревнивый, но деликатный. С детства он выказывал склонность к медицине, — это его призвание, он ей предался и изучил ее глубоко; в прошлом году он выдержал в Москве экзамен *на врача*, а теперь готовится к тому, чтобы в будущем году держать экзамен *на доктора*, после чего, если он не решит служить, он вернется на житье в деревню, в которой мы находимся и в которой у него есть часть в 300 душ, как и у его трех братьев. У него здесь достаточная практика, больные по соседству обращаются к нему; он также и акушер; но так как он врач по призванию, он не берет ничего за это, — чтò и правильно. Моя Лиза здорова, но еще не ходит, хотя ей 17 месяцев; у нее 8 зубов, она говорит много слов своего сочинения. Обнимаю твоих деток и тебя и от всей души. Пиши мне поскорее, во имя всего, что тебе дорого. Успокой меня насчет твоего здоровья и твоей ко мне дружбы. О, как я в ней нуждаюсь! Я думаю, что у моего отца имеются твои письма, которые он не замедлит прислать ко мне; надеюсь на это, ведь я так давно ничего о тебе не знаю. Это прибавляет еще к моим горестям, которые и без того достаточно жгучи. Прощай, мой единственный друг. Да сохранит тебя небо. Люби меня и скажи, что ты меня любишь. Всегда твоя сердцем С. Баратынская.»

Однако, ответа на это письмо свое Софья Михайловна не получила или получила такой ответ, после которого ей уже трудно было писать.

Переписка между подругами резко и сразу оборва-

лась — на целых полтора года. Лишь в марте 1833 г. сношения между ними возобновились: в это время Г. С. Карелин, проездом в Петербург через Кирсанов (Тамбовской губернии), завернул в деревню к Софье Михайловне и на словах передал ей поклон и привет от своей жены и уверил ее в дружеском расположении последней. Это известие чрезвычайно обрадовало Софью Михайловну, которая, в письме от 16 марта, выражала восторг по поводу возобновления дружеских сношений после того, что она думала, «что всё было кончено между ними». Однако, порванная однажды переписка не налаживалась, по крайней мере до нас дошло лишь еще пять писем Софьи Михайловны к Александре Николаевне за 1833 год, четыре письма за 1834-й, два письма — за 1835, ни одного — за 1836-й и лишь одно единственное за 1837-й... Познакомимся с ними в их хронологической последовательности.

У Боратынской было в 1833 году уже двое детей от второго мужа; они да маленькая Лиза Дельвиг брали у нее всё время, — на переписку не оставалось досуга; письма, попрежнему временами восторженные, становились короче, и, наконец, совсем прекратились.

Поделившись с подругою сведениями о Лизе, которая очень походила на своего отца внешнею, С. М. Боратынская сообщала о своих брате и отце. «Миша всё живет в Виленской губернии», писала она весною 1833 г., «со своею женою и четырьмя сыновьями; он хочет вступить в гражданскую службу, и мой отец подыскивает ему место. Последний, т. е. отец, в Москве, сенатором; он хорошо относится ко мне теперь, — говорю теперь, т. к. я не уверена, что его ипохондрическое настроение приведет ему в голову каких-нибудь неблагоприятных ко мне мыслей, что время от времени случается, хоть быстро и проходит. Он приезжал сюда повидаться со мною про-

шлым летом, ибо имение его находится всего в 150 верстах от нашего. Он был в высшей степени любезен со всеми нами, — ты ведь знаешь, умеет ли он быть любезным, когда захочет того». В одном письме она касалась своего мужа; говоря, что у нее много разных огорчений, она писала: «Не относи этого на счет моего мужа: это молодой человек редкого благородства души, — можно сказать без преувеличения, — и хотя у нас бывают с ним ссоры, — они бывают лишь из-за любви и из-за ревности (он до крайности ревнив);¹ я вовсе не счастлива в его семействе; я вынуждена жить в нем, в ожидании того, когда наши средства позволят нам выстроить отдельный дом (мы решили прожить несколько лет в деревне)... В течение трех лет, что я поселилась здесь, я никуда не выезжала; я веду очень уединенную жизнь, будучи или беременною, или кормя детей, — что освобождает меня от визитов; мы тоже мало кого принимаем у себя: соседей у нас хоть и много, но лишь немногие ездят к нам, так как моя свекровь почти всегда находится в состоянии глубокой ипохондрии и не любит видеть у себя гостей. Два или три семейства, приезжающих собственно к нам, т. е. к Сергею и ко мне, доставляют нам иногда приятные дни; это люди довольно приличные, и мы не очень стесняемся принимать их, т. к. моя свекровь с недавнего времени перестала появляться в гостиной, даже тогда, когда мы находимся в своей семье; она не бывает даже за обедом.² Эти наши знакомые — семейство Устиновых, муж и жена, прекрасные люди, хотя и ограниченные; Кривцов и его жена, — он человек весьма умный, светский и вполне замечательный; она — особа 36 — 38 лет, прекрасно знающая свет, в котором она постоянно жила,

¹ Об этих ссорах сообщала мужу О. С. Павлищева в 1835 г. («Пушкин и его современники», вып. XVII—XVIII, стр. 169, 188).

² Любопытные черты матери поэта Е. А. Боратынского.

добрая, хотя несколько странная по некоторым аффектированным манерам, сохраненным ею с молодых лет, которые ей можно простить, так как она была очень красива (я, помню, видела ее в Петербурге) и сохраняет еще остатки красоты, почему и происходит, что она не может отделаться от некоторых мелких приемов, хорошо идущих к молодой и красивой женщине и даже грациозных, хотя и не совсем естественных.¹ Наконец, — Чичерин и его жена, молодая чета, весьма счастливая. Чичерин — человек превосходного воспитания и отличного ума; он очень близок с моим мужем.² У всех этих трех супругов есть дети, — почему мы всегда можем найти взаимоотношения между собою, как матери семейств. Есть еще и другие лица, о которых я не говорю, так как они не составляют, как эти, нашего обыкновенного общества. Но то, что способствует украшению нашего уединения, это — присутствие моего шурина Евгения (поэта), который этим летом приехал, чтобы поселиться здесь со своими женою и детьми. Он счастливее нас, так как построил себе отдельный дом, сбоку от большого дома. Что это за человек, мой друг! Это истинно поэтическая душа! Какой возвышенный ум, какая нравственная чистота, какая высота чувств! У него много сходства в нравственном отношении с моим покойным мужем. Ты знаешь, что они были связаны с ним, как братья. Мы часто говорим о нем, — это так сладко для меня. Его жена — особа, достойная его, они очень счастливы. Итак, чтобы дать

¹ Известный Николай Иванович Кривцов (некогда приятель Пушкина) и его жена, Ек. Фед., рожд. Вадковская, жившие в имении Любече, Тамбовской губ. См. кн. М. О. Гершензона: «Декабрист Кривцов и его братья», М. 1914.

² Поручик Николай Васильевич Чичерин и его жена Екатерина Борисовна, рожд. Хвоцинская, родители известного юриста и философа, проф. Московского университета Бориса Николаевича Чичерина (1828 — 1904).

тебе представление об этом семействе, скажу тебе, что эти, столь благородные существа, в нем не любимы... Им завидуют за их достоинства, за их превосходство. Как настоящие гарпии, они хотели бы пустить яду даже в их домашнее счастье. И только мой муж, у которого благородная душа, способен ценить достоинства Евгения, восторгаться им и понимать его. Поэтому они очень тесно связаны, и это наполняет мое сердце радостью... Моя Лиза — премилое маленькое создание, живое, доброе; я думаю, что ее характер — из тех, на которые можно смотреть, как на лучшие, лишь бы их хорошо направлять и не позволить им стать буйным. Что касается ее лица, то я уже говорила тебе, что это — портрет отца, но она будет красивее; она начинает говорить по-французски... Я читаю всё, что появляется нового, — то нам достают книги, то мы их себе выписываем. Знаешь ли ты Бальзака и нравится ли он тебе? Вышивание по канве было моею страстью в прошлом году, как оно твоя страсть теперь. Надо признаться, что это — работа, которая может приятно развлекать. Я теперь не вышиваю с утра до вечера, но у меня всегда есть начатая работа, и я тружусь за ней от времени до времени. Благодарю тебя за интерес, который ты проявляешь к семейству Дельвигов. Моя свекровь постоянно мне пишет и, кажется, любит меня как и прежде; я же смотрю на нее как на свою собственную мать и, конечно, на мать, к которой я питаю искреннейшую и величайшую приверженность...»¹

«Я и мои трое детей чувствуют себя хорошо», пишет она через полгода, «но мне грустно по случаю отъезда моего шурина Евгения и его семейства: они уехали надолго в Москву, оставив у нас большую пустоту. Настя (моя невестка) может быть возьмет надобность сообщить мне

---

¹ Из письма от 13 ноября [1833 г.].

о вещах, которые она не хотела бы высказывать открыто, из боязни, чтобы их не узнал кто-либо из здешних членов нашего семейства. Для большей безопасности я обещала ей поэтому (зная твою дружбу), что она может иногда адресовать свои письма к тебе, причем я уверена, что ты не откажешься взять на себя труд переслать их ко мне в твоих пакетах, — никому и в голову не придет, что в конверте, носящем на себе почерк неизвестного лица, находится еще Настино письмо, посланное таким длинным путем...»¹

18 июля Софья Михайловна уже благодарила подругу за пересылку к ней письма Настасьи Львовны Боратынской; осторожность ее в чужой семье доходила до того, что она «сжигала каждое письмо, едва прочитав его». — «Я свято сохраняю эту принятую на себя обязанность по отношению ко всем, кто переписывается со мною под этим условием». Из письма от 16 января 1835 г. узнаем, что у А. Н. Карелиной родилась в конце 1834 г. дочь Елизавета, а у С. М. Боратынской, 22 декабря, — дочь Софья, которую, по слабости здоровья, она не решилась кормить сама и взяла кормилицу: «Я боялась сухотки, тем более, что Маменька моя этой болезнью скончалась», объясняла она.²

На большом и очень дружеском письме Софьи Михайловны от 20 января 1837 года переписка подруг прекратилась уже навсегда, — ни одного за более позднее время в архиве Боратынских не сохранилось. В этом есть что-то providенциальное: пока письмо Софьи Михайловны шло в Оренбург, пресеклись дни жизни Пушкина, — того человека, пламенными поклонницами которого с юных дней были обе подруги. С этого момента они

¹ Из письма от 12 июня 1834 г.

² Из письма от 10 апреля 1835 г.

как будто потеряли остаток молодого энтузиазма, который так свойствен был им обоим...

Мы мало знаем о дальнейшей жизни Боратынской и Карелиной. О том, как прожила свою дальнейшую жизнь Софья Михайловна, мы уже однажды рассказывали¹ и здесь повторяться не будем. Скажем лишь, что общим своим обликом она, повидимому, подходила под тот тип женщин, который так нравился Пушкину и другим мужчинам той эпохи. Она отнюдь не была «причудницей большого света», которых так рано оставил и Онегин, находя современный ему высший тон «довольно скучным». Вспомним, как описывал Пушкин этих «причудниц»:

Хоть может быть иная дама
Толкует Сея и Бентама;
Но вообще их разговор —
Несносный, хоть невинный вздор.
К тому ж оне так непорочны,
Так величавы, так умны,
Так благочестия полны,
Так осмотрительны, так точны,
Так неприступны для мужчин,
Что вид их уж рождает сплин.²

С. М. Дельви́г-Боратынская была женщиной противоположных качеств ума и души, — вот чем она нравилась и Пушкину, и Дельви́гу, и Боратынскому, и Вульфу, и многим другим ее поклонникам...

Что касается А. Н. Карелиной, то судьба дала ей в удел, повидимому, столь же долгие годы, как и ее подруге: родившись в 1808 г. в день Благовещения, она была жива еще в 1885 году,³ вдовела она с 1872 г. и проживала в своем имении — сельце Трубицыне, Московского

¹ «Былое» 1924 г., № 26, стр. 58 — 60; «Роман декабриста Каховского», ГИЗ, 1926, стр. 115 — 117.

² «Евгений Онегин», гл. I, строфа XLII.

³ «Русский Архив» 1885 г., кн. I, стр. 461.

уезда, в 38 верстах от Москвы по Ярославскому тракту, близ станции Пушкино, вместе с незамужнею дочерью своею Софьею Григорьевною, — крестницею С. М. Дельвиг; С. Г. Карелина была жива еще в 1913 г., жила в том же Трубицыне, имея уже 87 лет от роду; сестра ее, Елизавета Григорьевна (род. в 1834 г., ум. в 1902 г.), была замужем за известным ботаником и общественным деятелем профессором Андреем Николаевичем Бекетовым; дочь последних — Александра Андреевна — была матерью поэта Александра Блока.

10-Х. 1925 г.

РАБОТЫ П. В. АННЕНКОВА О ПУШКИНЕ

Пушкиноведение — наука еще новая: ей всего около 70 лет, если считать от первых наших пушкинистов — Бартенева, Анненкова и Грота. За эти 70 лет она дала обильную литературу; но обилие это скорее количественного, чем качественного значения, — ибо, тогда как работы о Пушкине исчисляются не сотнями, а тысячами, — мы до сих пор не имеем ни одной монографически-полной, научно написанной биографии поэта, которая удовлетворяла бы всем требованиям, какие к такой биографии могут быть теперь предъявлены. Причин этого прискорбного явления много, — и одна из них, едва ли не главнейшая, то обстоятельство, что к работам над Пушкиным, — были ли то вопросы текста или истории творчества, или вопросы биографии поэта, подходили без выработанных методологических приемов, принимались за дело с легким сердцем, брались за него, как за дело простое, обычное, чуть ли не всем доступное. Этими чертами некоторого легкомыслия грешили многие, даже очень известные пушкинисты, имен которых не называем, так как за каждым из них, кроме грехов, имеются и заслуги, за которые мы должны быть им благодарны, если вспомним, какую работу они в общем проделали. Лишь в последние 15—20 лет изучение Пушкина становится на должную высоту, становится наукой. Пушкиноведение из области просвещенного любительства или более или менее случайного занятия переходит на степень пристального исследовательского труда, начав с проверки того, что в области изучения текстов и биографии Пушкина сделано было в предыдущие

десятилетия. Такой цели призван служить и служит вот уже двадцать пять лет основанный в 1902 г. Академический сборник «Пушкин и его современники», из недр которого вышла целая плеяда пушкинистов - исследователей, в работах своих вновь поставивших и окончательно разрешивших ряд общих и частных вопросов пушкиноведения, запутанных подчас, казалось, до полной неразрешимости. Задачами пересмотра, ревизии того, что сделано было по вопросам пушкиноведения, посвящены многие капитальные работы П. Е. Щеголева, покойного М. О. Гершензона, Н. О. Лернера, М. Л. Гофмана, Б. В. Томашевского, Ю. Г. Оксмана и наконец М. А. Цявловского, который недавно издал в своей, как всегда, ювелирно-тонкой и изящной обработке записанные много лет тому назад П. И. Бартевым рассказы о Пушкине нескольких современников, друзей и знакомых поэта. Хотя П. И. Бартев (род. 1829, ум. 1912), основатель «Русского Архива», не пользуется теперь, как пушкинист, такую известностью, как Анненков, Грот, Ефремов, Майков и другие, — его заслуги в области пушкиноведения весьма значительны: его, собственно говоря, следует считать главою *научного* пушкиноведения, основателем «науки о Пушкине». Человек с большим научным и литературным образованием, с обширнейшими историческими и историко-литературными познаниями, с редкой склонностью к русской словесности и с благоговейной любовью к Пушкину, — он был первым русским ученым, который, спустя лишь десяток лет после смерти поэта, начал собирать материалы о нем и об его литературном наследии. Метод собирания этих материалов был прост, но верен: Бартев расспрашивал лиц, близких к Пушкину, и затем немедленно заносил вызнанное от них на бумагу, а иногда давал еще свою запись рассказчику и на проверку.

Из таких записей составлялся ценнейший биографи-

ческий и историко-литературный материал, предназначенный Бартевым для дальнейшей обработки в форме связной, подробной биографии Пушкина. Как известно, Бартев успел обработать лишь начальные главы жизнеописания своего любимого писателя и затем, уступив место Анненкову, приобретшему право на издание сочинений Пушкина, он исключительно отдался «составлению» и изданию своего детища — «Русского Архива» и к Пушкину возвращался уже редко и то лишь по отдельным поводам, — а собирание материалов совсем прекратил; но тетрадь с его ранними записями, по счастливой случайности, сохранилась в руках известного московского любителя книги — Л. Э. Бухгейма — и недавно, — в 1925 г. — издана просвещенною фирмою М. В. Сабашникова на радость и на пользу всех, кто любит и изучает Пушкина.

Свои работы по собиранию материалов для *биографии* Пушкина Бартев начал около 1850 года и вел их в 1852 — 1853 гг.¹ Тогда же и с теми же приемами приступили к работам по изучению Пушкина и Павел Васильевич Анненков, которого судьба вовлекла в это дело довольно неожиданно для него;² одновременно с работою над текстами он стал собирать материалы и для биографии поэта,³ литературный и человеческий облик которого постепенно завлек этого деятельного исследователя, а затем и окончательно покорило его своим обаянием.

До настоящего времени мы знали мало подробностей о путях, которыми шел Анненков к достижению поставлен-

---

¹ О работах Бартева по Пушкину см. в названном издании «Рассказов», стр. 7 — 10.

² См. ниже в переписке И. В. Анненкова с П. В. Анненковым.

³ См. письмо Погодина к Плетневу от 17 декабря 1851 г. — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, 1896, стр. 757. Из письма М. Н. Каткова к Анненкову от 3 ноября 1854 г. видно, что между Бартевым и Анненковым было своего рода соперничество в работе («Анненков и его друзья», т. I, СПб. 1892, стр. 491 — 492).

ной себе грандиозной задачи — издания первого *научного* собрания сочинений Пушкина и такой же его биографии. Из работ Л. Н. Майкова, Д. Сапожникова и И. А. Шляпкина, в руки которых попали и которыми были использованы некоторые остатки от «пиршеств» Анненкова, мы могли лишь догадываться о том, чем обладал последний и как он работал. И если приемы издания текстов Пушкина и способы обращения его с подлинными рукописями поэта вызывали справедливую критику позднейших исследователей,¹ а подчас и негодование на кощунственное с нашей точки зрения отношение к драгоценным автографам, бывшим в его бесконтрольном распоряжении, — то знаменитые «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина», составляющие I том «Сочинений Пушкина» под ред. Анненкова и выпущенные одновременно со II томом этого издания,² — до сих пор остаются не опороженными и служат исходным пунктом при исследовании многих биографических и иных вопросов пушкиноведения.³ Если мы припомним то плачевное состояние, в котором находилась пушкинская историография ко времени появления в свет «Материалов» Анненкова, наличие большого числа поклонников поэта и лиц, хорошо помнивших его еще в жизни, а также огромное количество новых, совершенно свежих и чрезвычайно интересных, собранных Анненковым материалов, которые заключала в себе эта первая биогра-

¹ См. «Русская Старина» 1884 г., № 2, стр. 416, и «Критико-биографический словарь» Венгерова, т. I, стр. 602 — 604.

² Цензурная помета этого I тома (как и II) — 22 октября 1854 г. (помета под предисловием II тома — 1-е сентября 1853 г.); том VII (дополнительный) вышел в 1857 г.

³ «Что совершенно устарело и что сохраняет свою ценность в пушкинских работах Анненкова?» — одна из частных тем предлагаемой «пушкинской студией» Н. Ю. Пиксанова общей темы: «П. В. Анненков как пушкинист» («Пушкинская студия», изд. «Атеней», Пгр. 1922, стр. 83).

фия Пушкина, — нам станет понятным тот хор приветствий, какими встречен был замечательный труд Анненкова.¹ Еще до выхода его в свет Плетнев уведомлял (6 янв. 1855 г.) кн. П. А. Вяземского, бывшего за границу: «Про биографию Пушкина, составленную Анненковым, вы конечно уже слышали. Она содержит в себе столько подробностей, что из нее одной выйдет том».² Когда же издание было совсем уже закончено, в ноябре 1857 г., выпуском VII тома, Лонгинов восклицал: «Весело библиографу и любителю литературы говорить о появлении подобных книг! Как не радоваться, что первый из наших поэтов издан полно, отчетливо, с полным знанием дела, с благоговейным уважением к его любезной для всякого из нас памяти?»³ Он находил, что изданием своим Анненков оказал «не одну литературную, но и важную общественную услугу»;⁴ так же писал впоследствии и С. А. Венгеров в статье своей об Анненкове, говоря об издании сочинений Пушкина 1855 г.: «это был настоящий подвиг со стороны Анненкова — подвиг не только литературный, но и общественный. Нужно прочесть статью Анненкова «Любопытная тяжба»,⁵ чтобы увидеть, сколько энергии и ловкости пришлось употре-

---

¹ А.-Я. Головачева-Панаева ошибается, говоря, что «по общему мнению» издание Анненкова вышло плохое («Воспоминания», 1890, стр. 249; изд. Academia 1928, стр. 301).

² Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. III, СПб. 1885, стр. 418; там же, на стр. 409, — вопрос Вяземского Плетневу в письме от 19 ноября 1852 г.: «Что слышно о новом издании Пушкина?»

³ Сочинения, т. I, изд. Л. Э. Бухгейма, М. 1915, стр. 289.

⁴ Сочинения, т. I, изд. Л. Э. Бухгейма, М. 1915, стр. 290. О материалах по сочинениям Пушкина, собиравшихся Лонгиновым в виде дополнений к изданию Анненкова в 1855 — 1856 г., при помощи обращений к друзьям и знакомым Пушкина, см. там же, стр. 574 — 575 и 576.

⁵ См. «Вестник Европы» 1881, кн. 1; перепечатана в книге «П. В. Анненков и его друзья», т. I, СПб. 1892.

бить издателю, чтобы отстоять неприкосновенность Пушкинского текста». ¹

Итак, до последнего времени значение работы Анненкова не поколеблено, — его труд с благодарностью вспоминается и используется всеми, кто обращается к работам над Пушкиным.

Познакомимся теперь с некоторыми данными по истории издания Анненкова и его трудов, связанных с этим изданием, пользуясь для этого печатными и рукописными материалами, хранящимся в Пушкинском Доме.

Из публикуемой ниже переписки Ивана и Федора Васильевичей Анненковых с их младшим братом Павлом Васильевичем видно, что главным побудительным основанием к работам последнего послужило желание вдовы Пушкина — Натальи Николаевны Ланской и ее мужа — генерала Петра Петровича Ланского (одного из членов опеки над детьми и имуществом Пушкина) — осуществить новое издание сочинений Пушкина. Желание диктовалось как спросом на произведения поэта, так и соображениями о выгодах детей Пушкина, наследников его литературных прав. К концу 1840-х г.г. так называемое «посмертное» издание сочинений Пушкина, выпущенное опекою в 1838 — 1841 г.г., окончательно было распродано и было найдено лишь у букинистов и притом, по высокой цене. ² Из писем Н. Н. Ланской к мужу в 1849 г. мы узнаем, что вопрос о приискании издателя на сочинения Пушкина очень занимал ее в то время.

Так, 20 июля 1849 г. Н. Н. Ланская писала мужу из Петербурга (по-французски):

«Я была у Исакова, которому я очень хочу предложить купить издание Пушкина, не имея до сих пор никакого ответа от других книгопродавцев. Не найдя хозяина в

¹ «Критико-биографический словарь», т. I, 1889, стр. 598.

² «Современник» 1854 г., т. XLVIII, отд. V, стр. 119.

лавке, я получила обещание, что его пришлют ко мне в воскресенье». ¹ В одном из следующих писем, от 2 октября 1849 г., она писала (по-французски): «Был у меня Попов,² который пришел сказать, что книгопродавцы не дадут более — Глазунов 14.000 асс. и Лоскутов 10.000. Он не советует мне уступить издание по столь низкой цене. По его мнению было бы лучше всего напечатать издание самим, и войти в соглашение с типографией Дубельта или каким-либо учреждением подобного рода, принадлежащим Правительству, с тем чтобы они исполнили на свой счет и удержали бы плату впоследствии, — деньгами, которые будут выручены».

Однако, или предложения книгопродавцев были признаны Н. Н. Ланской и Опекой слишком невыгодными, или книгопродавцы, в конце концов, не рискнули завершить свои более чем скромные предложения заключением формального договора, — но Ланские решили последовать совету Попова — самим выступить в роли издателей. В это время П. П. Ланской, генерал-майор и генерал-адъютант, был командиром л.-гв. Конного полка, а третьим полковником в полку был Иван Васильевич Анненков. Человек просвещенный, он тогда только что выпустил в свет четырехтомную «Историю л.-гв. Конного полка от 1731 по 1848 год», которая доставила ему громкую известность в военных кружках;³ с 7 ноября 1846 г. он был флигель-адъютантом Николая I. Близкий к Ланским, он пользовался их доверием, был своим человеком в их доме, был им предан

¹ Пушкинский Дом, архив А. П. Араповой, рожд. Ланской, неизданные письма Н. Н. Ланской к мужу за 1849 г.

² Это, вероятно, Михаил Максимович Попов, известный чиновник III Отделения, с которым Пушкину не раз приходилось иметь дело при сношениях с Бенкендорфом, фон-Фоком и Дубельтом, автор статьи о Пушкине, опубликованной впоследствии в «Русской Старине».

³ «Исторический Вестник» 1887 г., № 8, стр. 471.

и оказывал разные услуги в ведении имущественных дел. По словам близкого к нему И. Г. Данилова, И. В. Анненков «отличался глубокою религиозностью и редкою душевною добротою, которая неволью привлекала к себе его сослуживцев и тех немногих близких к нему лиц, в кругу которых он проводил часы своего досуга». ¹ Помимо упомянутой выше «Истории л.-гв. Конного полка», Анненкову принадлежат воспоминания о Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в которую он поступил в 1831 г., 18-летним молодым человеком. Воспоминания эти напечатаны лишь в 1917 г. в № 3 журнала «Наша Старина»; к сожалению незаконченные, они отличаются большим богатством содержания, прекрасно рисуют внутренний быт и порядки этого своеобразного военно-учебного заведения и написаны с несомненным литературным талантом: очевидно, любовь к литературным занятиям была присуща И. В. Анненкову, как и его братьям, так как и третий брат — Федор Васильевич Анненков также страстно любил Пушкина и усердно помогал братьям в работах над изданием сочинений поэта.

На И. В. Анненкове, как возможном издателе Пушкина, и остановились Н. Н. и П. П. Ланские. Вспоминая впоследствии о зиме 1849/1850 г., которую он проводил в Петербурге по возвращении из-за границы, П. В. Анненков писал:

«В это время Ланская, по первому мужу Пушкина, делами которой, по дружбе к семейству, занимался брат Иван, пришла к мысли издать вновь сочинения Пушкина,

¹ «Русская Старина» 1892 г., № 1, стр. 70. Впоследствии И. В. Анненков назначен был (в 1852 г.) и. д. Вице-Директора Инспекторского Департамента Военного Министерства, 17 апреля 1855 г. произведен в генерал-майоры и назначен Александром II в свиту; с 15 марта 1862 по 17 апреля 1866 г. занимал должность Петербургского обер-полицеймейстера, и с 9 июня 1867 г. — Петербургского коменданта; назначен генерал-адъютантом и произведен в генерал-от-кавалерии.

имевшие только одно издание 1837 года. Она обратилась ко мне за советом и прислала на дом к нам два сундука его бумаг. При первом взгляде на бумаги я увидел, какие сокровища еще в них таятся, но мысль о принятии на себя труда издания мне тогда и в голову не приходила. Я только сообщил Ланской план, по которому, казалось мне, должно быть предпринято издание. . .»¹

План этот, в деталях наименее известный, очевидно, был принят Опекою, так как из прошения ее, с которым она через несколько месяцев, 30 августа 1850 г., обратилась к гр. А. Ф. Орлову, видно, что, испрашивая высочайшее соизволение «на напечатание новым изданием всех сочинений покойного Александра Сергеевича Пушкина в том виде, как они были напечатаны в последнем издании», Опека намеревалась «изменить один только порядок распределения статей» и дополнить новое издание некоторыми стихотворениями, не бывшими еще в печати.² Разрешение на испрашиваемое издание было дано, по докладу Орлова, уже 31 августа,³ о чем тотчас была уведомена и Опека, и министр народного просвещения А. С. Норов, как глава цензурного ведомства, долженствовавшего следить за новым предположенным изданием.⁴

Но изданию этому не суждено было осуществиться, так как И. В. Анненков, став, как упомянуто, ближе к делу литературного предприятия Опеки и заинтересовав-

---

¹ «Былое» 1922 г., № 18, стр. 10: «Две зимы в провинции и деревне» — воспоминания Анненкова.

² Дела III Отделения о Пушкине, СПб. 1906, стр. 216. Этих не бывших в печати стихотворений Опека предполагала прибавить лишь три: «На кончину Кутузова», «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу» и «Когда б не смутное волненье», причем последнее, «как совершенно пустое стихотворение», Николаем I разрешено к печати не было. [Автор первого из стих. — Ал-ей М. Пушкин. *Ред.*]

³ Там же, стр. 216, 219.

⁴ Там же, стр. 220, 221.

пись им, по горячей любви своей к творениям Пушкина, сам пожелал познакомиться с оставшимся от поэта рукописным наследием. В пространных и обстоятельных письмах к брату Павлу Васильевичу от 21 апреля, 12 и 19 мая 1851 г. (см. ниже стр. 381—394) он, вместе с старшим братом Федором Васильевичем,¹ сообщал ему о результатах этого ознакомления и совревавшем намерении взять на себя новое издание сочинений Пушкина, причем убеждал Павла Васильевича принять участие в работе по редакции издания, доказывая, что такая работа вполне по его силам и что неважно привлечь к ней постороннего литератора (вроде рекомендованного ему С. С. Дудышкина), которому должно будет за работы заплатить — и не мало. Утвердившись в своем намерении, он заключил с Н. Н. Ланской письменный договор, который и был подписан обеими сторонами перед самым отъездом Натальи Николаевны за границу, состоявшимся 12 мая 1851 г.² Известие о решении братьев поразило П. В. Анненкова «громадностью задачи на достойное исполнение плана»...³ Но осенью того же года, когда Ив. В. Анненков привез в Москву известие, что «дело издания Пушкина он порешил окончательно с Ланской, заключив с нею и формальное условие по этому поводу», «издание», говорит Анненков, «разумеется, очу-

---

¹ Он в это время был генерал-майором свиты е. в. (с 3 апреля 1849 г.) и состоял в запасных войсках; перед тем был (с 25 июня 1834 г.) флигель-адъютантом, а затем (с 28 мая 1849 г.) вторым помощником московского коменданта; впоследствии, 29 декабря 1854 г., был назначен нижегородским губернатором, но 10 сентября 1856 г. был уволен от должности, а 12 октября и вовсе от службы и умер 7 декабря 1869 г.

² «С.-Петербург. Ведомости» от 16 мая 1851 г., № 108, стр. 436: в числе уехавших в Штеттин на пароходе «Прусский Орел» значится жена генерал-адъютанта Ланская с дочерьми и сестрой (Александрой Николаевной Гончаровой).

³ Воспоминания Анненкова — «Былое» 1922 г., № 18, стр. 12.

тилось на моих руках. Страх и сомнение в удаче обширного предприятия, на которое требовались, кроме нравственных сил, и большие денежные затраты, не покидали меня и в то время, когда уже по разнесшейся вести о нем, я через Гоголя познакомился с Погодиным, а через Погодина с Бартеневым (П. Ив.), Нащокиным и другими лицами, имевшими биографические сведения о поэте. Вместе с тем я принялся за перечитку журналов 1817—1825 годов...¹

До нас сохранилась записка Гоголя к Погодину, относящаяся, повидимому, к сентябрю 1851 г., в которой Гоголь писал Погодину о своем старом знакомце: «Павел Васильевич Анненков, занимающийся изданием сочинений Пушкина и пишущий его биографию, просил меня свести к тебе за тем, чтобы набрать и от тебя материалов и новых сведений по этой части. Если найдешь возможным удовлетворить, то по мере сил удовлетвори». ² Сохранились в бумагах Анненкова, по свидетельству Л. Н. Майкова, и следы просмотра Анненковым периодической печати пушкинской эпохи, в виде «целых тетрадей его выписок и извлечений из журналов не только этого, но и более позднего времени» (из «Вестника Европы», «Московского Телеграфа», «Московского Вестника», «Атеней», «Телескопа» и т. д.). «Очевидно»,— пишет Майков: «биограф придавал особое значение старинной журнальной полемике и справедливо искал в ней указаний на то, как постепенно слагалось в русском обществе воззрение на поэтическую деятельность Пушкина». ³

«Рядом со старыми журналами» — читаем у Майкова: «другим важным источником служило для Анненкова живое предание. В то время, когда он принялся за свой

¹ Воспоминания Анненкова — «Былое» 1922 г., № 18, стр. 16.

² Барсуков, Жизнь и труды Погодина, кн. XI, стр. 311.

³ Л. Майков, Пушкин, С.-Пб. 1899, стр. 320.

труд, еще жили и здравствовали многие из соучеников Пушкина по Лицею, а также многие другие близкие к нему люди. Анненков обратился к содействию их памяти. В числе лиц, собиравших ему письменные сведения, важнейшие были следующие: младший брат поэта — Лев Сергеевич, их свояк Н. И. Павлицев,¹ П. А. Катенин,² В. И. Даль и некоторые из лицейских товарищей Пушкина, изложившие свои воспоминания в одной общей записке. Все это были биографические свидетельства первостепенной важности, и Анненков воспользовался ими обильно. Впоследствии почти все они появились в печати, и ненапечатанными остались только воспоминания Катенина. К сожалению, рукопись их не находится в той части бумаг Анненкова, которая была нам сообщена»³.

Собирал он и устные рассказы современников Пушкина; так, сохранилось указание на участие Анненкова вместе с П. И. Бартеневым и другими на вечере у Погодина 7 октября 1851 г., устроенном специально для беседы и воспоминаний о Пушкине.⁴ Запись для Анненкова рассказов С. П. Шевырева, сделанная едва ли не Н. В. Бергом, еще 23 декабря 1850 — 3 января 1851 г., опубликована Л. Н. Майковым в его сборнике «Пушкин».⁵ О рассказах

---

¹ Л. Н. Майков утверждает, что Павлицев записал для Анненкова рассказы своей жены, сестры Пушкина, но запись эта никогда не появлялась в печати и даже не уцелела в бумагах Анненкова (Пушкин, стр. 3).

² Об этих трех записках упоминалось и в объявлениях об издании 1855 г., напечатанных в разных периодических изданиях и в «Месяцеслове» на 1855 г.; ср. «Анненков и его друзья», стр. 384.

³ Л. Майков, Пушкин, стр. 320. Записка Катенина ныне принадлежит П. Е. Щеголеву и готовится им к печати.

⁴ «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 28, 79 — 80.

⁵ Стр. 322; подлинник записки — в Пушкинском Доме, архив Анненкова № 5752.

П. В. Нащокина и П. А. Плетнева упоминает сам Анненков в своих «Материалах для биографии»...¹ По поводу всех этих бесед Анненкова Л. Н. Майков писал: «Много важного, любопытного и характерного имел он случай услышать от П. В. Нащокина, П. А. Плетнева, М. П. Погодина; но уже в самом свойстве их сообщений заключалась известная слабая сторона: изустные рассказы не могли не быть отрывочными и не представляли той определенности и полноты, какой можно ожидать от воспоминаний, изложенных на письме, более тщательно обдуманных и нередко подкрепленных справками в современных документах. Повидимому, впрочем, не все друзья Пушкина, даже опытные в литературных делах, чувствовали себя в силах последовательно высказать все те впечатления, какие сохранили они от близких сношений с великим человеком. Так, П. А. Плетнев, напечатавший о Пушкине небольшую статью в 1838 году и призывавший других к сообщению сведений о нем, сам не решался впоследствии взяться за перо, чтоб изложить свои собственные воспоминания, как можно было бы ожидать от его дружбы.»² А между тем рассказы о Пушкине были одною из любимых тем в его беседах, и кто имел случай слышать их, согласится с нами, что чувство, которое питал Плетнев к дорогому покойнику, нельзя назвать иначе, как обожанием. Казалось, всё одинаково нравилось Плетневу в личности Пушкина».³

Несомненно, однако, что не всё, что слышал, узнавал и

¹ См. напр., стр. 216 и др. Помимо указанных материалов, Анненков изучал также и дела Опекы над детьми и имуществом Пушкина (см. в статье Б. Л. Модзалевского — «Пушкин и его современники», вып. XIII, стр. 91, прим. 1).

² Так же не решался сделать это и С. А. Соболевский, о чем прямо заявлял Лонгинову в 1855 г. — «Пушкин и его современник», вып. XXXI — XXXII, стр. 38.

³ Л. Майков, Пушкин, стр. 321.

знал Анненков, он смог и пожелал огласить: это видно, между прочим, и из приводимых ниже кратких записей Анненкова, который иные из отмеченных им фактов не ввел в свои «Материалы» и вовсе не использовал. Как бы то ни было, с конца 1851 г., Анненков погрузился в работы по Пушкину, — и дело у него пошло быстро и успешно, хотя робость и неуверенность в своих силах не покидали его. Когда, в октябре 1851 г., Анненков, поправившись от болезни, приехал из Москвы в Петербург с братом Федором Васильевичем,¹ слух о его предприятии получил уже широкую огласку.² 17 декабря 1851 г. Погодин из Москвы писал Плетневу о работе Анненкова и о желательности содействия ему в этой работе;³ в то же время (15 января 1852 г.) и Соболевский писал Погодину, обещая свою помощь в работах П. И. Бартенева: «Анненкова я тоже знаю, но с сим последним мне следует быть осторожнее и скромнее, ибо ведаю, коль неприятно было бы Пушкину, если бы кто сообщил современникам [?] то, что писалось для немногих или что говорилось или не обдумавшись, или для острого словца, или в минуту негодования в кругу хороших приятелей.»⁴

Под 25 февраля 1852 г. читаем в Дневнике А. В. Никитенки: «Встретился в зале Дворянского собрания с Анненковым, издателем сочинений Пушкина. Государь позволил печатать их без всякой перемены, кроме новых, какие найдутся в бумагах поэта: последние должны подвергнуть-

¹ «Былое» 1922 г., № 18, стр. 17.

² К этому времени, повидимому, следует отнести рассказ А. Я. Голвачевой-Панаевой, которая к Анненкову относится весьма неблагоприятно и старается все дело его издания свести к желанию Анненкова нажать на нем деньги («Воспоминания» А. Панаевой, под ред. К. И. Чуковского, Лгр. 1927, стр. 295 — 301). К рассказу ее следует отнестись с полным недоверием.

³ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, стр. 757.

⁴ Н. П. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, кн. XI, стр. 315.

ся цензуре на общих основаниях. Новых, говорит Анненков, очень много. Разумеется, их трудно будет поместить в предстоящем издании. Анненков за всё заплатил вдове Пушкина пять тысяч рублей серебром, ¹ с правом напечатать пять тысяч экземпляров. Выгодно!» ²

В августе 1852 г. П. В. Анненков, проработав несколько месяцев над бумагами Пушкина, хранившимися у его вдовы и ею переданными в распоряжение редактора, ³ уехал, для большей продуктивности работы и чтобы иметь возможность сосредоточиться на ней одной, в свою деревню, — село Чирьково, Симбирской губернии. ⁴

Некоторые сведения о ходе его работ, о различных частных вопросах, с нею связанных, о сомнениях, колебаниях и затруднениях, встречавшихся ему на пути, мы находим в отчасти еще неизданной переписке Анненкова с Тургеневым, хранящейся, в подлинниках и копиях, в Пушкинском Доме. Приводим из этой переписки несколько извлечений, которые покажут, между прочим, какое значение придавал Тургенев, — как известно, горячий почитатель Пушкина, — труду Анненкова. ⁵

12 октября (1852 г.) Анненков писал Тургеневу из сво-

---

¹ Ср. в заметке А. А. Пушкина — «Исторический Вестник» 1887 г., № 4, стр. 240.

² Записки и дневник, т. I, СПб. 1905, стр. 405. В «Русской Старине» 1890 г., № 3, стр. 643, и в изд. Лемке Анненков, названный Никитенкой без инициалов имени и отчества, раскрыт, как Павел Васильевич, между тем как Никитенко имеет в виду (по всей вероятности) *Ивана* Васильевича.

³ Анненков вероятно тогда же изучал и бумаги Опекы над детьми и имуществом Пушкина (см. в статье Б. Л. Модзалевского — «Пушкин и его современники», вып. XIII, стр. 91, прим. 1).

⁴ См. ниже, письмо И. В. Анненкова к Павлу Васильевичу в Чирьково от 26 августа 1852 г.

⁵ Издание это, по первоначальным предположениям, было задумано в двух сериях, с рисунками П. П. Соколова (см. Воспоминания П. П. Соколова — «Истор. Вестник» 1910 г., № 10, стр. 57).

его Чирькова в Спасское Лутовиново: «Третий месяц живу один-одинешенек в деревне и засел на 1832 году биографии Пушкина. Решительно недоумеваю, что делать! Он в столице, он женат, он уважаем — и потом вдруг он убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы, да ничего в голову не лезет. И так, и сяк обходишь, а все в результате выходит одно: издавал Современник и участвовал в Библиотеке. Из чего было хлопотать и трубы трубить? Совестно делается. Бессилие свое и недостаток лучшего писательского качества — изложения твердого и скромного вместе, чтобы всем легко было читать, — видишь как 5 пальцев. Надаешь себе нравственных плюх и сядешь опять за ткацкий станок. Какая же это биография? Это уж не писанье, а просто влаченье по гололедице груза на кляченке, вчера не кормленной. Только и поддержки ей, что убеждение (хорош корм!), что по стечению обстоятельств никто так не поставлен к близким сведениям о человеке, как она. Не будь этой ответственности, не из чего было бы и отравлять себя. И так в ноябре доберусь питоябельным образом до конца¹ в гадчайших лохмотьях. Нечего больно зариться на биографию. Есть кой-какие факты, но плавают они в пошлости. Только и ожидаю одной награды от порядочных людей, что заметят, что не убоился последней. Вот вам исповедь моя — и верьте — бесхитростная...»²

«Я понимаю, как Вам должно быть тяжело так дописывать биографию Пушкина — но что же делать», отвечал Тургенев из деревни 28 октября 1852 г. «Истинная биография исторического человека у нас еще не скоро возможна, не говоря уже с точки зрения цензуры, но даже с точки зрения так называемых приличий. Я бы на вашем месте

---

¹ Об этом сообщал Тургенев Некрасову в письме своем от 28 октября 1852 г. — «Русская Мысль» 1902 г., кн. I, стр. 117.

² Неизданное письмо в Рукоп. Отд. Пушкинского Дома.

кончил ее *ex abrupto* — поместил бы пожалуй рассказ Жуковского о смерти Пушкина. — и только. Лучше отбить статуе ноги, — чем сделать крошечные, не по росту. А сколько я мог судить, торс у вас выйдет отличный. Желал бы я, говорю это откровенно, так же счастливо переменить свою манеру, как вы свою в этой биографии. Вероятно под влиянием великого, истинно-древнего по своей строгой и юной красоте Пушкинского духа, вы написали слабую, умную, теплую и простую вещь. Мне очень хочется дослушать ее до конца. Еще причиной больше вам сюда приехать». ¹

«Кончил биографию», — читаем в следующем письме Анненкова к Тургеневу — от 4 ноября, из Чирькова: — «то-есть, собственно, никогда и не начиналась она, — ну да там мало ли чего захочется человеку, откормленному равными затеями чужой кухни. Ченстон продолжает составлять мучение моей жизни. У меня есть просьба к вам. Напишите мне: 1) *К какому изданию* приложен список предшественников Шекспира и *сколько их* числом (о современниках его я знаю), 2) между Шекспиром и классическим направлением Английской литературы были ли трагики его школы и *сколько их*. Вы понимаете, что сказав это в биографии, мое полное убеждение, почерпнутое из соображений Пушкинских рукописей, что Ченстон выдумка — будет иметь вид посерьезнее, и аккуратным исполнением моей просьбы избавите вы меня от докучных справок в Москве. Сделайте это.

«Вторая просьба. У Пушкина есть список драм, им задуманных, или может даже и написанных, но истребленных потом. В этом списке между Скупым, Моцартом — стоят и заглавия в роде следующих: Ромул и Рем (эти имена достаточно объяснены Кайдановым), *Беральд* или *Берольд*

¹ «Наша Старина» 1914 г., № 8, стр. 755.

Савойский.¹ При этом имени я бросился к Конверсационс-Лексикон — нет, к Biographie universelle — нет, к Лео, к Сисмонди — нет. Что-же это такое? Поройтесь пожалуйста у себя в голове или в шкапу у себя: не найдете ли какой-нибудь ниточки, чтоб вытащить его на свет. Не трубадур ли? Да у Фориеля его тоже нет.

«Третья просьба. Мне нужно непременно знать ваше мнение о Guzla, Меримэ. Имели ли вы эту книгу в руках и нет ли ее у вас и теперь. В последнем случае, величайшее одолжение сделаете, если тотчас же перешлете ее в Симбирск. Я от вас этого жду, но во всяком случае скажите, не кажется ли вам Guzla двойным шарлатанством, — взятием некоторых дальних звуков от мотивов действительно народных и потом заверением, что до всего дошел своим умом. Конечно, все это более объяснилось бы фактами, чем рассуждениями, но мне хочется только знать ваше нравственное убеждение, ваш взгляд, ваше впечатление».²

Между тем, слухи о работе Анненкова распространялись. 19 ноября (1 декабря) кн. П. А. Вяземский спрашивал Плетнева, «что слышно о новом издании Пушкина»,³ а П. И. Барте́нев в то же время писал Плетневу (21 ноября): «Как бы я желал... показать вам мои собрания и материалы. Не без основания думаю, что издание Анненкова не совсем уничтожит мои труды... Хочу с ним состязаться в любви к Пушкину и во внимательности к его творениям... Надо сказать, что ведь я подбираю только оброненные колосья, тогда как у Анненкова целое несжатое поле», и т. д.⁴

5 декабря сам Анненков, в разгаре своих трудов, писал

¹ Ср. в книге «Анненков и его друзья», стр. 484, 485, в статье Анненкова: «Литературные проекты А. С. Пушкина».

² Пушкинский Дом, неизданные письма Анненкова к Тургеневу.

³ Сочинения П. А. Плетнева, т. III, стр. 409.

⁴ Пушкинский Дом, архив Плетнева, письма П. И. Барте́нева.

Погодину, что работа «занимает теперь все его время». «Работа моя, известная вам, оказалась гораздо сложнее, чем я думал. Биография подвигается медленно, что объясняется ее задачей — собирать сведения о Пушкине у современников. Вы знаете, какая бывает беготня за современниками. Биография Пушкина есть может быть единственный литературный труд, в котором гораздо более разъездов и визитов, чем занятий и кабинетного сиденья. Мне удалось уже отобрать письменные сведения у барона Корфа,¹ Матюшкина, Комовского, Яковлева. Много еще обещают впереди. Я писал отсюда к Вельтману и С. Д. Полторацкому, прося их о сообщении историй их знакомства с Пушкиным, особенно касательно Кипишевской и Одесской ее эпох, но ответов еще не получал.² Горько будет, если совсем не получу. П. А. Плетнев, которому читал я первые листы биографии, делится своим добром весьма радушно, но есть еще человек, не сказавший своего слова. Это вы, Михаил Петрович. Я знал в Москве, что вы крепко заняты, и стыдился просить вас о постороннем деле. На бумаге это делается как то легче, потому что бумага, вероятно, не краснеет. Глубокое, теплое воспоминание о Пушкине, которым вы оканчиваете свое письмо, развязало мне язык совсем. Ради бога, сообщите о Пушкине всё, что вы хотели бы слышать сказанным громко перед русской публикой; составьте записку вашу о Пушкине и не

¹ Записка бар. М. А. Корфа опубликована впервые Л. Н. Майковым в «Русской Старине» 1899, №№ 8 и 9, с обширным комментарием, изобличающим Корфа в чудовищном пристрастии. Оригинал записки Корфа находится в бумагах Майкова в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук.

² Воспоминания А. Ф. Вельмана о Пушкине, полученные от него Анненковым, опубликованы были в полном виде лишь Л. Н. Майковым в «Русском Вестнике» 1893, № 12; перепечатаны в его сборнике «Пушкин», СПб. 1899. Воспоминания В. И. Даля о Пушкине Анненков получил в 1853 г.

бойтесь отдать ваши воспоминания в неверные руки. Оценить его заслуги может быть я не сумею, но в способности понять этот удивительный характер — вряд ли кому уступлю. Много и здесь я получил от друзей-неприятелей его странных поминок, но в самих рассказах их превосходная личность Пушкина высказывается чрезвычайно ясно, на вло им. Всё это я пишу вам, чтоб несколько убедить вас в способности моей разбирать материалы. Что касается до ваших сообщений, то каждая ваша заметка, каждое число и каждый анекдот будут добро, благо и сущая драгоценность для биографии. Это не комплимент, а мое убеждение».¹

Отвечая на вышеприведенный вопрос Анненкова по поводу «Скупого Рыцаря», Тургенев писал Анненкову из Спасского-Лутовинова 10 января 1853 г.: «О загадочном Шенстоне или Ченстоне я с месяц тому назад написал моему хорошему приятелю Чорлею, одному из редакторов «Атенаума»; как только получу ответ, — перешлю вам».² Затем, приехав в Петербург, Анненков 26 января 1853 г. писал Тургеневу: «Катенин мне прислал записку о Пушкине — и требовал мнения. В этой записке между прочим Борис Годунов осуждается потому, что не годится для сцены, а Моцарт и Сальери потому, что на Сальери взведено даром преступление, в котором он не повинен. На последнее я отвечал, что никто не думает о настоящем Сальери, а что это только тип даровитой зависти. Катенин возразил: Стыдитесь! Ведь вы, полагаю, честный человек и клевету одобрять не можете. Я на это: Искусство имеет другую мораль, чем общество. А он мне: мораль одна, и писатель должен еще более беречь чужое имя, чем гостиная, деревня или город. Да вот десятое письмо по этому эфически-эстетическому вопросу и обмениваем, но напишите, как вам сам вопрос кажется?.. А за ваше участие в

¹ Барсуков. Жизнь и труды Погодина, кн. XII, стр. 240 — 241.

² Копии с писем Тургенева к Анненкову в Пушкинском Доме.

разысканиях о Ченстоне — глубокое спасибо. Буслаев мне обещался оказать точно такую же услугу в отношении Меримеевской подделки Славянских песен».¹

«С каким нетерпением ожидаю я известие о вашем Пушкине!» — восклицал Тургенев в следующем письме из деревни, от 29 января 1853 г.,² а 2 февраля писал Анненкову: «...Сообщу вам отрывок из письма Ф. Чорлея, одного из редакторов Атенэума о Шенстоне (Ченстона он не знает вовсе).

«Я могу сказать Вам с уверенностью что в этом случае Ваш великий писатель — (Пушкин) — позабавился над Вашей публикой. Ни такой драмы, ни даже отрывка такой драмы не существует у Шенстона; это был приятный, несколько болезненный писатель, который писал идиллии во вкусе Гварини. Он также написал поэму под названием Школьная Учительница — в духе старинного английского юмора».

«Вопрос о Шенстоне кончен, но Ченстон меня мучит. Я опять напишу Чорлею, чтобы он опять порылся, не было ли какого Ченстона между драматическими английскими писателями. — Несколько стихов в монологе Скупца носят слишком резкий отпечаток не Русского происхождения — от них веет переводом: а именно:

совесть,
Когтистый зверь скребящий сердце, совесть
и т. д.

до

Смущаются и мертвых высылают.

«Чистая Английская, Шекспировская манера.

«Я написал Чорлею, чтобы он спросил об этом у Пэна Коллиера, первого знатока этого дела в Англии — Вы верите, любезный друг, мы для вас готовы воротить небо и

¹ Пушкинский Дом, неизданные письма Анненкова к Тургеневу. Ср. Л. Майков, Пушкин, стр. 320 — 321.

² «Наша Старина» 1914, № 9 — 10, стр. 846.

землю»... «Вы, я думаю, знаете, что почти все антологические стихотворения Пушкина переведены из А. Шение?»¹

«Спасибо о Шенстоне», отвечал Анненков: «хотя он был решен для меня еще в Москве; — остается Ченстон, но и тот много утерятил важности своей. Издатели Атенеума не слыхивали об его трагедии! Значит — всё вздор».²

24 февраля, из Орла, Тургенев снова с нетерпением спрашивает: «Да что издание Пушкина?», а 14 марта писал: «Что вы ничего не говорите о вашем издании?» и прибавлял «О Ченстоне нет еще окончательного ответа». «О Ченстоне окончательного ответа пока нету» — писал он и 2 апреля.³

Около того же времени Анненков писал П. А. Плетневу: «Этими тетрадями кончается первая часть биографии, почтеннейший Петр Александрович. Вторая начинается женитьбой и завершается смертью поэта. Нет ли каких-либо дополнений, упущенных подробностей, не тронутых сторон, анекдотов, частностей? Заметки ваши — сокровище. Если угодно будет сделать какой-либо намек, то я сам буду иметь честь приехать к вам за объяснением. Боюсь, что вы не разберете руки в последней тетради. П. Анненков».⁴ Судя по помете на этом письме, Плетнев ответил Анненкову 6 апреля, но ответ его нам неизвестен.

«Что вы мне ни слова не скажете об издании Пушкина? Бойтесь сглазить?» — снова спрашивал Тургенев 21 апреля,⁵ а 12 мая писал из Спасского, что из письма Анненкова только что узнал, что тот еще «не приступил к печатанию издания Пушкина и раньше осени не приступит».⁶

¹ «Наша Старина» 1914 г., № 9 — 10, стр. 847 — 848.

Пушкинский Дом, неизданные письма Анненкова к Тургеневу.

² Пушкинский Дом, копии с писем Тургенева к Анненкову.

⁴ Пушкинский Дом, архив Плетнева.

⁵ Пушкинский Дом, копии с писем Тургенева к Анненкову.

⁶ Там же.

17 мая Анненков писал Тургеневу: «Теперь я не могу оставить город, в котором все материалы у меня под рукою, начиная с Публичной Библиотеки и до Вашей, да, Вашей, сохраняющейся у Языкова.¹ Польза, которую вы мне приносите ею, тогда только может быть оценена, когда узнаете, что русской библиотеки нет нигде, что Публичная не имеет не только собрания журналов и альманахов, но даже изданий 1825 и 30 годов (Крылов, Дельвиг, Востоков считали ее своей собственностью и оставляли у себя на дому присылаемые книги), что для незначительной справки о стихе надо объехать Лонгинова, Гаевского, Плетнева, Срезневского и проч. и проч. Таковы условия труда на Руси. Вы мне подтвердите право на вашу библиотеку, как на мою временную собственность, это необходимо для меня. Но уже время не далеко, полагаю,—когда я высвобожусь».²

«Даю вам полное право распоряжаться по благоусмотрению вашему купленную мною библиотекой, находящейся у Языкова», — отвечал Тургенев Анненкову 25 мая.³ 9 июня он снова спрашивал, подвигается ли издание, и повторял вопрос 15 июня: «Что ваш Пушкин — подвигается?... Я получил письмо от Чорлея окончательное — о Ченстоне. Такого писателя решительно *не было*. Вопрос этот кончен».⁴

Между тем Анненков продолжал свои разыскания. «Я познакомился здесь со Смирновой для собственных нужд» — писал он Тургеневу из Петербурга 6 июля: «Женщина умная и человек — бестия. Большим пособием в этих сношениях служит для меня то, что она несколько меня не

¹ Это была купленная Тургеневым у вдовы Белинского библиотека критика, впоследствии перевезенная в Спасское-Лутовиново. О ней упоминает Тургенев в письме к Анненкову от 1 октября 1854 г. — «Былое» 1925 г., № 1, стр. 83.

² Рукоп. Отд. Пушкинского Дома (неизданные письма Анненкова к Тургеневу).

³ Там же.

⁴ Там же.

уважает, и по малозначительности персоны не имеет нужды ни себя ломать, ни меня притеснять, но пользу уже оказала». ¹

«Пушкин весь кончен», — сообщал наконец Анненков Тургеневу через две недели (20 июля) в письме из Петербурга: «с биографией, с хронологическим порядком, с примечаниями. В рукописи имеет, кажется, Европейский вид, но наступает решительный шаг». ²

«Пушкин кончен», — отзывался Тургенев в письме от 26 июля: «вот это большая и радостная весть. Поздравляю вас с окончанием такого славного и трудного дела. Ваше издание останется в русской литературе — и ваше имя. Дай бог вам благополучно окончить печатанье и не замешкаться в материальных и пр. подробностях. Вот бы время вам приехать отдохнуть на месяц в Спасском!» ³

Но отдохнуть было еще рано: предстояли хлопоты с цензурою, едва ли не более сложные, чем самое собиранье материалов. Хлопоты эти заняли у Анненкова август и сентябрь 1853 г., растянувшись затем и на длинный ряд последующих месяцев. ⁴ В записках, поданных тогда министру народного просвещения А. С. Норову, «он изъяснил, что Опека над детьми Пушкина передала свое право на издание ему, Анненкову, с условием непосредственного наблюдения за сим изданием, и поручила ему же, для полноты издания и предупреждения опытов биографии А. С. Пушкина, какие уже показывались в журналах, заключая не совсем верные показания, — составить такую биографию. Он, Анненков, исполнил это, обращая преиму-

¹ Рукоп. Отдел. Пушкинского Дома, неизд. письма Анненкова к Тургеневу.

² Там же.

³ Там же.

Дела III Отделения о Пушкине, стр. 222. 1-м сентября 1853 г. помечено Предисловие или Объяснение Анненкова, напечатанное при II томе Сочинений и излагающее программу издания.

пещественное внимание на литературную деятельность покойного; черты же из его жизни сообщены составителю родственниками и близкими людьми поэта, как-то: братом, покойным Львом Сергеевичем Пушкиным, сестрою — Ольгою Сергеевною Павлицевою, Н. Н. Ланскою¹ и проч. Г. Анненков присовокупил, что цель биографии также заключается и в том, чтоб указать примерное религиозное и нравственное направление Пушкина во второй половине его жизни. При сем Г. Анненков представил мне: 1) составленную им биографию под названием: «Материалы для биографии А. С. Пушкина», в двух рукописных томах, 2) пять рукописных тетрадей под литерами А, Б, В, Г, Д, с разными стихотворениями и прозаическими, отчасти не бывшими еще в печати, отчасти же напечатанными в периодических изданиях прежнего времени статьями Пушкина и примечаниями на все его сочинения, и 3) девять печатных брошюр с разными статьями, напечатанными в периодических изданиях прежних лет, но в последнее издание не вошедшими».²

Цензура представленных рукописей была поручена Попечителем Петербургского учебного округа М. Н. Музиным-Пушкиным известному цензору А. И. Фрейгангу,³ придирчивая и мнительная осторожность которого причинила немало хлопот и огорчений Анненкову. «Издание мое в цензуре и притом — у Фрейганга», писал Анненков Тургеневу 8 октября. «Оно должно пройти все степени, повышаясь всё более, а я за ним — хоботом. Процедуре этой я рад, потому что только ею узнаются намерения, очищаются

---

¹ Это — единственное указание на содействие вдовы Пушкина; ниже, из записей Анненкова, видно ближайшим образом то немногое, что сообщила она биографу поэта.

² Дела III Отделения о Пушкине, стр. 222 · — 223.

³ То же, стр. 223, 225, 227 — 228; Анненков и его друзья, стр. 394.

сомнения и открывается мысль, а всего этого я не боюсь. Однакож и ворочает это — точно процесс». ¹

И действительно дело с Цензурой вызвало целую «любопытную тяжбу», которую Анненков должен был вести с цензурным ведомством и о которой он впоследствии рассказал подробно в особой статье под тем же заглавием. ²

Между тем Тургенев не переставал спрашивать Анненкова о положении дел.

«Что вы мне ничего не пишете об издании Пушкина? Я из этого заключаю, что оно идет своим порядком», — писал он 6 ноября 1853 г. ³ — как раз в то время, когда, по окончании первого строгого и придирчивого просмотра Фрейганга, рукописи Анненкова, вернувшись из цензуры в министерство народного просвещения, направлялись последним в III Отделение для решения вопроса, могут ли в таком виде, более полном, чем издание 1838 г., быть изданы сочинения Пушкина. Начальник III Отделения гр. А. Ф. Орлов 27 января 1854 г. положил следующую резолюцию на записке, представленной ему по этому случаю: «Издание сочинений Пушкина может быть допущено в испрашиваемом Г-м Анненковым виде, ⁴ но необходимо, чтоб г-н Министр Народного Просвещения испросил на это высочайшее соизволение». Норов уведомлен был о решении Орлова 28 января ⁵ и затем, 26 марта и 7 мая цензура разрешила добавления и поправки к биографии Пушкина,

¹ Рукоп. Отд. Пушкинского Дома (неиздано).

«Вестник Европы» 1881 г., № 1, и книга «Анненков и его друзья», стр. 393 — 423. Ср. еще в статье Ю. Г. Оксмана — «Пушкин и его современники», вып. XXXVII, стр. 64 и след.

² Пушкинский Дом (неиздано).

⁴ С исключением только мест, замеченных г. Попечителем С.-Петербургского учебного округа, т. е. собственно, цензором Фрейгангом.

⁵ Дела III Отделения о Пушкине, стр. 231.

доставленные Анненковым. ¹ Последний 1 мая писал Тургеневу: «Пушкин подвигается. Биография переписывается и теми, которые слышали ее, похваливается, ибо есть люди, изливающие силу свою из одежд, если даже и свади к ним прикоснешься. А вышло биографии на могущественный том листов в 30. Это, разумеется, сожмется, в дальнейшем ходу. Задавлен я теперь проверкой текстов. Это работа, под которой, с непривычки, я ей богу погибал и теперь еще едва на поверхности, но надеюсь нынешнем летом всё порешить».²

«Известите о Пушкине, если что выйдет благоприятное,—и вообще не оставляйте известиями» — писал Тургенев Анненкову из Спасского спустя пять месяцев, 1 октября 1854 г. ³ Но лишь 7 октября последовало, по представлению Норова, окончательное разрешение со стороны Николая I на анненковское издание в следующих характерных выражениях: «Согласен, но в точности исполнить, не дозволяя отнюдь неуместных замечаний или прибавок редактора». ⁴

«На прошлой неделе», сообщал по этому случаю Анненков Тургеневу: «получено последнее согласие на издание Пушкина, но с некоторыми ограничениями. Как бы то ни было, — к половине октября начнется печатание» (письмо от 11 октября). ⁵

15 октября Тургенев спрашивал из Спасского: «вышло ли разрешение на печатание Пушкина?» ⁶ а 18 октября, получив письмо Анненкова, писал: «Душевно радуюсь получению разрешения на счет Пушкина — наконец!» ⁷

¹ Там же, стр. 232 — 235 — 236 — 239.

² Рукоп. Отдел. Пушкинского Дома. неиздано [письмо относится, вероятно, не к 1854, а к 1853 г. *Ред.*]

³ «Былое» 1925 г., № 1 — 29, стр. 83.

⁴ Дела III Отделения о Пушкине, стр. 241.

⁵ Рукоп. Отдел. Пушкинского Дома.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

16 октября Некрасов, в свою очередь, сообщал Тургеневу, что Анненков «Пушкина получил и на следующей неделе приступает к печатанию»,¹ а 22 октября писал, что Анненков «в сильной деятельности, но что это за кулацкое безвкусие! Я ему помогаю в выборе бумаги, но не я буду виноват, если формат нового Пушкина будет уродлив и шрифт гадок, — уж эти статьи он решил! Шрифт (тонкий и узкий) особенно для стихов мне решительно не нравится. Издание скоро начнется».²

Упреки Некрасова³ нельзя признать справедливыми, но сообщение его о начале издания было верно: 22-м октября помечены цензурные разрешения на I и II томах Сочинений (цензором А. И. Фрейгангом),⁴ а 27-го октября сам Анненков сообщал Тургеневу: «Наступили хлопоты для меня. Я печатаю Пушкина в двух типографиях⁵ — бумага, обертка, рисунки, шрифты, факторы, брошировка, — сон даже потерял. Первого Ноября надеюсь увидеть первую корректуру — будет мне это впечатлительно. Затем пойдут листы за листами, листы за листами. Не скрою, что страшно за себя, — ведь я собрал все мерзости последнего издания в примечаниях моих, а как сам наделаю ровно такое же количество их, то уж нехорошо. А русские корректоры и

¹ А. Пыпин, Некрасов, СПб. 1905, стр. 125; Тургенев отвечал: «Поздравь от меня Анненкова с благополучным окончанием первой и важнейшей половины его дела» («Русская Мысль» 1902, кн. I, стр. 120).

² Там же, стр. 126 — 127.

³ О его участии в деле Анненкова см. в Воспоминаниях А. Я. Головачевой-Панаевой, изд. 1927 г., стр. 296 — 299, и ниже, в письмах И. В. Анненкова.

⁴ На III — VI т. это разрешение помечено 1-м ноября.

⁵ Том I печатался в Военной типографии, а т. II — IV в типографии Главного Штаба по Военно-учебным заведениям: в этом сказались личные связи И. В. Анненкова, служившего в 1854 г. и. д. Вице-директора Инспекторского департамента Военного министерства; томы. V — VI — в типографии Эдуарда Праца.

русские типографии на то и существуют, чтоб показать, как бы приятно было иметь настоящих корректоров и настоящие типографии...»¹ «Посылаю вам корректуру (неисправленную) только что полученную моего объявления. Это из календаря на 1855 г., где оно будет приложено.² Такое же точно будет припечатано и во всех газетах. Напишите, достаточно-ли? И так-ли?»³ Да распространите около себя слух об издании. Деньги нужны, ах, нужны — менее 15 т. руб. сер. нельзя сделать, а их далеко, очень далеко еще нет».

Незадолго до выхода в свет «Материалов» Анненкова ему пришлось вступить в спор с конкурировавшим с ним Бартевым, — по следующему поводу. В № 71 «Московских Ведомостей» от 15 июня 1854 г., в литературном его отделе появилась 1-я глава работы Бартева: «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии», посвященная детству поэта, причем в 4-м примечании к статье было сказано: «Большую часть сведений о детстве Пушкина мы заимствуем из записки, составленной со слов сестры его, Действ. Ст. Советницы Ольги Сергеевны Павлицевой, и приносим ей за то усерднейшую благодарность». Примечание это дало Ив. В. Анненкову повод спустя четыре месяца обратиться к Павлицеву с таким письмом:

«Милостивый Государь
Николай Иванович!

«Я обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою. В бытность вашу в Петербурге в 1851 году я просил вас составить записку о детстве Александра Сергеевича Пушкина,

¹ Рукоп. Отдел. Пушкинского Дома, неизданные письма Анненкова к Тургеву.

² «Месяцеслов» на 1855 г., объявления, стр. VII — VIII; объявление разрешено к печати цензором Фрейгангом 23 октября 1853 г.

³ См. его между прочим в книге «Анненков и его друзья», стр. 383 — 385.

по воспоминаниям супруги вашей, для будущей биографии поэта, которую предполагал присоединить к новому изданию сочинений его, порученному мне тогда опекой над детьми покойного. Супруга ваша и вы сами были так добры, что приняли мою просьбу, и драгоценная записка о детстве Пушкина, написанная вашею рукою, была мне вручена тогда-же. Впоследствии я передал как составление биографии поэта, так и приготовление издания брату моему Павлу Васильевичу Анненкову. После многих трудов, целого года высшего цензурного рассмотрения и наконец Высочайшего соизволения на издание как сочинений поэта, так и биографии его (куда с искренним изъявлением признательности за сообщение вошла и записка ваша) — я к удивлению нахожу в Московских Ведомостях 1854 года, № 71, в статье «Александр Сергеевич Пушкин», отрывки из вашей записки и всё содержание. Автор статьи г. Бартенов приводит ее как будто это была его собственность или поручена ему для опубликования.

«Теперь, когда уже началось печатание нового издания сочинений Пушкина, вы легко поймете, как неприятно будет брату моему носить упрек в присвоении чужой собственности или употреблении материалов, не принадлежавших изданию. Вот почему обращаюсь к вам с убедительнейшей просьбой уведомить меня, дано-ли было вами позволение г. Бартенову к опубликованию записки вашей. В случае, если никакого позволения от вас не было, то я прошу вас послать в редакцию Московских Ведомостей или журнала «Москвитянин» небольшую записку с объяснением истины и с подтверждением, что записка исключительно принадлежит изданию Пушкина, которое теперь печатается.

«В случае данного вами позволения, так как вы всегда имели право располагать своею собственностью, — убедительнейше прошу вас о публичном заявлении посред-

ством тех же органов, что записка ваша первоначально была составлена по просьбе издателей нового собрания сочинений Пушкина. Вы понимаете, Милостивый Государь, настоящие причины моего домогательства, — тут дело не в интересах, а в сохранении честного имени перед публикою, что особенно и тревожит брата моего, нынешнего издателя Пушкина. Надеюсь на прежнее ваше благорасположение, я смею ожидать ответа вашего, и если вы убедитесь в необходимости публикаций, по моему мнению неизбежных, то утруждаю просьбою о присылке с них копий. Вы согласитесь, что неприятно быть зачисленным в число тех писателей, которые не имеют понятия о правах литературной собственности и ради тщеславия посягают на всё, что ни попало под руку или что плохо лежит.

«Для отстранения даже и тени неблагородного подозрения, я прошу вас как от своего имени, так и от имени брата — услуги, которая совершенно сходна с истиною, как вы знаете.

«С истинным почтением и преданностью имею честь быть
Вашего Превосходительства покорнейший слуга

«И. Анненков.»

«1854 года октября 16 дня.

Адрес мой: в Главном Штабе.

С. Петербург».

Павлищев, получив это письмо¹ 23 октября, на другой же день ответил И. В. Анненкову, что он Бартенева не знает, и просил прислать ему № 71 «Московских Ведомостей».

Получение этого письма Павлищевым совпало с получением О. С. Павлищевой письма Бартенева (от 30 октября); в нем Бартнев, посылая сестре Пушкина отдельные оттиски двух первых статей своих о поэте, благодарил ее «за

¹ Печатаем его по подлиннику, находящемуся в нашем собрании.

сведения, найденные им в записке ее об детстве его», и просил «об исправлении и указании сделанных им ошибок». «Биография Александра Сергеевича», — прибавлял он: «есть дело общее: это одно дает мне смелость обращаться к вам с подобною просьбою...» Между тем П. В. Анненков 13 ноября снова писал Н. И. Павлицеву по тому же поводу использования Бартевым записки Павлицева о Пушкине:

«Милостивый Государь

Николай Иванович!

«Я решаюсь лично благодарить вас за письмо ваше к брату моему Ивану Васильевичу, которым вы изволите подверждать права нового издания Пушкина на записку, вами составленную. Препровождаю при сем статью г. Бартева. Если вы признаете нужным сделать какую-либо протестацию против самоуправства автора, то нескольких строк в Московских Ведомостях будет достаточно. Брат желал бы устранить свое имя из печати, так как всё издание передано мне, и я им один и занимался действительно. Во всем остальном просим вас поступить совершенно по вашему благоусмотрению и самим определить — пользу или бесполезность печатного объявления.

«Подписка на новое издание Пушкина здесь открыта. Передо мной уже лежат первые 11 листов, вышедших из печати. Нет сомнения, что вы и супруга ваша получите первые экземпляры прямо из типографии.

«Я бы желал знать, есть-ли русские книгопродавцы в Варшаве, и можно-ли открыть, посредством их, подписку и продажу Пушкина в Варшаве с той уступкой 10% в пользу комиссионеров, какую я здесь делаю всем вообще книгопродавцам. Я не смею утруждать вас каким-либо поручением, но желал-бы знать ваше собственное мнение о возможности или невозможности приобрести покупателей Пушкина в самом сердце Польши. Простите эту докучу заботли-

ности человека, не очень богатого, который употребил 20.000 р. сер. на издание поэта, так близкого всем по всем отношениям.¹

«Во всяком случае, прилагаю объявление о выходе издания² и остаюсь в надежде вашего ответа. Я живу вместе с братом: в Главном Штабе, в квартире Вице-Директора Инспекторского Д-та.

«С глубочайшим уважением имею честь остаться покорнейшим слугою

«Павел Анненков.

«С.-Петербург.

Ноября 13-го дня 1854.»³

Получив это письмо 22 ноября, Н. И. Павлицев на следующий же день, 23 ноября (5 декабря), писал жене Ольге Сергеевне в Петербург, где она жила с сыном и дочерью:

«Некто Бартенъев, чуть ли не хромоногий гувернер Шевичей, напечатал в Московских ведомостях статью: «А. С. Пушкин. Глава 1-я. Детство». В примечании к статье сказано: «Большую часть сведений о детстве Пушкина мы заимствуем из *записки*, составленной со слов сестры его, Действ. Ст. Советницы Ольги Сергеевны Павлицевой, и приносим ей за то усерднейшую благодарность».

«Записку эту составлял я для Анненкова, по случаю издания им сочинений А. С-ча, с подробною биографиею.

---

¹ Мы видели, что опеке Анненков уплатил 5000 р. — следовательно, типографские расходы и бумага стоили Анненкову 15,000 руб., т. е. по 3 р. на каждый из 5,000 экземпляров. Продажная цена экземпляра, по подписке, была 12 р.; следовательно продажа всех экземпляров должна была дать 60,000 руб., вычитая 20,000 руб. расходов, — 40,000 тыс. чистого дохода. [Следует заметить, что 5000 экз. — тираж, *предположенный* Анненковым; действительный тираж нам неизвестен, но скорее меньше, чем больше 5000 экз. *Ред.*]

² Последняя часть литературного отдела «Московских Ведомостей» от 4-го ноября 1854 г., стр. 552.

³ Пушкинский Дом, архив «Русской Старины», № 585.

«Как издатель, дорожащий материалами и собираемыми сведениями, Анненков (не флигель-адъютант, а брат его Павел Васильевич), обратился ко мне с жалобой на Бартенева, который невесть с чего предал тиснению то, что ему не принадлежало и было написано для издателей полных сочинений А. С-ча. Конечно, неприятно и неловко теперь Анненкову печатать биографию с такими сведениями, которые по-видимому заимствованы из статьи Бартенева, тогда как напротив Бартенев *едва-ли законно* огласил то, что принадлежало издателям Пушкина.

«Посему-то Анненков просит меня объявить в газетах, что записка, составленная мною со слов твоих, мой друг, составлена была для него, как издателя Пушкина сочинений.

«Из статьи Бартенева видно, что ты давала ему эту записку. Но отдавая ее ему, не помнишь ли, что ты ему сказала: разрешала-ли ему пользоваться как ему угодно, или давала ему только для прочтения? Согласно твоему ответу я напишу статью в Московские ведомости. Если он употребил во зло рукопись, данную ему *только для прочтения*, то взмою ему голову; если же он имел от тебя разрешение поступить с запискою как ему угодно, то ограничусь только объявлением, что она составлена мною для Анненкова, по желанию и просьбе его, как издателя сочинений П-на.

«В заключение скажи пожалуйста, у тебя ли эта записка или она осталась в руках Бартенева? Всё это — с первую почтою» и т. д.¹

Но еще до получения этого письма О. С. Павлицева писала мужу (29 ноября): «От Соболевского . я получила довольно глупое письмо, ибо шуточка выкидывает некстати, посылает также печатный вздор [?!] Бартеньева

---

¹ Пушкинский Дом, архив «Русской Старины», № 585.

Хромоногого на счет сведений об Александре Сергеевиче с приложением от него письма ко мне, на которое, разумеется, отвечать не намерена». ¹ Этот тон не совсем понятного неблагожелательства к талантливому и усердному биографу еще резче звучит в следующем письме О. С. Павлицевой к мужу, — от 3 декабря, — в ответ на приведенный выше запрос Павлицева:... «*Cet imprudent diable Bartenef m'a donné du fil à retordre; quel front d'airain! C'est inouï!!! je vous écris encore aujourd'hui pour vous dire que hier j'ai répondu à ses amabilités par Sobolevsky auquel j'ai écrit aussi quelques lignes pour le mettre au fait de la chose, en lui envoyant en même votre lettre concernant Bartenef. Mon épître à celui-ci y était insérée sans être cacheté. Je priai Sobolevsky de la lui lire tout haut, devant les autres, et s'il le trouvait [нерзб.] nécessaire, de la publier même dans la Gazette de Moscou.*

«Вот письмо Бартенева при присылке его брошюрок. ² На это я ему с месяц не отвечала и не хотела отвечать, но твое письмо вынудило меня ему написать. —

«М. Г. Петр Иванович! — Получивши письмо ваше чрез Сергея Александровича, я была чрезвычайно удивлена изъявлением вашей признательности за данные будто бы мной вам сведения о детстве А. Сер. Я вовсе ее не заслуживаю, удивляясь лишь только тому, кто бы мог сообщить вам оные от моего имени; конечно, не господин Анненков, которого статья ваша, опубликованная в Московских ведомостях, привела в справедливое негодование против меня и моего мужа. —

«Муж мой единственно для господина Анненкова составил из слов моих краткое начертание о детстве покойного

---

¹ Пушкинский Дом, архив Павлицевых, письма О. С. Павлицевой к мужу, № 4, 1854 — 1855.

² Приведено письмо Бартенева (от 30 октября), выдержки из которого мы уже поместили выше, стр. 307 — 308, по копии.

брата, и в то время (нужно ли мне вам это напомнить?), когда вы меня расспрашивали о нем, я лишь советывала вам обратиться к самому Г. Анненкову или к Сергею Александровичу Соболевскому, у которого тогда находилась копия с оного.—Мне же очень понятно, что еслиб даже я и хотела удовлетворить вашему любопытству, я не была в состоянии этого сделать, страдая жестокой головной болью, которая и принудила меня чрез минут десять прекратить с вами мою беседу; с тех пор я не имела удовольствия нигде вас встретить.—Позвольте же мне вам повторить, что я никак со стороны вашей не заслуживаю благодарности; изъясните оную тому, кто вам доставил, без моего согласия, материалы для вашей статьи и даже совершенно без моего ведома. *О. П.*

«J'ai été pressée de lui envoyer cette lettre que je ne pensais ni à corriger le style, ni les fautes qui probablement s'y sont glissées, Léon étant déjà parti pour son université,—toutefois je prie Sobolevsky de le faire s'il juge à propos de l'insérer dans les Московские Ведомости; je ne crois pas pourtant qu'il se donne cette peine, для этого надо бы и предыдущую статью об этом написать, и потому не делаешь ли ты сам этого, предупредомя однако Соболевского обо всем. *Бартенев же присылает свой адрес:* в Москве, на Молчановке, в доме Ст. Сов. Бахметева; *Соболевского же—* на Девичьем поле, в доме Мальцова» и т. д. ¹

Вскоре Соболевский, получив упомянутое письмо О. С. Павлицевой (нам неизвестное), послал самому Н. И. Павлицеву следующее любопытное письмо.

«На днях, любезный Павлицев, получил я письмо от Ольги Сергеевны, к которому приобщено было ваше от 23 ноября (5 декабря). Претензии Анненкова вдорны: вот как было дело:

---

¹ Пушкинский Дом. Архив «Русской Старинь», № 585.

«Приезжаю раз к Ольге Сергеевне и прошу ее о позволении привезти к ней некоего юношу Бартенева, ревностного собирателя сведений об Александре Сергеевиче. Позволение мне дано: *впрочем*, промолвила Ольга Сергеевна, *все, что я знаю и помню о детстве брата, внесено в эту тетрадь; возьмите ее и сообщите ему*. Тут не было прибавлено ни слова об том, чтобы вышеписанная тетрадь была составлена для особой цели или в пользу какого-нибудь лица; ergo: Бартенов имел полное право пользоваться ее содержанием; я же имел не только право, но и *обязанность* сообщить тетрадь Бартеневу.

«Из сего следует, что вы, любезнейший Павлицев, не имеете ни малейшего повода претендовать на Бартенева *de jure*. А что и *de facto* претендования на него быть не может, в том уверитесь вы из самой его статьи, при сем прилагаемой. Статья содержит 66 + 16 страниц (82 страницы), каждая страница содержит до 35 строк; положим только 80 страниц по 30 (только) строк на каждую; и так написано на этот раз Бартеновым 2400 строк.

«Сколько заимствовано Бартеновым из тетради Ольги Сергеевны и не было прежде у Бантыша-Каменского и других биографов?

1) то, что мать Пушкина называли креолкою,

2) то, что Дельвигу нравились письма бабки Пушкина, (другие подробности о сей последней слышаны Бартеновым от родной его тетки Надежды Петровны Бурцевой, которая коротко знала Марью Алексеевну Ганнибал и Надежду Осиповну Пушкину),

3) Анекдот: Ну нечего скалить зубы,

4) то, что сказано о первых поэтических стихах Пушкина.

5) то, что Пушкина крестил Воронцов.

«Вот и все. Остальное о детстве Пушкина взято из Бантыша-Каменского, писавшего со слов Сергея Львовича.

«*Ergo*, из 2400 строк статьи Бартенева только 50 (ad maximum, и то гораздо меньше) почерпнуты из того, что есть в статье, писанной со слов Ольги Сергеевны.

«Удивляюсь мелочности наших Литтераторов и их жадности. Как не делиться тем, что есть или что знаешь? Например, хорошо-ли бы я сделал, если бы сохранил у себя и для себя ту массу стихов (из Онегина, Бориса Годунова. Кто знает край, где небо блещет; ¹ Какая ночь, мороз трескучий и пр.), которую я немедленно после смерти Пушкина и возвращения моего из-за границы отдал в Современник 1838 года? Хорошо-ли бы я сделал, держав под спудом найденную мною в бумагах Льва статью об Александре (она напечатана в Москвитяине) и, наконец, неужели мне теперь, когда выйдет биография Анненкова, чинить на него суд за всё то, что Анненков поместил в нее *вероятно* из 36 писем Александра к Льву, писем, принадлежащих моему опекунству, мною самим переписанных и сообщенных многим, разумеется не для корысти, а в пользу отечественной Литтературы?

«Для оной же пользы замечу, что я вышереченных писем *никому* не сообщал в оригинале, а сам списывал их прежде, дабы исключить некоторые шуточки или намеки на лица семейные или живущие, от чего в ходячем списке произошли такие перемены и перестановки, коими я приобрел возможность доказать всем и каждому, что *эти письма до меня никому и никем* сообщены быть не могли, и что, следовательно, всякое их обнародование есть нарушение собственности малолетних, коих имущество вверено моему попечению.

«Прощайте. Весь ваш *Соболевский*.

«6/18 Декабря 1854.

Москва,

дом Мальцова на Девичьем поле».

¹ «Современник» 1838 г., № 9. Б. М.

«Наше дело в Ломбарде подвигается к концу и по полученным мною сведениям, вам уплата учинится после завтра (8-го числа). Дай бог! 3000 по заемному письму также есть чем уплатить, о чем мною приказано. А как мы уплатили прочие долги (долги собственно Льва Сергеевича) — это весьма гадательная статья». ¹

7 декабря О. С. Павлищева снова упоминала в письме к мужу «насчет Бартенева» и сообщала, что 29 ноября писала ему, переписав письмо к ней Бартенева и свой ответ последнему; «будет-ли мне отвечать Соболевский, это еще вопрос»; ² но Соболевский ответил, — что видно из письма О. С. Павлищевой к мужу от 16 декабря: «Sobolevsky m'a écrit, il prétend que je lui avais donné la copie de l'article concernant son [т.-е. Пушкина] enfance rien que pour la communiquer à Bartenief; il prend le parti de ce dernier, cela va sans dire — comment ai-je pu le faire? Sobolevsky avait déjà la copie et ce n'est que pour me débarrasser du diable boiteux ³ que je renvoyais celui-ci à Sobolevsky. Я не ожидала такой плохой шалости от Соболевского». Несмотря на то, что, как видно из этих слов О. С. Павлищевой, она сама была виновата в том, что записка попала к Бартеневу, она считала виновными и Бартенева, и Соболевского.

Приведенное выше письмо Соболевского от 6/18 декабря не убедило и Павлищева в правоте Бартенева и в неосновательности Анненкова, — и он в тот же день составил следующее заявление, которое, судя по помете его на черновике, было составлено им 22 декабря 1854 (3 ген-

---

¹ Пушкинский Дом, архив «Русской Старины», № 585. На письме помета рукою Н. И. Павлищева о получении: «19(31) Декабря 1854.»

² Пушкинский Дом, архив Павлищевых, письма О. С. Павлищевой к мужу, тетрадь 4, 1854 — 1855 гг.

³ Бартенев, как известно, был хром на одну ногу и ходил на костыле.

варя 1855 г.) при письмах в редакции: «Северной Пчелы» (Булгарину), «Москвитянина» (Погодину) и «Московских Ведомостей». В заявлении этом, указав на печатную благодарность Бартенева О. С. Павлицевой за ее записку о детстве Пушкина, он писал: «Автор статьи выразился неясно. За что именно благодарит он? Я знаю, что он благодарит за сведения, найденные им в записке, благодарит сестру поэта за то, что она передала на бумагу воспоминания свои о детстве брата; но другие могут подумать, что благодарность изъясняется ей за сообщение самой записки, тогда как подобная благодарность должна быть изъяснена не ей, а тому, кто сообщил г. Бартеневу записку. Это требует объяснения.¹ Воспоминания о детстве А. С. Пушкина, со слов сестры его, моей жены, написал я в Петербурге, в 1851 году, для издателя сочинений Пушкина Павла Васильевича Анненкова, будучи свидетелем усердного желания его обогатить новое издание биографией, достойною памяти нашего поэта. Таким образом записка эта сделалась собственностью П. В. Анненкова и вошла в состав биографии поэта гораздо прежде, нежели г. Бартенов почерпнутые в ней сведения напечатал в Московских Ведомостях. Варшава. 19 (31) Декабря 1854 г.»²

Между тем, О. С. Павлицева продолжала негодовать на Соболевского. 4 января 1855 г., упоминая о посещении Ф. Ф. Вигеля, она писала: «Соболевского он терпеть не может, — кажись за эпиграмму на его счет, — а сей напакостил с Бартеновым и увертывается правдоподобною ложью» и прибавляла: «надоели мне все эти господа, — не думала, не гадала — попала под тиснение, что меня

---

¹ Было ранее написано: «...тогда как Ольга Сергеевна ему не сообщала ее и не могла сообщить, по нижеследующей причине, неизвестной, вероятно, и Г. Бартеневу».

² Пушкинский Дом, архив «Русской Старины», № 585.

почти бесит...»¹ Когда же, вскоре, заявление Н. И. Павлицева было напечатано в «Москвитяине» (1855 г., № 1, кн. первая, стр. 200),² оно очень раздражило в свою очередь, Соболевского, судя по письму О. С. Павлицевой к мужу от 25 февраля: «Соболевский», — читаем здесь, — «бесится за твою статью в Москвитяине, il dit: «Votre époux a fait inserrer dans le Москвитяин un avis tout à fait déplacé et injuste à propos de Bartenief — *je vous en remercie tous les deux* de ne pas savoir à votre âge ménager vos vieux amis!!! с выноской: «par rapport à ce qui me concerne». »³

Перед выходом в свет первых томов анненковского издания, в ноябрьской книжке «Современника» появилась информационная заметка, принадлежащая, быть может, перу одного из редакторов журнала — Панаева или Некрасова, из коих последний, как мы видели, принимал участие в судьбе издания и очень им интересовался. Такие же заметки были напечатаны в «С.-Петербургских Ведомостях» (1854 г., № 255) и в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (1854 г., ч. LXXXIV, отд. VII, стр. 91); в последней сообщалось: «Собрание сочинений Пушкина, — появившееся вскоре по кончине его, около пятнадцати лет тому назад, сделалось ныне в продаже весьма редким, и потому нельзя не порадоваться, что представляется случай иметь новое издание сочинений нашего незабвенного Поэта, стяжавшего произведениями своими столь заслуженную славу»; при этом давалась информация об анненковском издании, извлеченная из объявления о нем. В упомянутой статье «Современника» читаем следующее: «Современник»,

---

¹ Пушкинский Дом, архив Павлицевых, письма О. С. Павлицевой, тетрадь № 4, 1854 — 1855.

² В том тексте, который приведен выше, по рукописи Павлицева.

³ Пушкинский Дом, архив Павлицевых.

для которого не может не быть дорога память незабвенного его основателя, неоднократно сетовал, что «Сочинения Пушкина» изданы у нас в разгонистых одиннадцати томах, с опечатками, без хронологической или какой-нибудь другой системы, без необходимых примечаний и наконец без биографии Пушкина, о которой до настоящего времени публика знает менее, чем об ином обыкновенном авторе, беседующем с читателями о самом себе в своих статейках. К этим сетованиям в последнее время можно было присоединить еще, что каково бы ни было издание Пушкина, но уж и его *в продаже по обыкновенной цене не имеется*, и вся вновь прибывающая масса читателей или должна обходиться без Пушкина, или платить за издание баснословную цену, именно: от тридцати-пяти до сорока рублей серебром за экземпляр! По всем этим и еще по многим другим, понятным русскому читателю причинам, мы чувствуем неизъяснимое удовольствие, имея наконец возможность объявить, что в скором времени Россия будет иметь новое, как мы надеемся — прекрасное издание сочинений своего национального поэта. Нынешний издатель Пушкина *литератор* — и, следовательно, понимает свое дело и всю важность моральной ответственности за выполнение его перед всеми образованными русскими; поэтому должно думать, что он сделает всё, что только будет возможно, чтоб сообщить изданию полноту, отчетливость и все качества, придающие подобному труду характер строго-классический. Мы слышали, что издание расположено в хронологическом порядке, проверено с прежними изданиями и подлинными рукописями Пушкина, снабжено необходимыми примечаниями и, наконец, дополнено новыми стихотворениями, которые посчастливилось издателю найти в бумагах поэта, и которые таким образом явятся в издании г. Анненкова *в первый раз* в печати. Равным образом собрано и включено в состав издания всё, что было обнару-

довано из произведений Пушкина, по выходе одиннадцати томов его «Сочинений». Наконец, к изданию приложена будет подробная биография Пушкина, богатая новыми и любопытными фактами, материалом для которой послужили бумаги самого поэта, письма его к равным лицам, записки о нем брата его Льва Сергеевича и других лиц, близких Пушкину. Имея в руках *так* изданного Пушкина, читая его биографию (которая одна составит значительный том), где рядом с фактами жизни прослежены многие любопытные особенности его творчества, присматриваясь к почерку поэта, к его портрету, к рисункам, которые он иногда рисовал на полях своих рукописей (что всё войдет в издание г. Анненкова), читатель получит возможность как бы перенестись в мастерскую великого поэта, из которой вышли бессмертные создания его гения. Вот какого издания «Сочинений Пушкина» давно и горячо желал «Современник»! И мы уверены, что наше желание разделяла вся читающая Россия. Кажется, нет причины сомневаться, чтоб все сказанное нами не осуществилось именно так, как здесь сказано. Издатель приступил уже к печатанию «Сочинений Пушкина». Всё издание будет состоять из шести или семи томов (смотря потому, как удобнее будет разместить) и будет стоить, вместе с биографией и дугими приложениями, 15 рублей серебром с пересылкою, а без пересылки 12. Первые *три* тома издатель обещает в марте 1855, остальные в течение лета того же года. За дальнейшими подробностями адресуем читателей к объявлению г. Анненкова, которое должно вскоре появиться в свет». ¹

6 января 1855 г. Плетнев, в письме к кн. П. А. Вяземскому, писал:

«Про биографию Пушкина, составленную Анненковым,

---

¹ «Современник» 1854, т. XLVIII, отд. V, стр. 119 — 121. Об объявлении этом см. выше, стр. 305.

вы, конечно, уже слышали. Она содержит в себе столько подробностей, что из нее одной выйдет том...»,¹ а 12 января Некрасов просил Анненкова: «Принесите мне завтра полный экземпляр биографии Пушкина, — я начну о ней писать...». ² К этому дню, очевидно, книга еще не вышла в свет, но уже несколько дней она была в руках читателей, с нетерпением ожидающих нового издания Пушкина. Успех его, как выяснилось сразу, был блестящий и прочный — общество приняло его с восторгом. 17 февраля Анненков угощал своих друзей обедом по поводу выхода двух первых томов своего труда. ³

Несколько отзывов современников покажут их отношение к изданию Анненкова. М. Н. Катков 6 апреля 1855 г. писал редактору, благодаря его за «драгоценный подарок»: «Труд ваш истинно почтенный. Ваши замечания и взгляды, проблескивающие в биографических материалах и комментарии, прекрасны... Успех издания несомненен». ⁴ В то же время, предваряя своею заметкою статью об издании Анненкова К. Н. Бестужева-Рюмина, Катков писал: «Предприятие это есть событие важное в нашей литературе. Мы уверены, что новое издание Пушкина будет иметь благотворное влияние на умственную производительность у нас. Честь и слава даровитому издателю! Сколько усилий, сколько трудов, сколько кропотливых разысканий и притом — сколько свежих и остроумных мыслей, высказанных им в биографии нашего славного поэта!»... ⁵ В. С. Аксакова, читая с отцом, С. Т. Аксаковым, издание Анненкова, отметила в дневнике своем: «Продолжаем читать Пушкина; замечательного, любопытного чрезвы-

---

¹ Сочинения, т. III, стр. 418.

² «П. В. Анненков и его друзья», т. I, СПб 1892, стр. 635.

³ Н. Гутьяр, Хронологическая канва для биографии Тургенева.

⁴ «П. В. Анненков и его друзья», стр. 493.

⁵ «Московские Ведомости» 1855 г., № 42.

чайно много»...¹ Герцен, познакомившись с изданием, назвал его «полным и превосходным».²

«Я чрезвычайно доволен новым Пушкиным», писал С. А. Соболевский М. Н. Лонгинову по получении I и II томов издания Анненкова. «Не могу не радоваться тому усердию, с которым Анненков изучил своего Автора в печати и рукописях... Умно уже и то, что Анненков назвал это: *материалами*... Труд Анненкова *прекрасен*, особенно, если вспомнить все трудности, с которыми следовало ему бороться, чтобы, и вне интимности, *высказать* многое, особенно если вспомнить, что он должен был решиться сказать несколько глупостей в виде пачпорта истине.»³ Другая уловка: сообщить публике неконченное, не доделанное или исключенное так, чтобы оно не пропало и чтобы однако же не пришлось прибегать к собственному рукоделию, — весьма счастлива... Благодарю Анненкова 1) за приличный и благородный тон его труда; 2) за отсутствие возгласов и хвалебных эпитетов, знаков восклицания и других типографских прикрас (NB Это было бы приятно Пушкину самому, любившему во всем приличие и порядность); 3) за то, что он не восхищается эпиграммами Пушкина, приписывает их слабости, сродной со всем человеческим и признает их пятнами его литературной славы (*c'est le premier biographe qui ait osé dire cela de son héros, que je sache*)... Что он ни слова не упоминает о Гаврилиаде» и т. д.⁴

Очень доволен был биографией Пушкина и Погодин; это видно из дневника его: «Читал Пушкина и при-

¹ Дневник В. С. Аксаковой, ред. и прим. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб. 1913.

² Соч. Герцена, ред. М. К. Лемке, т. VIII, стр. 268; ср. стр. 232, 279, 281, 292, 304.

³ Намек на цензурные хитрости Анненкова.

⁴ «Пушкин и его современники», вып. XXXI—XXXII, стр. 37—39.

писывал, что помнил. Был очень рад», — записал он 31 января 1855 г., а на другой день отмечал: «Все утро с великим удовольствием за биографией Пушкина; вспоминал и плакал». ¹ Написал он и Анненкову письмо с похвалою его труду; благодаря Погодина за это «доброе слово», Анненков писал ему с некоторым упреком:

«Если бы вы исполнили намерение свое изложить письменно свои заметки, впечатления, опровержения и дополнения — вы дали бы драгоценнейший документ к *жизненной* стороне биографии. Что в молодости и в кончине есть пропуски, — не удивляйтесь. Много даже из того, что уже напечатано и известно публике, не вошло и отдано в жертву, для того, чтобы, по крайней мере, внутреннюю, творческую жизнь поэта сберечь всю целиком. И она, благодаря благороднейшему нашему министру и содействию умного Л. В. Дубельта, — сбережена по возможности. Пропастъ однако ж она, — эта жизненная сторона, — не может совсем; есть и у меня кой-что, но еще более есть у вас. Напишите же, сообщите, разъясните облик поэта в тех местах, где он скучен в биографии или где не дописан или криво написан. Во всяком случае, одобрение, выраженное вами, сказать без фразы, дало мне веру в мою работу. Всякий будет занимателен, когда заговорит о таком человеке, как он; но если очевидец и приятель скажет: похоже, — это уже другое дело». ²

Зять Пушкина, Н. И. Павлищев, писал Анненкову из Варшавы 3(15) марта 1855 г., по получении «Материалов» и II тома Сочинений.

«Милостивый Государь Павел Васильевич.

Я не мог оторваться от первого тома Вашего издания сочинений Пушкина: так увлекательно сказание Ваше о жизни Пушкина под скромным названием *материалов*.

¹ Барсуков, Жизнь и труды Погодина, кн. XIV, стр. 170.

² Там же, стр. 170 — 171.

Примите же самую теплую благодарность мою за доставление первых двух томов; продолжения ожидаю не один я, — ожидает вся читающая Русь.

«При засвидетельствовании душевного почтения Ивану Васильевичу, искренно желаю, чтобы помнили и любили вашего покорнейшего слугу Н. Павлищева.»¹

Высокого мнения об издании Анненкова был и друг Пушкина — И. И. Пущин, который выразился, что Анненков «запечатлел свой труд необыкновенною изыскательностью, полным знанием дела и горячею любовью к Пушкину — поэту и человеку».²

Наконец, показателем единодушно восторженного отношения к труду Анненкова служит и тот факт, что друзья издателя чествовали его по случаю выхода в свет первого тома Сочинений торжественным обедом — состоявшимся 17 февраля 1855 г.,³ затем поднесли ему экземпляр этого тома в хорошем шагреновом переплете, с надписью на первом белом листе книги: «Автору образцовой биографии Пушкина и добросовестному издателю сочинений великого нашего поэта — Павлу Васильевичу Анненкову — от его литературных друзей и знакомых в память обеда 17 февраля 1855 года», и с подписями: «Иван Тургенев, Иван Панаев, Василий Боткин, Ник. Некрасов, Александр Дружинин, Мих. Михайлов, Михаил Авдеев, Алексей Писемский, А. Майков, Г. Геннади, В. Гаевский, Е. Корш, М. Языков, А. Жемчужников, гр. Алексей Толстой, Арапетов, Н. Гербель, Я. Полонский».⁴

Отзывы критики были также единогласно благоприятны для Анненкова. Приведем из этих отзывов некоторые,

---

¹ По черновому письму, находящемуся в нашем собрании.

² Л. Майков, Пушкин, стр. 56 — 57.

³ Обед пришелся накануне смерти Николая I.

⁴ Книга эта в 1907 г. хранилась в библиотеке Анненкова — в с. Чирькове, — см. «Историч. Вестник» 1907 г., № 8, стр. 512.

в отрывках и в тех частях, которые обрисовывают взгляды современников Анненкова на задачи биографа и издателя сочинений Пушкина.

Критик «Современника», говоря о «Материалах», писал: «Это первый труд, который надлежащим образом удовлетворяет столь сильно развившемуся в последнее время стремлению русской публики познакомиться с личностями деятелей русской литературы... Творения Пушкина, создавшие новую русскую литературу, образовавшие новую русскую публику, будут жить вечно, и вместе с ними незабвенною навеки останется личность Пушкина. Важный труд, который знакомит нас с нею, представляется г. Анненковым в совершенно обработанной литературной форме. Кропотливая мелочная работа сличений и поисков ему предшествовавшая не выставляется на первом плане, затемняя для читателя черты великого писателя и его трудов; исследователь дает нам завершенную картину жизни и творчества Пушкина» и т. д. (1855, т. XLIX, отд. III, с. 31, 32). В другом месте тот же критик писал о том, «как много новых и чрезвычайно важных данных заключается в «Материалах», с добросовестною неутомимостью собранных г. Анненковым, как внимательно и проницательно г. Анненков старался объяснить нам личность великого нашего поэта, как основательно и осмотрительно он разгадывает черты его характера». ¹

В «Отечественных Записках», в отзыве В. П. Гаевского, читаем:

«Если «Материалы» г. Анненкова не представляют полного собрания всех напечатанных материалов и указаний для биографии поэта, за то они представляют много неизданного, в высшей степени любопытного и проливающего совершенно новый свет на жизнь и деятельность Пушкина.

---

¹ 1855 г., т. L, отд. III, стр. 1.

Вообще, немногие из биографов имели возможность пользоваться для своего труда такими богатыми данными, как г. Анненков, и потому необыкновенный интерес и совершенная новизна нескольких страниц «Материалов» вполне выкупают некоторую неполноту их в библиографическом отношении: особенно подчеркивал В. П. Гаевский у Анненкова «новизна фактов, поражающую внимание читателя во многих местах биографии». ¹

А. В. Дружинин в «Библиотеке для чтения» поместил восторженный отзыв о «Материалах» Анненкова, составленных, по его мнению, «с редким талантом и с редкою проникательностью». ²

«Библиографический труд нашего издателя всеми встречен с заслуженным одобрением», — свидетельствует тот же Дружинин в отзыве о III и V томе сочинений («Библиотека для Чтения» 1855 г., № 5, отд. VI, стр. 6), но замечает при этом, что «честный и благородный труд г. Анненкова должен служить только *началом* других трудов о том же предмете, и сам г. Анненков хорошо сделает, если будет продолжать, в каком угодно виде, свои исследования о жизни, характере, мнениях и занятиях усопшего поэта. Еще не все факты, ему известные и им собранные, вошли в состав «Материалов», еще далеко не все источники им исчерпаны. Стоит подумать о том, что еще может быть рассказано читателю о жизни Пушкина. Кто из наших литераторов своим глазом видел село Михайловское или село Болдино, имена которых навеки должны остаться в русской словесности? Если люди имеют у себя в кабинете виды Нюстидского аббатства и заезжают в Шотландию для того, чтобы пройти по залам Абботсфордского замка, то как же нам не знать вида, местоположения, физиономии угол-

¹ «Отечественные Записки» 1855 г., т. 100, отд. III, стр. 41.

² «Библиотека для Чтения» 1855 г., т. CXXX, № 3, стр. 41; подп. Д.

ков России, среди которых создавались «Онегин», «Русалка», «Медный Всадник», «Цыгане»? Раз коснувшись деревенской жизни Пушкина, мы должны сказать, что окрестности Михайловского до сих пор наполнены имениями, которых помещики, люди весьма образованные, лично знали поэта, видались с ним беспрестанно, и в настоящую пору, без сомнения, могут доставить приезжему исследователю десятки любопытных подробностей про жизнь, привычки и беседы Александра Сергеевича. — В Петербурге и Москве равным образом можно насчитать несколько искренних друзей покойного, его родственников, его лицейских товарищей, которым дороги слова поэта, любовно его имя. Кто из названных нами лиц найдет неуместными расспросы биографа или не сделает всего, что от него зависеть будет, для облегчения трудной задачи? Нам самим приходилось не раз беседовать с людьми, пользовавшимися дружбой Александра Сергеевича, и мы можем сказать с полной уверенностью, что с их стороны сам навойливый Босвелль (еслиб предположить его существование в наши дни) не встретит ни осуждения, ни холодности. Для всех дорога память поэта, но из этого не следует, что новые о нем сведения приходили к биографу сами, без хлопот, разъездов, новых знакомств и просьб всякого рода. Иначе и быть не может — приготовительный труд разве когда-нибудь бывает легок? Знакомившись с местами, в которых жил Пушкин, и собрав запас характеристических сведений о его жизни и привычках, биограф должен будет приступить к занятию, весьма не легкому, и у нас еще новому, именно к сохранению *беседы* (table-talk) покойного поэта, на сколько оно будет возможно. Нельзя думать, чтоб из значительного числа особ, близко знавших Пушкина, не нашлось ни одной, запомнившей некоторые речи Александра Сергеевича, и способной передать их с некоторой верностью. Автор «Онегина» обладал замечательным разго-

ворным талантом, был жив и остер в беседе; сверх всего этого он мог назваться любимейшим писателем своего времени, оттого его речи не могли выслушиваться без внимания и скоро забываться. Конечно, если биограф захочет бесед: словно записанных стенографом, он ошибется в своих изысканиях, но ему надо помнить, что в беседах важен *дух* речи, а не ее буквальная верность истине. Мур не записывал своих разговоров с Байроном, сам Босвелль конечно передает нам беседы Джонсона не с полной верностью, — но тот и другой выполнили свою задачу прекрасно. До сих пор в свете ходят остроумные шутки Пушкина, его саркастические отзывы о том или другом из знакомых людей (имен нам не нужно, и биографу нечего о том думать), с помощью некоторых усилий эти *dissecta membra poëtae* могут быть приведены в систему и спасены от всепоглощающей реки забвения. Для того, чтоб с успехом трудиться по части сохранения свету частных бесед Пушкина, биограф должен соединять большую неутомимость с меньшей изобретательностью. Он должен помогать лицам, от которых добывается сведений и, облегчая их занятия, водворять порядок в массе собственных приобретений. Тут не мешает иметь своего рода систему, равно полезную и для самого биографа, и для того лица, которое сообщает ему свои личные воспоминания. Положим например, что мы собираем сведения о беседах Пушкина и для этой цели сошлись с человеком, имевшим наслаждение часто с ним разговаривать. Если обе стороны при свидании захотят кончить всё дело равом, в какой-нибудь час времени наговорившись о поэте и разговорах его — ничего дельного не выдет из подобного свидания. Годы прошли даром, впечатления утратили свою свежесть, наконец самое занятие (воспоминание о частном разговоре за столько лет назад) на первый раз, кажется таким странным занятием ! Но положим, что и мы, и лицо, желающее дать нам

нужные сведения, приступаем к делу не торопясь, помогая друг другу — на сколько будет облегчено общее дело! Мы условливаемся в самой *методе* рассказов и таким образом создаем вокруг себя некоторый порядок. Беседы с Пушкиным, о которых идет здесь речь, относятся например к 18** году, происходили они в Петербурге, осенью. О чем говорили в Петербурге в 18** году? чем Пушкин занимался в это время? какие дела сближали его с нашим теперешним собеседником? в чьем доме они видались и в их беседах участвовали еще какие лица? Как отзывался поэт о предметах, составляющих обычную тему городских разговоров, как судил он о музыке и театре, о семейной жизни, о деревенских занятиях, «о Шиллере, о славе, о любви», говоря его словами? После таких вопросов самый рассеянный человек почувствует свою память хотя немного освеженною. Далее: в том году, о котором идет речь, печаталось ли что-нибудь из сочинений Пушкина? вышло ли вообще что-нибудь замечательное в русской литературе? не предпринимал ли поэт какого-нибудь занятия? не происходило ли в его жизни каких-либо перемен? Лишним считаем выписывать здесь ряды вопросов, из которых каждый может навести рассказчика на забытую мысль, фразу, особенно меткое выражение, на отзыв, на предмет беседы за целый вечер» и т. д.¹

«Теперь, когда издание г. Анненкова опять обратило глаза всей просвещенной России на поэта, дорогого ее сердцу, — теперь, говорим мы, надо торопиться говорить о Пушкине, надо делать исследования о жизни Пушкина. Поспешим же сохранить то, что может быть сохраненным. Поспешим от души попросить каждого из бывших сверстников и товарищей поэта набросать свои о нем заметки и сохранить свой труд для будущих биографов. Время не

¹ «Библиотека для Чтения» 1855 г., т. СXXXI, отд. VI, Лит. летопись, стр. 11. — 14.

ждет никого, годы идут своей чередой, унося прошлое, гася воспоминания, изменяя самый вид мест и людей. Мы слышали, что село Михайловское уже во многом утратило физиономию, которую оно имело во время Пушкина; а мы еще не имеем ни описания Михайловского, ни рисунков дома, в котором обитал первый из певцов русских. Пройдут еще года и последуют еще перемены. Всепоглощающая река забвения нахлынет на воспоминания о частной жизни Александра Сергеевича, — и труд самого искусного биографа сделается невозможностью. Трудитесь же, почтенные любители русского слова, не откладывайте предприятий ваших! Почтимте память поэта, доставившего нам столько наслаждений, и честным трудом нашим постараемся заслужить благодарное слово от будущих поколений!»¹

Таковы были главнейшие отзывы печати, и недаром наиболее крупный из преемников Анненкова в работах по Пушкину и живой свидетель времени появления в 1855 году сочинений поэта под редакцией Анненкова — Л. Н. Майков уже на склоне дней вспоминал о том «сильном впечатлении, которое произвело в обществе и особенно — в литературных кругах» это издание. «Среди однообразия тогдашней литературы какую свежестью пахнуло от этих красиво напечатанных страниц, на которых читатели, рядом с давно знакомыми и давно любимыми произведениями славного поэта, встретили новые, дотоле неизвестные в печати откровения его музы и затерянные в старых журналах яркие блески его гениального дарования и могучего ума! Какую драгоценностью казались сведения о жизни и творчестве Пушкина, собранные во введении, которое автор-издатель скромно назвал «Материалами» для биографии поэта! Что издание Анненкова не вполне

¹ Там же, стр. 14.

исчерпало литературное наследие, уцелевшее в бумагах Пушкина, — об этом стало известно очень скоро, и сам издатель поспешил пополнить по возможности пробелы своего труда, выпустив в 1857 году седьмой, дополнительный том к шести, изданным за два года перед тем. Но сила впечатления, произведенного изданием, зависела не от новых дополнений, а от того, что в труде Анненкова создания поэта являлись впервые в исправном, не испорченном опечатками тексте, расположенные в правильном хронологическом порядке и умно объясненные трудолюбивым и внимательным биографом. На читателя благотворно действовало то благоговение, с которым издатель относился к своему делу. Если за Белинским остается заслуга первой критической оценки Пушкина в связи с общим развитием новой русской литературы, то прекрасное начало научному истолкованию художнической деятельности поэта в связи с событиями его жизни положено было без сомнения, П. В. Анненковым». ¹

Когда, два года спустя после выхода I—VI томов сочинений, Анненков, пользуясь наступившею большею свободою цензуры, выпустил VII, дополнительный том своего издания, — снова раздался целый хор хвалебных отзывов, в которых давалась и общая оценка всего труда. Так, мы уже приводили выше восторженный отзыв такого осведомленного знатока дела, как библиограф М. Н. Лонгинов; ² так, А. В. Станкевич, в журнале «Атеней» писал: «П. В. Анненков положил прочные основания биографии Пушкина, он сделал всё, что было в его власти, всё, что мог он сделать в данное время и при данных материалах, указаниях и сведениях о поэте». Но, прибавлял он: «сколько вопросов относительно деятельности и жизни Пушкина пробуждает биограф прекрасным трудом своим, вопросов,

¹ Л. Майков, Пушкин, стр. 318 — 319.

² См. выше, стр. 281.

на которые до сих пор не может быть ответа! Личность, жизнь и деятельность нашего поэта будут тогда только вполне ясны и вполне понятны, когда все подробности, касающиеся их, будут обнародованы теми, кто имеет на это возможность и право. Пора являться в печати подлинным письмам Пушкина, подробным заметкам и воспоминаниям о нем и обо всех обстоятельствах его жизни, со стороны лиц, имеющих что-либо сообщить в этом отношении. Это — долг последних русской литературе и русскому обществу. Выскажем желание, чтобы срок уплаты по этому долгу не отдалялся произвольно на неопределенные времена. — В конце седьмого и последнего тома сочинений Пушкина приложены издателем алфавитные указатели стихотворных и прозаических произведений, а также подробный указатель к материалам для биографии Пушкина, помещенным в первом томе издания. *Всё это сделано с такою тщательностью и представляет читателю такие удобства, к которым мы до сих пор не приучены русскими изданиями*.¹

В «Библиотеке для Чтения», в рецензии И. Л. говорилось по поводу «Материалов» Анненкова, что издатель, «не дозволяя себе ни одного хоть сколько-нибудь гадательного положения и основываясь везде на тщательном изучении предмета, на фактах и самой строгой, ученой их проверке, скуп на выводы и приговоры, но зато выведенные им положения драгоценны, как твердые и точные определения науки»...²

Один из лучших пушкинистов той эпохи, Е. И. Якушкин в 1858 году также писал, что «Издание г. Анненкова во многих отношениях может быть названо образцовым. На это название дают ему право: система, принятая издателем, многочисленные примечания и превосходно со-

¹ «Атеней» 1858 г., ч. I, стр. 83. Курсив наш.

² 1858 г., № 2, стр. 45.

ставленные материалы для биографии поэта, которые, при всей неполноте своей могут по справедливости считаться лучшим биографическим трудом в русской литературе.»¹ Последующие редакторы Сочинений Пушкина — Г. Н. Геннади и Н. В. Гербель — широко пользовались изданием Анненкова и не опорочивали его; зато П. А. Ефремов в своем издании 1880 г. сделал, со свойственной ему резкостью и неблагожелательностью, много выпадов против Анненкова, находившегося тогда еще в живых.² По поводу ожесточенных полемических нападок Ефремова Анненков дал горькую, но справедливую отповедь в специальной статье об издании самого Ефремова, напечатанной в «Вестнике Европы» 1881 г. (№ 2).³

Немного позднее строго критиковал издание Анненкова и В. Е. Якушкин, считавший, что Анненков «пренебрег значительною, *большею* частью бывшего у него в руках материала» («Русская Старина» 1884 г., № 2, стр. 416). Упреки эти поддерживал и цитованный выше Венгеров, говоривший, что Анненков в отношении пушкинских текстов сделал далеко не всё, что следовало сделать историку литературы и библиографу, которому выпало счастье получить в свое распоряжение такую драгоценность, как бумаги Пушкина (Крит.-биограф. словарь, т. I, СПб. 1889, стр. 602), а по поводу «Материалов для биографии» писавший, что это «действительно, одни только «материалы», в которых лично Анненкову принадлежащее и в количественном и в качественном отношении занимает совершенно второстепенное место. Как сборник документов,

¹ «Библиографические Записки» 1858 г., № 10, стр. 307.

² Ср. еще такие же выпады Ефремова против Анненкова в «Русской Старине» 1880 г., № 6, стр. 320 — 328.

³ Перепечатана в книге «Анненков и его друзья», стр. 424 — 447; ср. о нападках Ефремова и об этой статье в письмах Анненкова к Стасюлевичу — в изд. «Стасюлевич и его современники», т. III, стр. 387 — 388, 388 — 389, 392, 394, 395.

выписок из бумаг Пушкина и устных рассказов лиц, знавших поэта, «Материалы» Анненкова, однако, имели чрезвычайно важное значение в свое время», признается Венгеров. Но если их рассматривать, как литературное произведение, то ценность «Материалов», по мнению Венгерова, будто бы «донельзя темно, вяло и малоинтересно написанных», совсем не велика. «Страстная, кипучая натура Пушкина совершенно пропадает в бледном изображении Анненкова, — вместо полной высокого драматизма картины жизни несчастного поэта получается какой-то ряд сухих справок». Впрочем, Венгеров готов был объяснять последнее обстоятельство причинами, вне автора стоявшими, т. е. цензурными условиями времени появления «Материалов» (ib., стр. 604), на которые, напомним кстати, указывал и сам Анненков в статье своей «Любопытная тяжба» («Анненков и его друзья», стр. 397).

Подводя итоги литературным заслугам Анненкова в его некрологе, А. Н. Пыпин делал такой вывод об анненковском издании Пушкина: «Предприятие Анненкова было особенно ценно в обстоятельствах, среди которых жила тогда наша литература. Обстоятельства были очень малоблагоприятные. Окруженная тяжелым недоверием и подозрениями, литература едва хранила нить предания сороковых годов, и издание Пушкина приобрело цену нравственного ободрения; это было притом не только напоминание, но в значительной степени и реставрация писателя, который для критики сороковых годов был величайшим явлением русской литературы и залогом ее будущего. Труд Анненкова был первый в своем роде опыт исследования внешней и внутренней биографии писателя, истории его содержания и способов творчества. Позднее, когда подобные изыскания установились и размножились вообще историко-литературный материал, не трудно было указать недосмотры и ошибки в работе Анненкова; забы-

вают только, что в подобных случаях чрезвычайно важно и особенно трудно бывает именно начало. Как при том мудрено было внешнее положение Анненкова в качестве издателя Пушкина, можно видеть из того, что когда по окончании издания наступили более благоприятные цензурные условия, Анненков мог издать в 1857 г. целый дополнительный том». ¹

Благоприятен для Анненкова и отзыв современного пушкиноведа Н. О. Лернера, который признает, в свою очередь, что работа Анненкова «не утратила до сих пор своего значения, и что, не смотря на то, что позднейшая специальная критика обнаружила и до сих пор продолжает обнаруживать много недостатков в его комментаторском, редакторском и биографическом труде, обличая и ошибки в освещении предметов, и шаткость метода, и общую небрежность, — нельзя не признать, что именно Анненков положил начало наукообразному пушкиноведению, и что его «Материалы для биографии Пушкина» «в некоторых отношениях служат даже первоисточником» и «изучение Пушкина без них немислимо». ² Наконец, новейший исследователь *текстов* Пушкина Б. В. Томашевский считает издание 1855 — 1857 гг. «первым критическим изданием сочинений Пушкина», говоря, что Анненков «основательно изучил библиографию произведений Пушкина и почти все его рукописи», но что «к сожалению, изучение это шло в процессе издания, в основу же текста легло посмертное издание, к которому Анненков относился с излишней доверчивостью и исправлял лишь самые очевидные промахи» и т. д. ³

¹ «Вестник Европы» 1882, № 3, стр. 303, в некрологе Анненкова, А. Н. Пышина; ср. «Литературные воспоминания» Анненкова, изд. 1909 г., стр. IV — V.

² Новый Энцикл. Словарь Брокгауза-Ефрона, т. II, ст. 918—919.

³ «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения», Лгр. 1925, стр. 20 — 21.

Выпустив свои «Материалы», Анненков не переставал собирать сведения о Пушкине. Так, напр., уже 12 апреля 1856 г. он писал Погодину: «Тот же неотвязчивый проситель, которого вы видели в Москве, снова прибегает к вам. Дело всё о Пушкине. Ради бога, отверзите руку вашу, соберите материалы ваши и пособите ему! Время всё идет: вот уж весна на дворе и весна в обществе.¹ Я считаю обязанностью моею перед публикой договорить начатую речь о Пушкине, когда речь начинает бежать вообще из-под льда со всех сторон. А как заговорить без вашей помощи? Я буду в Москве на Фоминой неделе, проездом, и постучусь у вашей двери. Впустите меня! Если вы дадите мне тогда кусок *живого хлеба*, я увезу его в деревню и потружусь над ним. Обстоятельства у нас переменчивы. Кто не торопится сказать того, что сказать имеет, тот, может быть, и не скажет уж ничего. Сколько у нас таких молчаливников, пропустивших свою очередь слова, — сами знаете. Будьте же добры ко мне и разрешите мне слово: это от вас зависит».²

Но Погодин, повидимому, так и не собрался написать для Анненкова просимые им записки о Пушкине. Зато в 1857 г., при содействии Л. Н. Толстого, Анненков получил замечательные записки М. И. Пущина о встрече с Пушкиным на Кавказе в 1829 году.³ На этом, однако, поскольку мы знаем, работы Анненкова по собиранию материалов о Пушкине прекратились, — и все последующие статьи его, касавшиеся Пушкина, были написаны уже по ранее собранному данным, ни одной публикации новых материалов, — которых, конечно, он мог бы разыскать

---

¹ Намек на либеральные веяния начала царствования Александра II.

² Барсуков, *Жизнь и труды Погодина*, кн. XIV, стр. 171.

³ Л. Майков, *Пушкин*, стр. 386 — 387.

немало, — он не сделал. Печатаемые ниже материалы представляют собою часть того, что накопилось в рабочем портфеле Анненкова в период его работ над Пушкиным в 1850 — 1854 гг.; это, конечно, не всё, что было в бумагах Анненкова, — но всё, что из них перешло в Пушкинский Дом; некоторая часть тех же материалов хранится ныне в бумагах Л. Н. Майкова в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук, небольшая часть приобретена была П. Е. Щеголевым в 1923 г. у одного букиниста и готовится им к изданию.

Материалы Пушкинского Дома мы разделим на 15 групп, сообразно отдельным листам рукописей Анненкова, писанных в разное время, по разным поводам.¹

ИЗ ЧЕРНОВЫХ ЗАМЕТОК П. В. АННЕНКОВА ДЛЯ БИОГРАФИИ ПУШКИНА.

I

ОТ САБУРОВА (ЯКОВА ИВАНОВИЧА).

1) Каверин, сын Сенатора, образованный человек, воспитывавшийся в Геттингене, красавец собой, богатый; он, по словам Сабурова, лечился от французской болезни холодным шампанским, вместо чаю выпивал с хлебом бутылку рому и после обеда, вместо кофею, — бутылку коньяку, но был остроумен, и любезен, и блестящ. Гусар.

2) *Молостов*, широкоплечий гусар, был просто пьяница горький и буйный, но умный. Цинизм времени выразился в нем шуткой: «лучшая женщина есть мальчик и лучшее вино — водка».

---

¹ 16-ю группу составляют выдержки из переписки братьев И. В., Ф. В. и П. В. Анненковых, относящиеся к изданию Пушкина.

3) Чаадаев, воспитанный теткой Шаховской превосходно, не по одному французскому манеру, но и по Английски, был уже 26-ти лет, богат и знал 4 языка. Влияние на Пушкина было изумительно. Он заставлял его мыслить. Французское воспитание нашло противодействие в Чаадаеве (сперва гусарском офицере, потом Адъютанте И. В. Васильчикова), который уже знал Лока [?] и легкомыслие заменял исследованием. Чаадаев был тогда умен; он думал о том, о чем никогда не думал Пушкин. Сабуров рассказывает, что Пушкин, восхищавшийся Державиным, встретил у Чаадаева опровержение, а именно за неточность изображений. Пример был Путник Державина: «Луна светит, сквозь мрак ужасный едет в челноке». Чаадаев был критик [?] тогда. Взгляд его на жизнь был серьезен. Он поворотил его на мысль. Пушкин считал себя обязанным и покидал свои дурачества в доме Чаадаева, который жил тогда в Демутовом трактире. Он беседовал с ним серьезно.

4) Об оде на свободу. Александр ее знал, но не нашел в ней поводов к наказанию. Между прочим ода, как говорили тогда, была подсказана Пушкину Н. И. Тургеневым. Александр [Тургенев], между прочим, был владыкою Синода при Голицыне и старался сообщить лютеранско-мистическое направление духовенству. Когда невежественная часть духовенства свергла Голицына, князь остался Министром (Почт-Директором), а Тургенев очутился брошенным. Дело о ссылке Пушкина началось особенно по настоянию Аракчеева и было рассматриваемо в Госуд. Совете, как говорят. Милорадович привывал Пушкина и велел ему объявить, которые стихи ему принадлежат, а которые нет. Он отказался от многих своих стихов тогда и между прочим от эпиграммы на Аракчеева, зная, откуда идет удар.

II

ОТ ДАНЗАСА.

Генеральша Гартунг¹ в Кишиневе, дочь Стурдзы, Господаря, и первая жена Гики, сын которого недавно был Господарем, жила в разводе с мужем и не отличалась строгим поведением. У ней-то жила Гречанка, о которой Пушкин писал в стихах. Гартунг приняла раз самого Данзаса в ванне. О Еврейке, о которой часто упоминает Пушкин, он говорил, что это должна быть дочь одной из двух хозяек-жидовок, содержавших два трактира в Кишиневе. Она была не дурна, но коса. Липранди часто бывал с Пушкиным — он был тогда Подполковником Генерального Штаба, потерял жену-француженку и выстроил ей богатую часовню, в которой часто уединялся. Он жил богато. Из знакомых Пушкина — Давыдовы важную роль играли. Один, женатый на Орловой (теперь Давыдов-Орлов),² другой — сосланный в Сибирь и умный в семействе, третий — обжора, женатый на Герцогине Грамон, вышедшей после его смерти замуж за известного маршала Себастьяни. Дочь ее от Давыдова — Адель, к которой написаны стихи, кажется жива: она сделалась Католичкой и живет монахиней в Sacré-Coeur в Париже. Сын ее от Давыдова — служил в Кавалергардах. У Раевских было большое родство. Катер. Раевская вышла за Михайла Орлова, она называлась в Кишиневе за либерализм свой Марфой Посадницей; другая — за Волконского, с которым последовала в Сибирь. Сестра Раевского была за Бороздиным и тоже не отличалась добродетелью.³ Одна из трех дочерей ее показала себя

¹ Читай: Гартинг.

² Петр Львович; сын его, Владимир Петрович, — с 1856 года граф Орлов-Давыдов (1809 — 1882). *Ред.*

³ Софья Львовна, рожд. Давыдова, сестра Раевского по матери. *Ред.*

Пушкину в наготе, кажется, при купании. Любопытно, что одна из молодых Боровдиных вышла замуж за Поджио, другая за Лихарева, сосланных в Сибирь, но они не последовали за мужьями, а, напротив, вышли замуж в Одессе, не помню за кого, от живых мужей, потерявших свои права. В Москве в 29 году Пушкин волочился за Зубковой, прикинувшись, что влюблен в сестру ее Пушкину, которая сделалась потом Паниной. К ней стихи: Не Агат в ее глазах. Эти урожденные Пушкины были сироты и воспитывались у Апраксиной, сестры Д. В. Голицына и сестры Кочубей и Строгановой, тоже Голицыных. В Кишиневе, в бильярде кофейной Фукса, Алекс. Серг. смеялся над Ф. Орловым, тот выкинул его из окошка; Пушкин вбежал опять в бильярд, схватил шар и пустил в Орлова, которому попал в плечо. Орлов бросился на него с кием, но Пушкин выставил два пистолета и сказал: Убью. Орлов струсил.

III

Пушкин два раза уезжал в деревню из Москвы в 1826 и 1827 году и всё осенью. По прибытии в Москву хотел драться с Американцем, потом уехал в деревню, по первопутке прибыл в Москву и остановился у Соболевского. Его кофей с пастилой, майор Носов, знавший бездну прибауток,¹ по ночам просиживали у Марьи Ивановны Корсаковой, когда она спала, стих. тогда к Паниной, *Не агат в ее глазах*,² история с Зуровой. Основание Москов. Вестника, обещание Пушкину 10 т. р., читает Годунова — ничего не пишется [?]. Часто у Зинаиды

---

¹ В «Моск. Некрополе» находим майора Алексея Гавриловича Носова, умершего 13 июня 1844 г.

² Т. е. стих. «Нет, не черкешенка она...»

Волк[онской] бывает. Переехал в Петерб. и остановился у Демута в Трактире.

Ревизор — случай с Пушк. в Нижнем и у Перовского.

Мертвые души — г. Павлов.

IV

Енгельгард — Егор Антонович.

Гауеншильд.

Малиновский умер 1812 и 3 года Лицей был без директора.

Юрий Алекс. Нелединский-Мелецкий.

Тепшер.

В Лицее журналы: Лицейский Мудрец, Для удовольствия и пользы, Неопытное перо, Пловцы.

Общие рассказы посетителей, где были раз. Мятель и Выстрел.

За второе издание Руслана и Кавказ. Плен. Смирдин заплатил 7 т. р. ас. и продал.

За Бахчисарайск. Фонтан 3 т. р. первое издание.

За Братьев-разбойников 1 500 р.

За полного Онегина 12 т.

Потом платил Смирдин по 11 р. за стих и 1 000 заплатил за Гусара. — Смирдин предлагал 2 000 в год Пушкину, лишь бы писал что хотел.

Всё издание мелких стих. куплено за 12 т. р.

Лизка Шот Шедель — блядь, которой выздоровление.¹

Наташа — Актриса Толстого, которой Наташе.²

Надинька Форст — образованная блядь.

Ольга Массон.

¹ Т. е. стих. 1818 г. «Выздоровление».

² Т. е. стих. 1816 г. «К Наташе».

К Самойлову.

В Домике в Коломне о Г-же Зуровой, по первому мужу Стайновская. ¹

Татьяна городская — со Строгоновой, урожд. Кочубей.

Жаркая история с женой Австр. Посланника. ²

Каменка, Алекс. Львовича Давыдова, который тоже и философ, сослан в Сибирь, как Декабрист.

Андрей Петр. Есаулов.

Нет не Черкешенка — Паниной, урожденной Пушкиной, в которую он был влюблен, а по другим в сестру ее Зубкову, с которой через нее хотел [неразб.].

О сцене свидания у Фонтана в Годунове, что написана после возвращения верхом из Тригорского и которая будто была лучше той, которую написал недели три спустя (И тайные мечты обдумывать люблю).

В Лицее свободно курили, а в библиотеке книги с отметками императора, — гувернер Чириков р [неразб.] рассказы.

Был суеверен Пушкин, и Нащокин закавал кольцо с бирювой от насильственной смерти, которое его не спасло.

Гекерен был педераст, ревновал Дантеса и потому хотел поссорить его с семейством Пушкина. Отсюда письма анонимные и его сводничество.

Мусина-Пушкина, урожд. Урусова, потом Горчакова

---

¹ Т. е. графиня Стройновская.

² Т. е. с гр. Д. Ф. Фикельмон. Это упоминание, как будто, подтверждает справедливость рассказа, записанного И. П. Бартевым и послужившего основанием для статей М. А. Цявловского; ср. «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартевым», М. 1925.

(посланника), жившая долго в Италии, красавица собою, которая возвратившись сюда капризничала и раз спросила себе клюквы в большом собрании. Пушкин хотел написать стихи на эту прихоть и начал описанием Италии

Кто знает край

Но клюква, как противоположность, была или забыта, или брошена.¹

Княж. Елена Волконская, потом Хилкова, была в Екатер. Институте. Кюхельбекер видел ее там часто благодаря связям и службе матери своей,² влюбился в нее и говорил, что ему достаточно и одной любви к ней. Отсюда стих. Мечтателю.

К Всеволжскому, у которого давались пиры под именем Зеленой Лампы.

П. ругал Нессельроде, что она увезла во дворец жену его, говоря: Нечего делать, где меня не принимают, там нельзя и жене быть. Это дошло до Двора и его сделали Камер-Юнкером. Жуковский и В. отливали его водой при этом известии. Он хотел просто итти и наговорить царю грубостей. Он говорил также, что три года тому навад Г[осударь?] предлагал ему камер-герство, но П. не принял. Он успокоился впоследствии и писал к жене, что Царь не хотел его оскорбить и потому он ему прощает эту шутку над собой.

Импровизация Мицкевича о равенстве народов в Демутове трактире.

С. Л. Пушкин, разъезжающий в карете и выглядываю-

---

¹ См. в Альб. Онегина, стр. 13.

² Не матери, а сестры Ульяны, которая была 6 лет классной дамой в этом институте.

щий из нее, чтоб показать, что у него карета; жена, подличающая перед Архаровой и дарящая А. И. Васильчиковой письмо Пушкина страстное [?], извещающее о помолвке его, мая 1831. ¹

6 Генваря 1829 г. Пушк. выехал на Кавказ.

Загоскину пишет ответ с Соболевским на 4 страницах.

В [неразобрано], ему приснились стихи:

Пускай

Равно всем общая, как чаша круговая

было [неразобрано]

Адели — дочери Давыдова.

V

ИЗ ЗАПИСКИ КОНОНОВА. ²

1) Мерзляков — был небольшой ростом, с одутловатым лицом, редковолосый и небрежен в туалете. Беспечность в характере: кухарка раз отдала колбаснику тетрадку его стихотворений.

2) На Шаликова, бывшего в хороших связях с Борисом Карловичем Бланком, Кн. Вяземский при отъезде его из столицы написал эпиграмму, где были стихи:

Прощай, прощай о Бланк дурной,
Единственный читатель мой...

3) Князь Шаховской, толстый, высокий мущина с орлиным носом и в мешковатом фраке, даже в 1829 году говорил, что История Карамзина очень плоха. Он,

¹ См. его в сообщении М. А. Цявловского — «Голос Минувшего» 1920 — 1921, стр. 120 — 121.

² Ср. «Библ. Зап.», 1859 г., № 10.

между прочим, за Буянова, где упоминается о его Стерне

Две бляды дюжие сидели, рассуждали
И Стерна нового, как диво, величали.
Прямой талант везде защитников найдет, —

отомстил В. Л. Пушкину, сказав в одном обществе: «Буянов действительно хорош, а остальное все плохо у него. Прибавлю еще жалобу: Надо же мое несчастье, что рав удалось бздуну перднуть — и то на мой счет». Причину вражды к Кар[амзину] со стороны [Шаховского] В. Л. Пушкин объяснял непомещением стихов в журнале за ошибки в версификации.

4) В. Львович в 1829 году был старик чуть двигавшийся от подагры, небольшой ростом, с открытою физиономией, с седыми немногими [?] волосами, веселый, балагур, гастроном, беспутный, как всё семейство; он имел огромную библиотеку, в которой стояли книги в три ряда, так что отыскать нужную не было возможности. Между прочим он умер совсем не так, как рассказывает Бартенев. В 1830 году он уже не мог ходить, лежал на диване и перелистывал Беранжера, которого весьма любил — и вдруг вдохнул тяжело и умер.

5) Хмельницкий, очень приятной наружности, имел весьма сильные неприятности по службе и был переведен в 1837 году с Смоленского Губернаторства Губернатором в Архангельск. Последние его произведения: Мундир и Мой мячик [?], которых не знаю, — исполнены желчи. Он был востанчив в обществе и любезен в небольшом кругу.

6) С. Н. Глинка, ходивший в синем или сером фраке и в круглой шляпе, довольно странной формы. Он оставил свое родительское наследство сестре, сам [?] пошел в учителя; участие его в событиях 1812 года. Вот анекдот.

В 1818 году в Москве он ехал на извозчике и в Ивер-

ских воротах встретился с отрядом солдат. Молодой гвар. офицер с обнаженной шпагой сперва яростно кричал на извозчика, потом ударил его шпагой и окровавил. Глинка соскочил с дрожек, узнал фамилию офицера в задней перенге и прямо отправился к дивизионному командиру, объявляя, что если извозчик не будет удовлетворен, он войдет с просьбой к Государю. Призвав молодого офицера к Генералу, Глинка объяснил ему, что он офицер, но извозчик тоже полезен и они друг другом заменены быть не могут. Смущенный офицер попросил извинения у извозчика в своей горячности и дал ему 25 р. Глинка тотчас же стал обнимать его. Замечательно, что офицер сознался, что уже давно серый фрак Глинки возбуждал в нем желание придраться к нему и напасть.

В Смоленске Глинку все знали и уважали. Раз извозчик утащил у него верхний сертук. Он в полицию. В полиции говорят: извольте подать прошение на 50-коп. листе. Как? — возражает: меня же обокрали, да я же и заплачу? Идет на биржу, созывает извозчиков, рассказывает происшествие, называет себя и свой адрес. «Знаем, батюшка вас, Сергей Николаевич», отвечают извозчики, — и на другой день сертук и вора приводят. Последнему С. Н. делает наставление, но тотчас отправляется в отысканном сертуке в полицию, чтобы сказать канцеляристу: полтины я не платил, сертук на мне, а я не Полицмейстер.

VI

ДЕЛО ПО ПРОСЬБЕ ПУШКИНА О РАЗРЕШЕНИИ ПОВЕЗДКИ ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ.

Генерал-Губернатор Эстляндии в 1826 г., Маркиз Паулучи, обратился к Графу Карлу Васильевичу Нессельроде с следующим письмом:

М. Г. мой,
Граф Карл Васильевич!

Выключенный из службы Коллежский Секретарь Александр Пушкин, присланный по распоряжению г. Новороссийского Генерал-Губернатора из Одессы в Псковскую Губернию и о подтверждении коего надвору Псковского Губернского Начальства Ваше Сиятельство сообщить мне изволили в отношении от 12 июля прошлого 1824 году Высочайшую волю блаженные памяти Государя Императора Александра Павловича, поданным ныне к Псковскому Гражданскому Губернатору на Высочайшее имя прошением, при коем представил свидетельство Псковской Врачебной Управы о болезненном его состоянии и подписку о непринадлежности его к тайным обществам, просит дозволения ехать или в Москву, или С.-Петербург, или же в чужие края для излечения болезни.

Усматривая из представляемых ко мне ведомостей о состоящих под надзором полиции проживающих во вверенных главному управлению моему губерниях, что упомянутый Пушкин ведет себя хорошо, я побуждаюсь, в уважение приносимого им раскаяния и *обязательства никогда не противуречить своим мнением общепринятому порядку*,¹ препроводить при сем означенное прошение с приложениями к Вашему Сиятельству, покорнейше Вас, Милостивый Государь мой, прося повергнуть оное на Всемилостивейшее Его Императорского Величества возвращение, полагая мнением не позволять Пушкину выезда за границу, и о последующем почтить меня уведомлением Вашим.²

¹ В подлиннике подчеркнуто карандашом, неизвестно чьей рукой. (Примеч. П. В. Анненкова.)

² Две черты, сделанные в подлиннике тоже карандашом. (Примеч. П. В. Анненкова.)

С совершенным почтением и преданностью имею честь
быть Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства покорнейший слуга

Маркиз Паулуччи.

Рига.

Июля 30-го дня.

1826 года.

№ 922.¹

* * *

Подлинная просьба Пушкина, вся писанная его собственной рукой (на простой бумаге).

Всемиловитейший Государь

[и т. д., — дословно, но без соблюдения некоторых особенностей орфографии Пушкина, как, напр.: «нещастие», «разкаянием», — напечатано в книге Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 315 — 316].

* * *

Подписка, приложенная к просьбе, тоже собственной руки поэта [напечатана там же, стр. 316].

* * *

Свидетельство, приложенное к просьбе на гербовой бумаге (цена три рубля).

По предложению Его Превосходительства, Господина Псковского Гражданского Губернатора и Кавалера за № 5497 свидетельствован был во Псковской Врачебной Управе Г. Коллежский Секретарь Александр Сергеев сын Пушкин. При сем оказалось, что он действительно имеет на нижних оконечностях, а в особенности на правой

---

¹ По отпуску напечатано в «Русской Старине» 1908 г., № 10, стр. 116.

голени, повсеместное расширение крововозвратных жил (*Varicositas totius cruris dextri*); от чего Г. Коллежский Секретарь Пушкин затруднен в движении вообще. Во удостоверение сего и дано сие свидетельство из Псковской Врачебной Управы за надлежащим подписом и с приложением Ее печати. Июля 19-го дня 1826 года.

Инспектор Врачебной Управы В. Всеволодс.¹

№ 426.

Печать черная.

VII

Ченстон — поэт 18 столетия, автор идилий приторных, пользовавшихся успехом, из которых одна школьная учительница имела некоторое достоинство.

VIII

[Переписка о вызове Пушкина в Москву в сент. 1826 г.]

Высочайшая резолюция на просьбы [sic] его существует в следующем виде, переписанная неизвестно чьей рукой:

Высочайше повелено Пушкина призвать сюда.

Для сопровождения его командировать фельдъегеря.

Пушкину позволяется ехать в своем экипаже, свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта.

Пушкину прибыть прямо ко мне.

Писать о сем Псковскому Гражданскому Губернатору.

27 Августа.

¹ Всеволод Иванович Всеволодов. (1790 — 1863).

За тем Псковскому Губернатору писано:

Дежурство
Главного Штаба
Его Императорского
Величества.

Господину Псковскому Гражданскому
Губернатору.

По Канцелярии
Дежурного Генерала.

№ 1432.
31 Августа 1826.
В Москве.

По Высочайшему Государя Императора повелению, последовавшему по всеподданнейшей просьбе, прошу покорнейше Ваше Превосходительство находящемуся во вверенной вам губернии 10-го класса Александру Пушкину позволить ему отправиться сюда при посылаемом вместе с сим нарочном фельдъегере.

Г. Пушкин может ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря; по прибытии же в Москву имеет явиться прямо к Дежурному Генералу Главного Штаба Его Величества.

Подписал: Начальник Главного Штаба Дибичь.

Скрепил копию: Верно. Правитель Канцелярии Вердеревский.

4-го [сентября] 1826 года Псковский Гражданский Губернатор Барон¹ фон Адеркас отвечал за № 188 Барону Дибичу, что Пушкин отправляется того же числа вечером.

Пушкина, по назначению Барона Дибича, привезли к Дежурному Генералу, которым тогда был Генерал Потапов. Он сей час написал Дибичу официальную записку:

«Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что сей час привезен с фельдъегерем Вельшем, из

¹ Чит. Борис.

Пскова, отставной 10-го класса Пушкин, который оставлен мною при Дежурстве впредь до приказа.

Дежурный Генерал Потапов.

Москва.

8-го Сентября 1826.»

На этой записке Дибичь сделал революцию:

«Нужное. 8 Сентября Высочайше повелено, чтобы Вы привезли его в Чудов дворец в мои комнаты к 4 часам по полудни».

Наконец 21 Ноября 1826 г. состоялась записка:

«По распоряжению Г. Начальника Главного Штаба Е. И. В. вытребованный из Пскова чиновник 10-го класса Александр Пушкин оставлен в Москве.

Правитель Канцелярии Николаев (?).

[Я видел].

Следует сказать, что в начале 1826 года посылался от Правительства агент для разысканий о Пушкине, что по близким связям последнего с Декабристами весьма понятно.¹ Агент был Коллежский Советник Бошняк, который в проезд через губер. С. Петербургскую, Псковскую, Витебскую и Смоленскую собрал несколько сведений о местных, частных злоупотреблениях и представил их в особенной записке. «Предписано было мне, не только разыскать касающееся до Пушкина, но и не упустить из вида и прочих случаев, которые могли бы казаться мне не недостойными внимания, почему и излагаю здесь подробный отчет о всем слышанном и замеченном

¹ «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 320.

мною в продолжении пути». — Что доносил Бошняк о Пушкине, не мог ни от кого узнать.¹

IX

НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ О 1829 г. ОТ
Н [АТАЛЬИ] И [ИКОЛАЕВНЫ].

NB Когда в этом году ему отказано было, за молодостию Н. Н., в руке ее, Пушкин уехал на Кавказ, а на обратном пути только проехал по Никитской, где был дом Гончаровых в Москве, и тотчас же отправился в Маленники к Вульфам, где и были написаны стих. *Зима* и проч. Вольфовы² с родственниками жили в трех деревнях Тверской губернии, в недалеком расстоянии, именно в *Павловском*, *Бернове* и *Маленники*. Семейство состояло из Анны Н. Вольф, которая осталась в девках, из Евпраксии Н., которая за Бревским, из Александрины Ивановны Синовой, которая [*зачеркнуто*: имела дурную часть: она была замужем за каким-то ремесленником] тоже замужем за кем-то, из [*неразб.*] (кажется Трувеллер). У них же жила Вельяшева, к которой написаны стихи (Подъезжая под Ижоры).

X

1830.

Первая поездка Пушкина в 1830 году из Москвы, где сосватался, в Петербург к отцу за устройством дел.

Пушкин посылает письмо к Н. Н. Гончаровой от 20 июля с братом своим Львом, при чем и рекомендует его.

¹ Теперь это донесение Бошняка известно по статье А. А. Шилова в «Былом» 1918 г., № 2; ср. в книжке Б. Л. Модзалевского: Пушкин под тайным надзором, изд. 3-е, 1925, стр. 21 — 29.

² Отсюда до конца абзаца текст перечеркнут двумя чертами поперек.

Встречает за Новгородом Всеволожского, с которым беседует о картинах (живых) Кн. Голицина, где [принимала] такое участие Н. Н. Гончарова. Собирается ехать знакомиться к родным будущей жены — Нат. Кир. Загряжской, и Катерине Ивановне Загряжской (тетке невесты, игравшей полезную роль опекуниши в его семействе), которая живет в Парголове, у полусумасшедшей Гр. Полье.

Во втором письме вслед за этим рассказ о визите у Натальи Кирилловны Загряжской, которая приняла, как *une très jolie femme du siècle passé* за туалетом и называла мать Гончаровой, старуху Наталью Ивановну, — Наташей. Пушкин упоминает о какой-то: *Egyptienne — j'ai été voir ces jours-ci mon Egyptienne*, — которая велела ему нарисовать профиль невесты и которую он рекомендует Гончаровой (не [мать-ли?] Вульф-ли, Праксovia Ал.?). Осведомляется также о статуе Екатерины II, которую называет *la grand'maman de Zavod*. От продажи ее зависело приданое невесты. [Загряжская] приказала ездить к себе, так как мы уже породнились. Загряжская напоминает большую барыню в Пиковой Даме. В третьем письме, от 30 Июля, пишет Пушкин, что он проводит целые дни перед Мадонной, которую хотел бы приобрести, да она стоит 40 т. р. (*«une blonde Madonne qui vous ressemble comme deux gouttes d'eau et que j'aurais acheté — si elle ne coutait pas 40,000 roubles»*). Последнее письмо из Петербурга 30 Июля. Н. Н. прибавляла, что свадьба их беспрестанно была на волоске от ссор жениха с тещей, у которой от сумасшествия мужа и неприятностей семейных характер испортился. Пушкин ей не уступал, и, когда она говорила ему, что он должен помнить, что вступает в ее семейство, отвечал: Это дело вашей дочери, — я на ней хочу жениться, а не на вас. Наталья Ивановна [*зачеркнуто*: заставляла дочь] диктовала даже дочери

колкости жениху, но та всегда писала в виде P. S., после нежных писем, и П. уже понимал, откуда идут строки. Кстати письма на французском языке и в последнем еще идет дело об аудиенции chez mon cousin Kankrine для испрошения пособия одному из братьев [sic! Б. М.] Гончаровых, Аф. Ник., под залог земли его в Заводе. Просит невесту ходатайствовать у матери о дозволении ему, чтоб самому сделать приданое ей.

Вторая поездка Пушкина-жениха из Москвы в Болдино в 1830 г. Пушкин находится не в ладах с тещей своей, которая даже разбранила его; сомневается в чувствах невесты и впадает в отчаяние, когда болтливый отец его Сергей Львович написал ему, что свадьба его разрушилась. Я готов повеситься в дверях своего дома, прибавляет он, как некогда один из дедов моих повесил *Abbé Nicole*, в том же поместье. Первое письмо его от 9-го Сентября 1830, за тем от 30-го и от 18-го Ноября. Он тоскует в деревне, где голод, чума и пожары. Вот все, что мы видим. Решается ехать в Москву — до которой, говорили, 14 карантин, но оказалось только три. На станции ему не дают лошадей без свидетельства, что он выехал из здорового места, посылают за свидетельством в Лукоянов,¹ а в Лукоянове на это не решаются. Он возвращается в деревню обратно и намеревается приехать в Москву, об участи которой и невесты своей страшно беспокоится, через Вятку и Архангельск, — хоть через Кяхту, прибавляет он. Решается ехать во второй раз в Лукоянов, но там объявляют, что он назначен одним из начальников тогда учреждаемых холерных дистриктов. Он снова возвращается в деревню, пишет в Нижний и

¹ При чем он разругался с Станц. смотрителем. (Примеч. П. В. Анненкова.)

получает оттуда через какого-то Дмитрия Языкова при письме от 22 Ноября свидетельство для проезда. Последняя остановка была, кажется, уже в Московской губернии. Он ехал на перекладной, а в телегах пропускать было не велено. Ему карету прислали из Москвы.

XI

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМ ПУШКИНА.

1830.

Три письма от 20, ? и 30 Июля 1830, из Петербурга.
1830. Из Болдино 10 писем.

1) Еще в самой Москве при отъезде в Нижний, с жалобой на Наталью Ивановну (мать), которая делает ему сцены и бранится (фр.).

2) 9 Сентября, Болдино, примирительное с матерью (фр.).

3) 30 Сентября. В ужасе от слуха, что чума в Москве и что семейство Гончаровых еще там. Слух, что уже 5 карантинных устроено до Москвы. Он проклинает день, когда выехал из Москвы pour arriver dans ce beau pays de boue, de peste et d'incendie, car nous ne voyons que ça. Оказывается, что бабушка, на которую возлагали большие надежды (статуя Екатерины), не будет стоять в переплаве более 7,000 р., — стоило подымать столько хлопот (фр.).

4) 11 Октября. Умоляет бежать из Москвы, дороги к которой перерезаны. Изучает географ. карту, чтоб соединиться с семейством Г. хоть через Кяхту или Архангельск. Между тем тогда сказал [?] Je ne sais que fait le pauvre monde et comment va mon ami, Polignac. Это единственное слово о перевороте 1830 г., которое у него находим (фр.).

5) Пишет по-русски, потому что, говорит, *браниться по-французски* не умею. А бранится за то, что письмо шло 25 дней и что 1-го Октября Гончаровы были в Москве.

Объявляет, что если «Вы в Калуге, я приеду к Вам через Пензу, если вы в Москве, т. е. в Московской деревне, то приеду к Вам через Вятку, Архангельск и Петербург. Ей Богу не шучу», (без числа).

6) 4 Ноября. Отец Пушкина, наслышавшись брани от Н. И., распускает слух и пишет к поэту, что свадьба его рушилась. Огорчение Пушкина, цитует стихи из Кавказского Пленника: «Не долго женскую любовь» и проч., но в изумлении, что они всё еще в Москве (фр.).

7) 18 Ноября. Рассказывает, что сделал 400 верст для того, чтоб опять возвратиться в Болдино, ибо в Севастлейке (Влад. губ.), где первый карантин, его просто не пропускают без свидетельства о выезде из благополучного места, в следствие чего он возвращается назад в Лукоянов за свидетельством, но Предводитель уже не дает его, ибо места, им проеханные, не благополучны. Пишет просьбу к Губернатору, просит свидетельства и возвращается в Болдино ждать его. Спрашивает, уж не вышла-ли Н. Н. за муж (полу-русское, полу-фр.).

8) 26 Ноября. Рассказывает, что, возвратясь от Княгини Голицыной, жившей на самой дороге, он 1-го октября получает известие, что Москва зачумлена, Государь там, а жители разбежались, и хоть это его успокаивает, но другой слух о том, что в Москву никого не пускают и из Москвы никого не выпускают, — окончательно удержали его на месте, не смотря на решимость бросить всё и скакать вперед, как он потом и сделал. К подробностям об остановке в Лукоянове следует прибавить, что еще до Севастлейки он был в Лукоянове *за паспортом*, в котором ему отказали, так как он был выбран (Закревским?) инспектором Карантина в своем округе. Письмо очень суровое, ибо Н. Н. не верит в невозможность его выезда и подозревает тут шапши.

9 и 10) Два письма из *Платавы*. Он наконец попался

в Карантин тут. Дело в том, что в начале Октября он получает назначение: Au moment ou j'allais partir, au commencement d'Octobre — on me nomme inspecteur de district — charge que j'aurais acceptée absolument si en même tems je n'eu appris que le choléra était à Moscou. *J'ai eu toutes les peines du monde en me débarasser.* После происшествия в Лукоянове он получает в Болдине свидетельство, нужное для выезда от 22 Ноября и от какого-то Дмитрия Языкова. Не Д. Михайловича-ли, Симбирского? С ним едет, но в дороге ломается коляска, он садится на перекладную, а едущие в перекладной неизбежно попадают в карантин в Платаве на 14 дней. Он этому рад даже, потому что 75 верст только до Москвы, но просит, чтоб сказать Дмитрию Голицыну о скорейшем его выпуске и прислать коляску. «Вот до чего мы дожили — что рады, когда нас на две недели посадят под арест в грязной избе, на хлеб, да на воду». — Тут же оказывается, что во время происшествия у Севастлейки — уже карантинны были сняты по всему Владимирскому тракту, но Губернатор не давал знать об этом. «Si vous pouviez imaginer seulement le quart des désordres que ces quarantaines ont entraîné — vous ne concevriez pas comment on peut s'en débarasser». — Коляска ему была выслана в Платаву, и он приехал в Москву.

XII

ИЗ ПИСЕМ ПУШКИНА К ЖЕНЕ. (ВОЯЖИ
ПУШКИНА.)

1831.

Пушкин выехал в декабре в Москву (NB первое письмо от 8 декабря) после пребывания в Царском, для заплаты долгов. 6 декабря он был в Москве; он сел в дилижанс сперва летний по случаю оттепели, а в Валдае переменили

его на зимний, взяв лишних 30 рублей. Ехал он в сообществе Рижского купца, страдавшего страшной мокротой, особенно по утрам. На станциях он целые часы откашливался и отплеывался. Мемельский жид занимал лимфатического купца, рассказывая ему тоненьким голоском все содержание «Выжигина» и прибавляя поминутно: ganz charmant! Пушкин между прочим весьма сердился на прислугу, оставленную им в Петербурге и приказывает им объявить, что он ими не доволен, а одному, Алешке, прибавить, что он разделяется с ним по своему. Досада происходила из доуки и тревоги, какую они по глупости наносят жене, приходя с своими требованиями, объяснениями и проч., когда он им это запретил строго. Особенно сердится, что допустили к ней литератора Фомина, бедного, бесталанного надоедателя. NB. Н. Н. рассказывает, что для этого Фомина сам Пушкин составил брошюру, направленную против Булгарина. Между прочим с Пушкиным ехали его кредиторы по картам: Жемчужников, которого называет приятелем, Д..., которым кажется он должен был до 14 т. За удовлетворением их он и ехал и, кажется, удовлетворил, продав бриллианты жены в Кабинет, а бриллианты эти он получил от матери ее Наталии Ивановны, вместо денег, которые он ей дал в ссуду для снабжения дочери приданым.¹ В Москве он разумеется скучал. Он часто был у Нащокина, который тогда составлял свой знаменитый миниатюрный домик, стоивший ему, как говорят, до 20 [30?] т. р. Известно, что в этом домике малейшие мебели от занавески до сервиза и серебряных ложек были сделаны в крошечных размерах с величайшей отчетливостью. Пушкин пишет, что там есть фортепиано, на котором может играть паук и стулья, на которых может садиться шпанская муха.

¹ Шутя пишет он к жене: С будущего года я тебя стану водить в бусах. (Примеч. П. В. Анненкова.)

Он удивляется образу жизни Н. — умного человека. День целый дом набит у него битком цыганами, актерами, продавцами, шпионами — и все это ревет и дерет горло, так что невыносимо. В Москве между тем еще осталось воспоминание о пребывании царском, все об этом говорили, а модистка Цихлер нажила 80 т. р. К Пушкину явился также студент с романом «Теодор и Розалия», где изложена была история его замужества. Он жалуется на боль в руке, которую постоянно чувствовал от ревматизма и прибавляет: Вероятно письма мои пахнут мазью. В Декабре он возвратился в Петербург.¹

1832.

Пушкин опять ездил в Москву.

В четверг (письмо послано 25 Сентября) пишет жене, что приехал измученный, пошел в баню, отобедал с Нащокиным, был еще в театре и вернулся домой, совершенно убитый усталостию, от чего и не писал. Баню он любил, и когда жена упрекнула его, что предпочел баню, чем бы ей написать, то Пушкин замечает: «Да как-же от бани удержаться? Что ты не Русская, что-ли?» В Москве он встретил Вяземского, Уварова и от 27 Сентября извещает, что едет в Университет, по приглашению последнего, а потом прибавляет, что 30 Сентября был в Университете, где, говорит, нежно объяснялся с Каченовским, с которым прежде порядочно ругались, а теперь, кажется, привели в умиление студентов и начальство. Между тем у Нащокина в маленьком его домике подавали мышенка

---

¹ Рассказывает между прочим анекдот: Венчалась пара недавно в Москве; в числе зрителей стояли два человека, и разговор их был подслушан. Один говорил другому: «пара бы вышла лучше, если бы ты стоял на месте жениха». Этот претендент на руку Н. Н. есть Давыдов, о котором Пушкин часто смеясь упоминает жене. (Примеч. П. В. Анненкова.)

под хреном, как поросенка, — отлично приготовленного и совершенно похожего на свой оригинал. Пушкин уже упоминает о газете своей и, не доверяя своей журнальной деятельности, прибавляет: «Как-то меня Атрешков вручит». Говорит между прочим: пришли мне список твоих волокит, по азбучному порядку. Забыл прибавить, что дорога была дурная, езда медленная, и что всего более удивило П., — лошадей ковали на езде, «чего я от роду не видывал», говорит он. Он ехал с немецкими актрисами.

1833.

ПОЕЗДКА ПУШКИНА В ОРЕНБУРГ.

В Воскресенье 24-го Августа в Торжке пишет первое письмо жене. Пушкин выехал с *Черной Речки* в бурю. Нева почернела, мост Троицкий поднялся дыбом, полиция протянула веревку и не позволяла проезжать через него. Он сделал объезд на Исакиевский мост. В канавах вода поднялась и начала выступать из берегов, а по Царскосельскому проспекту валялось штук 50 сломанных деревьев...¹ Пушкин ехал с Соболевским, с которым сделал условие: во-первых пополам платить прогоны и не обсчитывать его, а во-вторых не пердеть дорогой, ни явно, ни тайно, разве только во сне. Погода однако-же скоро утихла. Пушкин много шел пешком и занимался тем, что бил на дороге змей, выползших из взволнованных бурю болот и пригретых солнцем. Из Торжка он свернул во владения своих старых знакомых Вульфов и их родственников, в деревни Тверской губернии, близко расположенные друг от друга: Павловское, Берново, Маленники. Он находился теперь в Павловском также точно, как был там в 1829 году. Многих обитательниц этих мест

¹ Далее делаем пропуск пересказа части писем.

он не нашел и с чувством посмотрел на белую старую кобылу, на которой делал он некогда верхом небольшое расстояние между Павловским и Маленниками, которое и теперь предпринял. Кажется, впрочем, что главные лица фамилии были тут и между ними Вельяшева, которую я некогда воспел, прибавляет он. Оттуда проехал в деревню Яропольцы к теще для устройства дел и 26 пишет из Москвы о пребывании там, рассказывая забавные анекдоты о сватовстве брата своего по жене Гончарова, большого чудака. Он остановился в Москве у Нащокина и 29 ночью он уже выехал в Казань. В Москве были оргии и пиршества. Встретил Судиенка, товарища холостой жизни, с тою только разницей, что тогда было у него 125 тыс. дохода, а у Пушкина ничего. Оригинально встречается с Н. Раевским в книжной лавке. Тот приветствовал его: «*Sacré chien! Comment? Vous êtes ici et je n'en sais rien! — Animal!*» отвечает Пушкин: «*qu'avez-vous fait de mon manuscrit petit-russien?*» После того они садятся в коляску, и Раевский придерживает Пушкина, чтоб он не выскочил. Затем оргия с пуншем у Всеволожского. Вечер такой-же у Нащокина, чуть-ли не с цыганами, и Пушкин выезжает из этого чада. На ближайшей станции какая-то хорошенькая городничиха, едущая с теткой, принимает его за станционного зрителя и говорит: «Любезный, я узнала, что есть у вас свободная тройка», и просит ее для себя. «Покорнейше благодарю», отвечает Пушкин, — «я этим воспользуюсь для себя». Однако же вскоре он умиловился, отдал тройку городничихе, нанял для себя вольных и даже принял путешественник под свое покровительство на дороге. Он был в Нижнем 2 сентября, а 3-го уже отправился в Казань, куда и прибыл 5-го. Погода стояла превосходнейшая, дни были жаркие и позднее Пушкин замечает, что Бог только на одного меня угодил, а хлеба и травы погибли от засухи. Он осматри-

вает в Казани город и в татарском предместье находит девочку-татарку, которая еще ползает на карачках, хотя уже завелась двумя зубами. Скажи это моей Машке, прибавляет он. 8 сентября он еще был в Казани, а 10-го уже в Симбирске, где обедал у Загряжского и 12-го пишет из села Языкова, в 65 верстах от города, где живет у поэта. Тут он прибавляет, что он спит и видит, как-бы начать писать, что и потом подтверждает еще на возвратном пути из Оренбурга, говоря: «я сочиняю в коляске, что будет как дома очучусь?» Вообще следует сказать, что поездку в Оренбург Пушкин делает не охотно, по нужде, для денег (это видно даже по скорости его путешествия). Часто он положительно проклинает участь, которая заставляет его носиться по дорогам и всегда говорит об этом вояже с неудовольствием и малым расположением. Видно осенняя творческая деятельность его возмущалась необходимостью скачки для труда, предпринятого единственно из расчета. Из Языкова пишет, между прочим, о г-же Фукс, встреченной в Казани, что это гадкий синий чулок, с навощенными зубами, грязными ногтями и претензиями. Она показывала ему альбом, где Баратынский безбожно лгал, упоминая о ее красоте. Пушкин от альбома, кажется, отделался. Замечательно, что Пушкин, так быстро скакавший, 14 сентября все еще был в Симбирске. Случилось обстоятельство: он встретил зайца и уже предчувствовал беду, которая и случилась. Едва добившись лошадей на первой станции, что уже было первым исполнением дурного предвещения, он поехал далее — встретилась горка, тощие кони бились, бились всю ночь, а к утру оказалось, что отъехали только 5 верст. Далее нельзя было испытывать судьбу. Пушкин вернулся в Симбирск и взял другой тракт на Оренбург. 18 прибыл в Оренбург и затем 3 дня с 19 пробыв у Яицких козаков (об этом подробности у Даля). Козаки приняли его удивительно и два раза

Атаман и потом общество давали ему обеды, угощая его рыбой и икрой. Пушкин хотел возвратиться в Болдино через Саратов и Пензу, но 23 сентября пошел дождь в Яике и лишил его прекрасной дороги, которую он так восхвалял. Сделалась распутица, экипаж вяз и едва тащился. Из Саратова и Пензы известий не находим, но он был опять в Языкове и 1 октября только прибыл в Болдино. Дорога его истомила, он был не в духе и грустные предвещения теснились в голове его. Подъезжая к деревне своей он еще встретил попов и обрадовался, когда не нашел писем из Петербурга — всё несколько дней выиграно у печали. Таким приехал он: разбитый, усталый и недовольный всеми помехами, которые даже заставили его сомневаться, может ли он даже написать еще что-нибудь в деревне, но в этом он ошибся. Нежно пишет он к жене, что подле нее он бы больше сделал и милое его письмо начинается любовно: «Дура ты, мой Ангел». Во всей этой поездке он только и утешает себя надеждой, что посредством Пугачева наживет деньги, расплатится с долгами — и «тогда заживем», прибавляет он, «а может и ничего не сделаем и промотаем их, не так-ли?» В Дерпте,¹ между прочим, Пушкин не был.

В 1834 году.

Н. Н. уезжала в Калужскую Губер. на Полотняные Заводы. Пушкин остался в Петербурге. Нат. Ник. выехала в Апреле. Пушкин пишет ей в Торжок, Новгород, по всей дороге самые любезные, поучительные и важные письма. В первом же письме извещает, что он сказывается больным и на праздник совершеннолетия Цесаревича

¹ Ср. Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 51.

не поедет. Я пережил, говорит, трех царей — первый сорвал у меня картуз с головы и пожурил няньку, второй меня не любил, третий хоть и ссорится со мною, но я его на нового променять не хочу. Пускай мой Сашка с последним ладит. Не знаю, как Сашка будет ладить со своим теской, а мой теска не совсем со мной в мире жил. Это письмо было прочтено на почте и представлено царю. Вышла история, которая возмутила Пушкина. Он уже начинает писать в письмах колкости на почту, чтоб она могла прочесть их, и прямо прибавляет: это для почты, а вот это для тебя. Между тем он дает добродушнейшие советы жене не шляться по приходам на Святой, не объедаться скромным, не ездить на гулянья, не сплетничать с сестрами, кокетствовать сколько хочет и проч. А сам защищается против нее от подозрений в склонности к Смирновой и графине Соллогуб, которая вышла потом за Свистунова. Он был у Софьи Карамвиной, представлялся Великой Княг. Елене Павловне — и в обоих случаях защищается от подозрений жены — Смирновой с ее брюхом не взойти было на лестницу Карамвиных (Смирнова родила, вскоре двойней от красноглазого кролика своего, как говорит Пушкин), а при Великой Княг. в карауле была не Соллогуб, а моя кузинка Чичерина, — говорит: которую я не очень жалею. Вместе с тем он отдает отчет о всем, что делается в Петербурге. Он еще упорнее никуда не показывается, раздраженный историей. Не едет к Литте, который сзывает их, чтобы дать известный выговор: *il y a des règles fixes etc.*, говорит, что нас вероятно теперь заставят ходить по-парно, меня с Безобразовым и Р*** (забыл фамилию). *J'aime mieux recevoir publiquement le fouet*, прибавлял он, как говорит Журдан, и бранит жену, что была на вечере у гордой М-ме Голицыной, жены кн. Д. В. Голицына, — не должно искать: ты могла бы сделать ей визит, потому что она Статс-Дама, а ты — Камер-

Пажиха: это по службе, а не ездить к ней. Извещает о богатых свадьбах: «теперь кого-то выберут Новомленский и *Сорохтин*» (студенты, некогда волочившиеся за Н. Н.) — Он часто бывает у Катер. Ивановны, тетки Н. Н., и в дружеских сношениях с ней, а с тещей все не в ладах (особенно за сватовство *belles-soeurs*), и даже пишет ей грубое письмо, которое впрочем жена успела удержать. Никуда не показывается, но предвещают, что на бале Дворянского Собрания будет 1 800 карет и для разезда потребуется 10 часов, но кареты будут подавать по две и по три, однакож описывает бал, где было много мороженого, а из поэтических предметов один: поэт Кукольник подъехал к подъезду в старом рыдване с оборванным мальчиком на запятках. 16 мая бал также в зале у Нарышкина, которая удивительна, но он всё зол, желчен. Соболевский уговорил его ехать к Дюме, где ему обрадовались, сделали пунш, оргию, встречая как холостого, предлагали ехать к девкам, все это ему опротивело и он стал обедать у себя, заказывая у себя ботвинью и бифтекс, потом обедал у Дюме в 2 часа, потом однакож опять в обыкновенное время и ездит в клуб, где от желчи и злости по случаю истории стал играть в карты, а желчь все таки не унялась, да в добавок и деньги, назначенные Н. Н., проиграл, прибавляя добродушно: Что же делать? Когда-нибудь разбогатею. Когда явился на бал 11 Июля к Фикельмон, то сконфузился от отычки к свету, едва мог сказать несколько слов хозяйке и оправился, увидав, что у них не раут, а простой вечер со многими Берлинками, которые, по замечанию Пушкина, хуже наших и костюмированы дурно. На одном из своих домашних обедов, пригласив Льва Пушкина, дал ему ботвинью и бифтекс, но в бутылках была вода, тот объявил, что он на диете, вина не пьет, а Соболевский разливал воду Льву и в бокал, и в рюмки. Лев сделал из себя насмешливую, саркастиче-

скую улыбку, а Соболевский прибавляет,¹ что он рассердился. Этого Соболевского Н. Н. не очень жаловала, да и Пушкин не совсем долюбивал и говорит, что он у него взял 50 р. и скрылся. Прибывший в Петербург венстрилок насмешил Пушкина (Александра), но он в это время мало смеялся, он зол, собирается в отставку, собирает материалы для Петра и прибавляет: «Петр идет помаленьку, но я вдруг вылью медный памятник, который нельзя будет переставлять с одного места на другое, с площади на площадь, из переулка в переулок». После 2-го Июня, после представления В. К. Елене (анекдот с Красовским) он, продолжая колоть почту, замечает: «Семейная жизнь не может быть без тайн. Можно жить без политической свободы, но без уважения к семейным сношениям — нельзя» (письмо от 3 Июня). — Пушкин не был даже на Петергофском гуляньи и находит весьма строгие слова для своего положения. «Шутом я ни у кого быть не намерен». В другом месте прибавляет жене: «Ты баба умная, и я знаю, что ты исполняешь свой долг как добрая, честная жена и как мать, но что будет с вами после меня?» Вообще он хочет выйти в отставку во что бы то ни стало, уехать в Болдино, чтобы зажить там баринком и работать до упаду сил, чтоб оставить детям кусок хлеба. «А я буду богат», прибавляет он — «и тогда-то мы с тобой заживем». Вместе с тем он берет на свое попечение отца, брата, сестру, которой отдает с Болдина всё, а между тем уже терзают его и тянут из него сок, как пиявки его дома (Оливье у Певческого моста), «а во всем виновато мое вечное добродушие». Так плохо начинал он богатеть. Он старается заложить Болдино, печатает Пугачева с содействием М. Л. Яковлева, которого за малую фигуру прозывал «с хвостиком». Отца с семейством отправляет в деревню и воюет

---

¹ Приписка Соболевского, в которой он об этом «прибавлял», нам неизвестна.

с дворником и хозяином дома за то, что рано запирают двери дома, боясь, вероятно, — говорит, — чтоб воры лестницу не украли. Первого он просто побил, второй сделал митинг на другой день с дворниками, говоря, чтоб не слушались задорного жильца; но я упрям, пишет Пушкин, и буду сражаться не только с ними, но и с пиявками их. Наконец Пушкин не выдержал волнения желчи и раздражения по случаю историй. Намеки и колкости почте мало помогали (он писал к жене, например, чтоб не давала списывать его писем, а пусть на почте уж сами это делают, — прибавляя, что «я уже так стар, что *ни в ком* не удивляюсь свинству» и проч.). Он не знаю где встретил Государя, рассердил его, поссорился с Царем, как говорит он, «да и струсил, потому что не хотел бы, чтобы он сердился на меня». Пушкин был строгий отец, фаворитом его был сын, а с дочерью Машей, большой крикуньей, часто и прилежно употреблял розгу и постоянно пишет к жене и сестрам ее, чтоб не баловали ее, — «а то мне с ней житья не будет». Тоже просит не пускать их к сумасшедшему деду — тестю своему Гончарову: за него нельзя ручаться — напугать может.¹

1834.

П О Е З Д К А П У Ш К И Н А В Б О Л Д И Н О .

Пушкин уехал из Петербурга за женою, привез ее в Москву, отправил в Петербург, а сам поехал в Болдино, уже отданное ему сполна отцом и семейством, которые

¹ Н. Н. писала ему, что у нее извозчики просили не на водку, а на рейнвейн в дороге и прибавляла: вот просвещение. Пушкин объясняет ей, что извозчик верно из учтивости просил на *Ренское*, которым вообще назывались прежде иностранные вина, и прибавляет, что по употреблению вина точно можно узнать человека: «Dis moi ce que tu bois et je dirai ce que tu es». (*Примеч. П. В. Анненкова*; ср. Переп., Акад. изд., т. III, стр. 106.)

однакоже еще прежде чем Пушкин получил копейку, уже терзают его. Здесь хотел он сделать важное дело. Вторая половина Болдина, принадлежавшая В. Л. Пушкину, продана им была, при содействии Вяземского, посторонним лицам, чтоб отдать деньги незаконным детям его, не им еще и прижитым, а именно Вяземским. Пушкин собирается купить эту вторую половину и пишет жене от 15 сентября с гордостью: ты увидишь — я приеду к тебе огромным помещиком, но как следовало ожидать, — приехал ни с чем. Письма его добродушны и наивны до крайности. К нему приехал, узнав о его намерении, владелец другой половины, какой-то Безобразов, брат той Хлюстиной, которая вышла еще за француза Сиркура. Безобразов был плут и приехал в то время как Пушкин принялся в деревне за сочинения, «но я сделался с некоторого времени большим политиком» — замечает поэт. «Я ведь читаю недаром *Histoire de la conquête d'Angleterre* и вижу, что если Б. меня перехитрит на словах, то я его перехитрю на деле». Однако же вышло на оборот. «С прикащиками своей части деревни я тоже употребляю политику, хотя и проще», но это не было успешнее. 26-го Сентября он все еще находился в Болдине, но уже надежды его сделались менее блестящи, — он говорит, что пишет мало, ждет Языкова и часто думает: вот подъедет карета к крыльцу и выпрыгнет из нее Нат. Ник. Тогда писалось бы лучше, но нечего ждать,¹ а между тем единственным развлечением его становится Вальтер-Скотт и Библия, которых он читает без устали.

1835.

В этом году Пушкин отправился в Михайловское, с намерением писать там, пользуясь осенней погодой, но

---

¹ Этих фраз нет в тексте письма № 867 Акад. изд., т. III, стр. 165 — 166, — они в письме от 2 окт. 1835 г. — там же, стр. 235.

в отдалении от столицы тяжелые и серьезные мысли начинают одолевать его и прогоняют творчество. 14-го сентября он уведомляет, что писать ему не хочется и он не может; однакож 25-го описывает он превосходно молодую сосновую рощицу, которая разрослась у подножия старых сосен, столь ему знакомых. Всю эту картину он передал стихами почти период в период в известном стихотворении.¹ Ему становится грустно. Няни его уже нет; он встретил какую-то знакомую бабу и на замечание его, как она постарела, получил ответ: «Да ты-то, батюшка, посмотри, что сделался». Вот комплимент какой, да, всё прошло и вспомнились слова няни: «Хорош ты, батюшка, никогда не был, а молод был». Письмо это писано из Тригорского, где он нашел также множество физических и нравственных перемен. Евпраксия Н. и Алекс. И. Вульфы замужем, и первая сделалась толстой бабой и проч. Еще 2-го октября другое поэтическое видение А. П. Керн присылает ему перевод романа Жорж-Занд, сделанный ею, и просит мнения, на что с досадой П. хочет ей отвечать, что перевод так же похож на оригинал, как переводчица на автора его. В это же время он был в Пскове (2 письмо 2 октября),² но всего более мысль Пушкина занята серьезными делами жизни. Средства его существования подрываются. Газета сперва позволена, а потом запрещена — что делать? Мысли эти гонят его из дома. 21 октября³ он пишет, что дни проводит в лесах Михайловского. Здесь погружается он в глубокое раздумье о своей участи: будущность мрачна, жизнь уходит, и ничего еще не положено в твердое основание ее. Ничего еще не приготовил он верного семье своей и со всеми да-

---

¹ «Вновь я посетил тот уголок земли...», датированное 26-м сентября 1835 г.

² Такого письма мы не знаем.

³ Надо: сентября.

рами, данными ему Богом, он носится по жизни, без твердой опоры, без успокоительного чувства, что утвердил благоденствие фамилии. Вместе с тем он прибавляет жене: А какой нелепый адрес ты дала письму своему, ангел мой, так это объядение. Пишешь: Псковской губернии, в Михайловское — и только. О каком-либо городе и помина нет. Точно во всей Псковской губернии есть только одно Михайловское и всякий почталион знает, в каком оно углу лежит, и туда скачет.

1836.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА ПУШКИНА В МОСКВУ.

Пушкин был уже издателем Современника и дает советы для передачи назначенным им редакторам — печатать Языкова, Вяземского без рассмотрения, а если что есть от Кольцова, то печатать с рассмотрением. Он, известно, выражал свое неудовольствие Краевскому, что стихотворение Кольцова поместили во 2-й книжке первым. За тем хлопочет о статье Дуровой, которой придает необычайную важность. «Я пропал без Дуровой», говорит он (письмо 18 Мая)¹ и теперь можно с достоверностью сказать, что статью Дуровой он переправил сам от начала до конца. Образ жизни в Москве любопытен. Он опять останавливался у Нащокина (против Старого Пимена, дом Ивановой), но его почти не видал. Он спит до обеда, а потом играет до утра — из этого выходило, что Пушкин почти вставал, когда тот ложился, и только урывками его видел. Пушкин был у М. Ф. Орлова, Раевский Алекс. кажется ему опять поумнел, и вот что значит быть издателем — Чертков, никогда прежде им не виданный, явился сам к нему с почтением и с заиском покровитель-

¹ Таких слов нет в тексте письма 18 мая (в Акад. изд., т. III, стр. 315 — 316).

ства. Между тем Пушкин встретил Брюлова в Москве и видел его картину: *Взятие Рима Гензерихом*. Тут целая история. Пушкин уже нашел Брюлова на квартире какого-то скульптора (письмо 4 Мая), а прежде жил он у Алексея Перовского, который вздумал просто конфисковать художника, запер его у себя, хотел заставить его работать при себе и на себя, учредил просто над ним опеку. Брюлов едва вырвался от самовольного тюремщика и с ним не на шутку рассорился. Перовский показывал Пушкину картину *Взятие Рима* уморительным образом, еще полный негодования на взбунтовавшегося живописца. «Посмотри, как эта каналья удивительно сгруппировала лица, приглядишься, какое верное выражение шельма эта дала физиономии, взгляни, как этот мошенник изумительно разделил свет и т. п.» — Пушкин звал Брюлова в Петербург, где, говорил, я тебе красавицу покажу, но он нашел Брюлова недовольным собою, в хандре, и в сомнениях насчет климата, образа жизни и Петербургского понимания художников и обращения с ними. Поэт успокаивает супругу на счет рассеянной жизни, говоря, что он имеет дело с визионерками Акуловой, Саррой Толстой, которая переводит с греческого Анакреона и окружена видениями, и что преимущественно общество его составляют какой-то *майор-мистик* и какой-то *пьяница-поэт* (не [Башилов] Бахтурин-ли?).¹ Современником, прибавляет он, не все довольны, и особенно косо посматривают на него *Наблюдатели*, которых Нащокин прозвал: *Les treizes*, почему, не знаю. Несколько слов о литераторах (письмо 14 Мая), замечательно. Баратынский весьма холоден к нему. Он до сих пор не понимает тайны, которая всегда его поражала в пишущей братии, именно — по какому закону они так умны в печати, что хочется с ними познакомиться, и так

¹ На отдельном листке имеется и еще одно изложение писем Пушкина к жене от 14 — 16 мая 1836 г.

глушы в разговоре, что хочется от них бежать. Между прочим, просил передать Гоголю, что Щепкин умоляет его приехать в Москву для постановки Ревизора. Мысль о устройстве своих дел не покидала его и в Москве, по обыкновению он иногда предается необыкновенно блестящим надеждам, а иногда впадает в отчаяние. Так, он пишет, что с журналом да с Петром он добьется того, что будет богачом и станет получать 80/т. дохода, а через несколько времени (18 Мая) восклицает: «Чорт дернул меня родиться в России, где человеку с умом, дарованием и независимым характером существовать нельзя».

XIII

ОТ САБУРОВА Я. И. (ЕЩЕ ПОДРОБНОСТИ О
ВРЕМЕНИ ЕГО.)

1) Шереметьев волочился за Истоминой, которая жила с Завадовским. Ревность произвела ссору на ужине оргии. Шереметев был убит наповал. Завадовский, брат сенатора и мужа красавицы,^{х)} отдал своему секунданту Кавелину часы, чтобы ничем не быть защищенным, и потом не взял их у Кавелина. Это была луковица серебряная, английская, и с ней Кавелин тотчас после дуэли приехал к Сабурову, хвастаясь в шутку неожиданным приобретением.

2) Рылеев был упорный человек и не отступавший перед средствами. Так, он сводил всех с старой девкой, сестрой своей, которую хотел выдать замуж, и даже имел за это дуэль. Бестужев был вертопрах, которому все равно было — бунтовать или шуметь. Он перед 14 Декабрем собирался ехать в Москву, чтоб жениться там на какой-нибудь богатой невесте.

3) Щербинин и Юрьев — оба офицеры гвардии, в известном типе блестящих, насмешливых, без особенных принципов, но образованных.

4) Это уже особенный тип — Кривцов. Он был в Семеновском полку, являлся к Коленкуру, будучи еще юнкером, встретил у подьезда Александра Павловича растегнутым и с брызжами, ободрен им к продолжению посещений посланника, ранен в Бородине, ранен под Дрезденом, испросил в госпитале дозволения у самого Императора следовать в Париж, когда еще о Париже не было и мысли, в Париже жил рядом с Лагарпом, который про него сказал Императору: «Вы имеете отличную голову, которую надо употребить», сделан губернатором в Воронеже, где нажил врагов за правдивость, потом губернатором в Тамбове, кажется, где Губернское Правление занесло в журнал, что он с ума сошел, после того, как он его разругал в присутствии. Наряжено было следствие, Александр умер, племянник¹ его Кривцов же попался в 14 Дек., а сам он удален от должности за беспокойство характера. Александр дал ему 100/т. на свадьбу, которые Кривцов и употребил буквально на свадьбу, но с женой жил плохо, будучи педерастом, чего не скрывал. Был образованный человек, Вольтерианец и эпикуреец — с честными правилами по службе.

О Т О С П А В Л И Щ Е В О Й.

Довольно любопытно, что Пушкин на руке носил перстень из корналина с восточными буквами, называя его талисманом, и что точно тем же перстнем запечатаны были письма, которые он получал из Одессы, — и которые читал с торжественностью, запершись в кабинете. Одно из таких писем он и сжег. Этот перстень подарен после смерти Вигеля, а у Вигеля его украл пьяный человек.²

¹ Читай: брат (т. е. С. И. Кривцов).

² Это неверно: талисман перешел к Жуковскому — и одно из писем последнего (в Пушкинском Доме), от октября (?) 1837 г., — запечатано перстнем Пушкина.

Любопытна также панихида, отслуженная Пушкиным по Байрону, и то что он стал есть один картофель, в подражанье его умеренности.

XIV

ПОДРОБНОСТИ О СЕМЕЙСТВЕ ВОЛЬФОВ.

Во время пребывания Пушкина в Михайловском, общество Вольфов состояло: из матери Прасковьи Александровны Осиповой, прежде бывшей за-мужем Вольф, дочерей ее и кузин сих последних.

1) От Вольфа, Николая Ивановича, П. А. имела 4 дочери и сына; из последних две: Катерина Ник. и Марья Ник. были еще очень малы во время Пушкина. Жизнь обеих несчастна: первой от замужества, второй от распутства; вторая и осталась в девках. Таким образом Пушкин вращался между матерью и двумя старшими дочерьми, именно Анной Николаевной, теперь старой девкой, и Евпраксией (Euphrasine) Н., теперь за Вревским, братом генерала, недавно убитого под Севастополем. Эта Анна Н. была влюблена до безумия в Пушкина, а Пушкин, как всегда бывает, скорее расположен был к Евпраксии Н., которая, между тем, будировала его и рвала его стихи, написанные к ней, чем и нравилась. Кроме того, были еще и другие предметы страсти, именно сама Осипова и множество девушек [*зачеркнуто*: ее племянниц]. Осипов женился на Прасковье Александровне, имея дочь Александру Ивановну Осипову, которая за Беклешевым; по стихам Пушкина видно, что он и к ней, ребенку в то время, был неравнодушен. Затем были еще кузины у девушек, находившиеся тоже в Михайловском иногда и тоже игравшие свою роль в деревенской жизни поэта. У первого мужа Осиповой было еще два брата: Павел Иванович Вольф и Иван Иванович. Дочь последнего Анна

Ивановна Вельяшева, которая в письмах называется *Netty*, имела синие глаза и почтена стихами: «Подъезжая под Ижоры...». Была еще Вульфова, которая вышла за Полторацкого Петра: от нее известная Анна Петровна Полторацкая, впоследствии Керн, к которой были стихи: «Я помню чудное мгновенье...». Эта была, кажется, развязнее всех девушек, кузин своих. Следует пояснить, что Павлу Ивановичу в Тверской губернии принадлежало Павловское, где Пушкин часто бывал; жена у Павла Вульфа была немка. Рядом с Павловским лежит другое село Вульфов, кажется Ивана Ивановича — Берново, а через две версты от него Маленники, село покойного Николая Ивановича Вольфа, т. е. Осиповой. Так всегда близко друг от друга все его семейство жило — и делило патриархально удовольствия любви.

Как жаль, что недавно срубили одну из трех сосен, с которых всегда виден был уже Пушкин, идущий от Михайловского в Тригорское с своей железной палкой.

XV

Н Е Ч Т О О П У Ш К И Н Е .

(Записка Соллогуба junior.)

В Октябре месяце 1835 г., бывши с Н. Н. Пушкиной у Карамзиных, имел я причину быть недовольным разными ее колкостями, почему я и спросил у нее: *У-a-t'il longtemps, Madame, que vous êtes mariée?* Тут была Вяземская, в последствии вышедшая за Валугева, и сестра ее, которые из этого вопроса сделали ужасную дерзость. В то же время отправился я в Тверь, где по истечении 2 месяцев получил письмо от А. Карамзина, коим он извещал меня, что он во второй раз требует от меня от имени Пушкина экспликации, и что Пушкин ругает меня

у Вяземских. Я сейчас написал П — у и ждал с нетерпением приезда его в Тверь. В ту пору через Тверь проехал Валувев и говорил мне, что около Пушкиной увивается сильно Дантес. Мы смеялись тому, что когда Пушкин будет стреляться со мной, жена будет кокетничать с своей стороны. От Пушкина привез мне ответ Хлюстин следующего содержания:

Vous vous êtes donné une peine inutile en me donnant une explication que je ne vous avais pas demandé. Vous vous êtes permis et vous vous êtes vanté d'avoir dit des impertinences à ma femme. Le nom que vous portez et la société que vous fréquentez m'obligent de vous demander raison de l'indécence de votre conduite.

Последние строки ясно показывают, как много для Пушкина значило мнение общества.

В мае месяце проехал П. в Тверь. Меня в Твери не было.

Узнав о его приезде, я поскакал в Москву и нашел его рано утром у Нащокина на квартире.

— Вы у меня были в Твери. Я поставил долгом быть у Вас в Москве, — сказал я.

Он меня благодарил.

Разговор завязался. Он меня спрашивал: кто мой секундант?

— У меня нет, говорил я. А так как дуэль эта для вас важнее, чем для меня, потому что последствия у нас опаснее, чем самая драка, то я предлагаю вам выбрать и моего секунданта.

Он не соглашался. Решили просить Кн. Ф. Гагарина. Впрочем разговор был дружелюбный.

— Неужели вы думаете, что мне весело стреляться, говорил П. Да что делать? J'ai le malheur d'être un homme public et vous savez que c'est pire que d'être une femme public.

Вошел Нащокин. «Вот мой секундант», сказал П. Вы знаете Нащ. Он на секунданта не похож. Начались экспликации. Враги мои натолковали Пушкину, что я будто с тем намерением спросил жену, давно ли она замужем, чтобы дать почувствовать, что рано иметь дурное поведение [sic!]. Это и глупо, и гадко. Я объявил свое негодование. П. просил, чтобы я написал его жене. Я написал следующее: «Madame. Certes je ne me serais attendu à avoir l'honneur d'être en correspondance avec vous. Il ne s'agit de rien moins que d'une malheureuse phrase prononcée par moi dans un accès de mauvaise humeur. La question que je vous [avais] adressée signifiait que l'espièglerie d'une jeune fille ne convient pas à la dignité d'une reine de la société. J'ai été désespéré que l'on aye pu donner à ces paroles une acception indigne d'un homme d'honneur».

П. говорил, что это слишком . . . . .¹ Письмо он желал как доказательство в случае, что ему упрекать будут, что оскорбили его жену, и просил, чтоб в конце я просил у жены извинения. На это я долго не соглашался. П. говорил: «On peut toujours demander des excuses à une femme». Нащокин также уговаривал. Наконец, я приписал: «et je vous prie de recevoir mes excuses», чему теперь душевно радуюсь. Пушк. мне подал руку и был очень доволен.

Через два дни уехал я в Белоруссию.

Возвратившись в Октябре 1836 г. в П-бург, жил я у тетки Васильчиковой.

Пушкин, удав меня у Вяз., отвел в сторону и сказал: «Ne parlez pas à ma femme de la lettre». Она спросила меня своим волшебным голосом извинения. Все было забыто.

В начале Ноября 1836 прихожу я к тетке. «Смотри,

---

¹ Пропуск в рукописи Анненкова.

пожалуйста, какая странность» — говорит она. Получаю по городской почте письмо на мое имя, а в письме записка:

Алекс. Сер. Пушкину.

Первая мысль впала мне в голову, что это может быть о моей истории какие-нибудь сплетни. Я взял записку и пошел к Пушкину. — П. взглянул и сказал: «Я знаю! *Donnez-moi votre parole d'honneur de ne le dire à personne. C'est une infamie contre ma femme.* Впрочем это все равно, что тронуть руками . . . . Неприятно, да руки умоешь — и кончено. *C'est comme si on rachait sur mon habit par derrière. C'est l'affaire de mon domestique.* Вот, продолжал, что я писал об этом Хитровой, которая мне также прислала письмо».

— Не подозреваете-ли Вы кого в этом?

— *Je crois que c'est d'une femme,* говорил он.

В тот же день Виельгорский,¹ Карамзины, Вяземские, получили подобные билеты и их изорвали, прочитав. Замечательно, что Клем. Россети, который не бывает в большом свете и придерживается только тесного [?] Карамз. круга, получил также письмо, с надписью:

Клементию Осиповичу Россети. В доме Занфтелебена, на левую руку, в третий этаж.

След. писавший письмо хорошо знал в подроб. даже что касалось до приятелей Пуш-а. С этого времени Пуш. сделался беспокоен.

Кн. Вяз., с которым я гулял, просил меня узнать, что он замышляет?

Я пошел к нему и встретил его на Мойке. «Жены нет дома», сказал он. Мы пошли гулять и зашли к Смирдину, где он отдал записку к Кукольнику. «*Vous n'avez pas*

---

¹ Экампляр Виельгорского, который переслал его гр. Бенкендорфу, ныне в Пушкинском Доме.

affaires avec ces gens-là», — сказал он. Гуляя, сочиняли мы стихи:

Как ты к Смирдину взойдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь

«Иль в Булгарина наступишь», — прибавил Пушкин.

Мы пошли на толкучий рынок и купили калачей. «Что же», спросил я: «Узнали вы писателей писем? Du reste si vous avez besoin d'un troisième, d'un second, — disposez de moi».

Пушкин с живостью благодарил. «Мне надо», говорил он: «человека, принадлежащего обществу, который бы был свидетелем объяснения. Я вам скажу, когда вы мне понадобится».

Через несколько дней я сидел рядом с ним у Кар[амзиных] за обедом. «Venez demain chez moi, сказал он: je vous prierai d'aller chez d'Archias pour vous arranger avec lui pour le matériel du duel». Я посмотрел на него с удивлением и сказал, что буду.

В этот вечер был раут у Гр. Фикельмона. По случаю смерти Карла X все были в глубоком трауре, — одни Гончаровы приехали в белых платьях. На Пуш. лица не было. Дантес ухаживал около Г[ончаровы]х. Я его взял в сторону.

— Quel homme êtes-vous? — спросил я.

— Tiens cette question, — отвечал он и начал врать.

— Quel homme êtes-vous, — повторил я.

— Un homme d'honneur, mon cher, et je le prouverai bientôt.

Разговор наш продолжался долго. Он говорил, что чувствует, что убьет Пушкина, а что с ним могут делать, что хотят: на Кавказ, в крепость, — куда угодно. Я заговорил о жене его.

— Mon cher, c'est une mijaurée.

Впрочем, об дуэли он не хотел говорить.

— J'ai chargé de tout d'Archias, je vous enverrai d'Ar[chias] ou mon p[ère].

С Даршиаком я не был знаком. Мы поглядели друг на друга. После я узнал, что П. подошел к нему на лестнице и сказал: «Vous autres français, — vous êtes très aimables. Vous savez tous le Latin, mais quand vous vous battez, vous vous mettez à 30 pas et vous tirez au but. Nous autres Russes — plus un duel est sans...¹ et plus il doit être féroce».

На другой день — это было во вторник 17 Ноября, — я поехал сперва к Дантесу. Он ссылался во всем на д'Аршиака. Наконец сказал: «Vous ne voulez donc pas comprendre que j'épouse Catherine. P. reprend ses provocations, mais je ne veux pas avoir l'air de me marier pour éviter un duel. D'ailleurs je ne veux pas qu'il soit prononcé un nom de femme dans tout cela. Voilà un an que le vieux (Heckeren) ne veut pas me permettre de me marier».

Я поехал к Пуш-у. Он был в ужасном порыве страсти. «Dantes est un misérable. Je lui ai dit hier jean-f., говорил он: Вот что. Поезжайте к Даршиаку и устройте с ним le matériel du duel. Как секунданту должен я вам сказать причину дуэли. В обществе говорят, что Д. ухаживает за моей женой. Иные говорят, что он ей нравится, другие, что нет. Все равно — я не хочу, чтобы их имена были вместе. Получив письмо анонимное, я его вызвал. Гекерн просил отсрочки на две недели. Срок кончен, Даршиак был у меня. Ступайте к нему».

— Дантес, сказал я, не хочет, чтоб имена женщин в этом деле называли.

— Как! закричал П. А для чего же это всё? И пошел, и пошел. — Не хотите быть моим секундантом? Я возьму другого.

---

¹ Пропуск в рукописи Анненкова.

Я поехал к Даршиаку. Он показал мне всю переписку. Вызов Пушкина, потом отзыв его — *qu'ayant appris par le bruit public que M. Dantes voulait épouser sa belle soeur il retirait la provocation*. Даршиак требовал, чтоб вызов был уничтожен без причин. Я говорил, что на Пуш-а надо было глядеть как на больного, а потому можно несколько мелочей оставить в стороне. Даршиак говорил, что он всю ночь от этого дела не спал. Этот Даршиак — славный малый.

К 3-м часам мы съехались у Дантеса. После долгих переговоров, написал я П-ну след. письмо.

«Ainsi que vous l'avez désiré je me suis arrangé pour le matériel du duel, qui aura lieu samedi — vendredi je n'ai pas le tems (это были именины отца) du côté de Pargolovo à 6 du matin, à 10 pas de distance. M. D'Archiac m'a ajouté confidentiellement que M. G. Heckeren était prêt à épouser votre belle-soeur, si vous reconnaissiez que dans cette affaire il s'est conduit en homme d'honneur. Il va sans dire que M. D'Archiac et moi nous sommes les garants de la parole de M. G. H. (Dantes). Je vous supplie au nom de votre famille d'accéder à cette proposition, que de mon côté je trouve entièrement avantageuse pour vous». Дантес хотел было прочесть письмо, но мы до того не допустили. Извозчик, которому я велел отвезти письмо туда на Мойку, откуда я приехал, — отвез письмо к отцу моему. Мы ответа долго ждали. Наконец извозчик воротился и привез записку от Пуш-а:

«Je prie MM. les seconds de regarder la provocation comme non avenue, ayant appris par le bruit publique que M. G. H. voulait épouser ma belle soeur. Du reste je ne demande pas mieux que de reconnaître qu'il s'est conduit dans cette affaire en homme d'honneur» и т. д.

Дантес хотел прочесть письмо. Д'Аршиак сказал ему, что как он первого письма не читал, то он и ответа читать не должен. Свадьба решилась.

«Dittes à M. P. que je le remercie», сказал Дантес. Я взял Даршиака в сани и повез его к П-у. Он вышел из[-за?] стола в кабинет. Дар[шиак] повторил слова Дант[еса]. Я прибавил: «J'ai cru de mon côté pouvoir promettre que vous salueriez [salueriez?] votre beau-frère dans le monde». — «Pour rien au monde, заметил П.: П н'у aura rien de commun entre ces deux familles — du reste je ne demande pas mieux que de dire que dans cette affaire M. G. Неск. s'est conduit en homme d'honneur».

Вечером у Салтык[ова] свадьба была объявлена.

П — н ей всё не верил — так что он со мной держал пари: я — тросточку, а он свои сочинения.

Однажды он сказал мне: «Vous êtes plutôt le second de Dantes que le mien. Cependant je dois vous lire cette lettre au vieux. С молодым я кончил — подавайте старика».

Тут он начал мне читать свое письмо к старику Гекерну. Я письма этого смертельно испугался и в тот же вечер рассказывал его Жуковскому у Одоев[ского]. На другой день у Кар[амзиных] Жук[овский] сказал мне, что письмо остановлено. Тем и кончается мое участие в этом деле. Я уехал в Москву.

XVI

К ИСТОРИИ АННЕНКОВСКОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА.

ПИСЬМА И. В. И Ф. В. АННЕНКОВЫХ К П. В. АННЕНКОВУ.

1.

21-го Апреля [1852 г. Петербург].

В дополнение к тому, что я тебе писал в прошлом письме, Павлуша, на счет сочинений Пушкина, имею при-

бавить, что я решительно взял от Генерала ¹ право их печатать за 5.000 серебром, — и приступаю к нему на днях. — Проект распределения всех его стихотворений я пришлю тебе на будущей почте, дав его здесь просмотреть кому следует; он очень близко подходит к твоему, — ты увидишь. — Теперь я отыскиваю в его бумагах чтонибудь новое, что не было в печати. — Но теперь вот что самое главное — написать разбор его сочинений; положим, люди найдутся и сделают это; но вить это стоит будет больших денег; это раз; потом у меня есть предположение не писать его биографии особо, а к стихотворениям каждого года сделать не большую выноску, в которой оговорить, где он был в течении такого-то года, куда уезжал и вообще все, что делал. — Эти выноски также нужно мне поручать другому. — Все сие сообразивши, я полагаю, почему тебе не приехать сюда на один месяц и все что нужно написать и устроить; это выгодно будет очень в денежном отношении, потому что сбережет расходы на заказ его разбора и вообще дело это довольно сурьезное, за которое если приниматься, так нужно основательно. — Некрасов мне намекал, что у него есть едакой человек, какой-то Дурьшкин или что-то в роде этого;² но при сем случае он сказал, что он возьмет за все это около 1,500 р. сереб. — Вопрос — зачем-же эту сумму отваливать другому, когда ты можешь это сделать. — А что тебе стоит подняться и доехать до Москвы; а оттуда сесть в брик; отсюда-же ты можешь до Москвы доехать

¹ Петра Петровича Ланского, второго мужа Н. Н. Пушкиной; генерал-майор и генерал-адъютант, он в 1852 г. был командиром л.-гв. Конного полка, в котором Иван Васильевич Анненков 7-й, флигель-адъютант, числился старшим полковником, исправляя в то же время должность вице-директора Инспекторского Департамента Военного Министерства.

² Так здесь и далее Анненков называет по недоразумению С. С. Дудышкина.

с Фединькой. — Уведомь обо всем этом поспешнее, а я с будущей почтою с своей стороны уведомлю, в каком положении это дело. — А также уведомлю и об денежном предположении на счет этого оборота. — А теперь будь здоров. Твой

И. Анненков.

21 Апреля.

Приписка Ф. В. Анненкова: Предприятие Ванюшино очень серьезное, и он за него ввялся горячо; не знаю, доставит-ли оно ему денежные выгоды, но все говорят, что 5 т. сер. дешево ввял Ланской, да еще в долг. А так как жена Ланского едет за границу на воды 19-го Мая, то Ванюша торопится с нею сделать законным образом контракт и также роется в бумагах Пушкина и нашел очень и очень много хороших вещей как для сведения, так и для печати, что тобою без внимания были пропущены, — и твоя леность и самоуверенность была тому причиною, что не до основания были пересмотрены все рукописи...

2.

12-го Мая [1852 г. Петербург].

На счет Пушкина слушай, Павлуша, что я буду тебе говорить и говорить основательно, вникнув в дело. — Более, чем сколько ты думаешь, знал я, как важно это предприятие, и приступаю к делу, разобрав его со всех сторон. — Я вижу в этом деле две главные стороны: во-первых, чтобы не острамиться дурным изданием, и во-вторых не оборваться в денежном отношении. В первом случае я видел, что нужно следующее: 1) Такой человек, который бы следил за всем ходом этого дела; а именно: написал бы критический разбор сочинений А. С. Пу., написал бы биографию его из материалов, которые я ему

дам, написал бы замечания, которые встретятся от издателя, или выноски; просмотрел бы все старые журналы, для составления (в критическом разборе) мнения тогдашних критиков об произведениях Пущк. и для отыскания забытых последним изданием сочинений его. — Этот человек есть ты, Павлуша; значит мне нужно знать, берешься-ли ты за это, или нет. Если берешься, то тебе нужно нарочно для этого приехать сюда и не медля приступить к делу, написать здесь статью, подготовить выноски и вообще всему делу дать ход; сделав это, ты можешь отправиться, куда хочешь, потому что пока будет идти печатание, мы можем продолжать дело перепискою. — Если ты на это не согласен, то для этой работы Некрасов рекомендует мне какого-то Г-на Дурышкина, редактора «Отечественных Записок», говоря, что он за все сие возьмет не менее 1,500 р. серебром. — Если ты не возьмешься, то я возьму Дурышкина, если только не найду кого-нибудь лучше; значит твой решительный ответ мне необходим и поспешнее, да без двухсмысленных фраз; а прямо пиши: можешь-ли ты это сделать, или нет, и когда можешь приехать. — Полагаю, что тебе за это дело нужно взяться; а впрочем, как знаешь. — Между прочим Некрасов предлагает мне быть со мною в доле и говорит, что это есть отличнейшее предприятие и весьма выгодное; но я не желал бы с Некрасовым иметь дело, только потому, впрочем, что он, как человек безденежной, не принесет мне пользы, особенно если будет нанят кроме его редактор. — Напиши свое мнение об предложении Некрасова и об Дурышкине, если только его знаешь. —

2) Нужно, чтобы над сим редактором был еще кто-нибудь, человек известный и достойный, и который смотрел бы за ходом издания; таковыми людьми будут Плетнев и Вяземский, которые охотно изъявили готовность

принять участие в этом деле, и я ничего, ниже двух слов не напечатаю без их одобрения. —

3) Успеху предприятия способствовать будут новые, не бывшие в печати сочинения Пушкина. — Твое резкое суждение, что их нет, — несправедливо. — Я нашел около 50 стихотворений достойных печати и от которых Некрасов и Боткин были в восторге, когда я им читал. Найдены они мною в его бумагах; некоторые из них — целные, а большая часть неоконченных; но как их не включить в новое издание? — Все они пойдут на рассмотрение Государя. — Вот, например, можно-ли оставить эти неоконченные стихи:

Два чувства дивно близки нам;
 В них обретает сердце пищу:
 Любовь к родному пепелищу,
 Любовь к отеческим гробам. —
 На них основано от века
 По воле Бога самого
 Самостоянье [sic! — *В. М.*] человека,
 Залог величия его. —
 Без них нам целый мир пустыня,
 И жизнь без них мертва;
 И как Алтарь без божества
 Ду... (конца нет).

} Эти 4 стиха
 зачеркнуты
 Автором.

Или вот еще:

Воспоминание в Ц. С. 18 декаб. 1829.
 Воспоминаньями смущенный,
 Исполнен сладкою тоской,
 Сады прекрасные! под сумрак ваш священный
 Вхожу с поникшею главой. —
 Так отрок библии, безумный расточитель,
 До капли расточив раскаянья фиал,
 Увидя наконец родимую обитель
 Главой поник и зарыдал.

* * *

В пылу восторгов скоротечных,
 В бесплодном вихре суеты,

О, много расточил сокровищ я сердечных
 За недоступные мечты. —
 И долго я блуждал, — и часто утомленный
 Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
 Я думал о тебе, приют благословенный,
 Воображал сии сады. —

* * *

(и за тем еще 3 строфы об Лицее и Царскосельском саде).

Одним словом новых стихотворений наберется порядочно довольно.

4) Статья о распределении стихотворений почти что кончена; основанием было твоё распределение с некоторыми незначительными переменами. — Некрасов и Боткин нашли её дельною; теперь она покажется Плетневу и Вяземскому, и с мнением их я к тебе перешлю.

5) Образчик бумаги и печати при сем тебе посылается; это будет очень хорошо, как все находят.¹

6) Типографический корректор будет, разумеется, выбран лучший.

При таком распоряжении почему полагать, что я острамлю своё имя; тут будет не один мой глаз; ты видишь: я на себя немного беру. — А вот опасюсь не затемнить твою громкую литературную славу; но ты об этом вздоре не беспокойся. — Система, принятая мною в издании, пойдет также на утверждение людей дельных и тебе перешлетя; ты увидишь, что она сделана не зря. — А если сделана зря, то она пройдет через многие руки и будет исправлена. — Никогда не делал я вещей зря, а тем более этой вещи. Неуважения к Пушкину у меня нету, потому что хочу сделать издание классическое, какого до сих пор не было в России. — А что ты ужаснулся, услышав, что я взялся за это дело, то ты прав,

¹ Этних образчиков, к сожалению, при письме не сохранилось.

потому что ты не знал всех побочных обстоятельств, об
коих я тебе пишу теперь, — и об чем я тебе еще напишу
с следующей почтою, где ты увидишь, что издание укра-
сится двумя его портретами, виньетками, рисованными
самим Пушкиным, и может быть рисунками Гагарина, —
снимками с почерка Пуш. и биографией в следующем
порядке: у каждого года будет выноска, в коей будет ска-
зано: где Пушкин был в течение того года, что делал, чем
занимался, какие были с ним случаи. — Это все будет
независимо от разбора критического его сочинений, при-
ложенного в начале. — Но это все ты увидишь подробнее
в том, что получишь с следующей почтою. — Все сие есть
следствие трех месяцев постоянного моего труда и заня-
тия сим предметом; долго я думал о нем и не очертя голову
принимаюсь за него. — Право, так. —

Затем другое обстоятельство, об коем следовало по-
думать, — это денежное; об нем скажу тебе одно только:
5 000 серебр., которые я плачу за право печатать, я
взношу не теперь, не сейчас, а когда пойдет распродажа
напечатанных уже экземпляров с 4% на всю сумму, со
дня совершения условия. — Чтобы тронуть дело или,
лучше сказать, пустить его в ход, нужно 5 000 р. серебром,
которые я думаю занять, да хоть под залог самого пред-
приятия; если ты у своих приятелей можешь их достать;
то не опасаясь ничего, сделай это. — Здесь все, кто дает
денег, ломаются на то, чтобы быть в доле со мною. — Какая
же мне в том выгода? Поделиться доходом и платить еще
проценты на занятую сумму. — А впрочем можно до-
стать денег и без этого условия. — Теперь в заключение
скажу: печататься будет 5.000 экземпляров; а чтобы оку-
пить все расходы по изданию (и Генеральские и проценты),
нужно, чтобы продолось 2.500 экзemplяр. — Если они
продадутся, то спекуляция — удалась; в противном слу-
чае она будет не удачна. — Вот на этот предмет нужно

обратить внимание, — разойдется-ли 2.500 экземпляров; это мне давало много заботы; но обнадеживают все. — В Петербурге и 50 экземпляров нет старого издания, в Москве — ни одного, теперь он стоит 25 р. серебром. — Желających иметь Пушкина — много; в одной Москве, как пишет Стрекалов, книгопродавцы на расхват желают иметь Пушкина. — Обо всем этом я думал, и долго. — И так, вот мои предположения, расчеты и мысли. — Теперь для окончания прибавлю, в каком положении находится это дело в сию минуту. — Условие с Генералом мною уже подписано, — значит, назад нельзя, да я и сам не хочу. — В нынешнем месяце собираются сочинения, не бывшие в печати; составляется проект распределения статей, все приводится в систематический порядок и показывается Плетневу и Вяземскому; в Июне ненапечатанные сочинения идут на рассмотрение к Государю; а там начинается печатание и вместе с ним составление критического разбора и всего нужного к изданию. — Теперь слушай, Павлуша: если ты уведомишь меня, что скоро сюда приехать не можешь, то-есть, если раньше, едак, месяцев 3-х или 4-х; то я беру Дурышкина (или другого кого-нибудь); если же ты можешь приехать; то я остановлю весь ход и самое печатание до твоего приезда. — Пожалуста, подумай об этом хорошенько и дай решительный ответ; а я бы желал, чтобы ты приехал, и его право нужно. — Тогда вот как распоряджусь: дождусь тебя и когда ты напишешь разбор, биографию и всевозможные и нужные выноски, тогда все вместе за один раз пойдет к Государю и по Высочайшем разрешении начнется печатание, а ты увезай во-свояси. — Остальное уже будет дело корректора по части поправок и мое — по части типографии. — Затем писавый ждет ответа; устал от непривычки долго писать и от учений, которыми замучили; остальное место посвящаю на некоторые пьесы Пуш., найденные мною

в его бумагах и не бывших в печати [*карандашом отметки* 13.17.22.37.].

Подруга дней моих суровых.¹

[и т. д. до стиха:]

То чудится тебе...

НВ. Стихотворение неоконченное, писано в одно время с V главою Онегина, то есть около 1828-го года.

Конечно, презирать не трудно

Отдельно каждого глуща;

Сердиться также безрассудно,

И на отдельного страмца. —

Но что чудно! —

Всех вместе презирать их трудно.

К о к е т к е.

И вы поверить мне могли,

Как простодушная Аньеса?

В каком романе вы нашли,

Чтоб умер от любви повеса?

[и т. д.].

НВ. Подчеркнутые стихи были зачеркнуты Автором.

[*Рукою И. В. Анненкова:*] Отвечаю тебе, Павлуша, на последнее письмо твое от 28 Апреля. — Присланные тобою деньги 850 р. серебр. получены нами; они помогли нам заткнуть кой-какие дыры, и мы тебе за это очень благодарны. Твои замечания об Пушкине, то есть об печатании его сочинений заставили меня местами улыбнуться. — Послушай, Павлуша! — Почему ты думаешь, чтобы я на едакое сурьезное дело кинулся так, как на обед к Дюме; почему же ты не предполагаешь во мне столько здравого рассудка, чтобы понять важность етого предприятия, и столько понятия, чтобы сделать его осно-

¹ Далее — рукою Ф. В. Анненкова.

вательно? — Три месяца я думал об этом деле и рассмотрел (да не один) со всех его сторон. — Значит, я могу говорить об нем основательно; а ты говоришь поверхностно: а именно: 1) ты пишешь — подожди тебя и не говоришь, когда ты можешь приехать; 2) что я решительно на все смотрю [легко?], — неправда, потому что до окончательного моего решения я долго думал и, сообразив все, приступаю; 2) опозорить свое имя, — я не сделаю; я очень хорошо знаю, что я сам один с этим предприятием не справлюсь и уж устроено, что [далее карандашом:] что начатое письмо заменено другим, в этих же листках № 1, 2, 3; но не уничтожается, ибо время нет с этим возиться.

[Далее рукою Ф. В. Анненкова:] Сейчас получил от Голицына письмо

* * *

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю, —

[и т. д. до:]

И слезы их, и поздний ропот.

NB. Сие стихотворение написано в одно время с Полтавою.

12-го Мая. С.П.Бург.

Из 4-х Номеров Ванюшинова писания ты увидишь и узнаешь, Павлуша, решительное его намерение приступить к изданию сочинений Пушкина, и так как сие дело и условие Генеральшой подписано (и она сегодня с детьми на пароходе уехала за границу), то и видя в этом предприятии со временем и выгоду и не желая при том сделать какого-либо упущения, то выслушай по сему случаю и мое мнение.

Ванюша неутомимо все пересмотрел в оставшихся бумагах, — и есть вещи, которые могут быть и в печати. План и распределение, сделан им, был нелicenseмерно одобрен Некрасовым и Боткиным; теперь его еще пересмотрят Плетнев и Вяземский, которые убедительно просили Генеральшу отдать непременно Ванюше, а не связываться с книгопродавцами и хотят и просили ее познакомиться [их] с Ванюшей, обещая ему все, что они знают о Пушкине, ему сообщить и содействовать. И так, теперь нужен человек, который напишет [все], исключая биографии, и даст сему делу направление, — и по справедливости Ванюша тебя о том убедительно просит, и я тоже нахожу, что ты легко можешь теперь отлучиться из деревни и сюда приехать, чтобы это серьезное дело покончить и устроить; и даже так можно рассчитывать, что ты со мною можешь уехать обратно в Москву, ибо я *решительно* отсюда уезжаю *20-го Июня* (и взял уже места два внутри и один свади в Маль-Посте); но если сие для тебя неудобно — так скоро привести в исполнение, то можешь меня подождать в Москве и одному приехать. К тому-же если ты уже взялся быть нашим благодетелем, то и тут тебе предстоит еще сделать доброе дело, а именно: в проезд через Москву меблируй и устрой мою квартиру порядочным и приличным и недорогим образом, и если даже будет возможность взять напрокат до Января, то будет еще лучше.

Обо всем, что здесь писано, будем ждать твоего решительного ответа, при чем полагаю, что если ты не решишься приехать, а наделишь своими наставлениями, что на будущее время может нам принести пользу, но в существенном отношении мы от того много потеряем. Подумай хорошенько. Да, я забыл еще упомянуть, что 1 500 р. сер. дать Дурьшкину есть вещь, не совсем благо-разумная: или ты бы мог от сего избавить расхода, или по крайней мере лично мог-бы с ним откровенно перего-

ворить и согласоваться; а что Г-н Некрасов без капитала хочет участвовать, то об этом и не нужно писать и не следует говорить. — Аминь.

За неимением времени Ванюши, я несколько (выбранных) переписал стихотворений, кои предполагаются к печати. — Но вот заглавных еще №, которые тобою были пропущены (для сведения мною списанные): 1) К О которой Митрополит прислал плодов из своего сада, 1817 г.; 2) Второе Послание к цензору; 3) Эпиграмма; 4) Изъезде сеятель сеяти семена свои; 5) Богоматерь; 6) Христос Воскрес; 7) Пропуск из Чеодаева послания; 8) Сказали, что Риего; 9) Песня Девственницы; 10) Кипинев; 11) На голос Вальца Дюпорова; 12) Цыгане (бесподобная).

Напиши, если они у тебя уже находятся. За сим прощай, ждем твоего ответа. Твой брат Ф. Анненков.

3.

19 Мая [1852 г. Петербург].

Отвечаю тебе, Павлуша, на твое письмо от 4 мая. Оно, по расчету, было написано тобой до получения еще моего длинного письма; значит, ты писал его, полагая, что я взялся за издание Пушкина очертя голову; не знаю разуверит-ли тебя мое последнее письмо, но только я тебе спешу отвечать; если твоя боязнь в этом деле происходит от опасения, чтобы я не взвалил новых долгов на имение, то можешь быть покоен. — Я буду занимать денег под залог самого предприятия и у таких людей, которые гадости не сделают; кроме того, я могу пойти в дело с человеком денежным, не смотря на всю невыгоду, которая мне от того предстоит; если ты боишься, чтобы издание его не острамило всех нас, то опасения твои напрасны при всех мерах благоразумных и осторожных, принятых

мною; а впрочем, почитая память Пушкина святынею, как пишешь ты, приезжай взглянуть на ход дела. — Если ты опасаясь, чтобы я не запутывался или не запутался в этой спекуляции, то я вполне ценю твою братскую привязанность и покоряюсь своей судьбе; один я потерплю в этом деле и никого другого с собою в пропасть не потяну; а если паче всякого чаяния будет успех, то рады будем все. —

Когда я объявил, что беру на себя печатание, то все единодушно обрадовались тому, что это буду делать я, а не какой-нибудь книгопродавец; все изъявили готовность помогать мне всеми возможными средствами, а именно: Вяземской, Плетнев, Соболевской, Виелгорской и много им подобных, которых не называю, потому что в них пользы не нахожу. — Об Некрасове и Боткине не говорю, ибо уже писал тебе их мнение на этот счет. — Лица, в начале приведенные, были только удивлены малой ценой, взятой за позволение печатания; но так [как] никто больше не давал, то и согласились на сию цену.

Теперь далее: в опеке было 7 картин Гагарина к Кавказ. Пленнику; по нерадению, они неизвестно куда девались, но начинают, кажется, отыскиваться; когда отыщутся, — они мне даются даром; Айвазовский обещал нарисовать для сего издания несколько картин; мне предоставлен выбор сюжета, где бы находилось море, разумеется; я тебе это передаю с тем, чтобы ты не медля указал бы на такие места Пушкина, из которых можно было бы дать Айвазовскому сюжет. — Мне думается два места: я помню море перед грозой (из Онегина 1 части) и Ты видел деву на скале (4 том, 214 страница). — Поищи и ты. —

Орлов маленькой¹ принимает участие в этом и будет

---

¹ Флигель-адъютант граф Николай Алексеевич Орлов, младший полковник л.-гв. Конного полка (где в то время И. В. Анненков был старшим полковником).

полезен для исходатайствования позволения на печатание новых пьес. — За тем вся переписка, просьба и все касающееся до издания будет от имени опеки, где имя малолетних будет играть немаловажную роль. — Генеральша по возвращении из-за границы дает мне переписку Пушкина с сестрою, когда ему было 13 лет. Ланского племянник рисует мне на камне портрет Пушкина, когда ему было 12 лет. — И много, много еще я мог бы тебе насчитать вещей, которые все были ввешены, когда я брался за дело. — Скажи, кто может иметь все эти удобства; скажи мне, если я передам издание, разве я передам все эти выгоды, которые делаются собственно для меня, и ни для кого другого. — Это печатание приняло теперь такой оборот, что уж это не спекуляция книжника какого-нибудь; а намерение выдать соч. Пушк. в достойном его виде, с помощью всех его бывших друзей; я же играю тут только ту роль, что взял на себя все издержки и хлопоты по изданию. — Обо всем этом, Павлуша, подумай. — Обещанные программы и распределение статей я не посылаю, ибо всю неделю как пиявка сидел за черновыми книгами Пуш. и ей богу не без успеха. — Напрасно называешь ты это плесенью: ты разуверишься, когда увидишь толстую тетрадь небывших в печати стихов. — А впрочем, твой ответ на последнее мое письмо даст мне основание, что мне предпринять и как распорядиться, чего с нетерпением ожидаю.

Твой А.

19 Мая.

Для картинки: *Я помню море перед грозой*, полагаю, хорошо выдет: женьщина в задумчивой позе, сидя на скале или стоя на берегу, облокотясь на балкон, — и волна плеснула ей в ногу. — Как ты думаешь?

4.

26-го августа [1852 г. Петербург].

Письмо твое, Павлуша, от 12 Августа застало еще меня в Петербурге, но уже укладываемогося в чемоданы. Я выезжаю из Петербурга 28 Августа на Москву и в Чугуев. Не знаю, с тобой ли Фединька . . . Государь дал мне поручение осмотреть там всех юнкеров до его приезда, — вот я и тороплюсь . . . Теперь отвечаю на твое письмо.

1) У Пушкиной я могу собрать нужные тебе сведения по моем возвращении, потому что теперь ее здесь нет, — она уехала в деревню, а это жалко, ибо может задержать твою работу.

2) Вместо оглавления стихотворений с 1830 года я посылаю тебе мою продолговатую тетрадку: она заменит тебе мою выписку.

3) Твоя фраза: «перешли мне все отдельные листки со стихотворениями или заметками или начатками, какие еще есть в пакетах», — совершенно не понятна: чего ты хочешь? Какие еще есть листки, которые мы уже не пересмотрели? Да и потом вить отрывки, не бывшие в печати, находятся не в одних пакетах, а и в книгах. — Я распорядился так: посылаю тебе *все пакеты* с стихотворениями и мою тетрадь, где я сделал выписку того, что не было в печати; она тебе заменит напрасный труд самому рыться в лоскутках. — Равным образом я затрудняюсь в просьбе твоей переслать все тетради Пушк., которые с 30 года идут. — Что тебе нужно: прозу или стихи? да и у него нигде не сказано, которые бумаги идут с 30 года. Я распорядился так: посылаю тебе тетради, но не книги стихов и опять повторяю, что моя тетрадь тебе будет в этом случае полезна. Наконец, посылаю тебе пакет от Катенина, это есть такая чушь, гиль и вадор, что Боже упаси,

и переписка твоя с ним только в том отношении будет полезна, что упрека не сделает, что упустили его из виду; а то вот ты увидишь, какой вздор он написал.

5.

[Письмо ¹ без даты. Петербург.]

. . . Вышли мне, пожалуйста, 12 часть сочинений Пушкина и тетрадь, в которой выписаны ненапечатанные его сочинения. — Это не для других, а для меня собственно нужно; пожалуйста, не замедли. Затем будь здоров . . .

---

¹ Ивана Васильевича Анненкова.

ПОСЛАНИЕ К ВЕЛЬМОЖЕ. ПУШКИН И СТЕРН. ЗА-
ТЕРЯВШИЙСЯ АВТОГРАФ ПУШКИНА. А. С. ПУШКИН,
ПОРТРЕТ РАБОТЫ В. А. ТРОПИНИНА. ПУШКИН И
КОРНИЛЬЕВ

ПОСЛАНИЕ К ВЕЛЬМОЖЕ А. С. ПУШКИНА.

(Историческая справка.)

«Послание к Вельможе» до сих пор было известно лишь по *одной* рукописи поэта — в тетради № 2367 (л. 50 об.), хранящейся в Московском Румянцовском Музее;¹ эта рукопись дает лишь несколько первоначальных, незначительных вариантов (соч. Пушк. изд. «Просвещения», ред. П. О. Морозова, т. II, 1903, стр. 486) к тексту, установленному самим Пушкиным при напечатании этого стихотворения в «Литературной Газете» 1830 г. (№ 30, 26 мая, стр. 240 — 241). До настоящего времени оно неправильно относилось к 1830 году.

Теперь, благодаря счастливой находке А. В. Прахова, мы имеем другой, хотя и не полный, но великолепный автограф поэта, со следами его творческой работы, и получаем точно установленную дату создания этого произведения, замечательного, между прочим, тем, что появление его в печати, а может быть еще и ранее — в списках — навлекло на Пушкина незаслуженные упреки в лести, низкопоклонстве и искательстве, — упреки, от которых ему пришлось защищаться.

Нё допускающая никаких сомнений числовая помета, находящаяся под стихотворением, дает возможность разобраться в несколько запутанной самим поэтом датировке послания: печатая его в «Литературной Газете», он вы-

---

¹ Ныне — Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

ставил под ним: «Москва, 1830»,¹ хотя в одной из черновых заметок, вызванных появлением пиесы в печати, сам говорит, что написал ее «возвратясь из-под Арзрума» (Пушк. Мороз., т. II, стр. 489). На последнее указание обратил внимание лишь Н. О. Лернер, высказавший предположение, что стихотворение это вернее относить к 1829 году («Труды и дни», изд. 2-е, стр. 199), тогда как все издатели включали его в число пиес 1830. Новая рукопись, устанавливая точную дату — 23 апреля 1829 года, — подтверждает догадку Н. О. Лернера и исправляет неточность показаний поэта: в свое путешествие в Грузию он отправился 1 мая 1829 г., т. е. через несколько дней *после* написания стихотворения. Если указание в «Литературной Газете» на 1830 год принадлежит самому поэту, то оно может относиться ко времени *окончательной* отделки послания, когда оно и было занесено в тетрадь, в более обработанном виде.

Время, к которому относится «Послание к Вельможе», было весьма знаменательным в жизни поэта: приехав в Москву в середине марта 1829 г., с намерением отправиться на Кавказ, к действующей армии, он окончательно пленился красотой Н. Н. Гончаровой, в конце апреля, через графа Ф. И. Толстого («Американца») сделал ей предложение, а 1 мая написал аналогичное письмо к своей будущей теще... Легко себе представить, каково было тогда его душевное состояние. В это-то время глубоких сердечных переживаний он и получил приглашение князя Николая Борисовича Юсупова посетить его в знаменитом красотой местоположения и художественными сокровищами подмосковном селе Архангельском, в котором князь

---

¹ Впрочем, год мог быть выставлен и *издателем*; однако, хотя в издании стихотворений Пушкина 1832 г. (ч. III, стр. 49 — 55) выставлено лишь «Москва», но в оглавлении (стр. 207) оно отнесено к 1830 г.

тогда проживал, числясь главноначальствующим Экспедиции Кремлевского строения и мастерской Оружейной Палаты и членом Государственного Совета. Не имея возможности, по объясненным выше причинам, воспользоваться сделанным ему приглашением, поэт и ответил князю посланием, обещая «приветливому потомку Аристиппа» приехать к нему несколько позже,

Лишь только первая повеленеет липа.

Однако, огорченный последовавшим затем неуспехом в своем сватовстве на Гончаровой (он получил уклончивый ответ), Пушкин поспешил покинуть Москву, надеясь в дорожных впечатлениях найти рассеяние от мыслей о покорившей его сердце красавице. Впоследствии, если не ошибаемся, он исполнил свое обещание и побывал в Архангельском. В январе 1831 г. Пушкин был у князя Юсупова в Москве (в его доме на Никитской) по поручению князя П. А. Вяземского и расспрашивал его о Фонвизине, которого князь «очень знал» и с которым «несколько времени жил в одном доме» (Пушк., Мороз., т. VIII, стр. 232).

Как мы упомянули, послание Пушкина вызвало разные кривотолки и пересуды. «Образец мастерской живописи исторических лиц и эпох, где, часто в одном двустиишии, полно и определенно выражается вся сущность их», говорит Анненков («Материалы», изд. 1855 г., стр. 253), — послание при появлении своем, как и многие другие произведения поэта, возбудило недоумение. В свете считали его недостойным лица, к которому писано: ¹ в жур-

---

¹ Отголосок таких суждений виден в заметке С. Д. Полторацкого о «Меценатах былого времени» («Русская Старина» 1892 г., № 7, стр. 6 — 9); приводя стихи послания об английском парламенте, он замечает: «Можно только улыбнуться тому, что с этими политическими рассуждениями Пушкин обратился к человеку, оставившему по себе память одного из неисправимых представителей вре-
Модзалевский.—Пушкин.

налах, наоборот, — недостойным автора, которого обвиняли в намерении составить «панегирик». По свидетельству самого поэта, сохранившемся в его черновых рукописях, «все журналы пришли в благородное бешенство, восстали против стихотворца [Пушкина], который (о, верх унижения!) в ответ на приглашение князя ** извинялся в стихах, что не может к нему приехать, и обещался к нему приехать на дачу. Сие несчастное послание предано было всенародно проклятию, и с той поры, говорит один журнал, слава **[Пушкина] упала совершенно!» (Соч., Мороз., т. II, стр. 488). «Возвратясь из-под Арзрума», говорит поэт в другом месте: «написал я послание к князю **. В свете оно тотчас было замечено, и... были мною недовольны. Светские люди имеют в высшей степени этого рода чутье. Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата и в статейке, заимствованной у М., заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы». (Соч., Мороз., т. II, стр. 489.) Журналист, на которого намекает здесь Пушкин, был Н. А. Полевой, в это время его ярый литературный враг: в «Новом Живописце общества и литературы», вышедшем в виде прибавления к «Московскому Телеграфу» (1830 г., ч. 32, № 10, май, стр. 170 — 171), он поместил сцену «Утро в кабинете знатного барина», в которой встречаем следующий диалог между знатым барином, князем Беззубовым, и его секретарем, Подлецовым:

К н я в ь. ...Скажи, что у тебя смешного?

мен регентства (*du bon vieux temps*), которому в голову, вероятно, никогда не входили этакие отвлеченности. . . Странно, что Пушкин не нашел в России, к кому обратиться с прекрасными своими стихами. Тогда еще живы были и Мордвинов, и Витгенштейн. . . Конечно, нельзя задавать поэтам тем для их сочинений; но неужели нельзя требовать, чтобы они оставались верными действительности, времени, лицу».

П о д л е ц о в. Вот листок какой-то печатный; кажется, стихи Вашему Сиятельству.

К н я з ь *(взглянув)*. Как! стихи мне? А! это того стихотворца... Что он врет там?

П о д л е ц о в. Да, что-то много. Стихотворец хвалит вас; говорит, что вы мудрец: умеете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствам, ездили в какую-то землю только затем, чтобы взглянуть на хорошеньких женщин; что вы пили кофе с Вольтером и играли в пашки с каким-то Бомарше

К н я з ь. Нет? Так он недаром у меня обедал *(берет листок)*. Как жаль, что по-русски! *(читает)*. Не дурно, но что-то много, скучно читать. Вели перевести это по-французски и переписать экземпляров пять; я pošлю кое к кому, а стихотворцу скажи, что по четвергам я приглашаю его всегда обедать у себя. Только не слишком вежливо обходись с ним; ведь эти люди забывчивы; их надобно держать в черном теле» и т. д.

Пропуск в журнале этой грубой выходки и плоского пасквиля, вызвавшего в Пушкине вполне понятное негодование, повлек за собой увольнение от службы цензора С. Н. Глинки, который в «Записках» своих подробно рассказывает весь эпизод; любопытно, что цензура в данном случае вступилась не за Пушкина, а за князя Юсупова, которого Полевой, вероятно, и не хотел задевать, но которого она считала оскорбленным этою статьей. «Когда я явился в Цензурный Комитет», пишет Глинка: «меня встретили торжествующие лица профессоров-цензоров. Они смотрели на меня с лукавою улыбкою и будто неумышленно спрашивали: читал ли я послание Пушкина к князю Ю**? Тут, к сожалению, и сторонний цензор, остропамятный Аксаков, вслух и наизусть прочитал несколько стихов, также сопровождая их хитрою улыбкою. Между тем цензор Снегирев, читавший «Телеграф»

в отсутствии моем, сказал мне откровенно, что десятая книжка «Телеграфа» ожидает моей подписи, т. е. та роковая книжка, в которой помещена была статья под заглавием «Утро у знатного барина, князя Беззубова». В ней выставлен был какой-то князь Беззубов, имевший собак Жужу, Ами и любовницу. Возвратясь из Петербурга за неделю до срока отпуска, я мог бы отказать от цензурования этой книги «Телеграфа», но я всегда стыдился, как говорит пословица, чужими руками жар загребать. Взяв десятую книжку «Телеграфа», пошел я в типографию г. Семенова; читаю: в глава мне тотчас бросился стих, предлагающий перетолкователям намек на князя Ю. Отправляю к издателю «Телеграфа» записку, прося его исключить этот стих. Получаю в ответ, что он не намерен исключить ни одной буквы. Что же оставалось цензору?.. Я пропустил статью. При первом заседании г. Двигубский объявляет мне, что попечитель устраняет меня от цензурования «Телеграфа...» (Записки С. Н. Глинки, С.-Пб. 1895, стр. 356 — 358). Кн. С. М. Голицын написал письмо министру с жалобой на Глинку за пропуск «соблазнительной статьи», которая «по дерзким и явным намекам на известную особу по заслугам своим государству, возбудила негодование всех благомыслящих людей» (Барсуков, Жизнь и труды Погодина, т. III, стр. 22) и Глинка был уволен в отставку.¹

Ксенофонт Полевой в «Записках» своих старается обелить брата-издателя «Телеграфа» — и объясняет выходку его тем, что Николай Алексеевич, прочтя послание, «пришел в глубокое негодование, потому что видел самовольное, жалкое унижение Пушкина», так как «все единогласно пожалели об унижении, какому подверг себя Пуш-

---

¹ О дальнейших преследованиях этой статьи из «Живописца» см. у Н. К. Козмина «Очерки из истории русского романтизма», С.-Пб. 1903, стр. 501 — 502.

кин. Чего желал, чего искал он? Похвалить богатство и сластолюбие? Пообедать у вельможи и насладиться беседою полумертвого, изможденного старика, недостойного своих почтенных лет? Вот в чем было недоумение, и вот что возбуждало негодование» (Записки Кс. А. Полевого, С.-Пб. 1888, стр. 312 — 313). Но пасквиль был вызван личными счетами,¹ и Н. Полевой не упустил случая кольнуть Пушкина: через два года он опять вспомнил о столь непонравившихся ему отношениях поэта к князю Юсупову и, в том же «Московском Телеграфе», поместил пародию на Пушкинское стихотворение «Чернь» (1832 г., ч. VIII, стр. 253 — 254, стих. «Поэт. Посвящено Ф. Ф. Мотылькову»); здесь, обращаясь к поэту, чернь спрашивает:

«... Зачем к тебе, сует дитя,
Вползали, вгнездились пороки:
Лжи, лести, низости уроки
Ты проповедуешь шутя?
С твоим божественным искусством
Зачем, презренный славы льстец,
Зачем предательским ты чувством
Мрачишь лавровый свой венец?»
Так говорила чернь слепая,
Поэту дивному внимая.
Он горделиво посмотрел
На вопль и клики черни дикой,
Не дорожа ее уликой,
Как юный, бодрственный орел,
Ударил в струны золотые,
С земли далеко улетел,
В передней у вельможи сел
И песни дивные, живые
В восторге радости запел.

---

¹ Был слух, что «князь Юсупов велел прибить Полевого»; о том, правда ли это, спрашивал А. Д. Киреев Н. И. Розанова в письме своем из Москвы от 24 июля 1830 г. (Щукинский сборник, в. I, М. 1902, стр. 189).

Наконец, еще через год, печатая, по поводу выхода в свет «Бориса Годунова», критическую статью о стихотворениях Пушкина, Полевой выражал уверенность, что поэт со временем сам выбросит из собраний своих сочинений многое «недостойное его», — между прочим и «Послание к Вельможе» («Моск. Телегр.» 1833 г., № 1, январь, стр. 140 — 141; см. также «Очерки по истории Русской литературы» Н. Полевого, ч. I, С.-Пб. 1839, стр. 167). «Любопытное», замечает по этому поводу Анненков, суждение о пьесе «одинаково поражающей и совершенством формы и совершенством содержания!» (Материалы, изд. 1855 г., стр. 253).

А. Ф. Воейков, — также не упускавший случая задеть, со свойственной ему ядовитостью, самолюбие Пушкина, — перепечатывая в своем «Славянине» (1830 г., ч. XIV, стр. 780 и сл.) «Послание к Вельможе», сопроводил его следующим примечанием: «В сем классическом послании *Протей-Пушкин* являет нам *Шолье* и *Вольтера*. Оно напоминает послание нашего блестящего Батюшкова к И. М. Муравьеву-Апостолу». Пушкин, конечно, почувствовал весь яд этой похвалы, тем более, что именно к этому произведению Батюшкова он относился довольно отрицательно (см. Л. Н. Майков, Пушкин, С.-Пб. 1899, стр. 296 — 297). Пушкин пришел в негодование от всех этих пересудов, кривотолков и инсинуаций. «Нынче», записывает он несколько позже, но по тому же поводу: «писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который двумя или тремя чинами выше его, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении, но который площадной руганью может повредить продаже книги или хвалебным объявлением заманить покупателей. Ныне последний из писак, готовый на всякую приватную подлость, громко проповедует независимость

и пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми расстилается в их кабинете» (Пушк., Мороз., т. VI, стр. 343 и 646; ср. «Русская Старина», 1884, т. 44, стр. 518).

В. Л. Пушкин, дядя поэта, тоже задетый нападками на него журналистов, написал ему послание, в котором старался его утешить и «раздосадовать глупцов и завистников».

Племянник и поэт! Позволь, чтоб дядя твой
 На старости в стихах поговорил с тобой...
Послание твое к вельможе есть пример,
 Что не забыт тобой затейливый Вольтер.
 Ты остроумие и вкус его имеешь
 И нравиться во всем читателю умеешь.
Пусть бесится, ворчит Московский Лабомель:
 Не оставляй свою прелестную свирель!
Пустые критики достоинств не умалят;
 Жуковский, Дмитриев тебя и чтут, и хвалят,
 Крылов и Вяземский в числе твоих друзей:
 Пиши и утешай их музкою своею,
 Наказывай глупцов, не говоря ни слова,
 Печатай им на зло скорее «Годунова».
 Творения твои для них тяжелый бич,
Нибуром никогда не будет наш Москвич,
И автор повести топорные работы
Не может, кажется, проситься в Вальтер-
Скотты.

Довольно и того, что журналист сухой
В журнале чтит себя романтиков главою:
 Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
 Нелепая их брань, придирки и затеи!
 Счастливцу некогда смеяться даже им:
 Благодаря судьбу, ты любишь и любим...¹

Заклучим нашу историческую справку пламенными словами Белинского о «прекрасном», по его мнению,

¹ Сочинения В. Л. Пушкина. Изд. 1893, стр. 115 — 116 и 156; набранное здесь курсивом содержит намеки на Полевого,

стихотворении «К Вельможе»: «Это», говорит он: «полная, дивными красками написанная картина русского XVIII века. Некоторые крикливые глупцы, не поняв этого стихотворения, осмеливались, в своих полемических выходках, бросать тень на характер великого поэта, думая видеть лесть там, где должно видеть только в высшей степени художественное постижение и изображение целой эпохи в лице одного из замечательнейших ее представителей. Стихи этой пиесы — само совершенство, и вообще вся пиеса — одно из лучших созданий Пушкина: поэт, с дивною верностью изобразив то время, еще более отмечает его через контраст с нашим» (Соч. Белинского, изд. 1860 г., т. VIII, стр. 410).

Переходя к детальному разбору новой рукописи, отметим, прежде всего, ее особенность: она имеет на заглавии своем¹ эпиграф из Горация: «*Carpe diem*», опущенный при печатании в «Литературной Газете» и не имеющийся ни в одном из позднейших изданий. Затем, по сравнению с впервые появившимся в печати текстом «Литературной Газеты», рукопись представляет лишь следующие варианты:

Ст. 7-й: *Роскошной*, вместо *Ученой*.

Ст. 23-й: *Волшебница младая*, вместо *Армида молодая*.

Ст. 47-й: *Об неге*, вместо *О неге*.

Ст. 49-й: Как *первый*, вместо Как *пылкий* (в изд. 1838 г. — *Где пылкий*).

Ст. 67-й: *И ярым*, вместо *И мрачным*.

Ст. 89-й: *И пыльные*, вместо *И стройные*.

Ст. 103-й: То *стойк*, вместо То *воин*.

Очевидно, Пушкин остался доволен тою редакциею,

---

¹ В «Литерат. Газете» стихотворение озаглавлено «Послание к К. Н. Б. Ю.».

которая вылилась из-под его пера, и не подвергал стихи почти никаким переделкам. В том же виде, как в «Литературной Газете», Послание было напечатано в «Славянине» (1830 г., ч. XIV, стр. 780), альманахе «Сиротка на 1831 г.», в издании стихотворений Пушкина 1832 г. (ч. III, стр. 49 — 55), в посмертном издании 1838 г. (т. III, стр. 172 — 176), в издании Анненкова (т. II, стр. 504) и в прочих изданиях; кроме того, по изданию Анненкова оно перепечатано в книге князя Н. Юсупова: «О роде князей Юсуповых», ч. II, С.-Пб. 1867, стр. 418 — 421; здесь же, в ч. I (С.-Пб. 1866, стр. VII — VIII и 145 — 167), можно найти любопытные сведения о самом князе Н. Б. Юсупове.

Ст. 36-й: Как любопытный скиф афинскому софисту, по указанию Б. В. Никольского («Ист. Вестник» 1899 г., том 77, стр. 208), заимствован из стихотворения Вольтера «Le Russe à Paris»: Comme un Scythe curieux voyageant en Athènes.

Ст. 75-й: Князь Юсупов был лично знаком с «колким Бомарше», который при прощании с ним 7 мая 1776 г. в Лондоне вписал в его альбом стихи «Cher Prince qui voulez tout voir»; они приведены в упомянутой книге «О роде князей Юсуповых», ч. I, стр. 145 — 146, и ч. II, стр. 415 — 416, и изданы в факсимиле и в русском переводе в «Худож. Сокров. России» за 1906 г., в № 8 — 12.

Алябьева, упоминаемая в стихе 95-м, — Александра Васильевна, славившаяся тогда в Москве своею блестящей красотой — «классической», по выражению князя П. А. Вяземского; она была неременной участницей и украшением всех великосветских собраний Московского общества; несколько лет спустя, Алябьева вышла замуж за Киреева и умерла, в преклонных годах, в 1894 г. Ее превосходный портрет, масляными красками (1844 г.), принадлежащий ныне ее сыну, известному славянофилу

и писателю, генералу А. А. Кирееву, был на Пушкинской юбилейной выставке в Академии Наук в 1899 г. (см. Каталог выставки, № 403). Алябьевой посвятили стихи Лермонтов (1830) и Языков (1844 и 1845). *Гончарова*, упоминаемая в том же стихе — будущая жена поэта, Наталья Николаевна, в которую он был тогда влюблен и которой в эти самые дни делал предложение.¹

---

¹ Автограф «Послания к Вельможе», находкою которого вызвана эта статья, ныне находится в Пушкинском Доме. *Ред.*

ПУШКИН И СТЕРН.

Стернъ говоритъ, что живѣйшее изъ нашихъ наслажденій кончится содроганіемъ почти болѣзненнымъ. Несносный наблюдатель! [Зачѣмъ было это говорить?] зналъ бы про себя; многіе [бъ] того не замѣтили бѣ.

Эти строки ¹ Пушкина еще не появлялись в печати; они извлечены нами из белой рукописи поэта, содержащей в себе все его «Отрывки из писем, мысли и замечания»; в этой рукописи они занимают *четвертое* место среди отрывков, т. е. между заметкою: «Однообразность в писателе доказывает односторонность ума»... и «Жалуются на равнодушные Русских женщин к нашей поэзии»... Получив рукопись от Пушкина для напечатания в «Северных Цветах на 1828 год», Дельвиг выпустил из нее несколько афоризмов и заметок; среди выброшенных была и приведенная выше заметка, содержащая одно суждение Стерна, высказанное в его известном незаконченном произведении «*Sentimental journey through France and Italy*». Пушкин читал его, вероятно, во французском переводе («*Voyage Sentimental, suivi des Lettres d'Yorick à Elisa, Paris, an VII*»), по книге, принадлежавшей его сестре Ольге Сергеевне Пушкиной-Павлицевой и сохранившейся до настоящего времени в составе его библиотеки, ныне в Пушкинском Доме. Здесь суждение Стерна, приводимое

---

¹ В скобках поставлены зачеркнутые Пушкиным слова.

Пушкиным, находится на стр. 180 — 182-й тома II-го; в английском тексте этого издания (в котором, en regard, дан и французский перевод) оно читается следующим образом: «But there is nothing unmixt in the world; and some of the gravest of our divines have carried it so far as to affirm, that enjoyment itself was attended even with a sigh — and that the treatest *they knew of*, terminated *in a general way* in little better than a convulsion»; во французском же переводе эта мысль выражена так: «Je connais de graves théologiens qui vont jusqu'à soutenir que la jouissance même est accompagnée d'un soupir, et que la plus délicieuse qu'ils connaissent, se termine ordinairement par quelque chose approchant de la convulsion». Как видим из этих обоих текстов, Пушкин дал не дословный перевод фразы Стерна, а лишь общий смысл ее, самую ее сущность, остановившую на себе его внимание. Деликатный Дельвиг не решился поместить суждение Стерна в своем альманахе, считая его, очевидно, не совсем удобным по его слишком откровенной ясности физиологического свойства.

Пушкин был издавна и хорошо знаком с произведениями великого английского юмориста и очень ценил их.¹ Еще в письме из Кишинева к Вяземскому от 2-го января 1822 г. он писал, что, по его мнению, вся «Лалла Рук» Томаса Мура «не стоит десяти строчек Тристрама Шанди», — известного неоконченного романа Стерна «The Life and Opinions of Tristram Shandy» (1759 — 1767). Сочинения его во французских изданиях 1799 (упомянутом выше) и 1818 гг. и в английском — 1823 г. были в

---

¹ О сильном влиянии Стерна на русских писателей конца XVIII — начала XIX века см. исследование В. И. Маслова в «Историко-Литературном Сборнике», посвященном В. И. Срезневскому, Лгр. 1924, стр. 339 — 375; ср. также в книге Н. К. Пиксанова «Два века русской литературы», М. 1923, стр. 38 — 39.

библиотеке Пушкина;¹ в 1828 г. критик «Атеней», разбирая вновь выпущенные главы «Евгения Онегина», упрекал Пушкина за отступления в ходе романа, говоря, что это просто «наросты к рассказу, по примеру блаженной памяти Стерна»;² в одном из примечаний к главе 2-й «Онегина» поэт сам сделал ссылку на Стерна; упомянул он его и позже, в «Мыслях на дороге», говоря об английской литературе и высказывая мнение, что в Англии только «Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаических сочинений». Наконец, если верить Запискам А. О. Смирновой, поэт как-то убеждал ее перевести знаменитое «Сентиментальное путешествие Стерна», а о Гоголе однажды выразился, что «он будет русским Стерном», ибо «он всё видит, он умеет смеяться, а вместе с тем он грустен и заставит плакать».

По сообщению П. В. Анненкова,³ Пушкин набрасывал свои «Отрывки из писем, мысли и замечания» в Кишиневе; оттуда же он, как мы видели, писал о Стерне Вяземскому; думаем поэтому, что интерес к Стерну и знакомство Пушкина с ним можно отнести еще к 1821 году, если не к более раннему.

---

¹ См. Б. Модзалевский, Библиотека Пушкина, СПб., 1910, стр. 147 и 343 — 4.

² «Атеней» 1828 г., Февраль, № 4.

³ Пушкин в Александровскую эпоху, СПб. 1874, стр. 155 — 156; ср. у П. Е. Щеголева: Пушкин, СПб. 1912, стр. 89, примеч.

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ АВТОГРАФ ПУШКИНА.

Известна печальная посмертная судьба автографов Пушкина; сам поэт при жизни тщательно берегал свои рукописи, был довольно скуп на их раздачу и не очень охотно делал записи в альбомах; основной же фонд своих тетрадей берег чрезвычайно ревниво. С момента же смерти Пушкина началось распыление его рукописей, началось и их исчезновение. И в этом распылении и исчезновении виновны, главным образом, два человека, которых Судьба поставила в непосредственное близкое общение с рукописным наследием поэта и от которых, по их чувствам к ушедшему и по любви к его творениям, казалось бы, меньше всего можно было ожидать подобного отношения: это — Жуковский — первый разбиратель и охранитель бумаг Пушкина и редактор посмертного издания его сочинений, и Анненков — первый его биограф и издатель полного собрания его произведений. Жуковский, как известно, после разбора всего рукописного наследия Пушкина, удержал у себя некоторое количество листов автографов (87 №№) для раздачи почитателям поэта; Анненков же, через 18 лет, отнесся к любовно и умело использованным им рукописям Пушкина с прямо преступным небрежением: вернув большую часть их семье поэта (которая, однако, была далеко не способна достаточно высоко ценить и бережно хранить свое сокровище), он, в свою очередь, многое из удержанного раздарил частным лицам, многое же завез в свои имения, кое-что оставил у брата... Из этих «остатков от пиршеств» Жуковского

и Анненкова и образовались потом такие известные собрания автографов Пушкина, как Онегинское, Майковское, Дашковское, Гротовское, Шляпкинское, собрание К. Р., не говоря уже о множестве мелких владельцев отдельных листков автографов поэта...

Пушкинскому Дому путем двадцатилетней собирательской работы удалось сосредоточить в своих собраниях значительную часть распыленных Жуковским и Анненковым рукописей Пушкина, приобщив к ним, кроме перечисленных выше, более или менее крупных фондов, и много отдельных листков, так что теперь собрание Пушк. Дома занимает, после Моск. Румянц. Музея, *первое* место в ряду хранилищ пушкинского рукописного наследия; но все-таки многое из этого наследия еще неизвестно где находится, многое исчезло заведомо бесследно. Из числа таких, находящихся или «в безвестном отсутствии», или уже погибших автографов поэта, мы хотим сказать здесь об одном особенно драгоценном листке, — особенно драгоценном потому, что на нем набросан был такой поэтический перл, как XVIII и XIX строфы главы «Евгения Онегина»; в Пушк. Доме сохранилась лишь *копия* с этого наброска, чернового, с авторскими поправками; подлинный же автограф, писанный в августе 1824 г., как отмечено на этой копии, был подарен П. В. Жуковским (сыном поэта) известному академику-минералогу Н. И. Кокшарову (1818 — 1892); автор интересных Записок, опубликованных в «Рус. Старине» 1890 г., и множества стихотворений, которыми почтенный ученый, большой балетоман, грешил по разным случайным поводам, отзываясь стихами на разные юбилеи, бенефисы, обеды, именины и т. п. «случаи», — он был поклонником Пушкина, чем и объясняется подарок, сделанный ему П. В. Жуковским. Кокшаров знал ценность автографа и любовно сохранял его, но после его смерти листок¹ затерялся, ни разу не по-

пав в руки специалиста-пушкиноведа, и где теперь находится, неизвестно. Лишь благодаря случайности, приведшей в собрания Пушк. Дома точную копию с него, мы имеем возможность лишней раз заглянуть в творческую лабораторию поэта и познакомиться с неизвестным до сих пор черновиком двух строф «Онегина»; черновик этот представляет, между прочим, еще тот интерес, что кроме многих первоначальных, зачеркнутых вариантов, мы находим в нем неотмененный вариант одного эпитета, — во 2-м стихе XIX строфы:

Внемлите мой *призывный* глас

вместо принятого затем:

Внемлите мой *печальный* глас

Строфы XVIII и XIX Первой главы «Онегина», как наглядно видно из таблицы, приложенной к исследованию М. Л. Гофмана о «Пропущенных строфах Евгения Онегина» («Пушкин и его совр.», вып. XXXIII — XXXV, стр. 332 и 336; ср. стр. 23, прим.), были написаны Пушкиным не в порядке строф Первой главы, а гораздо позже окончания всей этой главы, — уже, повидимому (судя по положению их в тетр. № 2370, лл. 20 и 20 об.), во время создания конца *Третьей* главы, почему и нет их ни в чистой рукописи, находящейся в Росс. Публичной Библиотеке, ни в списке, хранящемся в Библиотеке Академии Наук; в последнем Пушкин вписал их лишь в конце тетради (лл. 30 — 30 об.). Известны только первоначальные черновики этих строф, в рукописи Румянц. Музея № 2370, лл. 20 — 20 об., — по отношению к которым Кокшаровский автограф является *второю* редакцией.

Вот текст затерявшегося автографа Пушкина; в прямых скобках поставлены слова, зачеркнутые самим поэтом:

Чтобь только слушали его.

XVIII.

Волшебный край! тамъ, въ стары годы,
 [Бичь] Сатиры смѣлой властелинъ,
 Блнсталь Ф. В., другъ свободы
 И переимчивый Княжнинъ;
 Тамъ Озеровъ невольны дани
 Народныхъ слезъ, рукоплесканій
 Съ молодой Семеновой дѣлили;
 Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
 [Эскила] Корнеля Геній величавой,
 Тамъ вывелъ колкой Шаховской
 [Живыхъ] Своихъ комедій шумный рой
 Тамъ и Дидло вѣнчался славой. . . .
 Тамъ, тамъ — подъ сѣнію кулисъ
 Младя днѣ мои неслись.

XIX.

[И ихъ ужъ нѣтъ!] Мои богини! [съ вами] что
 вы, гдѣ вы

Внемлите мой призывный гласъ
 Все тѣ-же ль вы? другія-ль дѣвы
 Смѣнивъ, не [затемнили] замѣнили васъ?
 Услышу-ль [снова] вновь я ваши хоры
 Узрю ли русской Терпсихоры
 [Очаровательный] Душой исполненный полетъ?
 Иль взоръ унылой не найдетъ
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной
 И, устремивъ на чуждой свѣтъ
 [Мой непризнательный] Разочарованный лорнетъ
 [Безмолвно] Веселья зритель равнодушной
 [Я] Безмолвно буду [молча унывать] я зѣвать
 И о быломъ воспоминать?

XX XXII XXIII

. . . . .
 Таким рядом точек заканчивался автографъ, счастли-
 вым обладателем которого был некогда Н. И. Кокшаров.

А. С. ПУШКИН, ПОРТРЕТ РАБОТЫ В. А. ТРОПИНИНА.

Александр Сергеевич Пушкин, 1799 — 1837, — «явление чрезвычайное», «солнце русской поэзии», родился в Москве 26 мая 1799 г. от брака С. Л. Пушкина с Н. О. Ганнибал, внучкой «арапа Петра Великого»; с 1811 по 1817 г. он воспитывался в Царскомесельском лицее; в 1820 г. юный поэт за некоторые вольные стихотворения был сослан на юг и до середины 1824 г. прожил в Кишиневе и Одессе, побывал также в Крыму и на Кавказе. Высланный из Одессы графом М. С. Воронцовым, Пушкин получил приказание жить в Псковском имении, селе Михайловском, где и «провел отшельником два года незаметных». В сентябре 1826 г. поэт был вызван в Москву Николаем I и получил свободу, отданный под надзор шефа жандармов Бенкендорфа. Годы с 1827 по 1830 прошли в разъездах Пушкина с места на место — в Москве, Петербурге и на Кавказе, в Нижегородском имении Болдине. В 1831 г. он женился на Н. Н. Гончаровой. Последний петербургский период жизни поэта завершился дуэлью его с бароном Дантесом-Геккереном. Пушкин скончался 29 января 1837 г. в полном расцвете творческих сил, в разгар своей поэтической и литературной деятельности. Прах его покоится в Святогорском монастыре, в Псковской губ.

Из портретов великого поэта — исполненный Тропининым представляет особенный интерес, как по мастерству исполнения, так и по тому, что долгое время шли споры о местонахождении подлинника. Тропинин писал свой портрет с натуры в 1827 г., в Москве, по заказу

Соболевского, недовольного «приглаженными и припомаженными портретами» и желавшего «сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще... в домашнем его халате, растрепанного, с заветным мистическим перстнем...» Когда портрет был готов, Соболевского уже не было в Москве, и «Тропинин велел уложить портрет и отправить по адресу к заказчику. Укупоркою занялся один бедный живописец, Смирнов, над которым Соболевский позволил себе несколько неосторожно подтрунивать... Смирнов сыграл над Соболевским такую шутку: скопировал портрет довольно недурно и, спрятав оригинал, уложил копию, и она полетела отыскивать хозяина, который, получив портрет, кажется, не вдруг узнал подлог. Верно только то, что эта копия не брошена и очутилась опять в Москве, где впоследствии приобретена за ничтожную цену Н. И. Ш-вым. А подлинник лежал себе да лежал у Смирнова, подвергаясь разным приключениям во время скитаний хозяина по недорогим квартирам». ¹ Когда Смирнов умер, портрет был куплен менялой Волковым, у которого увидел его князь М. А. Оболенский и, справившись предварительно о подлинности его у старика Тропинина, купил его. По рассказу Погодина, Соболевский перед отъездом за границу оставил портрет одному своему приятелю, а тот передал его другому. «У которого-то из них», говорит Погодин, «крепостной живописец выпросил портрет для снятия копии и возвратил не портрет, а копию»; Соболевский, вернувшийся в Москву через 5 лет, это заметил: «копию он бросил, а подлинник очутился у князя М. А. Оболенского». ² Наконец, в 1899 г. на Пушкинскую выставку в Академии

¹ Н. В. Берг. Из рассказов С. А. Соболевского. «Рус. Арх.», 1870, т. I, стр. 192 — 193. Ред.

² Газета Погодина «Русский» 1868 г., № 116. Ср. С. Либрович. Пушкин в портретах... СПб. 1890, стр. 22 — 23. Ред.

Наук М. В. Беэр прислала портрет Пушкина, который считала за подлинник. По словам г-жи Беэр, Соболевский, перед отъездом за границу в 1856 г., просил ее бабушку, Елагину,¹ взять портрет на сохранение, вернувшись, обнаружил подлог и не хотел брать копии; куда девалась эта копия, г-жа Беэр не говорит, но сообщает, что в 1875 г. «портрет» был прислан Елагиной одним лицом. Сопоставляя слова г-жи Беэр с замечанием П. И. Бартенева, что копия с портрета была подарена Соболевскому Елагиными, и что Соболевский многократно выражал желание, чтобы этот экземпляр (т. е. копия) был возвращен Елагиным, — можно сказать, что экземпляр г-жи Беэр (пожертвован ею в Музей Александра III) есть именно копия. При сличении портретов не может быть сомнения, что подлинник принадлежит ныне князю Н. Н. Оболенскому.² О сходстве портрета сохранилось авторитетное свидетельство современника — Н. А. Полевого, который видел его тотчас после его окончания. «Русский живописец Тропинин», писал он в «Московском Телеграфе», «недавно окончил портрет Пушкина. Пушкин изображен *en trois quarts*, в халате, сидящий подле столика. Сходство портрета с подлинником поразительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта. Впрочем, физиономия Пушкина столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее, вместе с тем и так изменчива, выбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о ней истинное понятие».³

¹ Авдотью Петровну.

Ред.

² В настоящее время портрет работы Т., принадлежавший кн. Оболенскому, находится в Третьяковской Галерее; другой же экземпляр, принадлежавший М. Б. Беэр, находится в Пушкинском Доме; по отзыву экспертов, весьма вероятно, что он является не простою копией, но авто-копией, работы самого Т. *Ред.*

³ «Московский Телеграф» 1827 г., ч. 15, № 9, стр. 33 — 34. *Ред.*

ПУШКИН И В. Д. КАРНИЛЬЕВ.

«Карнильевъ прїѣзжалъ раздѣлить горестъ о потерѣ лучшаго изъ людей.»

Эта записка, писанная в 3-м лице крупным почерком, находится с краю той четвертки грубой Гончаровской писчей бумаги (с водяным знаком на другой, оторванной от мервой, четвертке — А. Г. и с жандармскою цифрою 22), на которой набросан черновик 8 — 12 строф стихотворения «В начале жизни школу помню я», датируемого обыкновенно 1830 годом; ¹ эта датировка подтверждается и уточняется, если правильно высказанное нам Б. В. Томашевским предположение (представляющееся, как видим, несомненным), что соблезновательная записка Карнильева вызвана смертью дяди поэта, Василия Львовича Пушкина, скончавшегося, как известно, 20-го августа 1830 г., в Москве, где поэт провел время как раз с 14 по 31-е августа и не только присутствовал на погребении своего дяди в Донском Монастыре, но и распоряжался церемонией; ² относясь к дяде с незлобивой иронией поэт-племянник не мог не ценить его исключительного добродушия и был искренно огорчен смертью старика, к которому определение «лучший из людей», легко может быть применено, особенно если принять во внимание обычное со стороны знакомых преувеличение положительных качеств только что умершего близкого нам человека. . . . Как бы то ни было,

¹ В «Майковском собрании» автографов Пушкина (в Библиотеке Академии Наук).

Ред.

² Л. Майков, Пушкин, стр. 30 — 31.

однострочная записка эта вводит в широкий круг знакомых Пушкина еще одно лицо, до настоящего времени в этот круг не вводившееся, — что побуждает нас несколько распространиться об авторе записки.

Василий Дмитриевич Карнильев ¹ (род 23-го октября 1793, ум. 17-го февраля 1851 г. в Москве) ² был личность незаурядная и пользовался в Москве, которой принадлежал по преимуществу, большою популярностью. Хорошо и издавна с ним знакомый Погодин в своем некрологе Карнильева писал: «Конечно, многие не только в Москве, но и в разных концах России помнят истинно-Русское хлебосольство В. Д. Карнильева. Он не был литератором, но был другом и приятелем многих литераторов и ученых. Наука и Словесность возбуждали в нем искреннее к себе уважение. Во всяком общественном деле, которое касалось пользы Искусства, Науки, Литературы, он был всегда верным, всегда готовым участником, на которого заранее можно было положиться. Всякий деятельный журнал, всякая замечательная современная Русская книга имели в нем усердного чтеца и покупателя. Хлебосольство было для него радостью жизни; гости за столом — весельем, украшавшим его семейное счастье. Если же в числе их хозяин угощал у себя профессора, писателя, художника, то казался еще счастливее. Сам всегда скромный и умеренный в суждениях, он оживлялся их беседою и вкушал ее, как умственную пищу. Семейные его качества ценит его семья, которая осталась после него безотрадною . . .» «Прощай же добрый человек», — писал Погодин в заключение своего некролога: «Мир праху твоему! Благодарим тебя за твою Русскую хлеб-соль, за твой всегда радушный

---

¹ Обыкновенно его фамилию пишут Карнильев; но сам он писал себя Карнильев; с таким же написанием род его внесен и в Родословную книгу Тульского дворянства (см. ниже).

² Московский Некрополь, т. II, стр. 85.

привет гостям, за твою готовность к участию во всяком общественном деле и за твое доброе сердце...»¹ В другом коротеньком некрологе, помещенном в «Московских Ведомостях», автор его, знакомый Карнильева, писал про него: «С сердцем чувствительным соединял он редкое добродушие, снисходительность, примерную кротость и радушное гостеприимство. Ближнему и дальнему в нужде был он всегда готов служить деятельною помощью и усердным советом..., — человек добрый, друг человечества, верный своему призванию».²

По словам барона М. А. Корфа, Карнильев был родом Сибиряк;³ он был родным внуком известного Тобольского I-й гильдии купца Василия Карнильева, который в марте-апреле 1789 г. завел Типографию в Тобольске, где у него была и бумажная фабрика, изделия которой покупались всеми присутственными местами Тобольского наместничества и на изделиях которой печатались все изданные в свет, в конце XVIII столетия, в Тобольске книги и журналы;⁴ так, из первой в Сибири типографии Карнильева вышло первое Сибирское издание — переведенная сосланным в Тобольск П. П. Сумароковым «английская повесть «Училище любви» (1791 г., два издания); в ней же печатался первый Сибирский журнал — «Иртышь, превращающийся в Ипокрену» 1789 г., была отпечатана 12-томная «Библиотека ученая и экономическая» (1793 — 4 г.), «Юридический Словарь» М. Чулкова (1791 г.)

¹ «Москвитянин» 1851 г., ч. II, № 5, март, кн. I, стр. 11.

² 1851 г., № 24, стр. 190 — 191.

³ «Русск. Стар.» 1902 г., № 10, стр. 38; о Тобольских фабрикантах Карнильевых были статьи С. Мамеева в «Тобольских Губ. Вед.» 1889 г., № 48, 49 и 50 и 1890 г. № 12, 13, 21 и 26; нам их видеть не удалось.

⁴ А. А. Дмитриев-Мамонов. Начало печати в Сибири, 3-е изд., С.-Пб. 1900, стр. 3 и след.

и другие книги научно-практического значения; ¹ в 1787 г. Василий Карнильев вместе с другим купцом, Федором Кремлевым, пожертвовал 5 000 рублей на заведение Училищного дома в Тобольске, о чем сохранилось известие в журнале «Зеркало Света» (1787 г., ч. VI, стр. 639); в том же 1789 году, когда В. Карнильев завел в Тобольске типографию, он выступил и как автор, напечатав на своем станке отдельными листами два стихотворения, из которых одно посвятил Епископу Тобольскому Варлааму, а другое — архимандриту Соликамскому Иакинфу; ² стихи написаны были в духе обычных од того времени и не блистали красотами слога, но для автора их (а может быть только издателя) очень характерны, подчеркивая ту любовь к литературе и просвещению, которая, судя по свидетельству Погодина, была отличительною чертою и В. Д. Карнильева (воспитанника Тобольской гимназии), приведшего его в соприкосновение и с Пушкиным. С последним В. Д. Карнильев был знаком, повидимому, еще в послепедагогический период жизни поэта; по крайней мере в 1820 г. он передавал Погодину о том, как однажды «Н. И.

---

¹ Типография закрылась в 1796 г. и открылась вновь в 1804 г., но в 1807 г. закрылась совсем.

² О типографско-издательской деятельности Василия Карнильева см.: А. А. Дмитриев-Мамонов, Начало печати в Сибири, 3-е изд. СПб. 1900; «Тобольские Губернские Ведомости» 1871 г., № 10 (ср. В. Межов, Сибирская библиография, т. III, № 17407); Н. В. Губерти, Материалы для русской библиографии, вып. II, М. 1881, стр. 331 — 334; А. Е. Бурцев, Описание редких российских книг, ч. II, СПб. 1897, стр. 109 — 110 и В. П. Семенников, Библиографич. список книг, напечатанных в провинции — «Русск. Библиоф.» 1912, кн. II, стр. 66, 67 — 70; библиотека его и его брата принадлежала впоследствии И. П. и М. Д. Менделеевым — родителям знаменитого химика, но впоследствии была распродана («Тобольск. Губ. Вед.» 1858 г., № 28, стр. 488, и «Русск. Библиоф.» 1912 г., кн. VI, стр. 33).

Тургенев, быв у Н. М. Карамзина и говоря о свободе, сказал: «Мы на первой станции к ней» и как «молодой» Пушкин подхватил: «Да, в Черной Грязи»; в свою очередь Погодин, еще не знакомый лично с поэтом, в августе 1821 г. сообщал В. Д. Карнильеву про Пушкина: «Говорят, что Кишеневец печатает новую поэму Пленник. Кстати я слышал от верных людей, что он ускользнул к Грекам»;¹ последний слух был неверен, но любопытно то, что Погодин делился им именно с Карнильевым, дружеское расположение к которому сохранял в течение по крайней мере тридцати лет.² В 1869 г. Погодин в письме к князю П. А. Вяземскому вспоминал, как в 1826 г. Карнильев рассказывал ему о чтении Пушкиным «Бориса Годунова» у Вяземских в Москве.³

В «журнале» племянницы Карнильева Е. И. Капустиной читаем следующий любопытный рассказ, свидетельствующий о хорошем знакомстве Карнильева с Сергеем Львовичем Пушкиным и дающий право предполагать о знакомстве его и с Василием Львовичем, смерть которого послужила поводом для приведенной выше записки Карнильева к поэту: «В самый год смерти поэта Пушкина в 1837 году я была с отцом [И. П. Менделеевым] в Москве, где отцу делали глазную операцию. Мы жили у дяди Дмитрия Васильевича Карнильева, брата моей матери. Он жил на Покровке, в доме князя Трубецкого. Дядя жил хорошо, в прекрасной обстановке, у него было большое знакомство, и я встречала там некоторых литераторов, начиная с старца Дмитриева, — Погодина, Фед. Ник. Глинку, Боратынского, Бороздну. У дяди были назначены по вторникам обеды, довольно парадные, и иногда собиралось довольно много в эти дни. Тут я увидела отца Пушкина,

¹ Н. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, кн. I, стр. 68 и 109.

² Там же, стр. 77, 81 и кн. X, стр. 113.

³ «Старина и Новизна», кн. IV, стр. 97.

как часто видела и брата поэта Козлова. Первое время, когда Пушкин был еще жив и когда меня познакомили с Сергеем Львовичем, я его спросила, не ждет ли он к себе сына из Петербурга. — «Не думаю, чтоб он скоро приехал», — было ответом. А вскоре получилась и ужасная весть о его кончине. Понятно, что тогда, вероятно, всякий был занят этой грустной историей; у нас же в доме [т. е. у В. Д. Карнильева] она отразилась на всем, — кажется ни о чем более не говорилось, как об этом. Дядя, понятно, навещал старика и привозил от него подлинные письма к нему Жуковского, Вяемского, — и всё это читалось у нас вслух. В один из вторников Ф. Н. Глинка привез свои стихи на смерть поэта, где часто упоминалось: «А рок его подстерегал». После обеда жена Федора Николаевича, Авдотья Павловна читала их вслух... Читал у дяди стихи и Бороздна. Я живо помню высокую, видную фигуру Бороздны. Он был малоросс, богатый помещик, добрый и внимательный. Он был часто мой кавалер, — когда шли к обеду, он почти всегда подавал мне свою руку. Летом (1837 г.) мы жили в Сокольниках, и опять по вторникам старик Сергей Львович ездил к нам, и иногда на мою долю приходилось занимать его. Раз он приехал, когда тетка была еще не одета к обеду, а дядя не приехал из конторы; ¹ я просила его погулять в сад и должна была разговаривать с ним, но как он был глух, то и надо было говорить громко, что было утомительно. Потом к осени уже он приехал проститься, отправляясь в деревню, чтобы повидать жену и детей Александра Сергеевича. В этот раз я помню грустный случай. За день или за два дядя привез из Москвы большой бюст А. С. Пушкина и поставил его в гостиной на тумбочку. Сергей Львович не обратил на него внимания и сел, но вдруг увидел бюст, встал, подошел к нему,

---

¹ Именней князей Трубецких, которыми управлял.

обнял и зарыдал. Мы все прослезились. Это не была аффектация, это было искреннее чувство его, и потому в памяти моей сохранилось о старике только сожаление из-за его потери такого сына...»¹

Е. И. Капустина передает еще, что, кроме названных писателей, у В. Д. Карнильева бывали еще супруги Н. Ф. и К. К. Павловы.² Из других лиц литературного мира известно о знакомстве В. Д. Карнильева с И. Е. Бецким — издателем альманаха «Молодик» (1843 г.),³ с князем П. А. Вяземским, которого он, в числе других, чествовал обедом в октябре 1850 г.,⁴ с профессором-археологом И. М. Снегиревым, который очень часто упоминает Карнильева на страницах своего Дневника 1840-х гг., с профессором С. П. Шевыревым, с художником-скульптором Н. А. Рамазановым, А. И. Кошелевым, художником П. А. Федотовым,⁵ с близкой к семье Аксаковых Е. И. Поповой, которая в своем Дневнике несколько раз упоминает о «добродушном» Карнильеве, рассказывая об участии его в ее личных делах, о его болезни и смерти от «водяной в груди»;⁶ наконец, следует отметить еще Лицейского товарища Пушкина — статс-секретаря барона М. А. Корфа; он называет Карнильева своим «испытанным, тридцатилетним другом», человеком «честным, добросовестным,

¹ Памяти Д. И. Менделеева. Семейная хроника в письмах..., СПб. 1908, стр. 155 — 157; здесь же, стр. 157 — 160, рассказы об отце В. Д. Карнильева — Дмитрие Васильевиче — и его портрет, а также некоторые упоминания о В. Д. Карнильеве. Ср. «Пушкин и его время.» вып. VIII, стр. 87 — 88.

² Памяти Д. И. Менделеева, стр. 150.

³ Н. Барсуков, жизнь и труды Погодина, VII, стр. 136 — 7.

⁴ Там-же, кн. XI, стр. 166.

⁵ Дневник И. М. Снегирева, М. 1904, pass.

⁶ Дневник Е. И. Поповой, под ред. П. Е. Щеголева и кн. Н. В. Голицына, СПб. 1911, стр. 220, 227; «Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 523.

правдивым»; ¹ по просьбе Корфа, Карнильев, для выяснения некоторых вопросов, связанных с ссылкой Сперанского в 1812 году, сносился с известным автором Записок Я. И. де-Сангленом, с которым состоял в «близкой дружбе». ² Со Сперанским Карнильев был знаком, несомненно, и лично, так как 7-го июля 1812 г. начал службу в Департаменте Министерства Юстиции, а с 15-го декабря 1817 г. до 28-го февраля 1819 г. состоял регистратором в Общей Канцелярии Министерства. ³ Есть указание, что он «прокатился в Сибирь при Сперанском за чином»; ⁴ действительно с 3-го марта 1822 года он служил в родном Тобольске — советником в Уголовной Палате, уже в чине коллежского assessора, но уже после отъезда Сперанского из Сибири, при генерал-губернаторе П. М. Капцевиче, ⁵ а с 2-го января 1823 г. до 29-го августа 1825 г. — млад-

---

¹ «Русск. Стар.» 1902 г., № 2, стр. 505, в статье: «Деятели и участники в падении Сперанского» и № 10, стр. 38 в статье И. А. Бычкова: «М. М. Сперанский, генерал-губернатор в Сибири».

² Там-же, стр. 503, 505, 507.

³ Формулярный список в Архиве б. Департамента Герольдии.

⁴ Н. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, кн. X, стр. 113; служащие в Сибири могли получать штаб-офицерский чин коллежского assessора и не имея Университетского диплома, и потому многие стремились туда на службу только за этим; см. Барон М. А. Корф, Жизнь графа Сперанского, т. II, СПб. 1861, стр. 209 и примеч.; действительно, на надписи надгробного памятника значится, что В. Д. Карнильев был коллежским assessором; на памятнике его изображен и герб (Московский Некрополь, т. II, стр. 85); чин этот дал ему права дворянства, и он записался в III часть Родословной книги Тульской губернии вместе с женой и 5 дочерьми (В. И. Чернопятов, Тульский родословец, ч. III, стр. 67).

⁵ Формулярный список и Месяцеслов на 1823 г., ч. II, стр. 282; до того, с 7-го мая 1819 по 1-е мая 1820 г. Карнильев служил секретарем при Астраханском Гражданском Губернаторе И. Я. Бухарине, а с 1-го сентября числился в Департаменте Министерства Юстиции (Формулярный список).

шим советником в Tobольском же Губернском Суде; ¹ выйдя в отставку, еще холостым, он осенью 1826 г., как мы видели из письма Погодина к Вяземскому, жил уже в Москве; здесь он и женился (на Надежде Осиповне N) и прожил в течение четверти века, состоя главным управляющим дел и имений друзей своих князя И. Н. и княгини Е. А. Трубецких (к которым так близок был Погодин), а потом занимаясь откупамн, и передав управление своим Tobольским стеклянным заводом своей сестре М. Д. Менделеевой; ² был он, повидимому, не честолюбив: по крайней мере мы не нашли его в списках членов тогдашних ученых обществ Москвы, в которые так охотно шел тогда всякий, кто был хоть немного прикосновен к научным кругам, — а мы видели, что по связям своим Карнильеву было легче, чем кому-либо другому, украсить почетными званиями члена разных ученых объединений, начиная с Московского Общества Истории и Древностей Российских...

В заключение приведенных нами сведений о В. Д. Карнильеве следует еще сказать, что сестра его — Мария Дмитриевна, — бывшая замужем за учителем Tobольской Гимназии И. П. Менделеевым, — была матерью знаменитого впоследствии профессора-химика Д. И. Менделеева. В письмах своих к родным, напечатанных в цитированной уже книге «Памяти Д. И. Менделеева. Семейная хроника в письмах...» (С.-Пб. 1908), М. Д. Менделеева много раз упоминает о своем брате, с которым была очень близка; ³ в той же книге опубликовано и 5 писем самого В. Д. Кар-

---

¹ Месяцеслов на 1825 г., ч. II, стр. 293 и формулярный список.

² Памяти Д. И. Менделеева. Семейная хроника в письмах..., СПб. 1908, стр. 4 — 5.

³ Памяти Д. И. Менделеева. Семейная хроника в письмах, СПб. 1908, стр. 10, 11, 12, 15, 21, 22, 24, 26, 28, 29, 30, 31, 35, 36, 37 и сл., 94.

нильева к племяннице Е. И. Капустиной, рожд. Менделеевой, из Москвы за 1838—1844 гг.;¹ в одном из них он с гордостью упоминает, по поводу прочитанной им книги своего земляка и знакомого, известного П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (кн. I, М. 1838), что его «вредки «первые начали возводить фабрики в Тобольске — бумажную и хрустальную», и что «Типография заведена в 1787 году² в одно время с Франклином в Америке».³

---

¹ Стр. 134 — 139.

² Чит. 1789. О стеклянной фабрике Карнильева см. во 2-ой книге сочинения Словцова, С-Пб. 1844, стр. 353.

³ Заметка эта была написана еще в 1922 г., когда автору не были известны напечатанные выше материалы архива С. М. Дельви-Боратынской, — в том числе и помещенное на стр. 228 письмо А. А. Дельвига к В. Д. Карнильеву. Последнее обстоятельство, увеличивая круг литературных знакомых Карнильева именем Дельвига, позволяет думать, что и записка Карнильева к Пушкину написана по поводу смерти не В. Л. Пушкина, но именно А. А. Дельвига (14 января 1831 г.).

Ред.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН. ¹

- Авдеев, Михаил Васильевич — 323.
фон-Адеркас, Борис Антонович — 346,
— 349.
Аивазовский, Иван Константинович —
393.
Аксаков, Иван Сергеевич — 62.
— Сергей Тимофеевич — 320, 403.
Аксакова, Вера Сергеевна — 320, 321.
Аксаковы — 429.
Акулова, Барвара Алексеевна — 370.
Александр I — 76, 82, 83, 86, 93, 128,
138, 158, 159, 185, 337, 341, 345, 346,
363, 372.
Александр II — 284, 335, 362, 363.
Алферовский, Илья Иванович — 225.
Алябьев, Александр Александрович —
158, 159.
Апичков, Владимир Иванович — 144.
Анненков, Иван Васильевич — 72, 279,
282—287, 291, 304—308, 310, 323,
336, 381—390, 392—396.
— Павел Васильевич — 12, 33, 36,
37, 55—57, 63, 71, 72, 78, 79, 275—
396, 401, 406, 409, 413—415.
— Федор Васильевич — 282, 284,
286, 290, 336, 381, 383, 389, 390—392,
395.
Апраксина, гр. Екатерина Владими-
ровна, р. кня. Голицына — 339.
Арацеев, гр. Алексей Андреевич —
155, 184, 337.
Арапетов, Иван Павлович — 323.
Арапова, Александра Петровна, р.
Ланская — 283.
Арендт, Николай Федорович — 203.
Артемьев, Николай Алексеевич —
78.
Архарова, Екатерина Александровна,
р. Римская-Корсакова — 343.
Д'Аршиак, виконт — 378—381.
Афанасьев, Александр Николаевич —
115, 116, 118, 120.
Ахматовы — 241.
Байрон — 69, 327, 373.
Бальзак — 270.
Бантыш-Каменский, Дмитрий Нико-
лаевич — 47, 56, 70, 77, 313.
Барсуков, Николай Платонович — 122,
287, 290, 296, 322, 335, 404, 427, 430.
Баргнев, Петр Иванович — 12, 20,
71, 277—279, 287—290, 294, 305—317,
341, 344, 420.
Батурин, Федор Герасимович — 158,
159.
Батурина, Екатерина Ивановна, р. До-
рохова — 158.
Батюшков, Константин Николаевич —
22, 157, 406.
Бахметев, Михаил Иванович — 312.
Бахтурин, Константин Александрович
— 370.
Бахтурины — 200.
Башлов, Александр — 370.
Безобразов, Михаил Александрович —
363.
Бекетов, Андрей Николаевич — 273.
Бекетова, Елизавета Григорьевна, р.
Катенина — 271, 273.
Беклешов, Петр Николаевич — 37.
Беклешова, Александра Ивановна, р.
Осипова — 37, 351, 373.
Белинский, Виссарион Григорьевич —
67, 71, 121, 122, 299, 330, 407, 408.
Бенкендорф, гр. Александр Христофо-
рович — 94, 138, 251, 283, 377, 418.
Берг, Николай Васильевич — 283, 419.
Бестужев, Александр Александрович
(А. Марлинский) — 127, 160, 184,
371.
Бестужев-Рюмин, Алексей Петрович —
49, 53.
— Константин Николаевич — 320.
Бецкий, Иван Егорович — 427.
Безр, Мария Васильевна — 419, 420.
Благоусветлов, Григорий Евлампиевич —
121.
Бланк, Борис Карлович — 343.
Блок, Александр Александрович — 273.
— Александра Андреевна, р. Бе-
кетова — 273.
Бомарше, Пьер Карон — 403, 409.

¹ В указатель вошли не все личные имена, а лишь главные; исключены второстепенные и случайные, а также имена представителей родов Пушкиных и Ганибалов, упоминаемые в статье «Род Пушкиных». Указатель составлен сотрудниками Пушкинского Дома П. М. Зиссерманом и С. П. Шестериковым.
Ред.

- Боратынская, Александра Федоровна, р. Черепанова — 262, 265, 268.
— Анастасия Львовна, р. Энгельгардт — 194, 196, 269—271.
— Софья Михайловна — см. бар. Дельвиг.
— Софья Сергеевна — 271.
- Боратынский, Евгений Абрамович — 68, 97, 127, 132, 141, 172, 194, 196, 228, 231, 237, 269—272, 361, 370, 425.
— Сергей Абрамович — 127, 262—266, 268, 270.
- Бородина, Екатерина Андреевна — см. Шостак.
— Мария Андреевна — см. кн. Гагарина.
— Софья Львовна, р. Давыдова — 338.
- Бороздна, Иван Петрович — 425, 426.
- Босвель, Яков — 326, 327.
- Боткин, Василий Петрович — 323, 385, 386, 390, 393.
- Бошняк, Александр Карлович — 92, 350, 351.
- Браницкая, гр. Александра Васильевна, р. Энгельгардт — 84.
- Брюллов, Карл Павлович — 369, 370.
- Булгарин, Фаддей Венедиктович — 62, 215, 316, 357, 378.
- Бурцева, Надежда Петровна — 313.
- Буслаев, Федор Иванович — 297.
- ди-Бутера, кн. Варвара Петровна, р. гр. Полье — 352.
- Бутурлин, Алексей Павлович — 250.
- Бутурлина, Ольга Павловна, р. гр. Сухтелен — 250.
- Бухарин, Иван Яковлевич — 428.
- Бухгейм, Лев Эдуардович — 115, 279, 281.
- Валуев, гр. Петр Александрович — 375.
- Валуева, гр. Мария Петровна, р. кн. Вяземская — 374.
- Васильчиков, кн. Илларион Васильевич — 337.
- Васильчинова, Александра Ивановна, р. Архарова — 343, 376.
- Ваттемар, Александр — 365.
- Великопольский, Иван Ермолаевич — 8, 201—204.
- Вельтман, Александр Фомич — 70, 295.
- Вельяшева, Екатерина Васильевна — см. Жандр.
- Венгеров, Семен Афанасьевич — 8—11, 85, 103, 107, 151, 280, 281, 332, 333.
- Веревкин, Михаил Иванович — 115.
- Веселовский, Исаак Павлович — 49.
- Вигель, Филипп Филиппович — 80, 85, 91, 316, 372.
- Видьгорский, гр. Михаил Юрьевич — 377, 393.
- Виллие, баронет Яков Васильевич — 158.
- де-Виньи, Альфред — 107.
- Виртембергская, герц. Мария — 260.
- Виртембергский, герцог Александр-Фридрих — 260.
- Витгенштейн, кн. Петр Христианович — 402.
- Вишневские — 247.
- Владиславич-Рагузинский, гр. Савва — 48, 50, 51.
- Воейков, Александр Федорович — 30, 100, 166, 406.
- Воейкова, Александра Андреевна, р. Протасова — 166, 182.
- Волков, меняла — 419.
- Волковы — 137.
- Волконская, кн. Аграфена Петровна, р. Бестужева-Рюмина — 49—52.
— кн. Елена (Елизавета?) Григорьевна — см. Хилкова.
— кн. Зинаида Александровна, р. кн. Белосельская-Белозерская — 339.
— кн. Мария Николаевна, р. Равевская — 338.
- Волконский, кн. Сергей Григорьевич — 338.
- Вольянский, Артемий Петрович — 109, 110, 112, 116—118.
- Вольсей, Петр Петрович — 90.
- Вольтер — 35, 403, 406, 407, 409.
- Вольф — см. Вульф.
- Вольховский, Владимир Дмитриевич — 177, 178, 181, 191, 193, 196.
- Воронцов, гр. Александр Романович — 35.
— гр. Артемий Иванович — 313.
— кн. Михаил Семенович — 13, 78—91, 93, 133, 134, 346, 418.
- Воронцова, гр. Александра Михайловна — 85, 91.
— кн. Елизавета Ксавериевна, р. гр. Браницкая — 70, 80, 87—90.
- Востоков, Александр Христофорович — 299.
- Вревская, бар. Евпраксия Николаевна, р. Вульф — 351, 368, 373.
- Вревский, бар. Борис Александрович — 373.
— бар. Павел Александрович — 373.
- Времов, Тимофей — 159.
- Всеволожский, Никита Всеволодович — 342, 352, 360.
- Второв, Иван Алексеевич — 214, 215.
- Вульф, Алексей Николаевич — 14, 70, 216, 230, 231, 272.
— Анна Николаевна — 351, 373.
— Евпраксия Николаевна — см. бар. Вревская.
— Екатерина Ивановна — см. Полторацкая.
— Екатерина Николаевна — см. Фок, Екатерина Ивановна.
— Иван Иванович — 373, 374.
— Мария Ивановна — см. Осипова.
— Николай Иванович — 373, 374.
— Павел Иванович — 373, 374.
— Прасковья Александровна — см. Осипова.
— Фридерика Ивановна — 374.
- Вульфы (Вольфы) — 70, 351, 359, 373, 374.
- Вяземская, кн. Вера Федоровна, р. кн. Гагарина — 70, 87—89.

- Киреева, Александра Васильевна, р. Алябьева — 409, 410.
 Киселев, Павел Дмитриевич — 82.
 Клеймихель, семья — 135, 153.
 — Анна Францовна, р. Ришар — 142, 175.
 — Варвара Александровна, р. Коюшкина — 141, 142.
 — гр. Петр Андреевич — 142.
 Княжнин, Яков Борисович — 417.
 Козлов, Иван Иванович — 156, 166, 182, 426.
 Козловский, кн. И. — 113.
 Кокшаров, Николай Иванович — 415, 417.
 Колиер, Пен — 297.
 Кольцов, Алексей Васильевич — 369.
 Комовский, Сергей Дмитриевич — 295.
 Кони, Анатолий Федорович — 12, 99.
 — Федор Алексеевич — 99.
 Кононов, Александр Акинфович — 343.
 Коншин, Николай Михайлович — 114.
 Копьева, Александра (Михайловна?) — 130, 161.
 Корнильевы — см. Карпильевы.
 Корф, гр. Модест Андреевич — 295, 423, 427, 428.
 Корш, Евгений Федорович — 323.
 Кочубей, кн. Мария Васильевна, р. Васильчиковна — 339.
 Кочубей, гр. Наталья Викторовна — см. гр. Строганова.
 — гр. Виктор Павлович — 213.
 Копелев, Александр Иванович — 427.
 Краевский, Андрей Александрович — 369.
 Красовский, Александр Иванович — 365.
 Кремлев, Федор — 424.
 Кривцов, Николай Иванович — 268, 269, 372.
 — Сергей Иванович — 269, 372.
 Кривцова, Екатерина Федоровна, р. Вадковская — 268, 269, 372.
 Крылов, Иван Андреевич — 141, 299, 407.
 Кукольник, Нестор Васильевич — 70, 364, 377.
 Куломзина, Маргарита Васильевна — 193.
 Курочкин — 201.
 Курочкина, Екатерина, р. Маркович — 201.
 Кутайсовы — 135, 163.
 Кюхельбекер, Вильгельм Карлович — 127, 131, 132, 184, 185, 342.
 — Ульяна Карловна — 342.
 — Юстина Яковлевна, р. Ломен — 342.
 Ланжечников, Иван Иванович — 12, 95—122.
 Ланьер, Ольга Петровна, р. Плетнева — 133.
 Ланской, Василий Сергеевич — 93.
 — Петр Петрович — 282—294, 382, 383, 388, 394.
 Лебедев, Кастор Никифорович — 120.
 Левашовы — 245, 247.
 Левшин, Алексей Ираклиевич — 90.
 Лео, Генрих — 294.
 Лермоигов, Михаил Юрьевич — 410.
 Лернер, Николай Осипович — 81, 107, 278, 334, 400.
 Ли, доктор — 91.
 Ливен, кн. Карл Андреевич — 241 (министр просвещения).
 Липранди, Иван Петрович — 78, 79, 85, 86, 338.
 Литта, гр. Юлий Помпеевич — 363.
 Лихарев, Владимир Николаевич — 339.
 Лихарева, Екатерина Андреевна — см. Шостака.
 Лобанов, Михаил Евстафиевич — 182.
 Лобанова, Александра Антоновна, р. Бароши-ди-Эльса — 182.
 Локк, Джон (?) — 337.
 Ломоносов, Сергей Григорьевич — 160.
 Лонгинов, Михаил Николаевич — 71, 84, 85, 91, 115, 122, 241, 281, 289, 299, 321, 330.
 — Николай Михайлович — 84, 85, 90, 93.
 Лоскутов, книгопродавец — 283.
 Луковкин, моряк — 135, 138.
 Маврин, Семен Филиппович — 257.
 — Семен Семенович — 49.
 Маевский, Николай Сергеевич — 144.
 Майков, Аполлон Николаевич — 323.
 — Леонид Николаевич — 7, 8, 14, 202, 278, 280, 287—289, 295, 297, 323, 329, 330, 335, 336, 340, 406, 415, 421.
 Максимович, Михаил Александрович — 109.
 Малиновский, Василий Федорович — 340.
 Мария Павловна, вел. кн. — 138.
 Марков-Виноградский, Александр Васильевич — 37.
 Массон, Ольга — 340.
 Матюшкин, Федор Федорович — 295.
 Менделеев, Дмитрий Иванович — 424, 427, 429.
 — Иван Павлович — 424, 425, 429.
 Менделеева, Мария Дмитриевна, р. Карпильева — 424, 429.
 Мерзляков, Алексей Федорович — 343.
 Мериме, Проспер — 294, 297.
 Милорадович, гр. Михаил Андреевич — 337.
 Михайлов, Михаил Илларионович — 323.
 Мипкевич, Адам — 342.
 Молоствов, Памфамир Христофорович — 336.
 Мордвинов, гр. Николай Семенович — 402.
 Морозов, Петр Осипович — 56, 399, 400, 401, 402, 407.
 Мопарт, Амедей — 97.
 Мур, Томас — 327, 412.
 Муравьев, Михаил Валерьянович — 11, 12, 20.
 Муравьев-Апостол, Иван Матвеевич — 406.

- Мусин-Пушкин, Михаил Николаевич — 302.
— Федор Матвеевич — 142.
- Мусина-Пушкина, гр. Александра Осиповна, р. Рипар, по 1-му браку Геннингс — 135, 141—143, 151, 159, 175, 183, 200, 206, 250.
- Нарышкин, Дмитрий Львович — 161, 237, 364.
- Напокин, Павел Воинович — 68, 70, 287, 289, 341, 357, 358, 360, 369, 370, 375, 376.
- Некрасов, Николай Алексеевич — 292, 304, 317, 320, 323, 382, 384—386, 390, 391, 393.
- Нелединский-Мелецкий, Юрий Александрович — 340.
- Нератова, Фавста Ермолаевна, р. Великопольская — 201—204.
- Нессельроде, гр. Карл Васильевич — 80—86, 345—347.
— гр. Мария Дмитриевна, р. Гурьева — 342.
- Никитенко, Александр Васильевич — 290.
- Николай I — 77, 92—94, 128, 184, 185, 199, 241, 283, 285, 290, 303, 323, 342, 347—350, 355, 363, 366, 385, 388, 395, 418.
- Николь, Доминик, аббат — 29, 353.
- Никольский, Аполлон Александрович — 165.
- Новомленский, студент — 364.
- Норов, Авраам Сергеевич — 135—137, 161, 162, 285, 300, 302, 303.
- Носов, Алексей Гаврилович — 339.
- Оболенский, кн. Михаил Андреевич — 419, 420.
— кн. Николай Николаевич — 420.
- Обольяниновы — 139.
- Огонь-Догановская, Екатерина Николаевна, р. Потемкина — 245.
- Огонь-Догановский, Василий Семенович — 245.
- Одоевский, кн. Владимир Федорович — 98, 381.
- Окуневы — 249—250.
- Орлов, секретарь Нарышкина — 161, 237.
- Орлов, кн. Алексей Федорович — 285, 302.
— Михаил Федорович — 338, 369.
— кн. Николай Алексеевич — 393.
— Федор Федорович — 339.
- Орлов-Давыдов, гр. Владимир Петрович — 338.
- Орлова, Анна Афиногеновна, р. Елагина — 161, 236, 237.
— Екатерина Николаевна, р. Раевская — 338.
- Орлова-Чесменская, гр. Анна Алексеевна — 138.
- Осипов, Иван Сафонович — 373.
- Осипова, Александра Ивановна — см. Веклешова.
— Екатерина Ивановна — см. Фок.
- Осипова, Мария Ивановна — 37, 373 (Мария Николаевна Вольф).
— Прасковья Александровна, р. Вышломская, по 1-му браку Вульф — 24, 60, 352, 373, 374.
- Остафьев, А. Н. — 215.
- Остерман (-Толстая, гр. Елизавета Алексеевна, р. кн. Голицына ?) — 209.
- Остерман-Толстой, гр. Александр Иванович — 100, 101, 106.
- Павел I — 117, 363.
- Павлицев, Николай Иванович — 268, 288, 305, 307—317, 322, 323.
- Павлицева, Ольга Сергеевна, р. Пушкина — 68, 75, 92, 143, 144, 151, 193—195, 201, 268, 288, 301, 305—317, 365, 372, 411.
- Павлов, Николай Филиппович — 340, 427.
- Павлова, Каролина Карловна, р. Яшиш — 427.
- Панаев, Иван Иванович — 121, 317, 323.
- Панаева, Авдотья Яковлевна — см. Головачева.
- Панин, Валерьян Александрович — 24.
- Пассек, Мария Сергеевна, р. Волчукова, по 1-му браку Салтыкова — 133, 235, 265.
— Петр Петрович — 132, 133.
— Татьяна Петровна, р. Кучина — 121, 129, 130, 132.
- Пауллучи, маркиз Филипп Осипович — 87, 345—347.
- Перовский, Алексей Алексеевич — 370.
— гр. Василий Алексеевич — 340.
- Петр I — 26, 27, 34, 41, 42, 48, 49, 55, 112, 113, 116, 119, 209, 365, 371, 418.
- Петрова, Екатерина Петровна — 133.
- Пещуров, Алексей Никитич — 152, 153.
- Пещурова, Елизавета Христофоровна, р. Комнено — 152, 153.
- Писемский, Алексей Феофилактович — 323.
- Плетнев, Петр Александрович — 14, 68—70, 77, 89, 97, 126, 127, 130—134, 139, 140, 145—148, 150, 153—156, 159, 160, 162—163, 173, 175, 176, 178, 182, 183, 186, 187, 189, 192, 195, 197, 231, 234, 244, 252, 256, 258, 279, 281, 289, 290, 294, 295, 298, 299, 319, 384, 386, 388, 391, 393.
- Плетнева, Ольга Петровна — см. Лакшер.
— Степанида Александровна, р. Раевская — 187, 234, 244.
- Погодин, Михаил Петрович — 68, 122, 228, 279, 287—290, 295, 296, 316, 321, 322, 335, 404, 419, 422, 424, 425, 428, 429.
- Поджио, Иосиф Владимирович — 339.
— Мария Андреевна — см. кн. Гагарина.
- Полевой, Ксенофонт Алексеевич — 404, 405.

- Полевой, Николай Алексеевич — 227, 228, 242, 402—407, 420.
- Полетика (Надежда Николаевна, р. Маслова по 2-му браку Ланская?) — 135.
- Петр Иванович — 161, 179, 207.
- Полянск, кн. Жюль-Огюст — 354.
- Полонский, Яков Петрович — 323.
- Полторацкая, Екатерина Ивановна, р. Вульф — 234, 374.
- Полторацкий, Петр Маркович — 234, 374.
- Сергей Дмитриевич — 71, 295, 401.
- Поморский, актер — 153.
- Пономарева, Софья Дмитриевна, р. Позняк — 198.
- Попов, Михаил Максимович — 283.
- Попова, Елизавета Ивановна — 427.
- Потапов, Алексей Николаевич — 349, 350.
- Прахов, Адриан Викторович — 399.
- Прац, Эдуард — 304.
- Пугачев, Емельян — 21, 108, 362, 365.
- Пушкин, Александр Александрович — 47, 291, 363, 366.
- Алексей Михайлович — 22, 285.
- Василий Львович — 21, 22, 24, 31, 32, 55, 87, 238, 344, 367, 407, 421, 425, 430.
- Лев Александрович — 28, 29—32, 36, 353.
- Лев Сергеевич — 47, 68, 70, 143, 174, 182, 186, 188, 203, 208, 288, 301, 314, 315, 319, 351, 364, 365.
- Сергей Львович — 22, 24, 30—33, 35—37, 68, 71, 92, 134, 143, 207, 238, 313, 342, 351, 353, 355, 365, 366, 418, 425—427.
- Пушкина, Надежда Осиповна, р. Ганнибал — 33, 35, 36, 47; 57—59, 75, 76, 92—94, 143, 193, 207, 215, 313, 342, 343, 418.
- Наталья Николаевна, р. Гончарова, по 2-му браку Ланская — 12, 29, 42, 104, 282—284, 286, 291, 301, 342, 351—371, 374—377, 379, 382, 383, 390, 394, 395, 400, 401, 410, 418, 426.
- Ольга Сергеевна — см. Павличева.
- Пушкины — 17—64, 143, 193, 195, 207.
- Пушин, Иван Иванович — 70, 323.
- Михаил Иванович — 335.
- Пышин, Александр Николаевич — 304, 333, 334.
- Раевская, Екатерина Николаевна — см. Орлова.
- Мария Николаевна — см. кн. Волковская.
- Раевский, Александр Николаевич — 80, 82, 89, 369.
- Николай Николаевич мл. — 61, 360.
- Николай Николаевич ст. — 338.
- Раич, игрок — 159.
- Раль, бар. Федор Александрович — 149, 150.
- Рамазанов, Николай Александрович — 427.
- Раупах, Эрнст-Вениамин — 210.
- Рухманов, Николай Федорович — 163, 164, 185.
- Рахманова, Анна Александровна, р. Лопухина — 163—165.
- Анна Владимировна, р. гр. Васильева — 163.
- Рахмановы — 165—168.
- Ремер, Николай Федорович — 363 (Р.).
- Репнины, кн. — 213.
- Римская-Корсакова, Мария Ивановна, р. Наумова — 339.
- Ричардсон, Самуил — 107, 413.
- Ришар, Иосиф Францович — 142.
- Родзевич, Мария Антоновна, р. бар. Дельвиг — 189.
- Розанов, Николай Иванович — 405.
- Россет, Клементий Осипович — 377.
- Руссо, Жан-Жак — 133, 205, 243, 248, 249.
- Рылеев, Кондратий Федорович — 61, 117, 127, 141, 156, 161, 184, 371.
- Рыльева, Анна Федоровна — 371.
- Рычков, Петр Иванович — 108, 109.
- Сабуров, Яков Иванович — 336, 337, 371, 372.
- Салтыков, Александр Михайлович — 244, 267.
- Владимир Михайлович — 264, 267.
- Лев Михайлович — 244, 267.
- Михаил Александрович — 126, 133, 141, 149, 153, 156, 157, 166—171, 174, 178—180, 183, 189, 204—206, 216, 232, 234, 235, 237—240, 243—247, 255—258, 260, 261, 264—268.
- Михаил Михайлович — 149, 183, 189, 204, 216, 244, 245, 247, 267.
- Сергей Васильевич — 381.
- Салтыкова, Елизавета Францовна, р. Ришар — 127, 142, 265, 271.
- Луиза Яковлевна, р. Гружевская — 183, 204, 216, 244, 245, 267.
- Софья Михайловна — см. Дельвиг.
- Самойлов — 340.
- де-Санглен, Яков Иванович — 428.
- Сапожников, Дмитрий Иванович — 280.
- Свистунов, Алексей Николаевич — 363.
- Свистунова, Надежда Львовна, р. гр. Соллогуб — 363.
- Себастиани, Аглия Антоновна, р. герц. де-Граммон, по 1-му браку Давыдова — 338.
- Северин, Дмитрий Петрович — 87, 88.
- Семенов, Александра Николаевна — см. Карелина.
- Екатерина Семеновна, по мужу кн. Гагарина — 153, 417.
- Сенковский, Осип Иванович — 111, 378.
- Сенявин, Иван Григорьевич — 84.
- Сивере, Александр Александрович — 13, 82, 92.
- Сиркур, гр. Адольф — 367.

- Сиркур, гр. Анастасия Семеновна, р. Хлюстина — 367.
 Сисмонди, Жан-Шарль — 294.
 Скобелев, Иван Никитич — 89.
 Скотт, Вальтер — 98, 99, 107, 120, 186, 367, 407.
 Стенин, Иван Васильевич — 190, 236, 237.
 Смирдин, Александр Филиппович — 340, 377.
 Смирнов, Николай Михайлович — 363.
 — художник — 419.
 Смирнова, Александра Осиповна, р. Россет — 70, 299, 300, 363, 413.
 Снегирев, Иван Михайлович — 403, 427.
 Соболевский, Сергей Александрович — 68, 70, 289, 290, 310—317, 321, 339, 343, 359, 364, 365, 393, 419—420.
 Соколов, Иван Алексеевич — 93.
 — Павел Петрович — 291.
 Соллогуб, гр. Александр Иванович — 380.
 — гр. Владимир Александрович — 113, 374—381.
 — гр. Надежда Львовна — см. Сви-
 стунова.
 — гр. Софья Ивановна, р. Архаро-
 ва — 140.
 Соловьев, унтер-офицер — 158.
 Соломирский, Владимир Дмитриевич — 141, 200, 204.
 Сомов, Орест Михайлович — 242, 257.
 Сонцов, Матвей Михайлович — 33, 245.
 Сонцова, Елизавета Львовна, р. Пуш-
 кина — 31, 33, 245.
 Сорохтин, студент — 364.
 Сперанский, гр. Михаил Михайлович — 428.
 Срезневский, Исаи́л Иванович — 299.
 Станкевич, Александр Владимирович — 330.
 — Николай Владимирович — 121, 122.
 Старчевский, Альберт Викентьевич — 121.
 Стасюлевич, Михаил Матвеевич — 332.
 Стерн, Лауренс — 10, 107, 344, 397, 411—413.
 Стрекалов — 388.
 Строганова, гр. Наталья Викторовна, р. гр. Кочубей — 341.
 — гр. София Владимировна, р. кн. Голицына — 339.
 Стройновская, гр. Екатерина Алексан-
 дровна — см. Зурова.
 Стурдза, Григорий Дмитриевич — 338.
 Судзенко, Михаил Осипович — 360.
 Сумароков, Панкратий Платонович — 423.
 Сухтелен, гр. Варвара Дмитриевна, р. гр. Зубова — 250.
 — гр. Павел Петрович — 250.
 Тарасенко-Отрешков, Наркиз Ивано-
 вич — 359.
 Тешпер-де-Фергюссон, бар. — 340.
 Титов, Николай Алексеевич — 142.
 Титова, девица — 141, 142.
 Толстая, гр. Сарра Федоровна — 370.
 Толстой, гр. Алексей Константинович — 323.
 — гр. Варфоломей Васильевич — 340.
 — гр. Лев Николаевич — 335.
 — гр. Федор Иванович — 339, 400.
 — Яков Николаевич — 8.
 Томашевский, Борис Викторович — 278, 334, 421.
 Тредьяковский, Василий Кириллович — 109, 110, 112, 120.
 Тропинин, Василий Андреевич — 10, 418—420.
 Трубецкая, кн. Екатерина Алексан-
 дровна, р. Мансурова — 429.
 Трубецкие, кн. — 426.
 Трубецкой, кн. Иван Дмитриевич — 425, 429.
 Трувеллер, Анна Ивановна, р. Вульф — 351, 368, 373, 374.
 Туманский, Василий Иванович — 85, 86, 140, 252.
 Туманский, Федор Антонович — 182.
 Тургеньев, Александр Иванович — 86, 87, 88, 337.
 — Иван Сергеевич — 121, 291—
 294, 296—303, 323.
 — Николай Иванович — 337, 425.
 — Сергей Иванович — 22.
 Тургеньевы, братья — 22, 68.
 Тютчев, Федор Иванович — 68.
 Уваров, гр. Сергей Семенович — 358.
 Устиновы — 268.
 Федерсен, актриса — 210.
 Федотов, Павел Андреевич — 427.
 Фикельмон, гр. Дария Федоровна, р. гр. Тизенгаузен — 341, 364.
 — гр. Карл-Людвиг — 378.
 Фильдинг, Генрих — 107, 413.
 Фок, Екатерина Ивановна, р. Осипова — 373 (Екатерина Николаевна Вольф).
 Фон-Фок, Максим Яковлевич — 283.
 Фомин, литератор — 357.
 Фонвизин, Денис Иванович — 401, 417.
 Фориель — 294.
 Форст, Надежда — 340.
 Фрейганг, Андрей Иванович — 301, 302, 304, 305.
 Фризенгоф, бар. Александра Николаевна, р. Гончарова — 286.
 Фукс, Александра Андреевна, р. Апех-
 тина — 361.
 Хвостов, гр. Дмитрий Иванович — 154, 155, 161, 162.
 Хилкова, кн. Елена (Елизавета?) Гри-
 горьевна, р. кн. Волконская — 342.
 Хитрово, Елизавета Михайловна, р. Голенищева-Кутузова, по 1-му браку гр. Тизенгаузен — 9, 70, 72, 94, 252, 261, 377.
 Хлюстин, Семен Семенович — 375.

- Вяземская, кн. Прасковья Петровна — 374.
- Вяземский, кн. Петр Андреевич — 22, 24, 63, 70, 86—89, 100, 140, 141, 162, 195, 281, 294, 319, 342 (В.), 343, 358, 369, 376, 377, 384, 386, 388, 391, 393, 401, 407, 409, 413, 425—427.
- Гагарин, кн. Григорий Григорьевич — 387, 393.
- кн. Федор Федорович — 375.
- Гагарина, кн. Мария Андреевна, р. Бороzdина, по 1-му браку Поджио — 338, 339.
- Гаевский, Виктор Павлович — 228, 299, 323—325.
- Ганибалы — 19, 24, 34—36, 41, 47—63.
- Гаргин, Елена Григорьевна, р. Стурда, по 1-му браку кн. Гика — 338.
- Гартунг, Мария Александровна, р. Пушкина — 361, 366.
- Гауэншилд, Федор Матвеевич — 340.
- Геккерен, бар. Луи — 341, 379—381.
- Геннад, Григорий Николаевич — 323, 332.
- Геннингс, Александра Иосифовна — см. Мусина-Пушкина.
- Гербель, Николай Васильевич — 71, 323, 332.
- Герцен, Александр Иванович — 321.
- Гершензон, Михаил Осипович — 7, 80, 81, 151, 269, 276.
- Гика, кн. (Александр X) — 338.
- Глазунов, Иван Ильич — 283.
- Глшнка, Варвара Николаевна — 344.
- Авдотья Павловна, р. Голенищева-Кутузова — 426.
- Михаил Иванович — 149.
- Сергей Николаевич — 100, 344, 345, 403, 404.
- Федор Николаевич — 100, 427, 428.
- Гнедич, Николай Иванович — 182, 186, 193, 215, 252.
- Гоголь, Николай Васильевич — 67, 70, 121, 122, 287, 340, 371, 413.
- Голицын, кн. Александр Николаевич — 337.
- кн. Дмитрий Владимирович — 339, 352, 356, 363.
- кн. Николай Владимирович — 321, 427.
- кн. Сергей Михайлович — 404.
- Голицына, кн. Мария Аркадьевна, р. кн. Суворова — 151.
- кн. Татьяна Васильевна, р. Васильчиковна — 363.
- Головачева, Авдотья Яковлевна, р. Брянская, по 1-му браку Панаева — 281, 290, 304.
- Гончаров, Афанасий Николаевич — 353.
- Дмитрий Николаевич — 360.
- Николай Афанасьевич — 42, 352, 366.
- Гончарова, Александра Николаевна — см. бар. Фризенгоф.
- Екатерина Николаевна — см. Дантес.
- Гончарова, Наталья Ивановна, р. Загряжская — 42, 352—355, 357, 364, 400.
- Наталья Николаевна — см. Пушкина.
- Горчаков, св. кн. Александр Михайлович — 178.
- Горчакова, кн. Мария Александровна, р. кн. Урусова, по 1-му браку гр. Мусина-Пушкина — 341, 342.
- Греч, Николай Иванович — 70, 100, 214.
- Григорьев, Василий Никифорович (?) — 140.
- Грот, Яков Карлович — 89, 97, 277—279, 290, 415.
- Гурьев, гр. Александр Дмитриевич — 83.
- Гутчинсон (Гунчисон) — 90, 91.
- Давыдов, Александр Львович — 338, 341, 343.
- В. (?) — 358.
- Василий Львович — 338, 341.
- Владимир Александрович — 338.
- Денис Васильевич — 100.
- Петр Львович — 338.
- Давыдова, Аглая Антоновна — см. Себастиани.
- Наталья Владимировна, р. гр. Орлова — 338.
- Адель Александровна — 338, 343.
- Софья Львовна — см. Бороzdина.
- Даль, Владимир Иванович — 69, 70, 288, 295, 361.
- Данзас, Константин Карлович — 338.
- Данилов, Иван Григорьевич — 284.
- Дантес-Геккерен, бар. Екатерина Николаевна, р. Гончарова — 378, 379.
- бар. Жорж — 341, 375, 378—381, 418.
- Даргомьжский, Александр Сергеевич — 143.
- Дашков, Дмитрий Васильевич — 140, 190.
- Двигубский, Иван Алексеевич — 404.
- Делавинь, Каазимир — 251.
- Делару, Михаил Данилович — 252.
- Дельвиг, бар. Андрей Иванович — 142, 328, 230.
- бар. Антон Антонович — 13, 14, 41, 123—273, 313, 411, 412, 430.
- бар. Антон Антонович (отец) — 176, 189, 220, 223—229, 260, 299.
- бар. Любовь Матвеевна, р. Краcильникова — 176, 189, 220, 223—227, 229, 240, 255, 257, 260—262, 264, 265.
- бар. Мария Антоновна — см. Родзевич.
- бар. Софья Михайловна, р. Салтыкова, во 2-м браке Боратынская — 13, 14, 123—273, 430.
- Денисевич, майор — 101—106.
- Державин, Гавриил Романович — 337.
- Дефоз, Даниэль — 107.
- Джонсон, Вениамин — 327.
- Дибич-Забалканский, гр. Иван Иванович — 349, 350.

- Дмитриев, Иван Иванович — 133, 407, 425.
 Долгоруков, кн. Петр Владимирович — 20, 117.
 Дорохова, Екатерина Ивановна — см. Батурина.
 — Елизавета — 158.
 Дорошенко, род — 42.
 Дружинин, Александр Васильевич — 323, 325.
 Дубельт, Леонтий Васильевич — 283.
 Дудышкин, Степан Семенович — 286, 382, 384, 388, 391.
 Дурова, Надежда Андреевна, по мужу Червова — 369.
 Дюпор, Луи — 392.
 Екатерина I — 28, 50, 111.
 Екатерина II — 29, 55, 59, 111, 117, 352, 354.
 Елагина, Авдотья Петровна — 420.
 — Анна Афиногеновна — см. Орлова.
 Елена Павловна, вел. кн. — 363, 365.
 Елизавета Алексеевна, имп. — 84.
 Елизавета Петровна, имп. — 46, 53, 55, 56, 111.
 Есаулов, Андрей Петрович — 341.
 Ефремов, Петр Александрович — 278, 332.
 Жандр, Екатерина Васильевна, р. Вельяшева — 351, 360, 373, 374.
 Жанлис, Стефания — 152, 249.
 Желябужский, Иван Афанасьевич — 25.
 Жемчужников, Александр Аполлонович — 184, 185.
 — Алексей Михайлович — 323.
 — Аполлон Аполлонович — 215.
 — Лука Иванович — 357.
 Жукровский, Василий Андреевич — 22, 68, 70, 92, 100, 103, 117, 133, 134, 140, 162, 166, 172, 192, 293, 342, 372, 381, 407, 414, 415, 426.
 — Павел Васильевич — 415.
 Завадовская, гр. Елена Михайловна, р. Влодек — 371.
 Завадовский, гр. Александр Петрович — 371.
 — гр. Василий Петрович — 371.
 Загорский, Михаил Павлович — 140.
 Загоскин, Михаил Николаевич — 107, 122, 343.
 Загряжская, Екатерина Ивановна — 352, 364.
 — Наталья Кирилловна, р. гр. Разумовская — 352.
 Загряжский, Александр Михайлович — 361.
 Закревский, гр. Арсений Андреевич — 355.
 Зеленецкий, Константин Петрович — 71, 77, 79.
 Зубкова, Анна Федоровна, р. Пушкина — 339, 341.
 Зурова (Зубкова, Анна Федоровна?) — 399.
 Зурова, Екатерина Александровна, р. Буткевич, по 1-му браку гр. Стройновская — 339 (?), 341.
 Ивелич, гр. Екатерина Марковна — 135, 141, 143—145, 150—153.
 — гр. Марк Константинович — 144
 — гр. Надежда Алексеевна, р. Турчанинова — 144.
 Инзов, Иван Никитич — 83.
 Исаков, Яков Алексеевич — 282.
 Истомина, Авдотья Ильинична, по мужу Экунина — 371.
 Каверин, Петр Павлович — 336, 371 (Кавелин).
 Казадаев, Александр Васильевич — 93.
 Казначеев, Александр Иванович — 83, 85.
 Кайданов, Иван Козьмич — 293.
 Канкрин, гр. Егор Францович — 353.
 Капустина, Е. Ивановна, р. Менделеева — 425—427, 430.
 Карамзин, Андрей Николаевич — 374.
 — Николай Михайлович — 20, 38—40, 82, 122, 150, 153, 193, 343, 344, 425.
 Карамзина, Софья Николаевна — 363.
 Карамзины — 374, 377, 378, 381.
 Каратыгина, Александра Михайловна, р. Колосова — 143.
 Карелин, Василий Силич — 195.
 — Григорий Силич — 126, 148, 154, 155, 161, 164, 169, 171—173, 176, 177, 181, 185, 190—192, 198, 199, 225, 226, 255, 258, 261, 267.
 Карелина, Александра Николаевна, р. Семенова — 123—273.
 — Софья Григорьевна — 192, 199, 221, 273.
 Капцевич, Петр Михайлович — 403.
 Карл X, король франц. — 378.
 Карнильев, Василий — 423, 424, 430.
 — Василий Дмитриевич — 14, 228, 421—430.
 — Дмитрий Васильевич — 427.
 Карнильева, Надежда Осиповна — 228, 428, 429.
 Катенин, Павел Александрович — 288, 296, 395, 417.
 Катков, Михаил Никифорович — 279, 320.
 Каховский, Петр Григорьевич — 13, 129, 131—133, 135, 163, 172, 184, 196, 230, 272.
 Каченовский, Михаил Трофимович — 358.
 Керн, Анна Петровна, р. Полторацкая, во 2-ом браке Маркова-Виноградская — 8, 9, 37, 70, 230—234, 236, 242, 368, 374.
 — Екатерина Ермолаевна — см. Шюкальская.
 — Ермолай Федорович — 231, 233, 234.
 Киреев, Александр Алексеевич — 409, 410.
 — Александр Дмитриевич — 405.

- Хлюстина, Анастасия Семеновна — см. гр. Сиркур.
- Хмельницкий, Николай Иванович — 344.
- Хиллер (Сихлер), модистка — 358.
- Цявловский, Мстислав Александрович — 12, 278, 280, 341, 343.
- Чадаев, Петр Яковлевич — 337.
- Ченстон — 293, 296—299, 348.
- Черепанова, Анна Федоровна — 265.
- Черлицкий, Иван Карлович — 139, 140, 148, 150, 233.
- Чертков, Александр Дмитриевич — 369.
- Чириков, Сергей Гаврилович — 341.
- Чичерин, Борис Николаевич — 269.
— Николай Васильевич — 269.
- Чичерина, Екатерина Борисовна, р. Хвощинская — 269.
— Екатерина Петровна — 363.
- Чорлей, Генрих-Фотергиль — 296, 297, 299.
- Чулков, Михаил Дмитриевич — 423.
- Шаликов, кн. Петр Иванович — 343.
- Шатиллов, игрок — 158, 159.
- Шаховская, кн. Анна Федоровна, р. кн. Шербатова — 337.
- Шаховской, кн. Александр Александрович — 343, 344, 417.
- Шевичи — 309.
- Шевырев, Степан Петрович — 70, 288, 427.
- Шекспир, Вильям — 191, 217, 222, 293, 297.
- Шенстон — 297, 298.
- Шенье, Андрей — 298.
- Шереметев, Василий Васильевич — 371.
— гр. Дмитрий Николаевич — 138.
- Шереметева, Анастасия Васильевна — см. Якушкина.
— Надежда Николаевна, р. Гютчева — 245.
- Шиллер, Фридрих — 69, 191, 328.
- Шляпкин, Илья Александрович — 49, 50, 52, 55, 280, 415.
- Шокальская, Екатерина Ермолаевна, р. Керн — 37, 234.
- Шолье, Гильом — 406.
- Шостак, Екатерина Андреевна, р. Бороздина, по 1-му браку Лихарева — 338, 339.
- Шот-Шедель, Елизавета — 340.
- Шрётер, Елизавета Даниловна — 127, 129, 130, 169, 175, 176.
- Штиллинг (Юнг), Юганн-Генрих — 139.
- Щеголев, Павел Елисеевич — 15, 151, 278, 288, 321, 336, 413.
- Щепкин, Михаил Семенович — 371.
- Щербинин, Михаил Андреевич — 371.
- Щербинина — 221.
- Эгерштром, Федор Федорович — 9.
- Энгельгардт, Егор Антонович — 236, 340.
- Эристов, кн. Дмитрий Алексеевич — 186.
- Юзевович, Михаил Владимирович — 61.
- Юрьев, Федор Филиппович — 47, 371.
- Юсупов, кн. Николай Борисович мл. — 409.
— кн. Николай Борисович ст. — 10, 397—409.
- Языков, Александр Михайлович — 21, 367.
— Дмитрий (Михайлович?) — 353, 356.
— Михаил Александрович — 299, 323.
— Николай Михайлович — 47, 68, 97, 361, 362, 369, 410.
- Якимовская, Александра Дмитриевна — 231, 233, 234, 256.
- Якимовский, Николай Федорович — 231, 233.
— Федор Федорович — 161, 231, 256.
- Яковлев, Михаил Лукьянович — 193, 295, 365.
- Якушкин, Вячеслав Евгеньевич — 7, 63, 332.
— Евгений Иванович — 331.
— Иван Дмитриевич — 245.
- Якушкина, Анастасия Васильевна, р. Шереметева — 245.
- Ярцев — 196.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Вступительная статья	5
Род Пушкина	17
К истории ссылки Пушкина в Михайловское	65
Пушкин и Лажечников	95
Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С. М. Дельвиг	123
Работы П. В. Анненкова о Пушкине	275
Послание к вельможе	399
Пушкин и Стерн	411
Затерявшийся автограф Пушкина	414
А. С. Пушкин, портрет работы В. А. Тропинина	418
Пушкин и В. Д. Карнильев	421
Указатель личных имен	431
